КРИСТИН ХАННА

Четыре ветра

Annotation

Эпический роман о любви, героизме и надежде, действие которого разворачивается на фоне одной из самых определяющих эпох в истории Америки – Великой депрессии. Техас, 1934 год. Миллионы людей остались без работы, Великие равнины поражены многолетней засухой. Фермеры борются за сохранение остатков урожая, вода почти иссякла, пыль угрожает поглотить их всех. Регулярные пыльные бури превратили еще совсем недавно плодородный край в пустыню. В это страшное время семья Мартинелли, как и их соседи-фермеры, должна сделать мучительный выбор: остаться на земле, которую они любят, или отправиться на Запад, в Калифорнию, в поисках лучшей доли. Элса, мужественная женщина, к которой жизнь с юных лет не проявляла особой благосклонности, переживает, в первую очередь, за двух своих детей, которые уже забыли, что такое дождь, каково это – поесть досыта и как выглядит приличная одежда. Они уже давно не живут, а выживают, и настал момент, когда выбора у Элсы не остается: если она хочет спасти детей, то должна решиться и покинуть родной дом, отправиться в неведомое, надеясь, что там они обретут благополучие.

«Четыре ветра» – это неизгладимый портрет Америки и американской мечты, увиденный глазами неукротимой женщины, чья храбрость и жертвенность станут определяющими для целого поколения.

- Кристин Ханна
  -
  - Пролог
  - 1921
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая

- 1934
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
- 1935
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая
  - Глава двадцать третья
- 1936
  - Глава двадцать четвертая
  - Глава двадцать пятая
  - Глава двадцать шестая
  - Глава двадцать седьмая
  - Глава двадцать восьмая
  - Глава двадцать девятая
  - Глава тридцатая
  - Глава тридцать первая
  - Глава тридцать вторая
  - Глава тридцать третья
  - Глава тридцать четвертая
  - Глава тридцать пятая
  - Глава тридцать шестая
- Эпилог
- Послесловие
- Слова благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36

- 37
- 38
- 39
- 40
- 41

Кристин Ханна
Четыре ветра

Папа, эта книга – тебе

KRISTIN HANNAH
THE FOUR WINDS

Copyright © 2021 by Kristin Hannah
© Наталья Рашковская, перевод, 2021
© «Фантом Пресс», издание, 2021

Пролог

Надежда у меня всегда с собой – это одноцентовая монетка. Мне ее подарила мать мужчины, которого я полюбила. Иногда мне казалось, что я продолжаю свой путь только благодаря этой монетке, символу надежды.

Я приехала на Запад в поисках лучшей жизни, но нищета, невзгоды и людская жадность превратили мою американскую мечту в кошмар. За последние годы люди многое потеряли. Работу. Дома. Еду.

Наша любимая земля обратилась против нас, сломала нас всех, даже упрямых стариков, привыкших нахваливать погоду и поздравлять друг друга с рекордными урожаями пшеницы. *«Без борьбы мужчине здесь на жизнь не заработать»,* – говорили они друг другу.

Мужчине.

Всегда говорили только о мужчинах. Они как будто думали, что готовить, убирать, рожать детей и работать в огороде ничего не значит. Но и мы, женщины Великих равнин, не знали отдыха от рассвета до заката, мы трудились на пшеничных полях, пока не иссохли так же, как наша любимая земля. Иногда, закрывая глаза, я готова поклясться, что все еще чувствую вкус пыли…

1921

Навредить земле – значит навредить своим детям.

Уэнделл Берри[1]*,*

фермер и поэт

Глава первая

Не по своей воле Элса Уолкотт провела в одиночестве многие годы, читая о вымышленных приключениях и воображая себе другие жизни. В одиночестве спальни, в окружении романов, которые стали ее друзьями, она иногда осмеливалась мечтать о собственных приключениях, но это бывало нечасто. Родственники твердили, что тяжелая болезнь, которую она перенесла в детстве, определила ее будущее, сделала Элсу хрупкой и нелюдимой, и в хорошие дни она верила этому.

В плохие дни, как сегодня, она знала, что всегда была чужой в своей семье. Родственники рано почувствовали, что она не такая, как все, что она не вписывается в общество.

Постоянное неодобрение отзывалось болью, Элса чувствовала, будто потеряла что-то неназванное, неизвестное. В ответ она молчала, не требовала внимания и не искала его, она принимала, что не нравится родным, пусть они и любят ее. Обида стала такой привычной, что она редко замечала ее. Она знала, что эта боль никак не связана с болезнью, которой обычно объясняли ее изгойство.

Но теперь, сидя в гостиной, в своем любимом кресле, она закрыла книгу, что лежала у нее на коленях, и задумалась. «Век невинности»[2] что-то разбудил в ней, остро напомнил, что время проходит.

Завтра у нее день рождения.

Ей исполняется двадцать пять лет.

По большому счету, это молодость. В этом возрасте мужчины пьют самогон, гоняют на машинах, слушают регтаймы и танцуют с женщинами, которые носят платья с бахромой и повязки на голове.

Для женщин все иначе.

Для женщины надежда начинает меркнуть, когда ей исполняется двадцать. К двадцати двум в городе, в церкви о ней начинают шептаться, бросать на нее долгие грустные взгляды. К двадцати пяти годам жребий определен. Незамужняя женщина считается старой девой. «Залежалый товар», – называют ее, покачивая головой и цыкая, как бы жалея об утраченных возможностях. Чаще всего люди задавались вопросом, почему совершенно обычная женщина из хорошей семьи осталась старой девой. Но в случае Элсы все знали

почему. О ней говорили так, будто она глухая. *Бедняжка. Тощая как палка. Куда ей до красоток сестер.*

Красота. Элса знала, что в ней-то все и дело. Она некрасива. Когда она надевала свое лучшее платье, человек, с ней незнакомый, мог сказать, что она неплохо выглядит, но и только. Очень уж она «слишком»: слишком высокая, слишком худая, слишком бледная, слишком неуверенная в себе.

Элса была на свадьбах обеих сестер. Ни одна не попросила ее встать рядом с ней у алтаря, и Элса понимала причину. Ростом она почти шесть футов, выше женихов; она бы испортила фотографии, а для Уолкоттов чрезвычайно важно выглядеть как полагается. Внешние приличия ее родители ценили превыше всего.

Не нужно особой прозорливости, чтобы предвидеть будущее Элсы. Она останется здесь, в родительском доме на Рок-роуд, под присмотром Марии, горничной, которая уже много лет занимается домом. А когда Мария уйдет на покой, Элсе придется заботиться о родителях, когда же их не станет, она окажется одна.

И каков же будет итог ее жизни? Чем будет отмечено ее время на Земле? Кто запомнит ее и благодаря чему?

Она закрыла глаза и позволила знакомой, давней мечте на цыпочках войти в ее сознание. Она представила, что живет где-то в другом месте. В своем доме. Она слышала детский смех. Смех своих детей.

Жизнь, а не просто существование. Вот о чем она мечтала – о мире, где ее жизнь и выбор не определяются ревматической лихорадкой, которую она перенесла в четырнадцать лет, о жизни, в которой она открывает свою еще неизведанную силу, где ее судят не только по внешности.

Распахнулась входная дверь, и родственники Элсы шумно вошли в дом. Они, как всегда, держались толпой, смеялись и болтали; шествие возглавлял дородный отец Элсы (лицо раскраснелось от выпивки), по бокам от него, словно крылья лебедя, двигались две младших сестры Элсы, красавицы Шарлотта и Сюзанна, а замыкала процессию элегантная мать, беседовавшая со своими видными зятьями.

Отец остановился, увидев Элсу.

– Элса, почему ты до сих пор не легла?

– Я хотела поговорить с вами.

– В этот час? – удивилась мать. – Ты раскраснелась. У тебя жар?

– У меня уже много лет не было жара, мама. Ты это знаешь.

Элса встала, сцепив руки, и обвела взглядом родню.

Сейчас, подумала она. Она должна это сделать. Главное, не терять присутствия духа.

– Папа.

Она сказала слишком тихо, так, что ее никто не услышал, и тогда она попробовала снова, возвысив голос:

– Папа.

Отец посмотрел на нее.

– Завтра мне исполняется двадцать пять лет, – сказала Элса.

Это напоминание как будто вызвало у матери раздражение.

– Мы знаем, Элса.

– Да, конечно. Я просто хотела сказать, что я приняла решение.

При этих словах все замерли.

– Я… В Чикаго есть колледж, где учат литературе, туда принимают женщин. Я хочу посещать лекции…

– Элсинор, – заговорил отец, – зачем тебе образование? Ты даже школу закончить не смогла из-за болезни. Что за чепуха.

Ей было нестерпимо видеть, как ее недостатки отражаются в глазах других людей. *Борись за себя. Будь смелой.*

– Но, папа, я взрослая женщина. Я с четырнадцати лет не болею. Я думаю, что доктор… слишком поспешно поставил диагноз. Теперь я здорова. Правда. Я могу стать учительницей. Или писательницей.

– Писательницей? – спросил отец. – У тебя что, талант прорезался?

Его насмешливый взгляд едва не подкосил Элсу.

– Возможно, – ответила она слабым голосом.

Отец повернулся к матери:

– Миссис Уолкотт, дайте ей чего-нибудь от нервов.

– Это не истерика, папа. – Элса знала, что все кончено. Ей не выиграть в этой борьбе. Она должна оставаться тихой и невидимой для всего мира. – Со мной все в порядке. Я пойду наверх.

Она отвернулась. Момент уже миновал, и на нее никто не смотрел. Она будто исчезла из комнаты – в своей обычной манере как бы растворяться в воздухе.

Лучше бы она никогда не читала «Век невинности». Что хорошего вышло из всего этого толком не высказанного желания? Она никогда не влюбится, у нее никогда не будет детей.

Когда Элса поднималась по лестнице, снизу донеслась музыка. Включили новую виктролу.

Она остановилась.

Спустись вниз, возьми стул.

Она решительно закрыла дверь в спальню, отрезая звуки с первого этажа. Там ее никто не ждет.

Элса посмотрела на свое отражение в зеркале над рукомойником. Словно чьи-то недобрые руки стянули ее бледное лицо к острому подбородку. Длинные и прямые светлые волосы совсем тонкие, как кукурузные рыльца, их невозможно уложить во вьющиеся локоны, как делают все девушки. Мать не позволила Элсе подстричься по моде, сказала, что короткими ее волосы будут выглядеть еще хуже. Все у Элсы бесцветное, полинявшее, выделялись только голубые глаза.

Она зажгла лампу, стоявшую на тумбочке возле кровати, и взяла один из романов, которыми наиболее дорожила.

«Мемуары женщины для утех».[3]

Забравшись в постель, Элса погрузилась в скандальную историю, и ее охватило пугающее, греховное желание ласкать себя, она едва не поддалась ему. Книга вызывала почти невыносимую боль – боль желания.

Она закрыла книгу, теперь еще сильнее чувствуя себя отверженной. Беспокойной. Неудовлетворенной.

Если она в ближайшее время не предпримет каких-то шагов, решительных шагов, ее будущее ничем не будет отличаться от настоящего. Она всю жизнь проведет в этом доме, и ее дни и ночи будет определять болезнь, которую она перенесла десять лет назад, и непривлекательность, которую она не в силах изменить. Она никогда не почувствует возбуждения от прикосновений мужчины, не познает удовольствия общей с мужчиной постели. Никогда не возьмет на руки своего ребенка. У нее никогда не будет собственного дома.

В ту ночь Элсу мучило желание. К утру она решила: нужно что-то сделать, чтобы изменить свою жизнь.

Но что?

Не каждая женщина красива, не каждую можно назвать хотя бы хорошенькой. И другие в детстве болели лихорадкой, но потом жили полной жизнью. Насколько она могла понять, все разговоры о том, что болезнь дала осложнение на сердце, – только предположения медиков. Сердце исправно билось и не давало поводов для беспокойства. Она должна верить, что ей хватит выдержки, хотя ей ни разу за эти годы не давали шанса испытать свою силу, выносливость. И откуда им всем знать? Ей не разрешали бегать, играть, танцевать. Она была вынуждена оставить школу в четырнадцать лет, поэтому у нее никогда не было кавалера. Бóльшую часть жизни она провела в комнате, читая о вымышленных приключениях, придумывая истории, занимаясь самообразованием.

И для нее должны быть возможности, но где их найти?

В библиотеке. В книгах есть ответы на любые вопросы.

Элса заправила постель, подошла к умывальнику, зачесала свои светлые, доходящие до талии волосы набок и заплела их, потом надела простое синее платье из крепа, шелковые чулки и черные туфли на каблуках. Шляпка-клош, лайковые перчатки и сумочка.

Она спустилась по лестнице, радуясь, что в этот ранний утренний час мать еще спит. Маме не нравилось, когда Элса, рискуя устать, выходила из дому, если речь не шла о воскресных службах; в таких случаях мама всегда просила прихожан помолиться за здоровье Элсы. Выпив кофе, Элса вышла на улицу, под яркое майское солнце.

Город Далхарт, расположенный в Техасском выступе[4], просыпался. Вдоль деревянных мостовых открывались двери, хозяева лавок переворачивали таблички «закрыто». За пределами города, под огромным голубым небом, простирались бескрайние Великие равнины, целое море плодородной пахотной земли.

Далхарт – административный центр округа, а экономика в то время была на подъеме. Далхарт разросся, когда здесь появилась железнодорожная станция на пути из Канзаса в Нью-Мехико. Построили новую водонапорную башню, самое высокое здание в городе. Великая война превратила эти акры в золотой прииск – пшеница и кукуруза. *Пшеница выиграет войну!* – этот лозунг до сих пор наполнял фермеров гордостью. Они внесли свой вклад в победу.

С появлением тракторов жизнь стала легче, и урожайные годы, когда дождей хватало, а цены на зерно держались высокими,

позволили фермерам распахивать все бóльшие площади и выращивать еще больше пшеницы. Старожилы порой заговаривали о засухе 1908 года, о которой многие уже и не помнили. Не один год дождь шел, когда это требовалось, и все в городе богатели, а в первую очередь – отец Элсы: он торговал сельскохозяйственной техникой и принимал плату за нее и наличными, и банковскими расписками.

Утром фермеры собирались возле закусочной, чтобы поговорить о ценах на урожай, а женщины провожали детей в школу. Еще несколько лет назад по улицам ездили коляски, запряженные лошадьми, теперь же в светлое будущее, пыхтя, пробирались автомобили, раздавались гудки, стелился дым. Далхарт, городок благотворительных ужинов, сквэр-данса[5] и воскресных церковных служб, быстро рос. Трудолюбивые единомышленники строили хорошую жизнь благодаря земле.

Вот и Главная улица. Дощатый тротуар под ногами Элсы слегка прогибался, будто она подпрыгивала. С карнизов домов свисали ящики с цветами, добавляя улице столь необходимые яркие пятна. Лига по благоустройству города усердно за ними ухаживала. Элса прошла мимо ссудно-сберегательной кассы и нового салона по продаже «фордов». Ее все еще поражало, что можно зайти в магазин, выбрать автомобиль и в тот же день уехать на нем домой.

Рядом открылись двери лавки, и владелец вышел на улицу с метлой в руках. Закатанные рукава обнажали мясистые руки. На побагровевшем лице выделялся нос, короткий и круглый, словно пожарный кран. Этот человек был одним из самых богатых людей в городке. Ему принадлежала эта лавка, закусочная, кафе-мороженое и аптека. Только Уолкотты жили в городе дольше него. Они были техасцами в третьем поколении и гордились этим. Любимый дедушка Элсы, Уолтер, до самой смерти называл себя техасским рейнджером.

– Здрасьте, мисс Уолкотт, – поприветствовал лавочник, смахнув с потного лба редкие пряди волос. – Славный сегодня денек. Вы в библиотеку?

– Да, – ответила Элса. – Куда же еще?

– Мне привезли новый красный шелк. Скажите сестрам. Из него получатся прекрасные платья.

Элса остановилась.

Красный шелк.

Она никогда не носила красный шелк.

– Покажите мне. Пожалуйста.

– А! Конечно! Вы можете сделать им сюрприз.

Мистер Хёрст поспешил проводить ее в магазин. Там все так и пестрело яркими цветами: коробки с грушами и клубникой, пирамиды лавандового мыла (каждый кусок завернут в папиросную бумагу), мешки с мукой и сахаром, банки с пикулями.

Лавочник провел ее мимо фарфоровых сервизов, столового серебра, всевозможных скатертей и фартуков к сложенным тканям. Покопался в товаре и вытащил отрез ярко-красного шелка.

Элса сняла лайковые перчатки, отложила их в сторонку и потянулась к шелку. Никогда она не трогала такой тонкой материи. И сегодня *ее* день рождения…

– С таким цветом волос, как у Шарлотты…

– Я беру его, – сказала Элса. Может быть, она грубовато подчеркнула слово *«я»*?

Да. Видимо, да, потому что мистер Хёрст странно посмотрел на нее.

Лавочник завернул ткань в оберточную бумагу, обвязал пакет бечевкой и протянул Элсе.

Уже собираясь уйти, девушка увидела блестящую серебряную повязку на голову, расшитую бусинами. Вот ровно такие вещицы носила графиня Оленска в «Веке невинности».

Элса шла домой из библиотеки, крепко прижимая к груди отрез красного шелка, завернутый в бумагу. Она открыла черные витые ворота и вошла в мир своей матери – сад, где все кусты аккуратно подрезаны, где пахнет жасмином и розами. В конце дорожки, обсаженной изгородью, стоял большой дом Уолкоттов. Дедушка Элсы построил его для любимой женщины сразу же после Гражданской войны.

Элса до сих пор вспоминала дедушку каждый день. Он был человеком порывистым, любителем выпить и поспорить, но если уж что любил, то любил беззаветно. Он много лет горевал по покойной жене. Единственный любитель чтения в семье Уолкоттов, кроме Элсы, дедушка часто принимал ее сторону в семейных конфликтах. *Не бойся умереть, Элса. Бойся не жить. Будь смелой.*

Никто не говорил ей подобных слов после смерти деда, и ей его не хватало. Его рассказы о первых беззаконных годах в Техасе, в Ларедо, и Далласе, и Остине, и на Великих равнинах были лучшими воспоминаниями.

Он, конечно же, велел бы ей купить красный шелк.

Мама оторвала взгляд от роз, сдвинула новую шляпку со лба и спросила:

– Элса, где ты была?

– В библиотеке.

– Лучше бы папа тебя отвез. Ходить пешком для тебя слишком утомительно.

– Я не устала, мама.

Честно. Иногда ей казалось, что они хотят, чтобы она болела.

Элса покрепче прижала пакет с шелком к груди.

– Пойди приляг. Будет жарко. Попроси Марию приготовить тебе лимонада.

Мама снова принялась обрезать цветы и складывать их в плетеную корзинку.

Элса подошла к входной двери и шагнула в сумрачные покои. В дни, когда ожидалась жара, шторы не раздвигали. В той части штата, где они жили, это означало, что многие дни в доме было темно. Закрыв за собой дверь, она услышала, как Мария в кухне напевает по-испански.

Проскользнув через гостиную, Элса поднялась по лестнице в спальню. Там она развернула оберточную бумагу и уставилась на ярко-красный шелк. Она не смогла удержаться от искушения потрогать его. Гладкость ткани успокоила, напомнила о ленте, которая была у нее в детстве.

Сможет ли она совершить тот сумасбродный поступок, который вдруг пришел ей в голову? Начать с внешности.

…Будь смелой.

Элса ухватила прядь длинных, до пояса, волос и обрезала их на уровне подбородка. Она чувствовала себя немного сумасшедшей, но продолжала резать, пока пол у ее ног не покрылся светлыми прядями.

Стук в дверь так напугал Элсу, что она уронила ножницы. Они с шумом упали на комод.

Дверь отворилась. Мать вошла в комнату, увидела, как Элса обкорнала свои волосы, и застыла.

– Что ты наделала?!

– Я хотела…

– Тебе нельзя выходить из дома, пока они не отрастут. Что скажут люди?

– Молодые женщины носят короткие стрижки, мама.

– Приличные молодые женщины – нет, Элсинор. Я принесу тебе шляпку.

– Я просто хотела быть красивой, – сказала Элса.

Жалость в глазах матери показалась ей невыносимой.

Глава вторая

Много дней Элса оставалась в своей комнате, отговариваясь плохим самочувствием. На самом деле она не могла показаться на глаза отцу с неровно обрезанными волосами – доказательством ее неудовлетворенности жизнью. Сначала она пыталась читать. Книги всегда утешали ее, благодаря романам она могла быть смелой, отважной, красивой – хотя бы в своем воображении.

Но красный шелк шептал ей, взывал, пока она наконец не отложила книги и не начала делать выкройку из газеты. Закончив с выкройкой, Элса решила, что останавливаться на этом глупо, поэтому она разрезала ткань и принялась шить, просто чтобы занять время.

За шитьем Элсу вдруг посетило удивительное чувство: надежда.

И вот в субботу вечером она держала в руках готовое платье. У нее получился отличный образчик моды большого города: лиф с V-образным вырезом, заниженная талия и асимметричный подол. Очень современное, смелое платье. Платье для беззаботной женщины, готовой танцевать всю ночь напролет. Таких называли «эмансипе». Эти молодые женщины кичились своей независимостью, пили алкоголь, курили сигареты и танцевали в платьях, не скрывавших ноги.

Нужно хотя бы примерить платье, даже если ей не суждено показаться в нем за пределами этих четырех стен.

Элса приняла ванну, побрила ноги и натянула шелковые чулки. Накрутила влажные волосы на бигуди, молясь, чтобы они хоть чуть-чуть завились. Когда волосы высохли, она проскользнула в комнату матери и позаимствовала косметику с туалетного столика. С первого этажа доносились звуки фонографа.

Наконец она расчесала слегка волнистые волосы и надела элегантную серебристую повязку. Воздушное, как облако, платье ласково облегало ее тело. Асимметричный подол открывал длинные ноги.

Наклонившись к зеркалу, она подчеркнула голубые глаза черным карандашом и нанесла на угловатые скулы светло-розовую пудру. Благодаря красной помаде губы выглядели более пухлыми, как и обещали женские журналы.

Элса посмотрелась в зеркало и подумала: *«О боже, я почти хорошенькая*».

– У тебя получится, – сказала она вслух. – Будь смелее.

Спускаясь по лестнице, она чувствовала удивительную уверенность в себе. Всю жизнь ей говорили, что она непривлекательная. Но только не сейчас…

Первой ее заметила мать. Она так сильно хлопнула папу по руке, что тот вмиг оторвался от своего «Сельскохозяйственного журнала». И нахмурился:

– Что ты на себя напялила?

– Я… я сама сшила это платье, – ответила Элса, нервно сжав руки.

Папа захлопнул «Сельскохозяйственный журнал».

– Твоя прическа. Боже мой. И это развратное платье. Вернись в комнату и больше не позорься.

Элса повернулась к матери за помощью:

– Это последняя мода…

– Не для приличных женщин, Элсинор. У тебя коленки видно. У нас тут не Нью-Йорк.

– Иди к себе в комнату, – велел отец. – Немедленно.

Элса чуть было не послушалась. Но тут же подумала о том, что значит такое послушание, и остановилась. Дедушка Уолт сказал бы ей не сдаваться.

Она вздернула подбородок.

– Я иду в бар слушать музыку.

Отец встал:

– Никуда ты не пойдешь. Я запрещаю.

Элса побежала к двери, опасаясь, что пойдет на попятную, если будет идти медленнее. Выскользнула на улицу и продолжила бежать, не обращая внимания на голоса за спиной. Она остановилась, только когда задохнулась.

Подпольный бар был втиснут между старой конюшней, заколоченной в эру автомобилей, и булочной. После принятия Восемнадцатой поправки к Конституции и вступления в силу сухого закона Элса не раз видела, как мужчины и женщины скрываются за дверью бара. И что бы там ни говорила ее мать, многие из молодых женщин были одеты в точности как она сейчас.

По деревянным ступенькам Элса поднялась к запертой двери и постучала. Открылось узкое окошечко, которое она сразу не заметила, появилась пара прищуренных глаз. До нее донеслись звуки фортепьяно – играли джаз, – и дым сигар.

– Пароль, – сказал знакомый голос.

– Пароль?

– Мисс Уолкотт, вы заблудились?

– Нет, Фрэнк. Я просто хочу послушать музыку, – ответила она, гордясь тем, что говорит так спокойно.

– Ваш старик с меня шкуру спустит, если узнает. Идите домой. Таким девушкам, как вы, не стоит разгуливать по улицам в подобных нарядах. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Окошечко захлопнулось. Она все еще слышала музыку за запертой дверью. «Разве нам не весело?»[6]. В воздухе висел запах сигарного дыма.

Элса застыла перед дверью в растерянности. Ее даже не пустили? Но почему? Конечно, при сухом законе нельзя пить алкоголь, но все в городе могли промочить горло в подобных местах, а полицейские закрывали на это глаза.

Она бесцельно двинулась по улице в направлении окружного суда.

Тут она и заметила, что ей навстречу идет мужчина.

Он был очень высоким и худым, а блестящая помада лишь отчасти усмирила его густые черные волосы. Запыленные черные штаны обтягивали узкие бедра, белая рубашка под бежевым кардиганом застегнута на все пуговицы, узел клетчатого галстука туго затянут. Кожаная кепка лихо сдвинута на ухо.

Когда мужчина приблизился, Элса увидела, что это совсем еще мальчик – наверное, не старше восемнадцати, – загорелый, с карими глазами. (В романтических романах такие глаза именовались жгучими.)

– Здравствуйте, мэм. – Он остановился и с улыбкой сдернул кепку.

– Вы ко м-мне обращаетесь?

– Больше я здесь никого не вижу. Меня зовут Раффаэлло Мартинелли. Вы в Далхарте живете?

Итальянец. Боже мой. Отец не разрешил бы ей даже посмотреть на этого парня, не то что разговаривать с ним.

– Да.

– А я из оживленного мегаполиса под названием Тополиное у границы с Оклахомой. Не моргайте, когда поедете мимо, а то пропустите. Как вас зовут?

– Элса Уолкотт.

– Как продавца тракторов? Эй, я знаю вашего папу. – Он снова улыбнулся. – Что вы здесь делаете одна-одинешенька в таком красивом платье, Элса Уолкотт?

Будь Фанни Хилл. Будь смелой. Возможно, это ее единственный шанс. Когда она вернется домой, папа того и гляди посадит ее под замок.

– Наверное, я и в самом деле одинока.

Темные глаза Раффаэлло расширились. Он сглотнул, дернув кадыком.

Целая вечность прошла, прежде чем он заговорил.

– Я тоже одинок.

Он взял ее за руку.

Элса не отдернула ладонь, так она была поражена.

Когда к ней в последний раз кто-то прикасался?

Он просто взял тебя за руку. Не будь дурочкой.

Парень был таким красивым, что ей чуть не стало дурно. Неужели он поведет себя как те злые мальчишки, которые в школе дразнили ее «рельсой»? В вечернем полумраке его лицо казалось как будто высеченным из мрамора: высокие скулы, широкий гладкий лоб, острый прямой нос и такие пухлые губы, что ей невольно вспомнились прочитанные греховные романы.

– Пойдем со мной, Элс.

Вот так запросто он переименовал ее, сделал другой женщиной. Она почувствовала, как от этой фамильярности у нее по спине пробежала дрожь.

Он провел ее по пустому переулку через темную улицу. Из открытых окон бара доносилась песня «Ту-ту, Тутси! Прощай».[7]

Он провел ее мимо недавно построенной железнодорожной станции за пределы города, к новехонькому форду модели «Т» с большим дощатым кузовом.

– Отличная машина, – сказала Элса.

– Год выдался урожайным, вот мы и купили ее. Любишь кататься по вечерам?

– Конечно.

Она забралась на пассажирское сиденье, и он завел мотор. Машина вздрогнула, когда они покатили на север.

Далхарт отражался в зеркале заднего вида, но они не проехали и мили, а вокруг уже ничего не было видно. Ни холмов, ни равнин, ни деревьев, ни рек, только звездное небо, такое бесконечное, как будто оно проглотило весь мир.

Машина запрыгала по кочкам, свернув к старой ферме Стюардов. Когда-то она славилась на весь округ своим огромным амбаром, но во время последней засухи ферму забросили, и домик позади амбара уже много лет стоял заколоченным.

Он остановился перед пустым амбаром, заглушил мотор и некоторое время сидел, глядя вперед. Тишину нарушало только их дыхание и тиканье затихающего мотора.

Он выключил фары и открыл дверцу, потом обошел машину, чтобы открыть дверцу с ее стороны.

Он помог ей выбраться из грузовика, и все это время она неотрывно смотрела на него.

Он мог бы шагнуть назад, но не сделал этого, и она почувствовала, что от него пахнет виски и лавандой, которую мать юноши, должно быть, использовала, когда гладила или стирала его рубашку.

Он улыбнулся ей, и она улыбнулась в ответ, чувствуя надежду.

Он расстелил пару одеял в деревянном кузове, и они забрались туда.

Они лежали рядом, глядя на бесконечное, усыпанное звездами темное небо.

– Сколько тебе лет? – спросила Элса.

– Восемнадцать, но мама обращается со мной как с ребенком. Сегодня мне пришлось тайком уйти из дома. Она постоянно беспокоится о том, что подумают обо мне другие люди. Тебе везет.

– Везет?

– Ты можешь одна гулять вечером в этом платье, без сопровождения.

– Знаешь, мой отец этому совсем не рад.

– Но все же ты гуляла. Вырвалась из дому. Ты когда-нибудь думаешь, что жизнь больше, чем то, что мы видим здесь?

– Да, – ответила она.

– Ведь где-то наши ровесники пьют вино и танцуют джаз. Женщины курят на людях, – вздохнул он. – А мы здесь.

– Я обрезала волосы, – сказала она. – По реакции моего папы можно было подумать, что я кого-то убила.

– Что со стариков возьмешь. Мои родители приехали сюда с Сицилии всего с несколькими долларами. Они все время рассказывают мне эту историю и показывают свою счастливую монетку. Как будто оказаться здесь – это счастье.

– Ты мужчина, Раффаэлло. Ты можешь делать что угодно, поехать куда угодно.

– Зови меня Рафом. Мама говорит, что это звучит более по-американски, но если уж они так хотели, чтобы я стал американцем, нужно было назвать меня Джорджем. Или Линкольном. – Он вздохнул. – Здорово, что я кому-то могу все это высказать. Ты хорошая слушательница, Элс.

– Спасибо… Раф.

Он перекатился на бок. Она почувствовала, что он смотрит на нее, и постаралась дышать ровно.

– Можно поцеловать тебя, Элса?

Она едва смогла кивнуть.

Он наклонился и поцеловал ее в щеку. Губы у него были такие мягкие, от их прикосновения Элса почувствовала, что оживает.

Он осыпал поцелуями ее шею, и ей захотелось потрогать его, но она не решалась. Приличные женщины наверняка такого себе не позволяют.

– Можно… больше, Элса?

– Ты хочешь…

– Любить тебя?

Элса мечтала об этом, молилась, чтобы это случилось, сооружала фантазии об этом из прочитанного, и вот теперь все свершится. По-настоящему. Мужчина просил разрешения заняться с ней любовью.

– Да, – прошептала она.

– Ты уверена?

Она кивнула.

Он отодвинулся от нее, завозился с ремнем. Пряжка лязгнула о стенку грузовика, когда он стянул штаны.

Он задрал ее красное шелковое платье, оно скользнуло вверх по телу, щекоча и возбуждая. Он стянул с нее панталоны, и она увидела свои обнаженные ноги в свете луны. Она сжала ноги, но он раздвинул их и забрался на нее.

Боже мой.

Она закрыла глаза, когда он протиснулся в нее. Было так больно, что она вскрикнула.

Элса зажала рот рукой, чтобы не проронить больше ни звука.

Он застонал, вздрогнул и замер, лежа на ней. Она чувствовала его тяжелое дыхание у своей шеи.

Он скатился с нее, но остался рядом.

– Ух ты, – сказал он.

По голосу было похоже, что он улыбается, но разве такое возможно? Наверное, она что-то сделала не так. Не может быть, что это… все.

– Ты просто чудо, Элса, – сказал он.

– Тебе понравилось? – осмелилась спросить она.

– *Очень,* – ответил он.

Ей хотелось повернуться на бок и смотреть на его лицо. Целовать его. Эти звезды она видела миллион раз. Он же был чем-то новым, и он хотел ее. Весь ее мир пребывал в смятении. Элса никогда всерьез не думала, что такое случится. *Можно любить тебя?* – спросил он. А вдруг они вместе заснут и…

– Ну, пожалуй, мне лучше отвезти тебя домой, Элс. Отец мне голову оторвет, если я на рассвете не выеду в поле на тракторе. Завтра мы собираемся распахать еще сто двадцать акров, чтобы посадить больше пшеницы.

– О, – сказала она. – Да. Конечно.

Элса закрыла дверцу грузовика. Раф улыбнулся ей через открытое окно, медленно поднял руку и уехал.

Что это за прощание такое? Захочет ли он снова встретиться с ней?

Посмотри на него. Конечно, нет.

Кроме того, он жил в Тополином. За тридцать миль отсюда. И даже если им приведется встретиться в Далхарте, это ничего не будет значить.

Он итальянец. Католик. Совсем юный. Все это совершенно неприемлемо для ее семьи.

Она открыла калитку и вступила в благоухающий мир своей матери. С этих пор цветущий ночью жасмин всегда будет напоминать Элсе о нем.

Она открыла парадную дверь и вошла в темную прихожую.

Раздался скрип, и Элса остановилась. Через окно просачивался лунный свет. Она увидела, что у виктролы стоит отец.

– Кто ты? – спросил он, подходя к ней.

Расшитая бисером серебристая повязка Элсы соскользнула вниз, она поправила ее.

– В-ваша дочь.

– Черт возьми, это так. Мой отец воевал за присоединение Техаса к Соединенным Штатам. Он стал рейнджером, сражался в Ларедо, его ранили, и он чуть не умер. Эта земля пропитана нашей кровью.

– Д-да. Я знаю, но…

Элса не увидела, что отец замахнулся, не успела увернуться. Он так сильно ударил ее по щеке, что Элса упала.

В страхе она забилась в угол.

– Папа…

– Ты нас позоришь. Скройся с глаз моих.

Элса резко поднялась, взбежала по лестнице и захлопнула дверь спальни.

Дрожащими руками зажгла лампу у кровати и разделась.

Чуть выше груди осталась красная отметина. (Это Раф ее оставил?) На щеке уже проступал синяк, а волосы растрепались от занятий любовью, если это можно было назвать любовью.

И пусть, она снова сделала бы это, если бы могла. Пусть отец бьет ее, кричит, осыпает оскорблениями и лишает наследства.

Теперь Элса знала то, чего не знала раньше, о чем даже не подозревала: она сделает что угодно, перенесет что угодно, лишь бы ее любили, пусть хотя бы одну ночь.

На следующее утро Элсу разбудил солнечный свет, льющийся в открытое окно. На дверце шкафа висело красное платье. Боль в челюсти напомнила ей о прошлой ночи, как и боль, оставшаяся после любви с Рафом. Одну боль она хотела забыть, другую – запомнить.

На железной кровати лежала стопка лоскутных одеял – в холодные зимние месяцы она часто шила при свете свечи. У изножья кровати стоял сундук с приданым, куда Элса бережно сложила расшитое постельное белье, тонкую белую ночную сорочку из батиста и свадебное одеяло, которое она начала шить, когда ей было двенадцать лет, прежде чем выяснилось, что ее непривлекательность – это не этап, который нужно пережить, а данность. К тому времени, когда у Элсы начались месячные, мама потихоньку перестала говорить о свадьбе, перестала расшивать бисером алансонские кружева. Они лежали, переложенные папиросной бумагой, – хватило бы на половину платья.

В дверь постучали.

Элса села.

– Войдите.

В комнату вошла мама. Ее модные туфли на низком каблуке бесшумно ступали по лоскутному ковру, который почти полностью покрывал дощатый пол. Высокая широкоплечая женщина, не склонная к лишним сантиментам, ведущая безупречную жизнь, – она возглавляла церковные комитеты, руководила Лигой по благоустройству города и не повышала голоса, даже когда сердилась. Никто и ничто не могло вывести Минерву Уолкотт из себя. Она утверждала, что это семейная черта, унаследованная от предков, которые приехали в Техас, когда здесь можно было шесть дней на лошади проскакать и не встретить другого белого человека.

Мама села на край кровати. Шиньон, в который были стянуты ее выкрашенные в черный цвет волосы, подчеркивал суровость острых черт лица. Она потрогала синяк на щеке Элсы.

– Со мной отец обошелся бы куда хуже.

– Но…

– Никаких «но», Элсинор.

Она наклонилась и заправила прядку стриженых светлых волос Элсы за ухо.

– Подозреваю, что сегодня я услышу в городе сплетни. Сплетни. Об одной из моих дочерей. – Она тяжело вздохнула. – Ты попала в беду?

– Нет, мама.

– Значит, ты все еще хорошая девочка.

Элса кивнула, не в силах соврать вслух.

Мама указательным пальцем приподняла подбородок Элсы. Она изучала Элсу, медленно хмурясь, оценивая ее.

– Красивое платье не сделает тебя красавицей, дорогая.

– Я только хотела…

– Мы не будем говорить об этом, и подобное больше не повторится.

Мама встала, разгладила лавандовую креповую юбку, хотя ни одна складочка не осмелилась бы появиться на ней. Мать и дочь были так далеки друг от друга, как будто их разделял прочный забор.

– Никто на тебе не женится, Элсинор, несмотря на наши деньги и положение в обществе. Ни одному приличному мужчине не нужна непривлекательная жена на голову выше его. А если бы и появился мужчина, готовый закрыть глаза на твои слабости, то уж, конечно, запятнанная репутация его бы остановила. Научись находить радости в реальной жизни. Выбрось свои глупые романтические книги.

Выходя из комнаты, мама забрала красное шелковое платье.

Глава третья

В годы после Великой войны Далхарт охватил дух патриотизма. Дождь шел в свой срок, цены на пшеницу росли, а значит, у всех была причина отметить Четвертое июля. Витрины городских магазинов сообщали о скидках по случаю Дня независимости, и колокольчики весело звенели, встречая и провожая покупателей, которые решили запастись едой и выпивкой перед праздником.

Обычно Элса ждала праздника, но последние несколько недель выдались непростыми. После ночи с Рафом Элса чувствовала себя как в клетке. Беспокойной. Несчастливой.

Никто в семье к ней особенно не приглядывался и не замечал в ней перемен. Она не высказывала своего неудовольствия, а прятала его и шла вперед. По-другому она не умела.

Элса не поднимала глаз, старательно притворялась, будто ничего не изменилось. Проводила в своей комнате как можно больше времени, даже в самую жару. Из библиотеки ей приносили книги – подходящие книги, – и она прочитывала их от корки до корки. Она вышивала кухонные полотенца и наволочки. За ужином почти не говорила, слушала разговоры родителей и лишь кивала в нужных местах. В церкви прятала свои скандально короткие волосы под шляпкой, говорила, что плохо себя чувствует, и ее оставляли в покое.

В тех редких случаях, когда она решалась оторвать глаза от любимой книги и выглянуть в окно, она видела пустое будущее старой девы, простирающееся до самого плоского горизонта и за его пределы.

Прими это.

Синяк на щеке выцвел. Никто – даже сестры – ничего не сказал по этому поводу. Жизнь в доме Уолкоттов вернулась к норме.

Элса представляла себя запертой в башне леди Шалотт, которая из-за проклятья не могла выйти из комнаты и была обречена только наблюдать за кипением жизни снаружи. Если кто-нибудь и замечал, что Элса внезапно затихла, никто ничего не говорил по этому поводу и не спрашивал, что с ней. По правде сказать, мало что изменилось. Она уже давно научилась как будто растворяться в воздухе. Некоторые животные, защищаясь, сливаются с окружающей природой, становятся незаметными, и Элса вела себя так же. Ничего не говори, исчезни. Не

давай сдачи. Если она молчала, люди забывали о ее существовании, оставляли ее в покое.

– Элса! – прокричал отец с первого этажа. – Пора идти. Мы из-за тебя опоздаем.

Элса натянула лайковые перчатки – даже в такую ужасную жару без них никак – и приколола соломенную шляпу. Послушно начала спускаться.

И неожиданно остановилась посреди лестницы, не в силах идти дальше. Что, если на празднике будет и Раф?

Четвертое июля – один из тех редких случаев, когда на праздник собирается весь округ. Обычно праздники отмечали в каждом городке отдельно, но ради этой вечеринки люди готовы были проехать много миль.

– Пойдем, – сказал отец. – Мама терпеть не может опаздывать.

Вслед за родителями Элса села в новехонький бутылочно-зеленый «форд-Т», вместе с матерью они разместились на массивных кожаных сиденьях. Семья жила в городе, и зал собраний располагался неподалеку, но они везли с собой горы еды, и мама скорее умерла бы, чем пошла на вечеринку пешком.

Далхартский зал собраний украшали красно-бело-синие флаги. У входа уже стояло с дюжину автомобилей. В основном они принадлежали фермерам, для которых последние несколько лет выдались удачными, и банкирам, что финансировали весь этот экономический рост. Женщины из Лиги по благоустройству города приложили немало усилий, чтобы лужайка перед входом была шелковистой и зеленой. Возле лестницы, ведущей к парадным дверям, пестрели цветы. Повсюду играли, смеялись, бегали дети. Подростков Элса не видела, но и они где-то здесь – наверное, целуются украдкой в темных закоулках.

Отец припарковался за оградой и выключил мотор.

Элса услышала музыку, она различила скрипку, банджо и гитару, играли «Роза секонд-хенд»[8]. Изнутри доносился шум праздника – веселые голоса, смех.

Папа открыл багажник, забитый едой, которую Мария стряпала несколько дней. Но мама, конечно, скажет, что это все она приготовила по семейным рецептам, переданным предками – техасскими пионерами. Пироги с патокой, имбирные пряники по рецепту тетушки

Берты, персиковый пирог-перевертыш и любимая ветчина дедушки Уолта с подливкой «красный глаз» и кукурузной кашей должны были напомнить людям, какую роль Уолкотты сыграли в истории Техаса.

Элса шла за родителями к залу собраний, держа в руках все еще теплый противень.

Зал украшали яркие лоскутные одеяла, они же служили скатертями. У задней стены выстроились длинные столы, заваленные едой: запеченная свинина и жирное, темное жаркое, противни с зеленой фасолью, приготовленной в свином жире. И конечно, салаты с курицей и картофельные салаты, колбаски и булочки, пшеничный хлеб, кукурузный хлеб, торты и пироги всех видов. Все в округе любили праздники, и женщины расстарались, чтобы произвести впечатление. На праздник везли копченую ветчину, и колбаски из зайчатины, и булочки с только что взбитым маслом, и яйца вкрутую, и фруктовые пироги, и тарелки с хот-догами. Мама подошла к угловому столу, где женщины из Лиги по благоустройству города раскладывали угощения.

Сестры Элсы уже суетились рядом с женщинами из Лиги. На Сюзанне была блузка из красного шелка Элсы. Горло Шарлотты украшал красный шелковый шарф. Элса замерла. При виде сестер в красном шелке она совсем пала духом.

Папа присоединился к группе мужчин, громко разговаривавших возле сцены.

Сухой закон, который установил запрет на продажу алкоголя, был написан не для этих мужчин, крепких, здоровых иммигрантов из России, Германии, Италии и Ирландии. Они приехали сюда ни с чем и из этого ничего сделали нечто, потому им не нравилось, когда их учили жить какие-то шишки, которые, казалось, и знать не знают о существовании Великих равнин. Пусть и выглядели эти мужчины не особо презентабельно, счета в банке у них имелись. Пшеница продавалась по доллару тридцать за бушель против сорока центов, составлявших расходы на ее выращивание, и округа благоденствовала. Человек с более-менее солидным наделом земли чувствовал себя богачом.

– Далхарт на подъеме, – громко сказал отец, перекрывая музыку. – В следующем году я построю здесь чертов оперный театр. Почему мы должны ездить в Амарилло за культурным досугом?

– Нужно провести в город электричество. Это ключ ко всему, – добавил мистер Хёрст.

Мама раскладывала еду: без ее участия стол не будет накрыт так, как положено. Шарлотта и Сюзанна смеялись и весело болтали со своими красивыми, хорошо одетыми подругами, многие из которых уже стали матерями.

И тут Элса заметила Рафа, тот стоял у углового стола в компании других итальянцев. Ему пора было подстричься: черные волосы отросли на макушке, хотя на висках были криво обрезаны. Помаде не удалось усмирить его шевелюру, от нее волосы только лоснились. Одет он был в однотонную рубашку, истертую на локтях, коричневые брюки поддерживали кожаные подтяжки, клетчатый галстук-бабочка выглядел нелепо. Хорошенькая темноволосая девушка крепко держала его под руку.

За шесть недель, что Элса не видела Рафа, его лицо еще сильнее загорело – сказались дни, проведенные в поле.

Посмотри на меня, подумала она. И тут же: *нет, не надо.*

Он наверняка сделает вид, что не знаком с ней. Или хуже того – что не узнаёт ее.

Элса заставила себя сдвинуться с места.

Поставила противень на стол, застеленный белой скатертью.

– Господи, Элса. Ветчина посреди десертного стола. О чем ты думаешь? – возмутилась мать.

Элса перенесла противень на соседний стол. Каждый шаг по деревянному танцполу приближал ее к Рафу.

Она осторожно опустила противень на стол.

Раф оглянулся и увидел ее. Он не улыбнулся, только тревожно покосился на спутницу.

Элса тут же отвела взгляд. Она едва сдерживалась, ее распирало желание. Она задыхалась. И меньше всего на свете ей хотелось провести так весь вечер – без малейшего знака внимания с его стороны.

– Мама, – она подошла к матери, – мама…

– Ты видишь, что я разговариваю с миссис Толливер?

– Да. Извините. Просто…

Не смотри на него.

– Я плохо себя чувствую.

– Думаю, она слишком разволновалась, – сказала мама, обращаясь к миссис Толливер.

– Наверное, мне лучше пойти домой.

Мать кивнула:

– Конечно.

Элса не смотрела на Рафа, направляясь к открытой двери. По танцполу мимо нее проносились пары.

Золото заходящего солнца, теплый воздух. Дверь за ее спиной захлопнулась, приглушив пение скрипок и топот танцоров.

Она шла через лабиринт из припаркованных автомобилей, мимо запряженных лошадьми фургонов, на которых на праздники приезжали менее удачливые фермеры.

На Главной улице было тихо, она купалась в солнечном сиянии цвета ириски, которому вскоре предстоит растаять, обратиться в ночь. Элса шагнула на тротуар.

– Элс?

Она остановилась, медленно повернулась.

– Извини, Элс, – сказал Раф, явно чувствуя себя неловко.

– За что?

– Мне нужно было с тобой заговорить. Или рукой помахать.

– Угу.

Он подошел ближе, так близко, что до нее долетел легкий запах пшеницы.

– Я все понимаю, Раф. Она милая.

– Джиа Компосто. Наши родители решили, что мы поженимся, когда мы еще ходить не умели.

Он наклонился к ней, и Элса уловила его теплое дыхание.

– Ты мне снилась, – быстро сказал он.

– П-правда?

Он смущенно кивнул.

Чувство, будто она подошла к краю обрыва: еще шаг – и полетишь вниз. Его взгляд, его голос. Элса смотрела в глаза Рафа, темные как ночь и немного грустные, хотя о чем ему грустить, она и представить не могла.

– Приходи в старый амбар Стюарда, – сказал он. – В полночь.

Элса лежала в постели, полностью одетая.

Не нужно ей туда идти. Это очевидно. Синяк на щеке давно исчез, но незримый след от него остался. Порядочные женщины так не поступают.

Она слышала, как родители вернулись домой, поднялись по лестнице, как открылась и закрылась дверь в их спальню.

Стрелки часов у кровати показывали 21:40.

Дом затих, Элса лежала, стараясь дышать беззвучно.

Она ждала.

Не нужно ей туда идти.

Но сколько бы Элса ни твердила эти слова, она ни на один миг не поверила, что последует им.

В одиннадцать тридцать она встала. Дневная духота еще не отступила, но в окно смотрело ночное небо Великих равнин. В детстве Элса представляла, что там, за окном, ее ждут приключения. Как часто она стояла у этого окна и пыталась дотянуться в мечтах до неизведанных миров?

Элса открыла окно и вылезла на металлическую решетку для цветов. Ей показалось, что она окунулась в само звездное небо.

Она спрыгнула в густую траву и замерла, испугавшись, что ее услышали, но в доме было по-прежнему темно и тихо. Пробралась к сараю и вывела один из старых велосипедов сестер. Оказавшись на улице, она села на велосипед и покатила к выезду из города.

Для местных жителей были привычны эти бескрайние черные ночи, когда путь освещают лишь звезды, белые искорки в темном мире. Вокруг не было домов, и несколько миль Элса ехала, не видя ничего, кроме темноты.

Вот и старый амбар. Она оставила велосипед на траве у дороги.

Он не придет.

Конечно, не придет.

Элса помнила каждое сказанное им слово, пусть их было совсем мало, мельчайшие черточки его лица. Улыбку, которая будто начиналась с одного края и постепенно расползалась по губам. Бледную запятую шрама на челюсти и чуть выступающий резец.

Ты мне снилась.

Давай встретимся сегодня.

Ответила ли она ему? Или просто стояла, онемев? Она не помнила.

Но вот она здесь одна-одинешенька перед заброшенным амбаром.

Какая же она дура.

Ей придется дорого заплатить, если ее поймают.

Она сделала шаг, галька заскрипела под подошвами коричневых полуботинок. Впереди маячил амбар, месяц будто поймал на крючок конек крыши. Шифер кое-где обвалился, в траве валялись доски.

Элса обхватила себя руками, словно замерзла, хотя на самом деле ей было жарко.

Как долго она простояла здесь? Ее начало подташнивать. Она уже готова была сдаться, как вдруг услышала шум мотора, повернулась и увидела приближающиеся фары.

Раф ехал слишком быстро, рискованно. Из-под колес летела галька. Он посигналил.

Он, должно быть, резко нажал на тормоз, потому что машина внезапно остановилась. Вокруг автомобиля взвихрилось облако пыли.

Раф торопливо выпрыгнул из машины, не выключив фары.

– Элс, – сказал он, широко улыбаясь, и показал ей букет фиолетовых и розовых цветов.

– Т-ты принес мне цветы?

Он достал из машины бутылку:

– И джин!

Элса не знала, чем ответить на такие подношения.

Он протянул ей цветы. Она посмотрела ему в глаза и подумала: «Вот оно». Сейчас она готова была заплатить любую цену.

– Я хочу тебя, Элс, – прошептал он.

Она залезла в кузов вслед за ним.

Он уже расстелил одеяла. Элса чуть разгладила их и легла. Только тоненькая ниточка света тянулась к ним от лунного серпа.

Раф лег рядом.

Она чувствовала его тело рядом со своим, слышала его дыхание.

– Ты думала обо мне?

– Да.

– Я тоже. О тебе. Об этом.

Он начал расстегивать лиф ее платья.

Тело горело от его прикосновений. Внутри будто разматывался клубок. Она не могла ничего поделать, не могла скрыть возбуждения.

Он задрал платье и приспустил ее панталоны, ночной воздух ласкал кожу. Все это возбуждало – ночная прохлада, собственная нагота, его руки.

Ей хотелось трогать его, пробовать его на вкус, говорить ему, где ей хочется – где ей нужно, – чтобы он ее трогал, но она молчала, страшась насмешек. Что бы она ни сказала, все, конечно, окажется неправильным, не подобающим леди, а она так хотела сделать его счастливым.

Он вошел в нее прежде, чем она успела подготовиться, резко задвигался, застонал. Несколько секунд спустя он обрушился на нее, вздрагивая и быстро-быстро дыша. Прошептал что-то неразборчивое ей в ухо. Она понадеялась, что-то романтическое.

Элса коснулась его щетины, легонько, он, наверное, и не почувствовал.

– Я буду скучать по тебе, Элс.

Элса быстро отвела руку.

– Ты уезжаешь?

Он открыл бутылку джина и сделал основательный глоток, потом протянул бутылку ей.

– Родители заставляют меня ехать в колледж.

Он перевернулся на бок и, опершись на руку, посмотрел на нее. Она глотнула обжигающей жидкости и прикрыла рот рукой.

Он снова отпил из бутылки.

– Мама хочет, чтобы я закончил колледж и стал настоящим американцем. Что-то в этом роде.

– Колледж, – грустно сказала Элса.

– Да. Глупость, правда? Не нужны мне эти книжные знания. Я хочу увидеть Таймс-сквер, и Бруклинский мост, и Голливуд. Учиться на своем опыте. Повидать мир. – Он вновь приложился к бутылке. – А ты о чем мечтаешь, Элс?

Она так удивилась вопросу, что не сразу ответила.

– Наверное, о ребенке. О своем доме.

Он ухмыльнулся:

– Ну, такое не считается. Женщина, мечтающая о ребенке, – это все равно что зерно, мечтающее прорасти. А о чем еще мечтаешь?

– Ты будешь смеяться.

– Не буду. Обещаю.

– Я хочу быть смелой, – еле слышно прошептала она.

– А чего ты боишься?

– Всего, – сказала она. – Мой дедушка был техасским рейнджером. Он всегда говорил мне быть стойкой и бороться. Но за что? Я не знаю. Вот, я сказала это вслух, – какие глупости.

Она чувствовала его взгляд. Хоть бы ночь была милосердна к ее лицу.

– Ты не похожа на знакомых мне девушек, – сказал он, убирая прядку волос ей за ухо.

– Когда ты уезжаешь?

– В августе. У нас есть немного времени. Если ты захочешь еще со мной встретиться.

– Да, – улыбнулась Элса.

Она возьмет от Рафа все, что получится, и заплатит за это любую цену. Даже отправится в ад. За одну минуту он заставил ее почувствовать себя более красивой, чем весь мир за двадцать пять лет.

Глава четвертая

К середине августа цветы в подвесных горшках и в приоконных ящиках Далхарта совсем пожухли. Мало кому из владельцев лавок хотелось подрезать и поливать их в такую жару, да и в любом случае цветы бы недолго еще протянули. Мистер Хёрст вяло помахал Элсе, возвращающейся домой из библиотеки.

Открыв калитку, Элса ощутила дурноту от навязчивого, тошнотворно приторного запаха увядающих цветов. Она зажала рот рукой, но сдержаться не удалось. Ее вырвало на любимые розы матери, «Американскую красавицу».

Рвота сотрясала ее, пока в желудке ничего не осталось.

Наконец Элса вытерла рот и выпрямилась, ее трясло.

Послышался шорох.

Мать стояла на коленях в саду, на ней была плетеная шляпка, а поверх простого хлопчатобумажного платья она надела фартук. Она положила ножницы и встала. Карманы ее фартука, куда она складывала обрезки стеблей, выпирали. И почему колючки ей совсем не мешают?

– Элса, – резко сказала она, – в чем дело? Вроде бы тебя и несколько дней назад тошнило?

– Со мной все в порядке.

Стягивая на ходу перчатки, палец за пальцем, мать подошла к Элсе.

Тыльной стороной ладони коснулась лба дочери.

– Жара нет.

– Все в порядке. Просто расстройство желудка.

Элса ждала, что скажет мама. Та явно задумалась – нахмурилась, чего старалась никогда не делать. *Леди не показывает своих чувств* – одна из ее любимых фраз. Элса слышала ее всякий раз, когда плакала или умоляла, чтобы ее отпустили на танцы.

Мать изучающе смотрела на Элсу.

– Не может этого быть.

– Чего?

– Ты нас обесчестила?

– Что?

– Ты была с мужчиной?

Конечно же, мать разгадала ее секрет. Во всех книгах, которые читала Элса, связь между матерью и дочерью подавалась очень романтично. Пусть мама не всегда показывала свою любовь (привязанность леди тоже полагалось скрывать), Элса знала, как они близки.

Она взяла мать за руки, та инстинктивно дернулась.

– Я хотела тебе рассказать. Правда. Я чувствовала себя такой одинокой, я запуталась в своих чувствах. И он…

Мама вырвала ладони.

Элса услышала, как в тишине, повисшей между ними, заскрипела калитка, как кто-то захлопнул ее.

– Господи милостивый, женщины, что вы тут делаете в таком пекле? Вам бы холодного чаю выпить.

– Твоя дочь в положении, – сказала мать.

– Шарлотта? Давно пора. Я думал…

– Нет, – резко сказала мать. – Элсинор.

– Я? – удивилась Элса. – *В положении?*

Не может такого быть. Они с Рафом были вместе всего несколько раз. И каждый раз так быстро. Все заканчивалось почти мгновенно. Конечно, дети от этого не заводятся.

Но что она об этом знала? Матери не рассказывали дочерям о сексе до дня свадьбы, а свадьбы у Элсы не было, поэтому мать никогда не говорила с ней о страсти, о том, откуда берутся дети, полагая, что Элсе ничего подобного не светит. О сексе и продолжении рода Элса знала только из романов. И, честно говоря, деталей там было маловато.

– Элса?! – спросил отец.

– Да, – еле слышно ответила мать.

Отец схватил Элсу за руку и притянул ее к себе:

– Кто этот негодяй?!

– Нет, папа…

– Немедленно говори, кто он, или, Бог мне свидетель, я пойду от двери к двери и спрошу каждого мужчину в этом городе, кто погубил мою дочь.

Элса представила себе, как отец тащит ее от двери к двери, будто современную Эстер Прин[9], как стучится, как спрашивает мистера

Хёрста, мистера Мак-Лейни и всех прочих: *Ты обесчестил эту женщину?*

Рано или поздно они с отцом выберутся из города и поедут по фермам…

Он сделает это. Она знала, что сделает. Если ее отец что-то решил, его не остановить.

– Я уйду, – сказала она. – Уйду немедленно. Сама уйду.

– Должно быть, это… знаешь… преступление, – сказала мама. – Ни один мужчина…

– Не захотел бы меня? – Элса развернулась к матери. – Ни один мужчина меня не пожелает. Ты ведь всю жизнь мне это внушала. Ты постаралась, чтобы я усвоила, какая я уродливая, недостойная любви, но это неправда. Раф меня захотел. Он…

– Мартинелли, – с отвращением проговорил мистер Уолкотт. – Итальяшка. Его отец в этом году купил у меня молотилку. Боже милостивый. Когда люди услышат… – Он оттолкнул Элсу:

– Иди в свою комнату. Мне нужно подумать.

Элса ушла, пошатываясь. Она хотела что-то сказать, но какие слова могли это исправить? Она поднялась по ступенькам и вошла в дом.

Мария стояла на пороге кухни, держа серебряный подсвечник и тряпку.

– Мисс Уолкотт, с вами все в порядке?

– Нет, Мария, нет.

Элса взбежала по лестнице. К глазам подступили слезы, но она не позволит им излиться и принести облегчение. Она погладила свой плоский, почти впалый живот. Невозможно представить, что в ней растет ребенок. Конечно, любая женщина понимает, когда она беременна.

Прошел час, другой. О чем говорят родители? Что они с ней сделают? Изобьют ее, запрут на замок, вызовут полицию и сообщат о преступлении, которого не было?

Она ходила по комнате. Садилась. Снова принималась ходить. В окно видела, как опускается вечер.

Ее выгонят из дома, и она пойдет бродить по Великим равнинам, нищая и падшая, пока не придет ей время рожать, и родит она в

одиночестве и грязи, и тогда ее тело не выдержит. Она умрет при родах. И ребенок тоже.

Хватит. Родители такого не сделают. Ни за что. Они любят ее.

Наконец дверь в комнату отворилась. На пороге стояла мама, выглядела она непривычно измученной и растерянной.

– Собирай чемодан, Элса.

– Куда я еду? Со мной будет как с Гертрудой Ренке? После того скандала с Теодором она где-то пропадала несколько месяцев. А когда возвратилась домой, никто не сказал об этом ни слова.

– Собирай чемодан.

Элса опустилась на колени, достала из-под кровати чемоданчик. Последний раз она собирала его, когда ездила в больницу в Амарилло. Одиннадцать лет назад.

Она принялась доставать из шкафа одежду и складывать ее в чемодан. Посмотрела на переполненный книжный шкаф. Книги лежали наверху шкафа, стопками на полу. На тумбочке возле кровати тоже лежали книги. Выбирать среди них для нее было все равно что выбирать между воздухом и водой.

– Я весь день ждать не буду, – сказала мама.

Элса взяла «Волшебника страны Оз», «Разум и чувства», «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал». Она оставила «Век невинности», из-за которого, можно сказать, все это началось. Положила четыре книги в чемодан и закрыла его.

– Библию, как я вижу, ты не берешь, – сказала мать. – Пошли. Нам пора.

Вслед за матерью Элса вышла из дома. Они прошли через сад к двухместному автомобилю, возле которого стоял отец.

– Это не должно на нас отразиться, Юджин, – сказала мать. – Ей придется выйти за него замуж.

– Выйти за него? – За долгие часы, когда Элса воображала свою ужасную судьбу, эта мысль ей в голову не приходила.

– Ты шутишь, мама. Ему только восемнадцать.

Мать с отвращением фыркнула. Отец открыл пассажирскую дверь, нетерпеливо ожидая, когда Элса сядет в машину. Как только она села, он захлопнул дверцу, занял свое место на водительском сиденье и завел мотор.

– Просто отвези меня на вокзал.

Отец включил фары.

– Боишься, что итальяшка тебя не захочет? Слишком поздно, мисси. Просто исчезнуть у тебя не получится. О нет. Ты ответишь за свой грех.

Они выехали из Далхарта, вокруг не было видно ни зги, лишь два желтых луча выхватывали дорогу. С каждой минутой, с каждой милей Элсе становилось все страшнее, ей чудилось, что еще немного – и она просто рассыплется. Тополиное – крошечный городишко у границы с Оклахомой. Они промчались через него со скоростью двадцать миль в час.

Еще через две мили фары осветили почтовый ящик с надписью «Мартинелли». Отец свернул на длинную грунтовую подъездную дорогу, с обеих сторон которой росли тополя. Забором служила колючая проволока, натянутая меж разномастных палок.

Машина заехала в ухоженный двор и остановилась перед беленым домом с крытым крыльцом и слуховыми окошками, смотревшими на дорогу.

Отец засигналил. Еще раз. И еще.

Из амбара вышел мужчина, на плечо он небрежно закинул топор. При свете фар Элса заметила, что на нем униформа местных фермеров: заштопанный комбинезон и рубашка с закатанными рукавами.

Из дома вышла женщина и присоединилась к мужчине. Невысокая, черные волосы заплетены в косу, уложенную вокруг головы. Одета в зеленое клетчатое платье, поверх которого белый накрахмаленный передник. Женщина была красивая и похожа на Рафа: оба смуглые, с высокими скулами и полными губами.

Отец вылез из машины, открыл пассажирскую дверцу и рывком выдернул Элсу.

– Юджин, – сказал фермер. – Я вроде бы в срок за молотилку плачу, разве нет?

Не обращая на него внимания, отец заорал:

– Раф Мартинелли!

Элсе хотелось, чтобы земля разверзлась и поглотила ее. Она знала, какой ее видят фермер и его жена: старая дева, тощая, ростом с мужчину, волосы неровно обрезаны. Узкое лицо с заостренным подбородком – незатейливое, как поле. Тонкие губы потрескались до

крови – она нервно искусала их в дороге. В правой руке Элса держала маленький чемоданчик, все ее достояние.

На крыльце появился Раф.

– Что мы можем для вас сделать, Юджин? – спросил мистер Мартинелли.

– Твой парень обесчестил мою дочь, Тони. Она ждет ребенка.

Элса увидела, как изменилось лицо миссис Мартинелли при этих словах, как ее взгляд из доброго сделался подозрительным. Оценивающий взгляд, готовый заклеймить Элсу как лгунью, или падшую женщину, или как ту и другую разом.

Вот как жители города отныне будут смотреть на Элсу – как на старую деву, соблазнившую мальчика и погубившую себя. Элса держалась на одной силе воле, не позволяя прорваться крику, что звучал в ее голове.

Стыд.

Она думала, что и прежде знала стыд, что привыкла к нему, но сейчас она чувствовала совсем иной стыд. В семье она стыдилась своей непривлекательности, того, что на ней никто никогда не женится. Она позволила этому чувству стать ее частью, вплестись в ее тело и разум, сделаться ее соединительной тканью. Но в том стыде таилась надежда, что однажды они увидят, какая она настоящая, какая она в душе. Цветок с плотно сомкнутыми лепестками, который ждет, что на него упадет солнечный луч, и тогда он раскроется.

Теперешний стыд был совершенно иной. Она навлекла его на себя сама, только она виновата в случившемся, она разрушила жизнь этого бедного мальчика.

Раф сбежал по ступенькам и встал рядом с родителями.

Стоя в свете фар, семья Мартинелли смотрела на нее с выражением, которое можно было описать только как ужас.

– Твой сын воспользовался моей дочерью, – сказал отец.

Мистер Мартинелли нахмурился.

– Откуда вы знаете?..

– Папа, – прошептала Элса. – Пожалуйста, не надо…

Раф шагнул вперед:

– Элс, с тобой все в порядке?

Элса чуть не заплакала от этого проявления доброты.

– Не может такого быть, – сказала миссис Мартинелли. – Он помолвлен с Джией Компосто.

– Помолвлен? – спросила Элса.

Раф покраснел.

– На прошлой неделе.

Элса тяжело сглотнула и кивнула, как будто это было нечто само собой разумеющееся.

– Я никогда не думала, что ты… знаешь. То есть я понимаю. Я пойду. Только мне с этим разбираться. – Она сделала шаг назад.

– Нет уж, постой, голубушка. – Отец посмотрел на мистера Мартинелли: – Уолкотты – порядочная семья. Нас в Далхарте уважают. Твой парень должен загладить свою вину. – Он с отвращением покосился на Элсу. – Как бы то ни было, не думаю, что я когда-нибудь снова увижу тебя, Элсинор. Ты мне не дочь.

С этими словами он сел в автомобиль, мотор которого продолжал работать, и уехал. Элса осталась стоять с чемоданом в руках.

– Раффаэлло, – мистер Мартинелли повернулся к сыну, – это правда?

Раф вздрогнул и, не глядя на отца, пробормотал:

– Да.

– Мадонна миа, – простонала миссис Мартинелли и затараторила по-итальянски.

Элса поняла, что она сердится. Миссис Мартинелли отвесила Рафу затрещину и закричала:

– Выгони ее, Антонио! Путана!

Мистер Мартинелли отвел жену в сторонку.

– Прости, Раф, – прошептала Элса.

Она тонула в стыде. Миссис Мартинелли закричала «нет», а потом снова «путана». Вскоре мистер Мартинелли вернулся, и выглядел он теперь как будто старше. Вид у него был потрепанный: под выпирающим лбом топорщились брови цвета полыни, бугристая переносица намекала, что нос неоднократно ломали, подбородок плоский, как тарелка. Старомодные усы почти полностью закрывали верхнюю губу. Суровый техасский климат оставил следы на его загорелом лице – лоб бороздили морщины, словно годовые кольца на срезе дерева.

– Я Тони, – сказал он и движением подбородка указал на жену, которая так и стояла футах в пятнадцати от них. – Моя жена… Роуз.

Элса кивнула. Она знала, что он один из многих фермеров, что каждый сезон покупали технику у ее отца в кредит и возвращали долг после сбора урожая. Они встречались на общих мероприятиях в округе, но не слишком часто. Уолкотты не общались с людьми вроде Мартинелли.

– Раф, – он посмотрел на сына, – представь нам свою девушку как положено.

Свою девушку. Не свою шлюху, не свою подстилку. Элса никогда не была ничьей девушкой. И она уже слишком долго жила, чтобы называться девушкой.

– Папа, это Элса Уолкотт, – сказал Раф, и его голос дрогнул на последнем слове.

– Нет. Нет. Нет! – закричала миссис Мартинелли. Она хлопнула себя по бедрам. – Через три дня он уезжает в колледж, Тони. Мы внесли задаток. Откуда мы вообще знаем, что эта женщина в положении? Может, она врет. Ребенок…

– …меняет все, – отрезал мистер Мартинелли. Он добавил что-то по-итальянски, и его жена замолчала. – Ты женишься на ней, – сказал он сыну.

Миссис Мартинелли громко выругалась по-итальянски – по крайней мере, звучало это как ругательство.

Раф кивнул. Он выглядел таким же испуганным, какой Элса себя чувствовала.

– А как же его будущее, Тони? – спросила миссис Мартинелли. – Все, о чем мы для него мечтали?

Не глядя на жену, мистер Мартинелли сказал:

– Всему этому пришел конец, Роуз.

Элса молчала. Раф смотрел на нее, и время будто замедлилось, растянулось. Тишину нарушали только кудахтанье куриц да возня свиньи, лениво рывшейся в корыте в своем загоне.

На лице миссис Мартинелли застыла маска презрения.

– Я покажу, где ей расположиться, – отрывисто сказала она. – А вы, ребята, уберите все на ночь.

Мистер Мартинелли и Раф молча развернулись и ушли.

Уходи, говорила себе Элса. *Прочь отсюда. Они этого хотят. Если я сейчас уйду, эта семья сможет жить по-прежнему*.

Но куда она пойдет?

У нее нет больше дома.

Элса прижала руку к плоскому животу и подумала о растущей в нем жизни.

Ребенок.

Как в этом водовороте стыда и сожаления она пропустила единственное, что имеет значение?

Она станет матерью. *Матерью*. Ребенок будет любить ее, а она его.

Это чудо.

Она повернулась и двинулась прочь по длинной подъездной дороге. Она слышала каждый свой шаг, слышала шепот тополей на легком ветерке.

– Подожди!

Элса остановилась. Оглянулась.

Миссис Мартинелли стояла, стиснув кулаки и неодобрительно поджав губы. Она была такой маленькой, что сильный порыв ветра наверняка сбил бы ее с ног, и все же сила, исходившая от нее, угадывалась безошибочно.

– Ты куда собралась?

– Думаю, вас это вряд ли касается. Я ухожу.

– Родители примут тебя обесчещенной?

– Думаю, что нет.

– Так что…

– Извините, – сказала Элса. – Я не собиралась губить жизнь вашего сына. Рушить все ваши надежды. Я только… теперь это уже неважно.

Стоя напротив этой маленькой смуглой женщины, Элса казалась себе жирафой.

– И что? Просто уйдешь?

Миссис Мартинелли подошла ближе, внимательно глядя на Элсу. Они долго, напряженно молчали.

– Тебе сколько лет?

– Двадцать пять.

Миссис Мартинелли это явно не понравилось.

– Ты примешь католическую веру?

Элса не сразу поняла, что происходит. Они ведут переговоры? Католичество. Родители придут в ужас. Семья от нее откажется. Но они уже от нее отказались. *Ты мне не дочь.*

– Да, – сказала Элса. Ее ребенку понадобится утешение, что дает вера, а Мартинелли будут ее единственными родственниками.

Миссис Мартинелли сухо кивнула:

– Хорошо. Тогда…

– Вы будете любить ребенка? – спросила Элса. – Как любили бы ребенка от Джии?

Миссис Мартинелли удивленно посмотрела на нее.

– Или вы только смиритесь с ребенком от путаны? – Элса не знала, что значит это слово, но догадывалась, что ничего хорошего.

– Потому что я знаю, каково расти в доме, где тебя обделяют любовью. Я своему ребенку такого не хочу.

– Когда станешь матерью, то поймешь, что я сейчас чувствую, – наконец проговорила миссис Мартинелли. – Ты о таком мечтаешь для своих детей, о таком… – Она замолчала, отвернулась, скрывая слезы, затем продолжила: – Ты даже представить себе не можешь, на какие жертвы мы шли, чтобы у Раффаэлло жизнь была лучше, чем у нас.

Элса осознала, какую боль она причинила этой женщине, и стыд накрыл ее с новой силой. Ей захотелось еще раз попросить прощения, она с трудом удержалась.

– Ребенка я буду любить, – сказала миссис Мартинелли в тишине. – Моего первого внука или внучку.

Элса ясно и четко услышала невысказанное «Тебя я любить не буду», но одного этого слова, «любить», было достаточно, чтобы отозваться в ее сердце, поддержать ее хрупкую решимость. Она сможет жить нежеланной среди этих незнакомых людей, она давно научилась быть невидимой. Главное сейчас – ребенок.

Она прижала руку к животу. *Тебя, тебя, малыш, я буду любить, и ты полюбишь меня в ответ.*

Остальное не имеет значения.

Я стану матерью.

Ради этого ребенка Элса выйдет замуж за мужчину, который ее не любит, и войдет в семью, которой она не нужна. С этих пор ее выбор всегда будет определяться только этим. Ради ребенка.

– Куда мне положить вещи?

Глава пятая

Миссис Мартинелли шла так быстро, что за ней было трудно угнаться.

– Есть хочешь? – спросила крошечная женщина, поднимаясь по ступенькам и проходя мимо коллекции разномастных стульев на веранде.

– Нет, мэм.

Миссис Мартинелли открыла дверь и вошла в дом. Элса последовала за ней. В гостиной она увидела столпотворение самодельной деревянной мебели, среди которой выделялся исцарапанный овальный коктейльный столик. Спинки стульев покрывали белые кружевные салфетки. На двух стенах висели большие кресты.

Католические.

Но что же это на самом деле значит? Кем Элса пообещала стать?

Миссис Мартинелли прошла через гостиную, а потом, по узкому коридору, мимо открытой двери, за которой Элса заметила медную ванну и умывальник.

Туалета не было.

В доме нет канализации?

Миссис Мартинелли открыла дверь в конце коридора.

Они оказались в спальне юноши, на комоде были выставлены спортивные награды. Незаправленная кровать стояла напротив большого окна, сейчас закрытого голубыми занавесками. На столике у кровати Элса увидела фотографию Джии Компосто. На кровати лежал чемодан, вне всякого сомнения собранный для поездки в колледж.

Миссис Мартинелли схватила фотографию, а чемодан закинула под кровать.

– Ты будешь здесь, одна, до свадьбы. Раф может спать в амбаре. Он все равно любит там ночевать, когда жарко.

Миссис Мартинелли зажгла лампу.

– Я поговорю с отцом Майклом. Не будем затягивать. – Она нахмурилась и добавила: – Но сначала надо поговорить с Компосто.

– Наверное, лучше Рафу это сделать, – сказала Элса.

Миссис Мартинелли взглянула на нее. По этой маленькой женщине можно было изучать противоречия: передвигалась она быстро, бочком, словно птичка, и хотя выглядела очень хрупкой, однако Элсе она казалась невероятно сильной. С железным характером. Элса знала семейную историю Мартинелли – как Тони и Роуз приехали в Америку с Сицилии, имея в кармане лишь несколько долларов. Они нашли эту землю и выстояли, не один год проведя в сырой хижине с земляным полом, которую сами и построили. Только очень сильная женщина могла выжить на равнинах Техаса.

– Думаю, это он должен для нее сделать, – добавила Элса.

– Умойся. Разбери свой чемодан, – распорядилась миссис Мартинелли. – Увидимся утром. При солнечном свете многое выглядит лучше.

– Только не я, – ответила Элса.

Миссис Мартинелли мучительно долго рассматривала Элсу, явно сочла ее дурнушкой и ушла, закрыв за собой дверь.

Элса села на краешек кровати, ей вдруг стало трудно дышать. В дверь тихонько постучались.

– Войдите.

Раф нерешительно остановился на пороге. Лицо в грязных разводах от пыли, в руках он крутил кепку.

Потом вошел и медленно закрыл за собой дверь. Приблизился к Элсе, сел рядом на кровать. Пружины запротестовали под дополнительным весом.

Элса искоса посмотрела на его идеальный профиль. Он такой красивый.

– Прости, – сказала она.

– Черт, Элса, я все равно не хотел уезжать в колледж. – Он натянуто улыбнулся, черные волосы упали на лицо, закрыв один глаз. – Здесь я тоже не хотел оставаться, но…

Они посмотрели друг на друга. Он взял ее за руку.

– Я постараюсь быть хорошим мужем.

Элсе захотелось сжать его ладонь, чтобы показать, как много эти слова значат для нее, но она не осмелилась. Она боялась, что если вцепится в него, то уже никогда не сможет отпустить. Отныне ей придется быть осторожной, обращаться с ним, как с капризным

котенком – не совершать резких движений, не привязываться к нему слишком сильно.

Элса молчала, и через какое-то время он отпустил ее руку и ушел, оставил ее в своей спальне, одиноко сидящую на кровати.

На следующее утро Элса проснулась поздно. Откинула волосы с лица. Тонкие прядки прилипли к щеке – во сне она плакала.

Хорошо. Лучше плакать ночью, когда никто не видит. Она не хотела показывать свою слабость этой новой семье.

Она встала, умылась теплой водой, почистила зубы и причесалась.

Вчера вечером, разбирая чемодан, она поняла, что ее одежда совершенно не подходит для жизни на ферме. Она городская девушка, что она знает о жизни в сельской местности? Взяла с собой только креповые платья, шелковые чулки да туфли на каблуках. Одежда для церкви.

Элса надела свое самое простое дневное платье, угольно-серое, с жемчужными пуговками и кружевным воротничком, натянула чулки, надела черные туфли на каблуках, в которых приехала сюда накануне.

В доме пахло беконом и кофе. Желудок отозвался урчанием, напомнив Элсе, что она ничего не ела со вчерашнего обеда. На кухне – ярко-желтые обои, клетчатые занавески и белый линолеум на полу – никого не было. Вымытые и составленные на столе тарелки со всей очевидностью указывали, что Элса проспала завтрак. Во сколько же Мартинелли встают? Сейчас только девять.

Элса вышла наружу и увидела ферму Мартинелли при ярком солнечном свете. Сотни акров жнивья веером раскинулись во всех направлениях, целое море сухих, обрезанных, золотистых стеблей. И в самом центре – дом с хозяйственными постройками.

Поля коричневой лентой прорезала грунтовая дорога, окаймленная проволочной оградой и тополями. Сама ферма состояла из дома, большого деревянного амбара, загона для лошадей, коровника, свинарника, курятника, нескольких сараев и ветряной мельницы. За домом – фруктовый сад, маленький виноградник и огород, где миссис Мартинелли склонилась над грядкой.

Из амбара показался мистер Мартинелли, заметил Элсу и направился к ней.

– Доброе утро, – сказал он. – Прогуляйся со мной.

Он повел ее по краю пшеничного поля, пшеница вся была уже собрана, редкие уцелевшие колоски казались Элсе сломанными, опустошенными. Как она сама. Легкий ветерок шуршал по жнивью.

– Ты девушка городская, – сказал мистер Мартинелли с заметным итальянским акцентом.

– Похоже, уже нет.

– Это хороший ответ.

Он наклонился и сгреб горсть земли.

– Моя земля рассказывает свою историю, если ее слушать. Это история нашей семьи. Мы сажаем растения, ухаживаем за ними, собираем урожай. Вино я делаю из винограда, выросшего на лозах, которые я привез с Сицилии, и это вино напоминает мне об отце. Эта земля связывает нас, и так уже много поколений. Теперь она свяжет с нами и тебя.

– Я никогда ни за чем не ухаживала.

Он посмотрел на нее:

– Ты хочешь это изменить?

Элса увидела в его темных глазах сочувствие, будто он понимал, чего она боялась всю свою жизнь, но, должно быть, ей это просто почудилось. Он знал о ней лишь то, что теперь она здесь и что вместе с собой она погубила и его сына.

– Только так и начинают, Элса. Когда мы с Розальбой приехали сюда с Сицилии, у нас было семнадцать долларов и мечта. С этого мы начали. Но не это обеспечило нам сытую жизнь. Мы владеем этой землей, потому что мы работали ради нее, потому что, какой бы тяжелой ни была жизнь, мы держались этой земли. Она кормит нас. Она прокормит и тебя, если ты ей позволишь.

Элса никогда не думала о земле как о якоре в жизни. Сама мысль остаться здесь и обрести настоящую семью и дом манила так, как ничто и никогда не манило.

Она сделает все, чтобы стать настоящей Мартинелли, стать частью их истории, может быть, даже сделать их историю своей и передать ее ребенку, которого она носит. Она сделает что угодно, станет кем угодно, чтобы эти люди полюбили ребенка безусловно, как своего.

– Я хочу этого, мистер Мартинелли, – искренне сказала она.

Он улыбнулся.

– Я увидел это в тебе.

Элса начала благодарить, но ее прервала миссис Мартинелли, звавшая мужа. Она направлялась к ним, держа корзину, полную спелых томатов и зелени.

– Элса, – сказала она. – Как хорошо, что ты встала.

– Я… проспала.

Миссис Мартинелли кивнула:

– Пойдем со мной.

На кухне миссис Мартинелли достала овощи из корзины и выложила на стол: красные помидоры, желтый лук, зеленые травы, головки чеснока. Элса никогда не видела столько чеснока разом.

– Что ты умеешь готовить? – спросила миссис Мартинелли, завязывая фартук.

– К-кофе.

Миссис Мартинелли замерла.

– Совсем не умеешь готовить? В твоем-то возрасте?

– Простите, миссис Мартинелли. Нет, но…

– А убирать умеешь?

– Ну… Я уверена, что смогу научиться.

Миссис Мартинелли скрестила руки на груди.

– А что ты умеешь?

– Шить. Вышивать. Штопать. Читать.

– Леди. *Мадонна миа.* – Она оглядела безупречно чистую кухню. – Хорошо. Тогда я научу тебя готовить. Начнем с аранчини[10]. И зови меня Роуз.

Свадьбу сыграли торопливо и тихо, ни до, ни после церкви праздника не устраивали. Раф надел простое кольцо на палец Элсы и сказал «Да», вот, в общем-то, и все. Во все время краткой церемонии казалось, что у него что-то болит.

В ночь после свадьбы они сошлись в темноте и скрепили свои клятвы телами, как ранее словами, и страсть их была так же тиха, как ночь вокруг. В последующие дни, и недели, и месяцы он старался быть хорошим мужем, а она – хорошей женой.

Поначалу – по крайней мере, на взгляд Роуз, – Элса была неспособна хоть что-нибудь сделать правильно. Она поранилась, когда

нарезала помидоры, и обожгла руку, доставая из печи хлеб. Она не могла отличить спелую тыкву от неспелой. А фаршировать цукини для такой неуклюжей женщины, как Элса, оказалось и вовсе непосильной задачей. Она перешла в католичество и слушала мессу на латыни, не понимая ни слова, но находя странное утешение в красивом звучании службы; она выучила молитвы наизусть и всегда носила четки в кармане передника. Она исповедовалась, сидя в маленьком темном закутке, и рассказывала отцу Майклу о своих грехах, и он молился за нее и отпускал ей грехи. Сначала она не находила в этом большого смысла, но потом исповеди вошли в привычку, сделались частью новой жизни – как постные пятницы или мириады дней святых, которые они отмечали.

Элса узнала – к своему удивлению и удивлению свекрови, – что она не из тех, кто легко сдается. Она просыпалась каждое утро раньше мужа и шла на кухню, чтобы поставить кофе. Она научилась готовить, и есть, и любить еду, о которой прежде и не слышала, из продуктов, которых прежде не видела, – оливковое масло, феттуччине, аранчини, панчетта. Она научилась растворяться в делах фермы: работать больше остальных, никогда не жаловаться. Со временем у нее исподволь начало появляться новое и неожиданное чувство: она здесь своя. Она проводила часы в огороде, стоя на коленях в грязи, глядя, как семена, которые она посадила, прорастают, отталкиваются от земли и становятся зелеными стеблями, и каждый казался ей новым началом. Обещанием будущего. Она научилась собирать темно-фиолетовые грозди «Неро д’Авола» и делать из них вино, как клялся Тони, не хуже того вина, что делал его отец. Она познала душевный покой, глядя на распаханное поле, и надежду, которую давали эти поля.

Здесь, иногда думала Элса, стоя на земле, которую она возделывала, будет расти ее ребенок, здесь он будет бегать, и играть, и узнавать истории, которые рассказывает земля, и виноград, и пшеница.

Зима выдалась снежная, и они затаились в доме, привыкая к новому распорядку дня; женщины убирали, штопали и вязали, а мужчины ухаживали за скотиной и готовили сельскохозяйственную технику к весне. По вечерам все собирались у камина, и Элса читала вслух, а Тони играл на скрипке. Элса узнала разные мелочи о своем

муже: он громко храпит и беспокойно спит, часто просыпается с криком посреди ночи, напуганный кошмарами.

На этой земле так тихо, что можно сойти с ума, иногда говорил Раф, и Элса пыталась понять, что он имеет в виду. Обычно она просто слушала его голос и ждала, когда он потянется к ней, что он делал, но редко и всегда в темноте. Она знала, что ее растущий живот пугает его. Когда же он все-таки разговаривал с ней, от него обычно пахло вином или виски; тогда он улыбался и плел истории о воображаемой жизни, которую они когда-нибудь будут вести в Голливуде или Нью-Йорке. Если уж начистоту, Элса никогда толком не знала, что сказать этому красивому, порывистому парню, за которого она вышла замуж, но разговоры никогда не были ее сильной стороной, и у нее все равно не хватило бы духу откровенничать, сказать ему, как она себя чувствует и что на этой ферме она неожиданно обнаружила в себе силу, а благодаря любви к мужу и его родителям она способна на очень многое. Она делала то, что всегда делала, встречая отказ: исчезала, и держала язык за зубами, и ждала – иногда с отчаянием, – когда ее муж увидит в ней женщину, которой она стала.

Февраль принес на Великие равнины дожди, питавшие растения, которые она посадила. К марту земля снова ожила – зелень тянулась на мили. По вечерам Тони стоял у своих полей, глядя на взошедшую пшеницу.

В этот особенно прозрачный, залитый солнцем день Элса открыла в доме все окна. Прохладный ветерок нес с собой запах новой жизни.

Она стояла у плиты, обжаривая хлебные крошки в чудесном импортном оливковом масле с ореховым вкусом, которое они покупали в универмаге. Кухню наполнил резкий запах подрумянившегося чеснока. Этими хлебными крошками, смешанными с сыром и свежей петрушкой, они посыпали все, от овощей до пасты.

На столе ждала глиняная миска с мукой, смолотой из богатого прошлогоднего урожая пшеницы, Элса собиралась замесить хлеб. В гостиной играла пластинка «Санта Лючия», достаточно громко, чтобы Элсе захотелось подпевать, хотя она не понимала слов.

Боль возникла внезапно, будто всадили нож в живот, Элса согнулась пополам. Она постаралась замереть и, обхватив живот, ждала, когда боль утихнет.

Но несколько минут спустя накатила новая волна боли, хуже первой.

– Роуз!

Роуз ворвалась в дом, держа в руках белье, приготовленное для стирки.

– Это…

У Элсы отошли воды, намочив чулки, на полу образовалась лужа. Увидев эту лужу, Элса запаниковала. В последние месяцы она чувствовала, что становится сильнее, но сейчас, когда боль завладела ею, она не могла думать ни о чем другом, кроме слов, которые много лет назад сказал ей доктор: не перевозбуждаться, не давать нагрузки на сердце.

Что, если он был прав? В ужасе она подняла глаза:

– Я не готова, Роуз.

Роуз положила белье.

– Никто к этому не готов.

Элса не могла отдышаться. Новая волна боли скрутила ее.

– Посмотри на меня, – велела Роуз и обхватила лицо Элсы, хотя для этого ей пришлось встать на цыпочки. – Это нормально.

Взяв Элсу за руку, Роуз отвела невестку в спальню, где сняла с кровати одеяла и простыни и бросила их на пол. После чего раздела Элсу, которой даже не было стыдно, что свекровь видит ее такую, с огромным животом и опухшими ногами, до того сильна была боль.

Какая *зубастая* эта боль. Вгрызается в нее, потом выплевывает, дает отдышаться и снова кусает.

– Кричи, не стесняйся, – сказала Роуз, укладывая Элсу на кровать.

Элса потеряла представление о времени, обо всем, кроме боли. Она кричала, когда не могла удержаться, а в перерывах между криками дышала тяжело, как собака.

Роуз управляла Элсой, словно куклой. Она широко раздвинула ей ноги:

– Вижу головку, Элса. Тужься.

Элса тужилась, снова и снова, и кричала, кричала, кричала…

– У меня… сейчас сердце остановится, – прохрипела она. Нужно было сказать им, что она больна, что ей нельзя рожать, что она может умереть. – Если оно остановится…

– Не накликай беду, Элса. Тужься.

Элса напряглась из последних сил и с огромным облегчением, измученная, откинулась на подушки. Комнату огласил крик младенца.

– Красивая малышка с хорошими легкими, – сказала Роуз.

Она обрезала и перевязала пуповину, завернула девочку в одно из одеялец, которые они связали за долгую зиму, и протянула сверток Элсе. Та взяла дочку на руки и с благоговением посмотрела на красное личико. Любовь наполнила Элсу до самых краев и пролилась слезами. Она никогда не чувствовала ничего подобного этому пьянящему сочетанию радости и страха.

– Привет, малышка.

Младенец замер и, моргая, уставился на нее.

Роуз открыла бархатный мешочек, который носила на шее как украшение. Внутри лежал один цент. Роуз поцеловала монетку и показала ее Элсе. На реверсе были изображены два колоска.

– Тони нашел его на улице рядом с домом моих родителей в тот день, когда мы отплывали в Америку. Можешь себе представить такую удачу? Пшеница открыла нашу судьбу. «Это знак», – сказали мы друг другу, и так оно и было. Теперь эта монетка будет присматривать за другим поколением. За моей красавицей-внучкой.

– Я хочу назвать ее Лоредой, – сказала Элса. – В честь дедушки, который родился в Лоредо.

Роуз попробовала произнести незнакомое имя.

– Ло-ре-да. Красиво. По-моему, очень по-американски, – решила она и вложила монетку в ладонь Элсы. – Поверь мне, Элса, эта маленькая девочка полюбит тебя так, как никто никогда не любил… и сведет тебя с ума, и всю душу тебе вымотает. Иногда все одновременно.

В темных, блестящих от слез глазах Роуз Элса видела отражение собственных эмоций и глубокое понимание этой связи – материнства, – которая многие тысячелетия объединяла женщин. А еще она видела в этих глазах больше нежности, чем когда-либо в глазах своей матери.

– Добро пожаловать в семью, – сказала Роуз дрожащим голосом, и Элса поняла, что она обращается не только к Лореде, но и к ней.

1934

Я вижу, что треть нации живет в плохих домах, плохо одета и плохо питается… Показатель нашего прогресса – не умножение богатства тех, кто уже владеет многим, а наша способность обеспечить необходимым тех, кто владеет слишком малым.

Франклин Д. Рузвельт

Глава шестая

Было так жарко, что птицы то и дело с шумом падали с неба на слежавшуюся, закаменевшую грязь. Курицы сидели на земле пыльными кочками, свесив головы, и две последние коровы жались друг к дружке: от жары у них не хватало сил двигаться. Вялый ветерок порой залетал на ферму, шевелил пустую бельевую веревку.

Колючая проволока по-прежнему тянулась по обе стороны подъездной дороги, которая вела к дому, но часть столбов повалилась. Едва живые тополя походили на скелеты. Ветер и засуха будто заново вылепили пейзаж вокруг фермы: сплошь сухостой и тучи голодных москитов.

Годы засухи и экономическая разруха Великой депрессии поставили Великие равнины на колени.

Жители Техасского выступа жестоко пострадали от засушливых лет, но биржевой крах 1929 года разорил всю страну, двенадцать миллионов человек остались без работы, и крупные газеты даже не упоминали о засухе. Правительство никакой помощи не выделило, да фермеры в любом случае ее не ждали. Слишком они были гордыми, чтобы жить на пособие. Они хотели лишь одного: чтобы дождь наконец смягчил почву, чтобы семена проросли и пшеница и кукуруза снова подняли к небу свои золотые руки.

Начиная с 1931 года дожди шли все реже, а в последние три года и вовсе почти прекратились. В этом, 1934-м, выпало менее ста тридцати миллиметров осадков. Не хватит даже на кувшин холодного чая, не говоря уже о том, чтобы напоить тысячи акров пшеницы.

В один рекордно жаркий день на исходе августа Элса сидела на козлах фургона, руки, сжимавшие вожжи, взмокли и чесались в замшевых перчатках. Денег на бензин больше не было, поэтому грузовик обратился в реликвию, запертую в амбаре, как трактор и плуг.

Она пониже надвинула на обожженный солнцем лоб соломенную шляпу, некогда белую, а теперь бурую от грязи, вокруг шеи был обмотан голубой платок. Она щурилась от пыли и то и дело сплевывала, выезжая на Главную улицу. Мило медленно цокал копытами по растрескавшейся от зноя земле. На телефонных проводах нахохлились птицы.

До Тополиного она добралась к трем пополудни. В городке стояла тишина, все попрятались от жары. Никто не ходил по магазинам, женщины не собирались группками у витрин. Эти дни канули в прошлое, как и зеленые лужайки.

Шляпная лавка была заколочена, как и аптека, и киоск с газировкой, и закусочная. Кинотеатр «Риальто» держался на волоске, остался только один утренний сеанс в неделю, но мало кто мог позволить себе купить билет. Одетые в лохмотья люди стояли в очереди за едой у пресвитерианской церкви, сжимая в руках металлические ложки и миски. Веснушчатые, обгоревшие на солнце дети выглядели такими же прибитыми, как их родители, и даже не шумели.

Одинокое дерево на Главной улице – дельтовидный тополь, в честь которого назвали городок, – умирал. Каждый раз, когда Элса приезжала в город, он выглядел все хуже.

Фургон катил, дребезжа по мостовой, мимо заколоченного здания окружного комитета по соцобеспечению (нуждающихся много, а денег нет), мимо тюрьмы, как никогда переполненной: здесь сидели бездомные, бродяги, без документов приехавшие по железной дороге. Кабинет врача все еще работал, но булочной пришлось закрыться. Большинство деревянных домов были одноэтажными. В тучные годы их регулярно красили. Теперь дома стояли серые.

– Но-о, Мило. – Элса натянула вожжи.

Лошадь и дребезжащий фургон остановились. Мерин потряс головой и устало фыркнул. Он тоже терпеть не мог жару.

Элса взглянула на салун «Сило». Два окна приземистого квадратного здания, которое было в два раза длиннее, чем дома по соседству, выходили на Главную улицу. Одно из них разбили в прошлом году в пьяной драке, стекло так и не вставили. Салун построили в восьмидесятые годы прошлого века для ковбоев, которые работали на огромном ранчо, занимавшем три миллиона акров и расположенном у границы Техаса и Нью-Мехико. Ранчо давно уже исчезло, да и ковбоев почти не осталось, но салун уцелел.

После отмены сухого закона заведения, подобные «Сило», снова открылись, но во время Великой депрессии все меньше оставалось мужчин, готовых потратить на пиво несколько центов.

Элса привязала мерина к коновязи и разгладила юбку своего слегка влажного хлопчатобумажного платья. Она сама сшила его из старых мешков из-под муки. Все теперь шили одежду из мешков. Производители мешков даже начали печатать на них симпатичные узоры. Подумаешь, цветочный узор, но все, что позволяло женщине ощутить себя красивой в эти тяжелые времена, дорогого стоило. Элса убедилась, что платье, топорщившееся на исхудавших бедрах и груди, застегнуто до самого горла. Грустно, что она, тридцативосьмилетняя взрослая женщина с двумя детьми, все еще боится заходить в подобные места. Хотя Элса уже много лет не видела родителей, но их неодобрение до сих пор звучало мощным, отчетливым голосом, продолжая определять представление Элсы о себе.

Элса собралась с духом и открыла дверь. Длинный и узкий салун был таким же неухоженным, как и сам городок. В прокуренном помещении разило прокисшим пивом и застарелым потом. Мужчины, пятьдесят лет сидевшие с пивом за стойкой красного дерева, натерли ее до блеска. Вдоль стойки стояли облезлые, исцарапанные барные табуреты, сейчас, в разгар знойного дня, в основном свободные.

На одном, осев всем телом и уронив голову, сидел Раф. Локти его лежали на стойке, перед ним стояла пустая рюмка. Черные волосы закрывали лицо. На нем был выцветший, заштопанный комбинезон и рубашка из мешковины. Между двумя грязными пальцами тлела коричневая самокрутка.

Откуда-то из глубины салуна раздался старческий голос:

– Берегись, Раф. Шериф в городе.

У старика заплетался язык, рта почти не было видно за седой бородой.

Бармен поднял глаза. На плече у него висела грязная тряпка.

– Здрасьте, Элса. Пришли заплатить за него?

Отлично. У них нет денег купить детям новую обувь или ей пару чулок взамен единственной, вконец изорвавшейся, а муж напивается в кредит. Элса остро почувствовала себя неуклюжей и уродливой в бесформенном платье из мешковины и толстых хлопчатобумажных чулках. Ноги в потрепанных кожаных туфлях казались огромными.

– Раф? – тихонько позвала она, подходя к мужу.

Положила руку ему на плечо, надеясь смягчить прикосновением, как своенравного жеребенка.

– Я собирался выпить только одну рюмку, – сказал он и прерывисто вздохнул.

Элса не смогла бы вспомнить, сколько раз она слышала это «Я собирался». В первые годы их брака Раф старался. Она видела, что он старался любить ее, быть счастливым, но засуха иссушила ее мужа, как иссушила землю. Последние четыре года он уже не сочинял историй о будущем. Три года назад они похоронили сына, но даже это не подкосило его так, как нищета и засуха.

– Твой отец рассчитывал, что ты сегодня поможешь ему сажать озимый картофель.

– Да.

– Детям нужна картошка, – сказала Элса.

Он приподнял голову, взглянул на нее сквозь пыльную черноту волос.

– Думаешь, я не знаю?

Я думаю, ты сидишь здесь, пропивая наши последние деньги, так что откуда мне знать, что ты знаешь? Лореде нужны новые туфли, вот это я знаю. Но вслух произнести это она не осмелилась.

– Я плохой отец, Элса, а муж еще хуже. Почему ты меня не бросаешь?

Потому что я люблю тебя.

Взгляд его темных глаз разбивал ей сердце. Она и в самом деле любила мужа так же сильно, как своих детей, Лореду и Энтони, и так же сильно, как она полюбила старших Мартинелли и землю. Элса открыла в себе практически безграничную способность любить. И, помоги ей Господь, именно ее обреченная, неизменная любовь к Рафу постоянно лишала ее дара речи, заставляла отдаляться, чтобы не показаться жалкой. Иногда, особенно в те ночи, когда он вообще не ложился в супружескую постель, она чувствовала, что заслуживает большего, и, может быть, если бы она встала и потребовала этого большего, она бы его получила. А потом вспоминала, что говорили о ней родители, вспоминала свою извечную некрасивость и продолжала молчать.

– Ладно, Элса, вези меня домой. Мне не терпится провести остаток дня, копаясь в грязи, чтобы посадить картошку, которая все равно умрет без дождя.

Элса поддержала Рафа, когда он, пошатываясь, вывалился из салуна, и помогла ему забраться в фургон. Она взяла вожжи и шлепнула по крупу мерина. Мило устало фыркнул и начал долгий, медленный путь через город, мимо заброшенного зала собраний, где когда-то встречался Ротари-клуб[11]. Раф оперся на Элсу, положив изящную руку с длинными пальцами ей на бедро.

– Прости меня, Элс, – сказал он вкрадчиво.

– Все в порядке, – ответила она искренне.

Если он рядом с ней, то все в порядке. Она всегда его простит.

Пусть Раф давал ей совсем мало, а порой едва замечал ее, она жила в страхе потерять его привязанность. Потерять любовь. Так же как боялась потерять любовь дочери-подростка, настроение которой часто менялось.

В последнее время этот страх стал таким сильным, что Элса едва с ним справлялась.

Лореде исполнилось двенадцать, и она была зла на весь мир. В один день закончилось то время, когда мать и дочь вместе возились в саду, а перед сном читали книги, когда они обсуждали характер Хитклиффа и силу Джейн Эйр. Лореда всегда была папиной дочкой, но в детстве в ее сердце хватало места для обоих родителей. На самом деле для всех. Лореда была счастливейшим ребенком, всегда готовым рассмеяться, захлопать в ладоши, всегда в центре внимания. Засыпала она, только если Элса лежала рядом и гладила ее по волосам.

И вдруг все это исчезло.

Элса каждый день горевала из-за потерянной близости со своим первенцем. Поначалу она пыталась перелезть через стены, возведенные подростковым, иррациональным гневом ее дочери, отвечая на злость любовью, но Лореда относилась к ней с едва сдерживаемым раздражением, и это лишало Элсу сил. Поведение дочери воскресило в Элсе всю ту неуверенность, в какой она провела свое собственное отрочество. Элса начала отдаляться от Лореды, сначала надеясь, что дочь перерастет все эти перепады настроения, а затем – и того хуже – поверив, что Лореда разглядела в матери изъян, который видели ее родные.

Элса чувствовала бездонный стыд от того, что дочь ее отвергала. Обиженная, она поступила так, как поступала всегда, – ушла в себя, замкнулась. И все же постоянно ждала, молилась, что муж и дочь

однажды осознают, как сильно она их любит, и полюбят ее в ответ. А пока не осмеливалась давить слишком сильно или просить слишком многого. Цена могла оказаться слишком высока.

Когда она вышла замуж, когда стала матерью, она не знала того, что знала сейчас: без любви можно жить, только если у тебя ее никогда не было.

В первый учебный день единственная оставшаяся в городке учительница, Николь Баслик, стояла у доски с мелом в руках. Каштановые волосы пушистым нимбом обрамляли раскрасневшееся от жары лицо. Кружево на горле потемнело от пота, и Лореда не сомневалась, что миссис Баслик боится поднять руки и показать ученикам пятна пота под мышками.

Двенадцатилетняя Лореда развалилась за партой, не слушая, что говорит учительница. Опять разглагольствует о том, что пошло не так. Великая депрессия, засуха, бла-бла-бла. Сколько Лореда себя помнила, времена всегда были тяжелыми. О, она знала, что давным-давно, в незапамятные времена, дожди шли каждый сезон, питая почву. Лореда почти ничего не помнила об этих зеленых годах, кроме пшеницы дедушки, золотых колосьев, танцующих под огромным голубым небом. Их шуршания. Тракторов, которые двадцать четыре часа в сутки вспахивали землю, осваивая все новые поля. Стаи механических насекомых, пережевывающих почву.

Когда же начались плохие годы? Трудно точно сказать. Тут было из чего выбрать. Некоторые сказали бы, что в 1929-м, когда рухнула биржа, но только не местные жители. Тогда Лореде было семь лет, и она кое-что помнила. Люди выстраивались в очереди возле ссудно-сберегательной кассы. Дедушка жаловался на низкие цены на пшеницу. Бабушка вечно жгла свечи, бормотала молитвы, перебирала четки. Биржевой крах принес беду, но основной удар пришелся по большим городам, где Лореда никогда не бывала. Дожди в двадцать девятом году лили как положено, а значит, и урожай собрали отменный, значит, время для Мартинелли было вполне хорошим.

Дедушка продолжал ездить на тракторе, продолжал сеять пшеницу, хотя цены резко упали из-за Великой депрессии. Он даже купил грузовик новой модели, «форд-АА». В то время папа часто

улыбался и, пока мама занималась домашними делами, рассказывал Лореде истории о дальних странах.

Последний богатый урожай собрали в 1930-м, когда Лореде исполнилось восемь. Она помнила свой день рождения. Прекрасный весенний день. Подарки. Тирамису бабушки со свечами, торчащими из-под слоя какао. Ее лучшей подруге Стелле впервые позволили заночевать у них. Папа учил их со Стеллой танцевать чарльстон, а дедушка подыгрывал на скрипке.

А потом дожди случались все реже, а вскоре и совсем прекратились. *Засуха.*

Зеленые поля стали воспоминанием, миражом детства. Взрослые выглядели такими же иссушенными, как земля. Дедушка проводил бесконечные часы в мертвых пшеничных полях, брал горсти сухой земли намозоленными руками и смотрел, как она сыплется сквозь пальцы. Он горевал, что его виноград умирает, и всем, кто готов был слушать, рассказывал, что первые лозы он привез из Италии в карманах. Бабушка повсюду воздвигала алтари, распятий на стенах стало в два раза больше, а по воскресеньям она заставляла всех молиться о дожде. Иногда весь город собирался в школе помолиться о дожде. Приверженцы всех религий молили Бога об одном и том же: пресвитерианцы, баптисты, ирландские и итальянские католики. Мексиканцы ходили в свою церковь, построенную сотню лет назад.

Все постоянно говорили о засухе и жалели о прошедших славных деньках. Кроме матери.

Лореда тяжело вздохнула.

Мама вообще когда-нибудь была веселой? Если да, то Лореда этого не запомнила, как и многое другое. Иногда, засыпая, она думала, что помнит смех матери, ее прикосновения, даже слова «Будь смелой», которые та шептала, перед тем как поцеловать ее на ночь.

Но все больше и больше эти воспоминания казались придуманными, ложными. Она не могла вспомнить, когда мать в последний раз смеялась.

Мама только и делала, что работала.

Работа, работа, работа. Как будто бы эта работа их спасет.

Лореда не могла бы сказать, когда именно она начала сердиться на… мамино исчезновение. По-другому это назвать было нельзя. Мать вставала задолго до рассвета и работала. День за днем. Час за часом.

Она постоянно твердила, что нужно беречь еду, не пачкать одежду и не тратить попусту воду.

Лореда и представить себе не могла, почему ее красивый, обаятельный, веселый отец когда-то влюбился в маму. Однажды Лореда сказала отцу, что мама как будто боится смеха. Он ответил: «Нет, Лоло», ответил в своей привычной манере, наклонив голову набок и улыбаясь, что значило: он не хочет об этом говорить. Он никогда не жаловался на жену, но Лореда знала, как он себя чувствует, поэтому жаловалась за него. Это сближало их, показывало, как они похожи, она и папа.

Похожи как две капли воды. Все так говорили.

Как папа, Лореда видела, насколько ограничена жизнь на пшеничной ферме в Техасском выступе, и не имела ни малейшего намерения становиться такой, как мама. Она не собиралась всю жизнь просидеть на умирающей ферме, блекнуть и покрываться морщинами под солнцем настолько жарким, что плавилась даже резина. И тщетно молиться о дожде тоже не собиралась. Ни за что.

Она собиралась объездить весь мир и писать о своих приключениях. Когда-нибудь она станет такой же знаменитой, как Нелли Блай[12].

Когда-нибудь.

Коричневая полевая мышка выползла из-под плинтуса у окна. Остановилась возле учительского стола, попила из чернильной лужицы. Мышь повернула голову, и Лореда увидела, что носик у нее стал синим.

Лореда пихнула локтем Стеллу Деверо, которая сидела за партой рядом с ней. Стелла подняла на нее осоловевшие от жары глаза.

Лореда показала на мышку.

Стелла почти улыбнулась.

Прозвенел звонок, и мышка юркнула в норку в углу.

Лореда встала. Ее платье было липким от пота. Она подхватила сумку с учебниками и вышла из класса вместе со Стеллой. Обычно по дороге они без конца болтали о мальчиках, или книгах, или местах, которые хотели увидеть, или о фильмах, которые будут показывать в кинотеатре «Риальто», но сегодня было слишком жарко, чтобы разговаривать.

Младший брат Лореды, Энтони, как обычно, первым выбежал из школы. Семилетний Энт бегал, как необъезженный жеребенок, выбрасывая в стороны нескладные конечности. Самый бойкий в школе, Энт всегда как будто подпрыгивал. Его выцветшему, заплатанному комбинезону не хватало нескольких дюймов в длину, из потрепанных манжет торчали щиколотки, тонкие, как ручка метлы, носки ботинок прохудились. Веснушчатое угловатое лицо от загара приобрело цвет кожаного седла, а на щеках солнце оставило большие красные пятна. Кепка скрывала грязные черные волосы. Увидев фургон родителей, он замахал и кинулся им навстречу. В своей жизни он и не знал ничего, кроме засухи, поэтому играл и смеялся, как самый обычный мальчик. Младшая сестра Стеллы, София, попыталась его догнать.

– Как это твоя мама всегда сидит на жаре с такой прямой спиной? – спросила Стелла.

У нее, единственной в классе, новые туфли и платья из настоящей хлопчатобумажной ткани в клеточку. Семья Деверо жила неплохо, хотя дедушка Лореды говорил, что для всех банков настали трудные времена.

– Как бы жарко ни было, она никогда не жалуется.

– Моя мама тоже особо не жалуется, но послушала бы ты мою сестру. С тех пор как она вышла замуж, она все время орет как недорезанная свинья, возмущается, сколько всего приходится делать жене.

– Я замуж не собираюсь, – ответила Лореда. – Мы с папой когда-нибудь вместе поедем в Голливуд.

– А мама не будет против?

Лореда пожала плечами. Кто знает, что не понравится маме? И кому какое дело?

Стелла и София повернули налево и направились к своему дому на другом конце городка.

Энт подбежал к фургону.

– Привет, мама, привет, папа! – Он широко улыбался, показывая дыру на месте выпавшего зуба.

– Здорово, сынок, – сказал папа. – Залезай назад.

– Хочешь посмотреть, что я сегодня нарисовал в классе? Миссис Баслик говорит…

– Залезай в фургон, Энтони, – повторил Раф. – Посмотрю твой рисунок дома, когда солнце сядет и эта проклятая жара спадет.

Энт притих.

Лореде неприятно было видеть отца таким грустным, словно побитым. Засуха высасывала из него все силы. Они оба – яркие звезды, им нужно сиять. Папа всегда так говорил.

– Хочешь завтра пойти в кино, папочка? – спросила она, с обожанием глядя на него. – Снова показывают «Маленькую мисс Маркер»[13].

– У нас нет денег на билеты, Лореда, – сказала мама. – Садись сзади рядом с братом.

– А как насчет…

– Залезай в фургон, Лореда.

Лореда забросила в фургон сумку с книгами и залезла сама. Они с Энтом сидели рядышком на пыльном старом одеяле, которое всегда лежало сзади.

Мама щелкнула вожжами, и повозка тронулась.

Покачиваясь вместе с движущимся фургоном, Лореда смотрела на сухую землю. В воздухе висело дрожащее марево. Они проехали мимо гниющего трупа быка с торчащими ребрами, из-под песка торчали рога. Вокруг вились мухи. Ворона приземлилась на труп, властно каркнула и принялась клевать кости. Рядом стоял брошенный «форд-Т» с распахнутыми дверцами, колеса по ось ушли в сухую землю.

Слева, окруженная бурыми полями, виднелась маленькая ферма – и ни единого дерева, которое бы дало хоть подобие тени. К двери приколотили две таблички: «Аукцион» и «Конфисковано за долги». Во дворе стояла старая колымага, забитая скарбом. Сзади к колымаге привязали несколько ведер, огромную чугунную сковороду и деревянный короб, набитый консервными банками и мешками пшеницы. Работающий мотор изрыгал в воздух клубы черного дыма, корпус машины подрагивал. Кастрюли и сковородки пристроили везде, где только можно было. Двое детей стояли на ржавых подножках, а на пассажирском сиденье расположилась женщина с грустными лицом и грязными распущенными волосами, державшая на руках младенца.

Фермер – Уилл Бантинг – стоял у водительской дверцы. Грязный комбинезон, рубашка с одним рукавом, на лоб низко надвинута потрепанная ковбойская шляпа.

– Тпру… – сказала мама и сдвинула на затылок соломенную шляпу.

– Здорово, Раф, Элса, – хрипло сказал Уилл, сплюнув табак в пыль.

Он медленно преодолел расстояние от перегруженного автомобиля до фургона.

– Куда собрались? – спросил папа.

– Сматываемся отсюда. Ты знаешь, что мой сынок, Кэллсон, умер этим летом? – Уилл оглянулся на жену. – А теперь новый родился. Мы тут больше не можем. Уезжаем.

Лореда выпрямилась. Они *уезжают*?

Мама нахмурилась:

– А как же ваша земля…

– Теперь это земля банка. Мы не смогли вносить платежи.

– И куда вы поедете? – спросил папа.

Уилл достал из заднего кармана помятую листовку.

– В Калифорнию. Говорят, это края молока и меда. Мед мне не нужен. Только работа.

– Откуда ты знаешь, что это правда? – спросил папа, взяв у него листовку.

Работа для всех! Земля возможностей! Отправляйтесь на Запад, в Калифорнию!

– Я и не знаю.

– Нельзя же просто так уехать, – сказала мама.

– Для нас уже слишком поздно. Наша семья дошла до предела. Скажите своим, что я передал им привет.

Уилл повернулся, подошел к пыльной машине и сел на водительское место. Металлическая дверь захлопнулась.

Мама прищелкнула языком, взмахнула вожжами, и Мило снова поплелся вперед. Лореда смотрела, как колымага скрылась в облаке пыли, больше она ни о чем другом думать не могла. *Уехать.* Они могли бы отправиться в одно из тех мест, о которых они говорили с папой, – Сан-Франциско, или Голливуд, или Нью-Йорк.

– Гленн и Мэри-Линн Маунгер уехали на прошлой неделе, – сказал папа. – В Калифорнию. Просто собрались и уехали на своем старом «паккарде».

Мама не сразу ответила:

– Помнишь, мы смотрели хронику? Очереди за хлебом в Чикаго. Люди, ночующие в халупах и картонных коробках в Центральном парке. У нас, по крайней мере, есть яйца и молоко.

Папа вздохнул. Лореда чувствовала всю боль, всю обиду, заключенную в этом вздохе. *Конечно же*, мама сказала «нет».

– Да, понятное дело. – Он бросил листовку на пол фургона. – Мои все равно никогда не уедут.

– Никогда, – согласилась мама.

Вечером, после ужина, Лореда сидела на качелях на крыльце.

Уехать.

Медленно опускалось солнце, ночь поглощала плоскую, коричневую, выжженную землю. Одна из коров жалобным мычанием выпрашивала воду. В темноте дедушка начнет поить животных, станет таскать ведра из почти пересохшего колодца, а бабушка с мамой будут поливать огород.

В тишине резко раздавался скрип качелей. Из дома доносилось треньканье телефона: линию они делили с соседями. В эти дни телефонный звонок не значил ничего веселого, все говорили только о засухе.

Кроме отца. Он совсем не похож на фермеров и продавцов. Жизнь или смерть всех других мужчин как будто бы зависела от земли, погоды и урожая. Как у дедушки.

Когда Лореда была маленькой и на дождь можно было рассчитывать, когда высоко поднимались золотые колосья пшеницы, дедушка Тони постоянно улыбался, по выходным пил виски и играл на скрипке на городских праздниках. Он частенько брал ее за руку и вел гулять в шепчущую пшеницу, говорил, что если она будет внимательно слушать, колосья расскажут ей интересные истории. Он брал пригоршню земли своими большими мозолистыми ладонями, бережно, точно то была горсть бриллиантов, и говорил: «Все это однажды станет твоим, потом перейдет твоим детям и детям твоих детей». *Земля.* Он произносил это слово так, как отец Майкл произносил слово «Бог».

А бабушка и мама? Они как все жены фермеров в Тополином. Работали так остервенело, что до костей стирали пальцы, редко

смеялись и почти не разговаривали. Если же все-таки заводили беседу, то о чем-нибудь неинтересном.

Папа единственный говорил об идеях, о выборе и мечтах. О путешествиях и приключениях, обо всех жизнях, которые может прожить человек. Он повторял, что за пределами фермы лежит большой прекрасный мир.

За спиной Лореды открылась дверь. До нее донесся запах тушеных помидоров, жареной панчетты и чеснока. Папа вышел на веранду и тихонько притворил за собой дверь. Зажег сигарету и сел на качели рядом с Лоредой. Она уловила сладкий запах вина в его дыхании. Предполагалось, что они будут на всем экономить, но папа не мог отказаться от вина и джина. Он говорил, что алкоголь – единственное, благодаря чему он еще не сошел с ума. Ему нравилось добавлять скользкий, сладкий ломтик консервированного персика в вино, которое он пил после ужина.

Лореда привалилась к отцу. Он обнял ее, притянул к себе, и так они вместе качались туда-сюда.

– Ты что-то притихла, Лореда. Не похоже на мою девочку.

Ферма погружалась в темноту, полную звуков: работала ветряная мельница, поднимая драгоценную воду, куры рылись в земле, свиньи хрюкали в пыли.

– Эта засуха, – сказала Лореда, произнося ненавистное слово как все вокруг. *Засуха*. Она замолчала, тщательно подбирая слова. – Она убивает землю.

– Ага.

Отец сунул окурок в горшок с мертвыми цветами.

Лореда достала из кармана листовку и аккуратно ее расправила.

Калифорния. Земля молока и меда.

– Миссис Баслик говорит, что в Калифорнии есть работа. Деньги лежат на улице. А дядя Стеллы в открытке написал, что в Орегоне есть работа.

– Я сомневаюсь, что где-то деньги лежат на улицах, Лореда. В городах жизнь еще хуже из-за этой Великой депрессии. Я читал, что сейчас больше тринадцати миллионов безработных. Ты видела бродяг, которые ездят на поездах. Ты бы расплакалась, если бы увидела гувервилль[14] в Оклахома-Сити. Семьи живут в тележках для яблок.

Когда наступит зима, они будут умирать от холода на скамейках в парке.

– В Калифорнии никто не умирает от холода. Там можно найти работу. Может быть, на железной дороге.

Папа вздохнул, и по этому вздоху она поняла, о чем он думает. Они как будто настроены на одну волну.

– Мои родители… и твоя мама… они никогда не оставят эту землю.

– Но…

– Пойдет дождь, – сказал папа, но с такой печалью, как будто он даже не хотел, чтобы дождь их спас.

– Разве обязательно быть фермером?

Папа повернулся к ней. Нахмурил густые черные брови.

– Я родился фермером.

– Ты всегда говорил мне, что в Америке можно стать кем угодно.

– Ну да. Когда-то я принял неправильное решение, и… в общем… иногда жизнь выбирает за тебя.

Он надолго замолчал.

– Какое неправильное решение?

Папа не смотрел на нее. Он сидел рядом с ней, но мыслями был где-то в другом месте.

– Я не хочу здесь засохнуть и умереть, – сказала Лореда.

Он повторил:

– Пойдет дождь.

Глава седьмая

Снова невыносимо жаркий день, а еще нет и десяти утра. Пока что сентябрь не принес никакого облегчения.

Стоя на коленях, Элса изо всех сил терла кухонный линолеум. Она проснулась уже много часов назад. Лучше всего домашние дела делались на рассвете и после заката, когда было относительно прохладно.

Ее внимание привлек шорох. Из укрытия в уголке выбежал тарантул размером с яблоко. Элса встала и шваброй прогнала его на улицу. Для паука хуже снова оказаться на жаре, чем умереть под ее каблуком. Кроме того, у Элсы едва ли хватило бы энергии, а главное, воли раздавить его. В последнее время ей трудно было делать хоть что-то помимо привычных дел.

В этой сухой жаре можно выжить, только сберегая все: воду, еду, эмоции. Последнее труднее всего.

Она сознавала, как несчастны Раф и Лореда. В эти дни им двоим, похожим как две капли воды, приходилось тяжелее, чем остальным. Не то чтобы хоть кто-нибудь на ферме был счастлив. Да и как тут быть счастливым? Но Тони, и Роуз, и Элса из тех, кто ждет от жизни только испытаний, они закалились в борьбе. Родители мужа много лет вкалывали – он на железной дороге, она на ткацкой фабрике, – чтобы заработать денег на землю. Их первым домом стала землянка из торфяных брикетов, которую они сами построили. Они сошли с корабля как Антонио и Розальба, но тяжкий труд и эта земля превратили их в Тони и Роуз. Американцев. Они умрут от голода и жажды, но не откажутся от земли. И хотя Элса не родилась фермершей, она стала ею.

За прошедшие тринадцать лет она научилась любить эту землю и ферму больше, чем могла вообразить. В хорошие годы весной, глядя, как зеленеет огород, она радовалась, а осенью – гордилась; ей нравилось видеть плоды своих трудов на полках погреба: банки с красными помидорами, блестящими персиками и яблоками, приправленными корицей; панчетту – рулеты из свиной брюшины со специями и копченые окорока, свисающие с крюков на потолке; ящики, переполненные картофелем, и луком, и чесноком с огорода.

Мартинелли приняли Элсу в семью, и она отплатила за неожиданную доброту глубокой преданностью, истовой любовью к ним и их образу жизни, но пока Элса врастала в семью, Раф отдалялся от нее. Он несчастен уже много лет, и теперь Лореда шла по стопам отца. А как иначе. Как ей было не подпасть под обаяние Рафа, не начать, как и он, мечтать о невозможном. От его улыбки озарялась комната. Он кормил свою впечатлительную, порывистую дочь мечтами, когда она была маленькой, теперь же передал ей свое недовольство жизнью. Элса знала, что Раф жаловался Лореде, делился с дочерью тем, чем не делился с родителями и женой. Лореда занимала большую часть сердца Рафа с самого своего рождения.

Элса снова принялась надраивать кухонный пол, а покончив с ним, занялась остальными комнатами, которых было восемь: смахнула пыль с деревянной мебели и подоконников, вынесла ковры на улицу и принялась выбивать их палкой.

Поднялся ветер, вздыбил платье Элсы. Пот бежал по ее лицу, струился между грудями. Она перестала выбивать ковер и прикрыла глаза рукой. Мутная, желтая, как моча, дымка постепенно закрывала небо.

Элса сдвинула шляпу и вгляделась в болезненно-желтый горизонт.

Пыльная буря. Новый бич Великих равнин.

Небо быстро меняло цвет, становясь красновато-коричневым.

Усиливающийся ветер с юга набросился на ферму.

В лицо ударило перекати-поле, содрав кожу с щеки. Колючее растение полетело дальше, вращаясь по спирали. С курятника сорвалась доска и ударилась о торец дома.

Раф и Тони выбежали из амбара.

Элса закрыла нос и рот платком.

Коровы испуганно мычали и толкались, подставляя костлявые крупы пыльной буре. От статического электричества их хвосты встали торчком. Мимо пронеслась стая птиц, они часто махали крыльями, пытаясь опередить пыль.

Ковбойская шляпа слетела с головы Рафа и зацепилась за забор из колючей проволоки.

– Иди в дом! – заорал он. – Я займусь животными.

– Дети!

– Миссис Баслик знает, что делать. Иди в дом.

Ее дети. *На улице в такую бурю.*

Ветер уже выл, наносил удары, швырял людей из стороны в сторону. Элса согнулась и, борясь с ураганным ветром, пробралась к дому.

Она кое-как поднялась по неровным ступенькам на засыпанное песком крыльцо и ухватилась за металлическую ручку, но тут разряд статического электричества сбил ее с ног. Оглушенная, она закашлялась, попыталась восстановить дыхание.

Дверь открылась.

Роуз рывком подняла ее на ноги и затащила в трясущийся, дребезжащий дом.

Элса и Роуз бегали из комнаты в комнату, от окна к окну, закрывая стекла и подоконники газетами и тряпками. Пыль сыпалась с потолка, просачивалась в крошечные трещинки в оконных рамах и стенах. Свечи на самодельном алтаре потухли. Из всех щелей выползли сороконожки, сотни сороконожек, они ползли по полу в поисках укрытия.

Дом сотряс такой сильный порыв ветра, что, казалось, сейчас сорвет крышу.

И этот *гул.*

Как будто на них на полном ходу несся грохочущий локомотив. Дом дрожал, словно тяжело больной, за стенами завывал безумный ветер-банши.

Дверь отворилась, муж и свекор Элсы, пошатываясь, ввалились внутрь. Тони захлопнул дверь и задвинул засов.

Элса привалилась к подрагивающей стене.

Она слышала, как хрипло, тяжело дыша, молится ее свекровь.

Взяла ее за руку.

Раф подошел к ним. Она понимала, что они оба думают об одном и том же: что, если дети играли на школьном дворе? Буря налетела *быстро*. Этот ветер не только вырывал из земли чахлые растения, он мог запросто унести целую ферму.

– Все с ними будет в порядке, – сказал Раф, кашляя от пыли.

– Откуда ты знаешь? – прокричала Элса, пытаясь перекрыть грохот.

В глазах мужа она увидела отчаяние – единственный ответ.

Лореда сидела на полу сотрясаемой ветром школы, брат притиснулся к ней, у обоих банданы закрывали рты и носы – совсем как у бандитов. Энт пытался храбриться, но вздрагивал всем телом при каждом особенно яростном порыве ветра, от которого в окнах звенели стекла.

С потолка сыпалась пыль, покрывала все вокруг. Лореда чувствовала, как песок собирается в волосах, засыпает одежду. Ветер накидывался на деревянные стены, выл высоким, почти человеческим голосом. Птицы в панике бились в окна.

Когда началась буря, миссис Баслик позвала их всех в класс, велела сесть на пол в самом дальнем от окон углу. Она пыталась читать им вслух, но никто не мог сосредоточиться, а вскоре и голоса ее уже не было слышно, так что учительница сдалась и закрыла книгу.

Таких пыльных бурь за последний год было не меньше десяти. Однажды весной неистовый ветер носил пыль двенадцать часов подряд, так что пришлось и готовить, и есть, и делать все домашние дела, задыхаясь от песчаной пыли.

Бабушка и мама говорили, что надо молиться.

Молиться.

Как будто все это закончится, если они запалят свечи и опустятся на колени. Очевидно же, что если Бог знает про людей, живущих на Великих равнинах, то хочет, чтобы они либо уехали, либо погибли.

Когда буря наконец отступила и в школе воцарилась тишина, покрытые пылью дети так и продолжали сидеть с расширенными от страха глазами.

Миссис Баслик медленно поднялась, и пыль потоком хлынула с ее колен. В песке, покрывавшем пол, остались очертания ее тела. Учительница открыла дверь, а снаружи сияло чудесное чистое небо.

Миссис Баслик облегченно вздохнула. И тут же закашлялась.

– Дети, – сказала она хриплым голосом, – буря закончилась.

Энт посмотрел на сестру. Веснушчатое лицо мальчика побурело от пыли там, где его не закрывала бандана. Он потер глаза и стал похож на енота. На ресницах грязными каплями висели слезы. Лореда стянула свою бандану.

– Пойдем, Энт, – сказала она тонким, скрипучим голосом.

Лореда, Стелла и Энт взяли свои сумки с учебниками и пустые ведерки для ланча и пошли домой. Маленькая София плелась позади.

Выйдя из школы, Лореда крепко взяла Энта за руку.

В городе стояла оглушительная тишина. Горели карбидные фонари, которыми городок так гордился четыре года назад, когда их установили, – их зажгли, потому что людям, и машинам, и животным нужен был свет, чтобы в бурю добраться до укрытия.

Дети шли по Главной улице. В дощатой мостовой застряли колючие растения, принесенные ветром, окна зданий были заколочены – из-за Великой депрессии и пыльных бурь.

Когда они подходили к вокзалу, Стелла сказала тихонько, будто боялась, что ее услышат в родительском доме:

– Дела идут все хуже и хуже, Лоло.

Лореде нечего было на это ответить. В доме Мартинелли уже долгое время дела шли все хуже и хуже. Она смотрела, как Стелла уходит, сгорбившись, словно пытаясь спрятаться от грядущих несчастий; вот подруга взобралась на дюну, что ветер насыпал поперек улицы, и повернула за угол к дому. София шла за сестрой.

Лореда и Энт продолжали путь. Казалось, во всем мире нет никого, кроме них двоих.

Они шли мимо заборов, на которых кое-где уцелели таблички «Продается». Ничего, кроме заборов, почти исчезнувших под песчаными насыпями, – ни домов, ни ветряных мельниц. Только бесконечные холмы мельчайшего золотисто-коричневого песка. Кое-где из холмов торчали телефонные столбы. Один столб накренился.

Лореда первой услышала медленное, глухое цоканье копыт.

– Мама! – закричал Энт.

Лореда подняла голову.

Мама вела фургон в их сторону; она сидела, подавшись вперед, будто подгоняла Мило, но бедный старый мерин был так же обессилен и обезвожен, как и все вокруг.

Энт вырвал руку и кинулся к фургону.

Мать остановила лошадь, спрыгнула на землю и побежала навстречу детям. Ее лицо и светлые волосы потемнели от пыли и грязи, подол платья болтался лохмотьями, передник развевался.

Она подхватила Энта и закружила его, крепко прижав к себе и осыпая грязное лицо мальчика поцелуями с такой горячностью, будто уже и не надеялась его увидеть.

Лореда помнила эти поцелуи – в хорошие годы мама пахла лавандовым мылом и тальком.

Но эти годы ушли. Лореда не смогла вспомнить, когда в последний раз позволила маме себя поцеловать. Лореде не нужна была любовь, загоняющая в ловушку. Она хотела, чтобы ей говорили: ты можешь взлететь высоко, стать кем хочешь, поехать куда хочешь. Она хотела того же, что и отец. Когда-нибудь она будет курить сигареты и ходить в джаз-клубы, будет работать. Будет *современной* женщиной.

Мамино представление о месте женщины в мире слишком жалкое.

Мать помогла Энту взобраться на козлы, шагнула к Лореде.

– Ты в порядке? – спросила она, поправила дочери волосы и не сразу отняла ладонь.

– Да. Все отлично, – ответила Лореда, сама понимая, как резко звучит ее голос.

Она знала, что сердиться на маму глупо – не она же управляет погодой, – но не могла сдержаться. Она злилась на весь мир, и почему-то это означало, что больше всего она злилась на маму.

– Энт, похоже, плакал.

– Он испугался.

– Я рада, что он был вместе со старшей сестрой.

Как только мама может улыбаться в такой момент? Это раздражало.

– Ты знаешь, что у тебя зубы все коричневые от грязи? – спросила Лореда.

Улыбка исчезла. Лореда обидела маму. Опять.

Лореде вдруг захотелось плакать. Чтобы мама этого не увидела, девочка забралась в фургон.

– Ты можешь сесть спереди вместе с нами, места хватит, – сказала мама.

– Глядеть на то, куда мы едем, не более лучше, чем глядеть на то, откуда уезжаем. Везде одно и то же. Ничего не меняется.

– Не намного лучше, – машинально поправила мама.

– Точно, – сказала Лореда. – Главное – это образование.

По дороге домой Лореда смотрела на плоскую, плоскую землю. Все деревья вокруг умирали. Из-за последних засушливых лет они болели уже давно, стволы сделались серые, листья стали ломкие – почерневшие конфетти, которые уносил ветер. Уцелело лишь три

дерева. Вдоль дороги громоздились песочные насыпи. Ничего не росло на бесплодных полях. Ни одной зеленой травинки. Никаких растений, кроме колючих перекати-поле и юкки. Чье-то тельце – наверное, зайца – гнило в куче песка, рядом скакали вороны.

Мама остановила фургон во дворе. Мило принялся рыть твердую землю копытом.

– Лореда, отведи Мило в конюшню. Я достану консервированные лимоны и сделаю лимонад, – сказала мама.

– Хорошо, – мрачно буркнула Лореда.

Она вылезла из фургона, взяла вожжи и повела коня к амбару.

Бедняга Мило шел так медленно, что Лореда не могла не пожалеть этого гнедого мерина, который когда-то был ее лучшим другом на всем свете.

– Что поделаешь, Мило. Нам всем плохо.

Она потрепала его по бархатной морде, вспоминая день, когда папа научил ее ездить верхом. На небе не было ни облачка, со всех сторон их окружали золотые пшеничные поля. Ей было страшно. Очень страшно забираться на взрослое седло.

Папа помог ей сесть, шепнул «Не бойся» и встал рядом с мамой, которая, похоже, нервничала не меньше Лореды.

Лореда ни разу не упала. Папа сказал, что она прирожденная наездница, а за ужином повторил, что никогда не видел, чтобы девочки так умело обращались с лошадьми.

Лореда впитала его похвалу и решила, что будет такой, какой ее описал отец. После этого они с Мило много лет были неразлучны. Лореда даже уроки при малейшей возможности делала в конюшне, и они на пару хрустели морковкой, которую она надергала в огороде.

– Я скучала по тебе, мальчик, – сказала Лореда, поглаживая морду мерина.

Тот фыркнул, обрызгав голую руку девочки. «Фу», – сказала она и открыла двойные двери амбара, которыми так гордился дедушка.

В широком центральном проходе стояли трактор и грузовик, с обеих сторон располагались по два стойла, выходивших в загоны. Два для лошадей и два для коров. Сеновал, когда-то до краев забитый сеном, быстро пустел. Все знали, что здесь любил прятаться папа – сидел наверху, курил, пил самогон и мечтал. Он проводил здесь все больше и больше времени.

Лореда распрягла мерина. Запах разогретых резиновых шин с металлическим привкусом мотора мешался с успокаивающими запахами сладкого сена и навоза. В смежном стойле другой мерин, Бруно, тихонько фыркнул и ткнулся носом в калитку.

– Сейчас я принесу вам водички, – сказала Лореда, вынимая липкие удила изо рта Мило, и завела его в стойло, откуда можно было выйти в загон.

Запирая загон, она услышала какой-то звук.

Что это?

Она вышла из амбара наружу и огляделась по сторонам.

Вот опять. Низкий рокот. Не гром. На небе не было ни облачка.

Земля дрожала под ее ногами, издавая громкий треск, будто что-то разламывалось.

В земле открылась трещина, гигантский зигзаг, извивающийся, как змея.

Бум.

Пыль гейзером взвилась в воздух, грязь посыпалась в возникшую расщелину. В дыру упала часть забора из колючей проволоки. От основной трещины расползались новые, словно ветки от ствола дерева.

Во дворе зигзагом вился разлом глубиною футов в пять. Мертвые корни, словно руки скелета, тянулись к Лореде с осыпающихся склонов.

Лореда с ужасом смотрела на расщелину. Она слышала истории о земле, трескающейся от засухи, но думала, что это легенды…

Значит, не только животные и люди иссыхали. Сама земля умирала.

Лореда сидела с отцом в своем любимом месте, на площадке под гигантскими лопастями ветряной мельницы. В последние мгновения перед закатом небо стало красным, Лореда видела известный ей мир до самых его границ и представляла, что там, за ними.

– Я хочу увидеть океан, – сказала она.

Они играли в эту игру, воображая другие жизни, которыми они когда-нибудь будут жить. Лореда не помнила, когда началась эта игра, знала лишь, что сейчас она стала очень важной, потому что никогда прежде папа не был таким печальным. По крайней мере, так ей

казалось. Иногда она спрашивала себя: может, он всегда был печальным, только сейчас она выросла и наконец заметила это?

– Ты увидишь его, Лоло.

Обычно он отвечал: «Мы увидим».

Отец сидел, склонившись вперед, опершись руками на бедра. Густые черные волосы непокорными волнами падали на широкий лоб, на висках они были коротко подстрижены, но мама торопилась, и края получились неровными.

– Ты хочешь увидеть Бруклинский мост, помнишь? – сказала Лореда. Ее пугала отцовская печаль. Они теперь проводили вместе совсем мало времени, а она любила папу больше всех на свете, благодаря ему она чувствовала себя необыкновенной девочкой с большим будущим.

Отец научил ее мечтать. Он противоположность мамы – угрюмой рабочей лошадки, которая медленно плетется по дороге, вечно занятая делами, не знающая, что такое веселье. Лореда даже внешне вся в отца. Все так говорят. Те же густые черные волосы, тонкие черты лица, полные губы. Единственное, что Лореде досталось от мамы, – это голубые глаза, но даже глазами мамы Лореда смотрела на мир так, как смотрел на него папа.

– Конечно, Лоло. Как такое забудешь? Мы с тобой когда-нибудь увидим мир. Постоим на вершине Эмпайр-стейт-билдинг, сходим на премьеру фильма на Голливудском бульваре. Черт, может быть, мы даже…

– Раф!

Мама стояла у ветряной мельницы, задрав голову. В коричневом платке, платье из мешковины и чулках, спускающихся гармошкой, она выглядела почти такой же старой, как бабушка. И, как всегда, держалась прямо, будто кол проглотила. Она довела до совершенства эту непреклонную позу: плечи назад, спина прямая, подбородок вперед. Из-под платка выбивались прядки светлых и тонких, как кукурузные рыльца, волос.

– Привет, Элса. Ты нас нашла, – сказал папа, заговорщицки улыбнувшись Лореде.

– Отец хочет, чтоб ты помог ему с поливом, пока не жарко. И я знаю одну девочку, которая еще не закончила свои дела.

Папа легонько толкнул Лореду плечом и начал спускаться. Деревянные ступеньки скрипели и прогибались под его ногами. Последние несколько футов он преодолел прыжком.

Лореда сползла вслед за ним, но не особо торопясь. Когда она спустилась, отец уже шел к амбару.

– Почему ты никому не позволяешь хоть немного отдохнуть и повеселиться? – спросила она мать.

– Я хочу, чтобы ты с папой отдыхала и веселилась, но я сегодня очень рано встала и мне нужна твоя помощь, чтобы разобрать белье.

– Ты такая *злая*, – сказала Лореда.

– Я не злая, Лореда, – ответила мама.

Лореда слышала обиду в ее голосе, но ей было все равно. Неконтролируемый гнев всплыл на поверхность.

– Тебе все равно, что папа несчастен?

– Жизнь тяжела, Лореда. Тебе нужно стать тверже, или она вывернет тебя наизнанку, как твоего отца.

– Папа несчастный не из-за жизни.

– Да что ты! Скажи мне, раз у тебя такой богатый опыт, из-за чего твой отец несчастлив?

– Из-за тебя, – ответила Лореда.

Глава восьмая

Сто четыре градуса[15] в тени, и колодец почти пересох. Воду в цистерне берегли и носили в дом ведрами. Вечером они давали животным столько воды, сколько могли.

Овощи, за которыми Элса и Роуз так старательно ухаживали, погибли. Вчерашний ураган с корнем вырвал многие растения, остальные иссушило беспощадное солнце.

Она услышала шаги Роуз у себя за спиной.

– Поливать бесполезно, – сказала Элса.

– Да, – ответила свекровь с такой болью, что Элсе захотелось ее утешить.

– Сегодня ты молчаливая, – сказала Роуз.

– Обычно-то я болтаю без умолку, – заметила Элса, переводя разговор на другую тему.

Роуз легонько толкнула ее плечом:

– Скажи мне, что не так. Помимо очевидного, конечно.

– Лореда на меня злится. Все время. Клянусь, я еще рта не успеваю открыть, а она уже взрывается.

– Трудный возраст.

– Думаю, дело не только в этом.

Роуз уставилась на выжженные поля.

– Мой сын *stupido*[16]. Забивает ей голову мечтами.

– Он несчастлив.

Роуз насмешливо фыркнула:

– А кто счастлив-то? Посмотри, что происходит.

– Мои родители, моя семья, – тихонько сказала Элса.

Она редко говорила о них, боль была слишком глубока для слов, к тому же слова ничего не изменили бы. В последнее время отношение к ней Лореды вернуло Элсу к страданиям молодости. Элса помнила тот день, когда отнесла Лореду в розовом платьице к дому родителей, надеясь, что теперь, когда она замужем, они снова примут ее. Элса несколько недель шила это хорошенькое розовое платьице с кружавчиками и связала шапочку в тон. И как-то раз она одна поехала в Далхарт и припарковала грузовик у черного входа. Элса четко помнила каждое мгновение. *Она идет по дорожке, пахнет розами. Все*

в цвету. Безоблачное голубое небо. Пчелы вьются вокруг розовых кустов.

Она и нервничала, и гордилась. Она вышла замуж и родила такую чудесную малютку, что даже незнакомые люди называли ее красавицей.

Стук в дверь. Стук каблуков по половицам. Дверь открыла мать, одетая для церкви, в жемчугах. Отец в коричневом костюме.

Глаза Элсы наполнились непрошеными слезами.

– Вот, – сказала она с робкой улыбкой. – Моя дочь, Лореда.

Мама, вытянув шею, посмотрела на чудесное личико малышки.

– Погляди, Юджин, какая она черная. Убери свое позорище, Элсинор.

Дверь захлопнулась.

Элса пообещала себе, что больше никогда не встретится с родителями, не заговорит с ними, но их отсутствие все равно причиняло ей непреходящую боль.

Видимо, некоторых людей нельзя перестать любить, перестать нуждаться в их любви, даже если ты все о них понимаешь.

– Да? – Роуз взглянула на нее.

– Они меня не любили. Я так и не поняла почему. Но теперь, когда Лореда постоянно сердита на меня, я все думаю: может, и она меня видит такой же, как они? Им тоже казалось, что я все делаю неправильно.

– Помнишь, что я тебе сказала в тот день, когда родилась Лореда?

Элса чуть не улыбнулась.

– Что она полюбит меня так, как никто никогда не любил, и сведет меня с ума, и всю душу мне вымотает?

– *Si*[17]. И видишь, как я была права?

– Думаю, лишь отчасти. Она определенно разбивает мне сердце.

– Да. Я тоже была настоящим испытанием для моей бедной мамы. Любовь приходит в начале ее жизни и в конце твоей. В этом жестокость Бога. Разве твое сердце так разбито, что уже не может любить?

– Конечно, нет.

Роуз пожала плечами, как будто хотела сказать: «Вот она, материнская доля».

– Ну и люби. Что нам еще остается?

– Просто мне… больно.

Роуз помолчала.

– Да, – наконец сказала она.

На дальнем поле Тони и Раф трудились в поте лица, засевая озимой пшеницей твердую землю, будто припорошенную мукой. Уже три года они сеяли пшеницу и молились о дожде, но осадков было слишком мало, и пшеница не вырастала.

– Этот сезон будет лучше, – сказала Роуз.

– У нас все еще есть молоко и яйца на продажу. И мыло.

Эти маленькие блага имели значение. Элса и Роуз объединили свой индивидуальный оптимизм в общую надежду, более сильную и долговечную в этом союзе. Роуз обняла Элсу за талию, и Элса оперлась о маленькую женщину. С рождения Лореды и все последующие годы Роуз была для Элсы матерью во всех важных смыслах. Пусть они не говорили о своей любви и не делились чувствами в долгих эмоциональных беседах, они были вместе. В одной упряжке. Они сшили свои жизни молча, как женщины, непривычные к разговорам. День за днем они работали вместе, молились вместе, удерживали вместе свою растущую семью, несмотря на все тяготы фермерской жизни. Когда Элса потеряла своего третьего ребенка – сына, который так и не задышал, – именно Роуз обняла Элсу, и дала ей выплакаться, и сказала: «*Некоторые жизни нам не удержать, Бог делает свой выбор без нашего участия»*. И впервые рассказала о собственных потерянных детях, показала, что горе можно перенести – день за днем, дело за делом.

– Пойду дам воды животным, – сказала Элса.

– А я выкопаю все, что найду, – кивнула Роуз.

Элса взяла на веранде ведро и вытерла его изнутри от пыли. У водокачки она надела перчатки, чтобы не обжечься о раскаленный металл, и набрала воды.

Она несла ведро к дому осторожно, чтобы не потерять ни одной драгоценной капли, и у амбара услышала звук, как будто кто-то пилил металл.

Она замедлила шаги, прислушалась – звук повторился.

Она опустила ведро и, обойдя амбар, увидела Рафа: он стоял у трещины в земле, опершись на грабли и низко надвинув шляпу на лицо.

Он плакал.

Элса подошла к мужу и молча встала рядом. Ей всегда было трудно подобрать слова, когда она с ним разговаривала. Она боялась сказать не то, оттолкнуть его, когда хотела, напротив, стать к нему ближе. Характером он походил на Лореду: взрывной, переменчивый. Эти эмоциональные вспышки Элса не могла ни укротить, ни понять. Поэтому она обычно молчала.

– Я не знаю, сколько еще смогу выносить это, – произнес Раф.

– Скоро пойдет дождь. Вот увидишь.

– Как ты до сих пор не сломалась? – спросил он, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

Элса не знала, как на это ответить. У них дети. Им нужно быть сильными ради детей. Или он что-то другое имел в виду?

– У нас же дети.

Он вздохнул, и Элса поняла, что сказала что-то не то.

В том сентябре жара не щадила Великие равнины: день за днем, неделя за неделей она сжигала все, что сумело пережить лето.

Элса плохо спала, а точнее, совсем не спала. Ее мучили кошмары, ей виделись истощенные дети и умирающие растения. Скотина – две лошади и две коровы, кожа да кости, – как-то выживала, питаясь дикими колючками. То небольшое количество сена, которое удалось запасти, почти закончилось. Животные часами стояли неподвижно, словно боялись, что каждый шаг может их прикончить. В самое жаркое время, когда температура поднималась выше ста пятнадцати градусов[18], глаза у них стекленели. Семья Мартинелли старалась как-то поддержать животных, но воды не хватало. Каждую каплю из колодца приходилось беречь. Куры будто впали в летаргию и почти не двигались – лежали в пыли бесформенными кучками перьев и даже не кудахтали, когда их тревожили. Они все еще неслись, и каждое яйцо казалось Элсе золотым, хотя она и боялась всякий раз, что это – последнее.

Сегодня, как и обычно, она открыла глаза прежде, чем закукарекал петух.

Она лежала, стараясь не думать о мертвом огороде, о высохшей земле и приближающейся зиме. Когда солнечный свет проник в окно, Элса села и позволила себе прочитать главу из «Джейн Эйр»: знакомые

слова успокаивали. Потом отложила роман и встала – тихонько, чтобы не разбудить Рафа. Одевшись, она задержала взгляд на спящем муже. Вчера он допоздна сидел в амбаре, а когда появился в спальне, его пошатывало, от него пахло виски.

Элса тоже не могла уснуть, но они не попытались найти утешение друг в друге. Наверное, не знали как, потому что за эти годы так и не научились утешать друг друга. А может, если жизнь так ужасна, ничто уже не утешит.

Однако Элса знала, что ее и без того слабая власть над мужем тает. В последние несколько недель она не раз замечала, как он от нее отворачивается. После того как пыльные бури погубили их поля, а работы стало в три раза больше? Или после того как они с отцом сеяли озимую пшеницу?

Раф поздно ложился, вечерами увлеченно читал газеты, будто то были приключенческие романы, подолгу смотрел в окно, изучал карты. Когда же все-таки ложился в постель, то отворачивался от нее и погружался в такой глубокий сон, что иногда Элса боялась, не умер ли он.

Прошлой ночью, когда Раф добрался до постели, Элса лежала в темноте и до боли желала, чтобы он повернулся к ней, коснулся ее, но даже если бы это случилось, оба все равно остались бы неудовлетворенными. Во время интимной близости Раф молчал, не давал понять, чего хочет, и так торопился, точно жалел, что вообще начал это дело. И после соития Элса чувствовала себя даже более одинокой, чем до него. Раф говорил, что не прикасается к ней, потому что она легко беременеет, но Элса знала, что правда куда мрачнее. И связана, разумеется, с ее непривлекательностью. Конечно, разве такую захочешь. И она явно нехороша в постели, иначе он так не торопился бы, занимаясь любовью.

В прежние годы Элса мечтала, как дерзко потянется к нему, как сами их прикосновения изменятся, как она будет исследовать его тело руками и ртом, а проснувшись, она чувствовала разочарование и вся горела от желания, которое не могла выразить, которым не могла поделиться. Она ждала, что он увидит ее, увидит *ее* и двинется ей навстречу.

Но уже несколько лет, как эти мечты ушли. Или, может быть, она слишком устала и вымоталась и попросту не верила в них.

Элса вышла в коридор и, остановившись у детских комнат, проверила, как дети. Те так мирно спали, что у нее сжалось сердце. В подобные мгновения она вспоминала Лореду маленькой, счастливой, всегда готовой рассмеяться, пообниматься. Тогда она и вправду любила Элсу больше всех на свете.

На кухне пахло кофе и свежеиспеченным хлебом. Свекр и свекровь тоже поднялись ни свет ни заря. Как и Элса, они держались за надежду, у которой не было никакой основы, – за веру, что спасутся, если работать еще больше.

Элса налила себе черный кофе, быстро выпила, помыла чашку, надела коричневые башмаки – каблуки почти стерлись, – прихватила обтрепанную шляпу и вышла на яркое солнце.

На улице она прищурилась, прикрыла глаза рукой в перчатке.

Тони, воспользовавшись относительной прохладой утра, вовсю работал – перекладывал сено, то, что от него осталось. Оба мерина с каждым днем двигались все медленнее. Иногда Элса плакала от их жалобного голодного ржания.

Элса помахала свекру, он помахал ей в ответ. Завязав тесемки шляпы, она ненадолго задержалась в туалете, а потом натаскала воду в кухню для стирки. Поливать сад и огород смысла больше не было. Когда Элса закончила таскать воду, руки ныли, все тело взмокло. Она направилась к своему личному садику. Элса расчистила квадратик земли прямо под окном кухни – узкую полоску в тени дома. Грядка была слишком маленькой, чтобы выращивать овощи, и Элса посадила там цветы. Она просто хотела видеть хотя бы клочок зелени – может, даже с цветными пятнами.

Элса опустилась на колени в сухую пыль, поправила камни, обозначавшие границы клумбы, последняя буря сдвинула их с места. В центре клумбы уцелела ее драгоценная астра – с длинным коричневым стеблем и зелеными, несмотря ни на что, листьями.

– Только переживи эту жару, скоро станет прохладнее. Я знаю, ты хочешь зацвести, – прошептала Элса, проливая на землю тоненькую струйку воды. Земля сразу потемнела.

– Снова разговариваешь со своей подружкой?

Элса села на пятки и подняла голову. На мгновение яркое солнце ослепило ее.

Раф стоял в ореоле желтого света. В эти дни он редко утруждал себя бритьем, и щеки покрывала густая темная щетина.

Он встал на одно колено рядом с Элсой, положил руку ей на плечо.

Она чувствовала, что ладонь у мужа слегка влажная, а рука дрожит после вчерашней попойки.

Элса невольно привалилась к нему, и прикосновение Рафа будто обрело властность.

– Извини, если я разбудил тебя вчера.

Она повернулась к нему. Поля ее соломенной шляпы соприкоснулись с его шляпой.

– Ничего страшного.

– Не знаю, как ты все это выдерживаешь.

– Все это?

– Нашу жизнь. Пытаешься выкопать хоть что-то съедобное. Голодаешь. Наши дети такие худенькие.

– У других людей сейчас и того нет.

– Тебе так мало надо, Элса.

– Ты так говоришь, будто это плохо.

– Ты хорошая женщина.

Но эти слова прозвучали так, будто это действительно было плохо. Элса не знала, что ответить, и молча, устало поднялась.

Она стояла перед ним, вскинув голову. Она знала, что он видит высокую непривлекательную женщину с шелушащимся от солнечных ожогов лицом, слишком большим ртом и глазами, которые, казалось, выпили все краски, которые Бог ей выделил.

– Пора и мне приниматься за работу, – сказал Раф. – Уже так жарко, что я дышать не могу.

Элса смотрела ему вслед, думая: «*Оглянись на меня, улыбнись*», но он не оглянулся.

Дни пионеров впервые отмечали в 1905 году, когда на месте Тополиного простиралась равнина, заросшая голубовато-зеленой буйволовой травой, а на ранчо XIT работали тысячи ковбоев. Поселенцев привлекли сюда брошюры, где рассказывалось, что здесь можно выращивать капусту размером с детскую коляску и пшеницу. И все это без полива. Это называлось «сухое земледелие».

И правда сухое.

Лореда не сомневалась, что на самом деле этот праздник придумали мужчины, чтобы хвалиться друг перед другом.

– Ты такая красивая, – сказала мать.

Она зашла в спальню дочери, даже не постучав. Это вызвало раздражение у Лореды, но она сдержалась и ничего не сказала. Мать встала позади нее, на мгновение их лица вместе отразились в зеркале над умывальником. Рядом с загорелой кожей и черными, стриженными до плеч волосами Лореды мамина бледность особенно бросалась в глаза. Почему у мамы кожа никогда не загорает, только краснеет и шелушится? Она даже не постаралась что-нибудь сделать с волосами, только уложила косу вокруг головы. Вот у Стеллы мать всегда красится и завивает волосы, даже в эти трудные времена.

А мама даже не *пытается* хорошо выглядеть. Платье из мешковины с цветочным узором, причем по меньшей мере на размер больше нужного и только подчеркивает, какая мама высокая и худая, пуговицы застегнуты до самого горла.

– Прости, что я не смогла сшить тебе новое платье или хотя бы купить носки. В следующем году. Когда пойдет дождь.

Как только мама еще способна выговорить эти слова? Лореда отстранилась, пригладила волны, которые ей удалось создать в волосах, ложившихся на плечи, взбила челку.

– А папа где?

– Лошадь в фургон запрягает.

– Можно Стелле у нас переночевать? – спросила Лореда, обернувшись.

– Конечно. Но утром тебя, как всегда, ждет работа.

Лореда так обрадовалась, что даже обняла маму, только та тут же все испортила: прижимала ее к себе слишком долго и слишком крепко.

Лореда высвободилась.

Мама грустно сказала:

– Иди вниз. Помоги бабушке собрать еду.

Лореда поспешила на кухню, где бабушка уже упаковывала кастрюлю с минестроне. На столе ждала тарелка канноли со сладкой рикоттой. Оба блюда на празднике станут есть только итальянцы.

Лореда накрыла поднос с десертами полотенцем и отнесла в фургон, потом забралась на заднее сиденье и села рядом с отцом, он

обнял ее и прижал к себе. Бабушка и дедушка заняли места спереди. Мама последней села в кузов.

Энт пристроился рядом с мамой, прижался к ней. Он без умолку болтал, и чем ближе они подъезжали к городу, тем возбужденней звенел его голос. Лореда заметила, что отец непривычно молчалив.

На горизонте показалось Тополиное. Жалкий городишко прикорнул на плоской равнине посреди нигде. Только водонапорная башня возвышалась на фоне безоблачного голубого неба.

Еще не так давно в городке царили патриотические настроения. Лореда помнила, как старики говорили о Великой войне на каждом собрании. Кто воевал, кто погиб, а кто выращивал пшеницу, чтобы накормить солдат. Тогда во время Дней пионеров фермеры желали показать всем, как они гордятся собой и своим трудом. *Американцы! Процветающие!* Они украшали магазины на Главной улице красно-бело-синими флагами, вставляли флажки в цветочные горшки и рисовали в витринах патриотические лозунги. Мужчины собирались группами выпить и покурить и поздравить друг друга с победой в войне, с тем, что пастбища превратились в пашни. Они пили самогон и играли на скрипках и гитарах, а женщины без устали трудились.

Во всяком случае, Лореда видела это так. Неделю перед праздником мама и бабушка Роуз стряпали с утра до вечера, делали горы домашних макарон, стирали праздничную одежду, штопали и чинили ее. Сколь бы трудными ни были времена, как бы плохо ни обстояло с деньгами, мама хотела, чтобы ее дети выглядели прилично.

Сегодня никто не украсил магазины (Лореда подумала, что, наверное, слишком жарко, чтобы развешивать флажки, или женщины наконец решили, что стараться незачем), никаких цветов в горшках, никаких патриотических лозунгов. Вместо этого – бродяги в лохмотьях, собравшиеся возле железнодорожной станции. У всех вывернуты задние карманы штанов, это называлось «флаг Гувера». Дырявый башмак называли «башмаком Гувера». Все знали, кто виноват в Великой депрессии, но никто не знал, как исправить положение.

Цок-цок, постукивали копыта по Главной улице. У обочины стояли только два автомобиля, оба принадлежали банкирам. Теперь их называли «банкстерами», потому что они грабили простых работяг, лишая их земли, а потом банкротились и закрывали двери банка, а

деньги, которые, как думали люди, лежат в безопасности, присваивали себе.

Папа направил фургон к зданию школы и остановился.

Через открытые двери доносились музыка и топот. Лореда выпрыгнула из фургона и побежала к школе.

Праздник уже начался. В углу играл самодеятельный оркестр, несколько пар танцевало.

Справа от входа стояли столы с едой. Еды было немного, но Лореда знала, что после нескольких лет засухи это настоящий пир и женщины расстарались, чтобы устроить его.

– Лореда!

Стелла уже спешила к Лореде. Как обычно, из всех девочек в зале только Стелла и ее младшая сестра София были в новых платьях.

Лореду кольнула зависть, но она постаралась отбросить дурные мысли. Стелла – ее лучшая подруга. Да и кому какое дело до платьев?

Лореда и Стелла, как обычно при встрече, взялись за руки и склонили головы друг к другу.

– Как дела, ранняя пташка? – спросила Лореда таким тоном, точно она и так все знает.

– Я же тут хлопотала, ты не знала? – ответила Стелла.

Родители Стеллы остановились рядом с девочками, чтобы поговорить с Мартинелли.

Мистер Деверо сказал:

– Шурин прислал еще одну открытку. В Орегоне есть работа на железной дороге. Тони. Раф. Подумайте об этом.

Как будто для женщин вариантов нет.

Дедушка ответил:

– Я не виню тех, кто уезжает, но это не для нас. Эта земля…

Только не это снова. Земля.

Лореда увлекла Стеллу подальше от взрослых.

Мимо пронесся Энт в противогазе, в котором он походил на насекомое. Он едва не врезался в Лореду, захохотал и помчался дальше, раскинув руки, будто в полете.

– Красный Крест подарил банку большую коробку противогазов, чтобы дети надевали их во время пыльных бурь. Сегодня моя мама их раздает.

– Противогазы, – Лореда покачала головой, – жуть какая.

– Папа говорит, что бури все страшнее и страшнее.

– Мы *не* будем говорить о противогазах. Господи, сегодня же праздник, – заявила Лореда. – Мама сказала, что ты можешь переночевать у нас. Я взяла журналы в библиотеке. Там такая фотография Кларка Гейбла, что закачаешься.

Стелла отвернулась.

– Что-то не так?

– Банк закрывается, – ответила Стелла.

– Ох.

– Дядя Джимми, ну, тот, который живет в Портленде, в Орегоне, прислал папе открытку. Он пишет, что на железной дороге есть работа, а пыльных бурь там нет.

Лореда отстранилась от подруги. Она уже знала, что скажет Стелла, и не хотела этого слышать.

– Мы уезжаем.

Глава девятая

Высунувшись из окна, Лореда закричала от бессилия:

– Улетайте, идиотские птицы! Вы что, не видите, что мы здесь умираем?

На дворе в ответ закудахтали куры.

Стелла уезжает.

Лучшая – и единственная – ее подруга в Тополином уезжает.

Лореде казалось, что стены комнаты давят на нее, сжимаются, не дают дышать. Она спустилась на первый этаж. В доме было тихо, ветер не задувал в трещины, не скрипели деревянные стены.

Она легко двигалась в темноте. В прошлом месяце они отключили телефон – не было денег платить за него – и теперь остались совсем одни. Она на ощупь нашла дверь и вышла на двор. Яркая луна серебрила крышу.

Лореда чувствовала запах запекшейся на солнце грязи, куриного помета и… сигаретного дыма. Она двинулась на запах вокруг дома.

Под ветряной мельницей красный огонек сигареты поднимался, и опускался, и снова поднимался. *Папа*. Значит, он тоже не может спать.

Подойдя поближе, Лореда увидела, что щеки у отца влажно поблескивают. Он сидел в темноте, спрятавшись от всех, курил и плакал.

– Папа?

– Да, куколка. Ты меня поймала.

Отец старался говорить как обычно, но явно притворялся, и от этого ей стало еще хуже. Если кто и может сказать ей правду, так это папа. Но сейчас все так плохо, что он плачет.

– Ты слышал, что Деверо уезжают?

– Мне очень жаль, Лоло.

– Мне эти сожаления надоели, – сказала Лореда. – Мы тоже можем уехать. Как Деверо, и Маунгеры, и Маллы. Просто уехать.

– Вчера на празднике все говорили об отъезде. Но большинство настроены, как твои бабушка с дедушкой. Они скорее умрут, чем уедут.

– А они понимают, что мы и правда можем здесь умереть?

– О, они понимают, поверь мне. Сегодня вечером твой дедушка сказал: «Похороните меня здесь, ребята. Я никуда не поеду». – Раф

выдохнул дым и продолжал: – Они говорят, что делают это ради нашего будущего. Как будто этот участок грязи – предел наших мечтаний.

– Может, у нас получится убедить их уехать.

Папа рассмеялся.

– А может, у Мило вырастут крылья и он улетит?

– А нельзя уехать без них? Куча народу уезжает. Ты всегда говоришь: «Это Америка, здесь все возможно». Мы можем поехать в Калифорнию. Или ты можешь устроиться на железную дорогу в Орегоне.

Лореда услышала шаги. Мгновения спустя появилась мама в своем жалком старом платье и грубых башмаках. Тонкие бесцветные волосы растрепались.

– Раф, – с облегчением сказала мама, словно вообразила, что он мог сбежать. Просто позор, до чего пристально мама следит за папой. За ними всеми. Полицейский, а не мать, и всюду, где она появляется, веселью конец. – Я проснулась, а тебя нет. Я подумала…

– Я здесь, – ответил папа.

Мама улыбнулась жалкой, как и все ее существо, улыбкой.

– Идите в дом. Ночь на дворе.

– Сейчас, Элс, – сказал папа.

Лореде очень не понравилось, каким безнадежным голосом ответил ее отец, в присутствии мамы весь его запал исчезал. Своими грустными, страдальческими взглядами мама из всех высасывала жизнь.

– Это все ты виновата.

– В чем я теперь виновата, Лореда? – спросила мама. – В засухе? В Великой депрессии?

Папа похлопал Лореду по руке, покачал головой, как бы говоря: «Не надо».

Мама подождала, не скажет ли Лореда чего-нибудь еще, повернулась и пошла к дому. Отец побрел за ней.

– Мы можем уехать, – сказала Лореда отцу вслед. – Все возможно.

На следующее утро Элса проснулась засветло. Рафа в постели не было. Значит, опять спал в амбаре. В последнее время он предпочитал спать там, а не с ней. Вздохнув, она оделась и вышла из комнаты.

В темной кухне Роуз стояла у раковины, погрузив руки в воду, которую натаскала из колодца. Большая потрескавшаяся миска для замешивания теста сохла на полотенцах рядом с ней. Полотенца Элса расшивала по ночам, при свете свечей, любимыми цветами Рафа. Она думала, что если их дом будет идеальным, то и брак будет счастливым. Белоснежные простыни с запахом лаванды, наволочки с мережками, вязаные шарфы. Она проводила часы за рукоделием, вкладывала в работу душу, с помощью ниток пытаясь выразить то, чего не могла сказать словами.

Кофейник пофыркивал на дровяной печи, наполняя кухню успокаивающим ароматом. На столе – противень с панелле, квадратными лепешками из нутовой муки, на чугунной сковороде разогревалось оливковое масло. В кастрюле булькала овсяная каша.

– Доброе утро, – сказала Элса.

Она достала из ящика лопатку и опустила две лепешки в горячее масло. Они съедят их на обед, как сэндвичи, приправив драгоценными консервированными лимонами.

– У тебя усталый вид, – сказала Роуз не без сочувствия.

– Раф плохо спит.

– Спал бы лучше, если бы прекратил пить по ночам в амбаре.

Элса налила себе чашку кофе и прислонилась к стене, оклеенной обоями в розах. Она заметила, что в углу линолеум отошел. Выпив кофе, принялась переворачивать подрумянившиеся панелле.

Роуз мягко отодвинула ее и забрала из рук лопатку.

Тогда Элса занялась маслобойкой. Ее части нужно было помыть, обдать кипятком, а потом аккуратно собрать и отложить для следующего использования. Прекрасная работа, если хочешь занять мозг.

Из укрытия выползла сороконожка и плюхнулась на столешницу. Резким движением Элса смахнула насекомое на пол. Они уже привыкли делить дом с сороконожками, и пауками, и прочими тварями. Все обитатели Великих равнин искали хоть какого-то укрытия.

Женщины работали молча, но дружно, пока не встало солнце и не проснулись дети.

– Я их покормлю, – сказала Роуз. – Можешь отнести Рафу кофе?

Элса была благодарна свекрови. Она улыбнулась, сказала ей спасибо, налила в чашку кофе и вышла.

Солнце ярко-желтым пятном висело в безоблачном васильково-синем небе. Элса, не обращая внимания на последние разрушения – сломанный забор, поврежденную ветряную мельницу, растущие кучи пыли, – сосредоточилась на хорошем. Если она поторопится, то сможет сегодня постирать и отбелить белье. Вид чистых простыней на веревке всегда поднимал ей настроение. Возможно, просто потому, что это означало: она немного улучшила жизнь семьи, пусть никто этого не заметил.

Тони ремонтировал лопасть мельницы. Стук молотка разносился по бесконечной бурой равнине.

Раф оказался там, где Элса меньше всего ожидала его увидеть, – на семейном кладбище, клочке коричневой земли, огороженном покосившимся частоколом. Когда-то здесь был красивый садик: розовые вьюнки обвивали белый забор, буйволовая трава покрывала землю голубовато-зеленым ковром. Раньше Элса проводила тут целый час каждое воскресенье, в дождь, жару или снег, но в последнее время заглядывала не так часто. Как всегда, надгробия напомнили ей об умершем сыне, о мечтах во время беременности и о боли, которая со временем смягчилась, но не исчезла.

Она открыла калитку, косо повисшую на сломанной петле. На земле лежали десятки белых штакетин; некоторые сломались, другие вырвал свирепый ветер.

Из пыли торчали четыре серых камня. Три могилы детей Роуз и Тони – трех девочек – и Лоренцо…

Раф стоял на коленях перед надгробием сына.

Лоренцо Уолтер Мартинелли (1931–1931).

Элса опустилась на колени рядом с ним, положила руку мужу на плечо.

Раф повернулся к ней. Она никогда не видела в его глазах такой боли, даже когда они хоронили своего новорожденного сына. Рафу было всего двадцать восемь лет, он плакал, держа на руках крохотного бездыханного ребенка. Насколько Элса знала, он никогда не приходил сюда, никогда не преклонял колени на могиле сына.

– Я тоже тоскую по нему, – сказала Элса.

– На этой неделе старик Орлофф зарезал своего последнего бычка. Бедняга, в брюхе у него было полно песка.

– Да.

Элса нахмурилась: он как-то странно сменил тему.

– Энт спросил меня, почему у него все время болит живот. Я же не могу ему сказать, что это земля убивает его? – Раф встал и потянул Элсу за руку. – Давай уедем.

– Уедем?

– На Запад. В Калифорнию. Люди каждый день уезжают. Говорят, на железной дороге работа есть. А может, я попаду в эту программу Рузвельта. Гражданский корпус[19].

– У нас нет денег на бензин.

– Пойдем пешком. Поедем зайцами. Кто-нибудь нас подвезет. Мы доберемся. Дети крепкие.

Элса вырвалась и шагнула назад.

– Крепкие? У них даже обуви по размеру нет. У нас нет денег. Нет еды. Ты же видел фотографии гувервиллей, знаешь, как там. Энтони всего семь. По-твоему, как далеко он уйдет? Хочешь, чтобы он запрыгивал в поезд на ходу?

– В Калифорнии все по-другому, – упрямо стоял на своем Раф. – Там есть работа.

– Твои родители не уедут. Ты это знаешь.

– Мы можем уехать без них?

Эта фраза прозвучала как вопрос, а не утверждение, и Элса видела, что Рафу стыдно.

Он медленно провел рукой по волосам, посмотрел на мертвые пшеничные поля вокруг, на могилы, уже выкопанные на этой земле.

– Этот проклятый ветер и засуха убьют их. И нас. Я больше не могу этого выносить. Я не могу.

– Раф… что ты такое говоришь.

Эта земля – его наследие, их будущее, будущее их детей. Дети вырастут на этой земле, зная свою историю, зная, кто они и откуда родом. Они научатся гордиться, отдыхая вечерами после трудового дня. У них будет свое место в этом мире. Раф не знает, каково это – не иметь своего места в мире, но Элса знает, и она не желает своим детям испытать такую боль. Это дом. Раф должен понимать, что тяжелые времена рано или поздно заканчиваются. А земля остается. Семья

остается. Как он может думать, что они могут бросить Тони и Роуз? Невообразимо, немыслимо.

– Когда пойдет дождь…

– Господи, я ненавижу эту фразу, – с невыносимой горечью произнес Раф.

Элса видела в его глазах муку, разочарование, гнев.

Как же ей хотелось прикоснуться к нему, но она не осмеливалась. Слова «Я люблю тебя» горели у нее в пересохшем горле.

– Просто я думаю…

– Я знаю, что ты думаешь.

Он пошел прочь, не оглянувшись.

Уйти. Просто бросить эту землю и уйти.

На самом деле *уйти*. Элса все еще думала об этом много часов спустя, когда уже давно сгустились сумерки.

Она не могла представить себе, что присоединится к толпе безработных, бездомных бродяг и мигрантов, направляющихся на Запад. Она слышала, как опасно запрыгивать на эти поезда: гигантские металлические колеса отрезали ноги, перерубали тело пополам. А кроме того, преступники, дурные люди, оставившие не только свои семьи, но и забывшие про совесть. Элса не была смелой женщиной.

И все же.

Она любила своего мужа. Она поклялась любить, почитать и слушаться его. И конечно же, следовать за ним.

Наверное, нужно было сказать ему, что они поедут в Калифорнию? По крайней мере, поговорить об этом? Может быть, весной, если пойдет дождь и они соберут урожай, у них появятся деньги на бензин.

И видит Бог, Раф здесь несчастлив. Как и Лореда.

Может, они могут уехать – все вместе – и вернуться, когда засуха закончится.

Почему бы и нет?

Земля их дождется.

Ей надо было хотя бы толком обсудить это с ним, чтобы он видел, что они одна команда, она его жена, и если он так этого хочет, то она согласна. Она покинет эту землю, которую полюбила, единственный свой дом.

Ради него.

Элса накинула шаль на поношенную батистовую сорочку, надела резиновые сапоги, стоявшие у двери, и вышла на крыльцо.

Где же он? Один на мельнице пережевывает свое расстройство? Или запряг лошадь в фургон и поехал в Сило, где можно посидеть в баре, выпить виски?

Почти девять вечера, на ферме все стихло.

Свет горел только в окошке Лореды наверху. Дочь любила читать в постели, как и она сама в ее возрасте. Элса спустилась во двор. Курицы очнулись от летаргии, когда она проходила мимо них, и снова затихли. Она слышала музыку из спальни родителей мужа, свекр играл на скрипке. Элса знала, что с помощью музыки Тони разговаривал с Роуз в эти тяжелые времена, так он напоминал о прошлом и говорил о будущем, так он говорил: «*Я люблю тебя*».

Рафа она увидела у загона – черный штрих на фоне черных реек, подсвеченный серебром растущей луны. Яркий оранжевый кончик сигареты.

Он, видимо, услышал ее шаги.

Раф отошел от загона, затушил сигарету и положил окурок в карман рубахи. В тишине плыла любовная песня Тони.

Элса остановилась перед Рафом. Одно короткое движение – и ее рука ляжет на его плечо. Она знала, что после долгого жаркого дня выцветшая голубая полотняная рубаха будет теплой. Она подшивала, и стирала, и обметывала, и складывала всю его одежду и знала, какая она на ощупь.

Элса стояла так близко к мужу, что чувствовала исходящее от него тепло, запах виски и сигарет, и все же ей казалось, будто между ними плещется целый океан. Как такое возможно?

К удивлению Элсы, он взял ее за руку и притянул к себе.

– Помнишь нашу первую ночь на грузовике перед амбаром Стюардов?

Элса неуверенно кивнула. Они не разговаривали на такие темы.

– Ты сказала, что хочешь быть смелой. А я только хотел… оказаться где-то в другом месте.

Элса видела его боль, и ей тоже стало больно.

– О, Раф…

Он поцеловал ее в губы, долго, и медленно, и глубоко, прикоснувшись языком к ее языку.

– С тобой я впервые поцеловался, – прошептал он, чуть отстранившись, чтобы посмотреть на ее лицо. – Помнишь, каким я был тогда?

Ничего более романтического он Элсе никогда не говорил, и ее сердце наполнилось надеждой.

– Все эти годы, – прошептала она.

Тони перестал играть, и музыку сменила тяжелая тишина. Насекомые пели свои звеняще-пронзительные песни. Мерины вяло топтались в загоне, тыкались носами в ограждение, напоминая, что животы у них пусты.

Элсу и Рафа окружала черная ночь, в огромном небе светились звезды. Может быть, это другие миры.

Так красиво и романтично, как будто они вдвоем остались на планете, где слышны только звуки ночи.

– Ты думаешь о Калифорнии, – начала она, пытаясь найти правильные слова для правильного разговора.

– Да. Энт, бредущий тысячу миль в дырявых башмаках. Мы стоим неведомо где в очереди за хлебом. Ты права. Нельзя нам уезжать.

– Может, весной…

Раф поцелуем заставил ее замолчать.

– Иди в постель, – пробормотал он. – Я скоро приду.

Элса почувствовала, как он отстраняется, отпускает ее.

– Раф, я думаю, нам нужно поговорить о…

– Не переживай, Элс, – сказал он. – Я скоро приду. Тогда поговорим. Вот только скотину напою.

Элса хотела задержать его, заставить выслушать, но не была способна на такую дерзость. В глубине души она всегда боялась, что его привязанность к ней слишком непрочная. Она не могла испытывать ее.

Но сегодня она потянется к нему, прикоснется с той интимностью, о которой мечтала. Она преодолеет то, что с ней не так, и наконец доставит ему удовольствие.

Да. И когда они закончат заниматься любовью, она поговорит с ним об отъезде, серьезно поговорит. И, что важнее, она выслушает его.

Элса шагала взад-вперед по комнате. Подошла к окну и отодрала покрытые пылью тряпки и газеты с подоконника и оконной рамы.

Она видела мельницу: перекрещенные черные линии, словно силуэт цветка на фоне неба, усыпанного драгоценными камнями-звездами.

Раф стоял, привалившись к стене мельницы, почти слившись с нею. Он курил. Элса легла, укрылась одеялом и стала ждать мужа.

Когда Элса проснулась, уже светило солнце и пахло кофе. Насыщенный, горький аромат вытащил ее из уюта постели. Она пригладила волосы и надела домашнее платье, стараясь не думать о том, что вчера Раф снова не спал в супружеской постели.

Она заплела косу, заколола ее шпильками на затылке, набросила на голову косынку. Потом проверила, как там дети, – пусть поспят подольше в воскресное утро – и направилась на кухню, чтобы испечь хлеб на воде, в которой вчера варилась картошка к ужину.

На завтрак осталась только манка, она поставила кашу вариться. Слава богу, одна из коров все еще дает молоко.

Лореда первой выползла из своей маленькой спальни на втором этаже. Ее черные до плеч волосы спутались, как воронье гнездо. С обгоревших щек полосками слезала кожа.

– Манка. Фу, – сказала она, направляясь к морозильному ларю.

Она достала желтый керамический кувшин с драгоценными сливками и отнесла его к покрытому клеенкой столу, где уже стояли крапчатые миски и тарелки, вверх дном для защиты от пыли. Элса перевернула три миски.

Вошел Энт, забрался на стул рядом с сестрой.

– Я хочу блинчики, – проворчал он.

– Я тебе в кашу кукурузный сироп добавлю, – сказала Элса.

Элса подала кашу, приправила ее сливками и кукурузным сиропом и поставила на стол два стакана с холодной пахтой.

Пока дети ели – молча, – Элса направилась в амбар. Принесенные ветром подвижные пески снова за одну ночь изменили пейзаж, заполнив почти всю гигантскую трещину, которая прорезала их участок.

Единственная оставшаяся свинья летаргически замерла на коленях, не в силах пошевелиться, сеялку «Джон Дир», в которую

раньше запрягали лошадь, наполовину занесло песком. Роуз в саду искала яблоки на растрескавшейся земле.

В коровнике две коровы стояли рядышком, опустив головы и жалостно мыча. Ребра у них выпирали, впалые бока покрывали болячки. Элса невольно вспомнила, как несколько лет назад выкармливала из бутылки телочку Беллу, потому что корова-мать не пережила родов. Роуз научила Элсу, как готовить смесь, как помочь неуверенно стоящей на ногах телочке сосать. С тех пор Белла ходила за Элсой как ручная.

– Привет, Белла. – Элса погладила корову по впалому боку.

Белла подняла голову и жалобно замычала. Ее большие карие глаза были подернуты пленкой.

– Я знаю, – сказала Элса, снимая ведро с забора.

Она отвела Беллу в относительную прохладу амбара, привязала к центральному столбу и придвинула к корове табуретку для дойки. Взгляд ее невольно обратился к сеновалу – сена почти не осталось. Она почти не сомневалась, что Раф спал там прошлой ночью. Опять.

Элсе нравилось доить коров. Сначала она долго не могла научиться; пока Элса осваивала технику, Роуз бесконечно на нее цыкала, но все же она научилась, и дойка стала одним из ее любимых занятий. Ей нравилось сидеть рядом с Беллой, нравился сладкий запах парного молока, глухое звяканье, с которым первая струя ударяла о металлическое дно. Нравилось нести ведро с парным молоком в дом, наливать его в сепаратор и, поворачивая ручку, снимать густые желтые сливки, оставляя цельное молоко для семьи, а снятое – на корм животным.

Элса протянула руку к едва набухшему вымени, легонько прикоснулась к обветренным соскам.

Корова замычала от боли.

– Прости, Белла, – сказала Элса.

Она попробовала еще раз, как можно более осторожными движениями медленно потянула соски вниз.

Полилась струйка пыльно-коричневого молока с земляным запахом. Каждый день нужно было больше времени, чтобы добраться до белого, пригодного в пищу молока. Первые струи всегда такие грязные. Элса вылила коричневое молоко, ополоснула ведро и попробовала еще раз. Она никогда не сдавалась, как бы грустно ей ни

было от стонов Беллы, сколько бы времени ни требовалось, чтобы получить чистое молоко.

В конце концов она выдоила молоко, но еще меньше, чем обычно, и выпустила бедную корову попастись. Мило и Бруно в конюшне тяжело фыркали и от голода пытались грызть деревянную дверь.

Запирая амбар, она услышала выстрел.

Это что еще?

Она повернулась, увидела свекра у свинарника. Он опустил винтовку. Последняя свинья рухнула на бок.

– Слава богу, – пробормотала Элса. Мясо детям.

Она помахала свекру рукой. Он погрузил мертвую свинью на тележку и повез ее в амбар, вывесить перед разделкой.

Мимо лениво прокатилось перекати-поле, подгоняемое ветерком. Элса проследила за ним взглядом до забора, где, несмотря на засуху, несмотря на ветер, упрямо росли колючки. Коровы ели эти колючки, раз ничего другого не было. И лошади.

Она отнесла молоко в дом и снова пересекла пыльный участок между амбаром и забором. Ветер срывал с нее платок, будто пытаясь задержать, остановить.

Перекати-поле – клубок колючек и едва зеленых стеблей. Гибких. Крепких. С шипами острыми, как иголки.

Элса достала из кармана фартука перчатки и надела. Пробираясь через колючие верхушки, она срывала зеленые побеги и складывала их в фартук, как в чашку.

Потом попробовала колючку на вкус.

Неплохо. Может быть, слегка потушить их на оливковом масле с вином, чесноком и пряными травами? Вдруг получится по вкусу как артишоки? Тони любит артишоки. Или, например, замариновать их…

Завтра она позовет всех собирать колючки и придумает, как их законсервировать.

К полудню она собрала столько стеблей, сколько уместилось в фартуке, и пошла домой.

Дети и Тони уже собирались обедать.

– Я нашел виноград, – сказал Энт, подпрыгивая на стуле от радости, что и он принес еду.

Элса потрепала его по волосам и сказала:

– Сегодня один мой знакомый мальчик будет купаться.

– Обязательно?

Элса улыбнулась.

– Я отсюда твой запах слышу.

Тони снял шляпу, на лбу у него была белая полоска. Он сел, в два глотка осушил стакан чая и вытер рот тыльной стороной ладони.

В кухню вошла Роуз и налила мужу красного вина. Тони принялся за аранчини.

Это было любимое семейное блюдо: рисовые шарики, фаршированные сливочным сыром, в томатном соусе с панчеттой и чесноком. Элса положила груду стебельков в миску и поставила ее у раковины.

– А это что такое? – спросила Роуз, вытирая руки о фартук.

– Стебли колючек. Думаю, я смогу приготовить их так, что они будут съедобными. Вкус у них почти как у артишоков.

Роуз вздохнула:

– Вот до чего дошло. Итальянцы едят лошадиную еду. *Мадонна миа.*

– А где Раф? – спросила Элса. – Мне нужно с ним поговорить.

– Я весь день папу не видел, – сказал Энт. – Я тоже искал.

Элса вышла на крыльцо, позвонила в колокольчик, приглашая к обеду, подождала, оглядывая ферму.

Лошади и фургон на месте – значит, в город он не уехал.

Может, он в их комнате.

Она вернулась в дом, поднялась в спальню. В солнечном свете некогда белые стены казались золотистыми. На нее смотрел большой Иисус в раме.

В почти пустой комнате стояли только кровать, комод, который она делила с мужем, и умывальник с овальным зеркалом, поймавшим ее отражение. Все, как должно быть, только…

От кровати тянулась какая-то полоса, будто под нее что-то задвигали или вытащили.

Элса приподняла покрывало и заглянула под кровать. Увидела свой чемодан, с которым вышла замуж, и коробку с детской одеждой, которую она хранила на всякий случай.

Чего-то не хватает. Чего?

Она опустилась на колени, чтобы разглядеть получше. Чего же не хватает?

Чемодана Рафа. Чемодана, который он упаковал много лет назад, чтобы ехать в колледж. И распаковал, когда отец оставил здесь ее, Элсу.

Она распрямилась, огляделась. Его одежда и шляпа исчезли с крючков у двери. Элса медленно встала и подошла к комоду, выдвинула верхний ящик.

Его ящик.

Там лежала одна голубая полотняная рубаха.

Глава десятая

Ей не верилось, что он ушел среди ночи, не сказав ни слова.

Она тринадцать лет прожила с ним, делила с ним постель, носила его детей. Она знала, что он никогда не был в нее влюблен, но *это*?

Она вышла из комнаты. Семья – ее семья, их семья – сидела за столом. Энт взахлеб рассказывал, как он нашел виноград.

Роуз увидела Элсу и нахмурилась.

– Элса?..

Элсе хотелось рассказать Роуз об ужасном открытии, хотелось, чтобы та обняла ее, но надо молчать, пока она не убедится. Может, он просто пешком пошел в город за… чем-то.

Со всеми своими вещами.

– У меня… дела, – сказала Элса, понимая, что Роуз ей не верит.

Она выбежала из дома и схватила велосипед Лореды. Изо всех сил крутя педали, она ехала по густой пыли, покрывавшей дорожку. Приходилось объезжать сухие ветки и корявые сучья, которые посрывала последняя пыльная буря. Элса притормозила у почтового ящика. Ничего.

В такую жару она не встретила ни одного автомобиля, ни одного фургона. Только птицы сидели на телефонных проводах. Коровы и лошади бродили, жалобно выпрашивая еду и воду. Фермеры выпускали своих животных на волю, не в состоянии ни зарезать их, ни позаботиться о них.

Когда Элса добралась до Тополиного, волосы у нее растрепались, косынка промокла от пота.

Она остановилась на Главной улице. Мимо прошуршало перекати-поле, царапнув голую лодыжку. Тополиное лежало неподвижно, точно под наркозом: магазины заколочены, никакой зелени, тополь, в честь которого назвали городок, почти засох; ветер там и сям вырвал доски из дощатой мостовой.

Элса подъехала к железнодорожной станции и слезла с велосипеда.

Может, он еще здесь.

В здании станции пустые скамейки. Грязный пол. Питьевой фонтанчик только для белых.

Она приблизилась к кассе. В арке окошечка сидел мужчина в пыльной белой рубашке с черными нарукавниками.

– Здравствуйте, мистер Мак-Элвейн.

– Здрасьте, миссис Мартинелли.

– Мой муж был здесь недавно? Он купил билет?

Кассир смотрел на бумаги на своем столе.

– Пожалуйста, сэр. Не заставляйте меня вас умолять, выпытывать у вас правду. Для меня это и так достаточно унизительно, вы согласны?

– У него не было денег.

– Он сказал, куда хочет уехать?

– Лучше вам этого не знать.

– Нет, скажите.

Кассир посмотрел на нее и вздохнул:

– Куда угодно, только бы не оставаться здесь.

– Он так сказал?

– При этом он чуть не плакал. Может, вам от этого станет легче.

Мужчина достал смятый, запачканный конверт и протолкнул его через железную решетку кассы:

– Он просил передать это вам.

– Он знал, что я приду?

– Жены всегда приходят.

Она сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

– Может, если у него не было денег, он…

– Он сделал то же, что и все.

– Все?..

– Мужчины по всей стране бросают свои семьи. Мужья и жены бросают детей и родных. Я никогда ничего подобного не видел. Мужчина в округе Симаррон убил всю свою семью, а потом уехал.

– Куда же они едут без денег?

– На Запад, мэм. В основном. Запрыгивают на первый же поезд, который проходит через город.

– Может, он вернется.

Кассир вздохнул:

– Еще никто из них не возвращался.

Элса остановилась, выйдя из здания станции. Вскрыла письмо Рафа медленно, будто оно могло загореться. Слова на грязной и смятой бумаге кое-где расплылись. От его слез?

Элса,

Прости меня. Я знаю, слова ничего не значат, может быть, только сделают хуже.

Я умираю здесь, вот и все, что я знаю. Еще один день на этой ферме, и я приставлю пистолет себе к виску. Я слабый. Ты сильная. Ты любишь эту землю и эту жизнь так, как я никогда не смогу полюбить.

Скажи моим родителям и детям, что я их люблю. Вам всем будет лучше без меня. Пожалуйста, не ищите меня. Я не хочу, чтобы меня нашли. Я все равно не знаю, куда я еду.

У Элсы даже слез не было.

Душевная боль так долго была частью ее жизни, что сделалась и частью ее самой, как цвет волос или легкая сутулость. Иногда она смотрела на мир сквозь боль, как сквозь линзу, а иногда боль служила шорами, которые она надевала, чтобы не видеть. Но боль никогда никуда не девалась. Элса считала, что сама повинна в этой боли, она отчаянно пыталась докопаться до ее сути, но так и не смогла найти в себе дефекта, который был бы в ответе за боль. Родители видели его. Отец так точно. И ее младшие, более красивые сестры. Они все чувствовали, что Элсе чего-то недостает. Лореда, конечно, тоже видит.

Все – включая и саму Элсу – думали, что она проведет жизнь, как бы оправдываясь, спрятавшись среди нужд людей более ярких, чем она. Будет обо всех заботиться, поддерживать в очаге огонь.

А потом она встретила Рафа.

Своего красивого, обаятельного мужа с переменчивым характером.

– А ну подними голову, – сказала она вслух.

Ей нужно думать о детях. О двух маленьких людях, которые нуждаются в утешении после предательства отца.

О детях, которые вырастут, зная, что отец бросил их в тяжкие дни.

О детях, которых, как и Элсу, сформирует душевная боль.

Когда Элса добралась до фермы, она чувствовала себя медленно ломающейся машиной. Все в доме были заняты делом. Роуз и Лореда на кухне готовили пасту, а Энт и Тони в гостиной натирали маслом кожаную упряжь.

С сегодняшнего дня жизнь детей навсегда изменится. Поменяется их мнение обо всем, но прежде всего о самих себе, о долговечности любви, о собственной семье. Теперь они всегда будут знать, что отец не любил мать – и их самих – настолько, чтобы остаться с ними в трудные времена.

Что хорошая мать делает в таких обстоятельствах? Рассказывает жестокую, уродливую правду?

Или лучше соврать?

Если Элса соврет, чтобы защитить детей от эгоизма Рафа, а Рафа – от их негодования, то пройдет немало времени, прежде чем правда всплывет, если они вообще ее узнают.

Элса прошла мимо гостиной, где сидели Тони с Энтом, в кухню, где ее дочь месила тесто для пасты на посыпанном мукой столе. Элса стиснула худенькое плечико дочери. Ей так хотелось крепко прижать ее к себе, но, откровенно говоря, сейчас она не перенесет, если и дочь ее оттолкнет.

Лореда отстранилась.

– Папа где?

– Да, – спросил Энт из гостиной, – где он? Я хочу показать ему наконечник стрелы, который мы с дедушкой нашли.

Роуз у плиты солила воду в кастрюле. Она взглянула на Элсу и выключила горелку.

– Ты что, плакала? – спросила Лореда.

– Глаза слезятся от пыли, – ответила Элса, заставив себя улыбнуться. – Дети, пойдите поищите картошку. Мне нужно поговорить с бабушкой и дедушкой.

– Прямо сейчас? – заныла Лореда. – Терпеть этого не могу.

– Прямо сейчас, – ответила Элса. – И брата с собой возьми.

– Энт, – вздохнула Лореда, отодвигая тесто, – пойдем копаться в грязи, как свиньи.

Энт захихикал:

– Я люблю копаться в грязи.

– Потому что ты поросенок.

Дети, шаркая ногами, вышли и захлопнули за собой дверь.

Роуз уставилась на Элсу:

– Ты меня пугаешь.

Элса прошла в гостиную и налила себе виски из бутылки Тони.

Отвратительный вкус, но она налила вторую порцию и залпом выпила.

– *Мадонна миа*, – ахнула Роуз. – За все эти годы ты никогда виски не пила, а сейчас сразу две стопки. – Свекровь подошла к Элсе и положила руку ей на плечо.

Тони отложил упряжь и встал:

– Элса, что случилось?

– Это Раф.

– Раф? – нахмурилась Роуз.

– Он ушел, – сказала Элса.

– Раф ушел? – не понял Тони. – Куда?

– Он ушел, – устало повторила Элса.

– Опять в эту проклятую таверну? Я ему говорил…

– Нет. Он уехал из Тополиного. На поезде. Во всяком случае, так мне сказали.

Роуз во все глаза смотрела на Элсу.

– *Уехал?* Нет. Не может такого быть. Я знаю, что он несчастлив, но…

– Ради бога, Роуз, – покачал головой Тони, – мы все несчастны. Вместо дождя с неба идет пыль. Деревья падают мертвыми. Животные умирают. Мы все несчастны.

– Он хотел уехать в Калифорнию, – сказала Элса. – Я отказалась. Это была ошибка. Я собиралась поговорить с ним об этом, но…

Она достала из кармана письмо.

Роуз взяла письмо дрожащими руками и принялась читать, беззвучно шевеля губами. Когда она подняла взгляд, в ее глазах стояли слезы.

– Сукин сын, – сказал Тони, прочитав письмо, и смял листок. – Нечего было его баловать.

Из Роуз словно воздух выпустили.

– Он вернется, – сказала она.

Они смотрели друг на друга. Отсутствие Рафа висело в комнате, переливалось через край.

Хлопнула дверь. Вернулись Лореда и Энт – с перемазанными руками и лицами и тремя маленькими картофелинами на двоих.

– Толку никакого… – начала Лореда и осеклась. – Что случилось? Кто-то умер?

Элса отставила стакан и сказала:

– Мне нужно поговорить с вами.

Роуз прижала ко рту ладонь, и Элса ее понимала. Жизнь детей изменится, когда она произнесет эти слова вслух.

Роуз на миг крепко обняла Элсу и тут же отпустила.

Элса повернулась к детям.

Глядя на их лица, она все же потеряла самообладание. Оба – вылитая копия отца. Она подошла к ним, обняла обоих сразу. Энт с готовностью прижался в ответ. Лореда попыталась вырваться.

– Ты меня задушишь, – пробурчала она.

Элса отпустила дочь.

– Где папа? – спросил Энт.

Элса убрала волосы с веснушчатого лица сына.

– Пойдемте со мной.

Она вывела детей на крыльцо, там все сели на качели. Элса посадила Энта себе на колени.

– Что еще случилось? – спросила Лореда таким тоном, словно мать вконец ее достала.

Элса вздохнула, оттолкнулась, и качели пришли в движение. Господи, как бы она хотела, чтобы дедушка был здесь, чтобы он сказал ей «Будь смелой» и подтолкнул качели.

– Ваш отец ушел…

Лореда нетерпеливо смотрела на нее.

– Да? И куда же он ушел?

Вот и все. Сейчас нужно либо соврать, либо сказать правду.

Он нашел работу в другом городе, чтобы спасти нас. Легко сказать, труднее доказать, когда не будет ни денег, ни писем, когда он не приедет домой ни через месяц, ни через два. Но дети не будут засыпать в слезах.

Только Элса.

– Мама? – резко сказала Лореда. – Куда папа ушел?

– Не знаю. Он нас бросил.

– Подожди. Что? – Лореда соскочила с качелей. – Ты хочешь сказать…

– Он уехал, Лоло. Запрыгнул на поезд.

– НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ ТАК, только он может так меня называть! – заорала Лореда.

Элса испугалась, что вот-вот расплачется.

– Извини.

– Он бросил *тебя*!

– Да.

– Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ!

Лореда сбежала с крылечка и скрылась за углом дома.

Энт извернулся и посмотрел на мать. Он явно ничего не понял, и от этого у Элсы сжалось сердце.

– А когда он вернется?

– Я думаю, он не вернется, Энт.

– Но… он нам нужен.

– Я знаю, малыш, это больно.

Она отвела волосы с его лба.

Глаза мальчика наполнились слезами, у Элсы тоже защипало в носу, но она не станет плакать перед сыном.

– Я хочу папочку. Я хочу папочку…

Элса прижала сына к себе и позволила ему выплакаться.

– Я знаю, малыш. Я знаю…

Никаких других слов у нее не было.

Лореда забралась на ветряную мельницу, села на площадке под огромными лопастями, поджав коленки. Доски, нагретые солнцем, были почти горячими.

Как папа мог так поступить? Как он мог бросить свою семью на ферме без урожая и воды? Как он мог бросить…

Меня.

Она задыхалась от боли при мысли об этом.

– Вернись! – закричала она.

Голубое, сияющее бескрайнее небо Великих равнин поглотило ее слабый крик, она была совсем одна – маленькая, оставленная.

Как он мог бросить ее, он ведь знал, как сильно она хотела уехать с фермы? Она такая же, как он, она не похожа на маму, бабушку и дедушку. Она не хочет работать на ферме, она хочет уехать в большой мир, стать писательницей, написать что-нибудь важное. Она хочет уехать из Техаса.

Мельница затряслась, и Лореда подумала: «Отлично, теперь еще мама лезет меня утешать. Жалкое существо». Меньше всего на свете Лореде сейчас хотелось видеть мать.

– Уходи! – Лореда яростно вытерла глаза. – Это ты во всем виновата.

Мать вздохнула. Бледная, почти хрупкая. Даже смешно. Как же, хрупкая она, как корень юкки.

Элса забралась на площадку и села рядом с Лоредой, там, где всегда сидел отец, и Лореда разъярилась.

– Это не твое место! Здесь он…

Ее голос прервался.

Элса положила руку на бедро Лореды.

Лореда дернулась в сторону.

– Нет. *Нет*. Я не хочу снова и снова слушать твое вранье о том, что все будет хорошо. Ничего хорошего не будет. Он из-за тебя уехал.

– Я люблю твоего отца, Лореда.

Мама сказала это так тихо, что Лореда едва услышала. Глаза у мамы блестели от подступивших слез, и Лореда подумала: «Я не буду смотреть, как ты плачешь».

– Меня бы он не бросил, – вырвалось у нее.

Она спустилась с мельницы и, ослепленная слезами, кинулась в дом, где дедушка с бабушкой сидели на диване, держась за руки, и выглядели так, будто над ними только что пронеслось торнадо.

– Лореда, – окликнула ее бабушка, – вернись…

Лореда была уже на втором этаже. Энт лежал на ее кровати, свернувшись клубком, и сосал палец.

И тут Лореда наконец заплакала. Закапали горячие слезы.

– Он бросил нас? – спросил Энт. – Правда?

– Не нас. Ее. Он, может быть, где-то ждет нас.

Энт сел.

– Это такое приключение?

Лореда вытерла глаза и подумала: «Именно».

– Да. Приключение.

Элса сидела на мельничной площадке, ничего не видя перед собой. Спуститься, пойти в дом, в спальню – лечь в постель – даже подумать об этом не было сил. Поэтому она продолжала сидеть, вспоминая все свои ошибки, которые привели к этой катастрофе, пытаясь представить, какой теперь будет ее жизнь.

Ветер вцепился ей в волосы. Элса не заметила этого, заблудившись в густом лесу боли.

Нужно пойти за Лоредой.

Но она не могла посмотреть в лицо ярости и боли своей дочери. Пока еще нет.

Следовало сказать Рафу, что она поедет с ним на Запад. Все было бы сейчас иначе, если бы она просто сказала: «*Конечно, Раф, мы поедем»*. Он бы задержался. Вместе они убедили бы Тони и Роуз поехать с ними.

Нет.

Эту ложь она даже сейчас не могла себе позволить. Как бы они оставили стариков? Как бы поехали на Запад без машины и денег?

Ветер сорвал косынку с головы. Легкая ткань упорхнула прочь. Площадка затряслась, лопасти над головой Элсы, скрежеща, пришли в движение.

Приближается буря.

Элса слезла с трясущейся площадки. Когда она ступила на землю, ветер, завывая, сорвал верхний слой почвы, поднял его и метнул в сторону. Песок ударил в лицо Элсы, точно крошечные осколки.

С крыльца сбежала Роуз:

– Буря! Скорее!

Элса кинулась к ней:

– Дети?

– Дома.

Держась за руки, они пробрались к двери, задвинули засов. Стены тряслись. С потолка дождем сыпалась пыль. Новый порыв ветра, и мир вокруг содрогнулся.

Роуз бросилась запихивать клочки тряпок и газет в оконные щели.

– Дети! – закричала Элса.

– Мамочка!

В гостиную влетел перепуганный Энт, бросился к матери. Та прижала мальчика к себе.

– Надень противогаз.

– Не хочу. Я в нем дышать не могу.

– Надевай, Энтони. И полезай под кухонный стол. Где твоя сестра?

– Что?

– Приведи Лореду. Скажи ей, чтобы она тоже надела противогаз.

– Я… не могу.

– Не можешь? Почему?

Вид у Энта был несчастный.

– Я обещал ей не говорить.

Элса опустилась на колени, глядя на сына. На них сыпалась пыль.

– Энтони, где твоя сестра?

– Она сбежала.

– Что?!

Энт мрачно кивнул.

– Я ей сказал, что это тупость.

Элса бросилась к комнате Лореды, распахнула дверь.

Дочери не было.

Что-то белело на комоде.

Записка, подернутая пылью.

Я найду его.

Элса бегом спустилась, прокричала:

– Лореда сбежала. Я возьму грузовик. В баке еще остался бензин?

– Совсем немного! – крикнул Тони. – Но в такую бурю ехать нельзя.

– Придется.

Элса выудила из ведерка со всякой всячиной, которое стояло на кухне, давно не используемые ключи и вышла в ревущую песчаную бурю. Обвязала нос и рот банданой, прикрыла ладонью глаза.

Перед ней закручивались вихри. От статического электричества волосы встали дыбом. Там, где раньше находился забор, между колючей проволокой вспыхивали синие огоньки.

Пробираясь сквозь пылевые вихри, Элса нашла веревку, которую они протянули между домом и амбаром.

Крепко держась за веревку, она пробралась к амбару, распахнула дверь. В амбар ворвался ветер, затряс дощатые стены, пугая лошадей.

Через образовавшуюся щель Бруно в панике выскочил из стойла и замер в проходе. Ноздри у него трепетали от страха. Он фыркнул и выскочил в бурю.

Элса сорвала с грузовика чехол, ветер вырвал ткань у нее из рук, и чехол расправленным парусом взлетел на сеновал. Мило в ужасе заржал.

Элса забралась на водительское место, вонзила ключ в замок зажигания и с силой повернула. Мотор неохотно кашлянул и ожил. *Только бы хватило бензина.*

Вцепившись в руль, она выехала в бурю. Ветер тут же попытался столкнуть машину в канаву. Сзади гремела цепь, привязанная к оси, – заземление грузовика, чтобы его не закоротило.

Коричневая пыль летела в стороны, две фары вперялись во мрак. В конце дорожки Элса подумала: *куда*?

В город.

Лореда ни за что не пошла бы в другую сторону. Их ферму от границы с Оклахомой отделяли мили пустоты.

Элса с трудом заставила грузовик повернуть. Теперь ветер дул в спину, подталкивая вперед. Она наклонилась, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. Ехала она со скоростью не больше десяти миль в час.

Городские фонари включили в бурю. Окна и двери заколочены. По улице неслись пыль, и песок, и грязь, и перекати-поле.

Лореда съежилась у запертой двери вокзала, крепко прижав к себе чемодан, который ветер пытался вырвать у нее.

Элса остановила грузовик и выскочила. Вокруг фонарей сияли тонкие нимбы золотого света, пронизывая коричневую муть.

– Лореда! – закричала она тонким голосом, царапающим горло.

– Мама!

Наклонившись вперед, Элса двинулась против ветра, который срывал с нее платье, царапал щеки, лишал зрения. Пошатываясь, она поднялась по ступенькам и прижала Лореду к себе так крепко, что на секунду буря исчезла, их не терзал ветер, не кусал песок, остались только они вдвоем.

Слава тебе господи…

– Нужно попасть внутрь, – сказала Элса.

– Дверь заперта.

Где-то совсем рядом взорвалось стекло. Элса отпустила Лореду и пробралась к разбитому окну, перелезла через острые стеклянные зубы, торчащие из подоконника, не обращая внимания на боль.

Открыла дверь, втащила Лореду внутрь и заперла засов.

Здание вокзала подрагивало, разбилось еще одно окно. Элса подошла к питьевому фонтанчику, зачерпнула теплой воды и в горсти отнесла Лореде, которая жадно выпила.

Элса опустилась на пол рядом с дочерью. Глаза так сильно болели, что она почти ничего не видела.

– Прости меня, Лореда.

– Он ведь хотел уехать на Запад? – спросила Лореда.

Стены вокзала тряслись, казалось, весь мир распадается на части.

– Да.

– Почему ты просто не сказала ему «да»?

Элса вздохнула.

– У твоего брата нет обуви. У нас нет денег на бензин. Ни на что нет денег. Бабушка с дедушкой не поедут. Я видела только причины не ехать.

– Я добралась сюда и не знала, куда дальше. Он не хотел, чтобы я знала.

– Понимаю.

Элса положила руку на спину дочери.

Лореда дернулась в сторону.

Элса убрала руку и сидела молча, она сознавала, что никакими словами уже не заделать брешь в отношениях с дочерью. Раф бросил их обеих, бросил детей, бросил родителей, попросту отшвырнул свои обязательства, а винила Лореда по-прежнему Элсу.

Вечером, когда буря стихла, Элса с Лоредой вернулись на ферму. Элса как-то нашла в себе силы поесть, накормить детей и уложить их спать. И даже не заплакать при этом на глазах у всех. «Победа», – подумала она. За несколько часов, что прошли с того момента, как Роуз узнала о бегстве своего сына, ее боль обратилась в клокочущий гнев, который она бурно выражала по-итальянски. Отчаявшаяся Лореда за

ужином не проронила ни слова, на Энта, который ничего не понимал, больно было смотреть. Тони отводил глаза.

Когда Элса оказалась в спальне – наконец-то, – ей пришло в голову, что за последние часы она не произнесла ни слова, даже не отвечала, когда к ней обращались. Боль все ширилась и ширилась внутри, пожирая ее.

Ветер угомонился, стихия больше не набрасывалась на дом. Стояла тишина. Только иногда слышался вой койота да шелест пробегающего по полу насекомого.

Элса подошла к комоду у окна. Открыла ящик Рафа, где лежала единственная рубашка, которую он оставил. Вот и вся память о муже.

Она взяла в руки эту светло-голубую полотняную рубаху с латунными пуговицами. Сама сшила ее Рафу в подарок на Рождество. На манжете сохранилось коричневато-красное пятнышко ее крови: укололась, когда шила.

Она обернула рубашку вокруг шеи, как шарф, и бесцельно вышла в звездную ночь. Может, она так и будет идти и идти без конца… или так и будет носить этот шарф, пока не состарится и не поседеет, и тогда какой-нибудь ребенок спросит, что это за сумасшедшая, которая носит рубашку вместо шарфа, и она ответит, что не помнит, где взяла эту рубашку и чья она.

У почтового ящика она увидела мертвого Бруно, мерин был завален ветками. В приоткрытом рту запеклась грязь. Завтра надо будет постараться выкопать яму в такой же мертвой, как и Бруно, земле, чтобы похоронить его. Еще одно ужасное дело, еще одно прощание.

Вздохнув, Элса побрела домой, забралась в постель. Кровать была слишком широкой для нее одной, даже когда она раскинула руки и ноги. Элса сложила руки на груди, точно покойница в ожидании, когда ее обмоют и похоронят, уставилась в грязный потолок.

Все эти годы, все ее молитвы, вся ее надежда, что однажды ее полюбят, что муж повернется к ней, и разглядит ее, и поймет… все это исчезло.

Правильно ее родители говорили.

Глава одиннадцатая

Лореда понимала, что маму нельзя винить в том, что папа их бросил. Во всяком случае, это была не только мамина вина. Лореда пришла к этой бесконечно грустной правде после долгой бессонной ночи.

Папа бросил их всех. Осознав этот факт, она уже не могла забыть о нем. Отец разбередил в Лореде мечты, уверил, что любит ее, но бросил, исчез.

Впервые в жизни надежды Лореды были разрушены.

Лореда встала, увидела голубое небо за окном и надела ту же грязную одежду, в которой убежала из дома накануне. Она не стала причесываться и чистить зубы. Какой смысл? Ей никогда не выбраться с этой фермы, и кому какое дело, как она выглядит?

Бабушка Роуз стояла у плиты, где в кастрюле булькала манная каша. Бабушка вся… будто съежилась. По-другому и не скажешь. Она что-то бормотала по-итальянски, на языке, которому отказывалась учить внуков, потому что хотела, чтобы они выросли американцами.

На кухне появился Энт, пиная дюймовый слой пыли, покрывавшей пол. Лореда достала для него стул из-под покрытого клеенкой стола, где стояли перевернутые вверх дном миски, тоже все припорошенные пылью.

Лореда перевернула миски, протерла, села рядом с братом. Энт, сгорбившись, отчего стал казаться еще младше, принялся есть безвкусную кашу.

Застегивая штопаный-перештопаный комбинезон, вошел дедушка.

– Кофе чудно пахнет, Роуз, – сказал он и потрепал Энта по грязным волосам.

Энт заплакал. Плач перешел в отрывистый кашель. Лореда взяла брата за руку. Ей тоже хотелось плакать.

– Как он мог их бросить? – сказал дедушка.

Бабушка оглянулась на него с несчастным видом.

– *Silenzio*[20], – прошипела она. – К чему слова?

Дедушка тяжело вздохнул и закашлялся. Он прижал руку к груди, будто там скопилась пыль, принесенная вчерашней бурей.

Бабушка Роуз потянулась за веником и совком. Лореда громко застонала: вчера они весь день расчищали завалы после предыдущей бури – выбивали ковры, стирали грязь с подоконников, перемыли всю посуду, составили ее на место, перевернув, а сегодня опять все сначала…

Неожиданно раздался стук в дверь.

– Папа! – закричала Лореда, срываясь с места.

Она подскочила к двери, распахнула ее.

На крыльце стоял мужчина в лохмотьях с чумазым лицом.

В грязных руках он крутил истрепанную кепку.

Голодный. Как все бродяги, которые останавливались здесь по пути «туда».

Этого папа хотел? Голодать в одиночестве, стучаться в чужие двери и просить еду? Это лучше, чем оставаться дома?

Бабушка встала за спиной Лореды.

– Я голоден, мэм. Если у вас найдется чем поделиться, буду премного обязан. Может, у вас есть для меня работа?

Рубашка бродяги выцвела до неопределимого оттенка, под слоем грязи и пятнами пота трудно было понять, какого она была цвета когда-то. Возможно, голубого. Или серого. Комбинезон туго перепоясан ремнем.

– У нас есть каша, – сказал дедушка. – И веранду надо подмести.

Они привыкли к бродягам, которые выпрашивали еду или предлагали свой труд в обмен на кусок хлеба. В такие тяжелые времена люди делали, что могли, для менее удачливых. Большинство бродяг брались за любую работу и шли себе дальше. Один из них оставил на амбаре Мартинелли какой-то символ. Сообщение для других путников. Видимо, оно значило: «*Здесь живут хорошие люди»*.

Дедушка изучающе разглядывал бродягу.

– Ты откуда, сынок?

– Из Арканзаса, сэр.

– И сколько тебе лет?

– Двадцать два, сэр.

– И давно ты уже в пути?

– Достаточно, чтобы добраться туда, куда я шел, если бы я знал, где это место.

– Что заставляет человека просто взять и уйти? Можешь ты мне это сказать?

Они все посмотрели на бродягу, которому вопрос, видимо, показался трудным.

– Что вам сказать, сэр. Наверное, люди уходят, когда больше не могут терпеть.

– А как же семья? – резко спросила бабушка. – Неужели мужчине не все равно, что будет с его женой и детьми?

– Думаю, если бы было не все равно, он бы остался.

– Это неправда, – сказала Лореда.

– Проходи, поешь каши, – сказала бабушка. – Что толку болтать попусту.

– Лореда, – Энт потянул ее за рукав, – с мамой что-то не то.

Лореда откинула с лица спутанные волосы, оперлась о метлу. Она вспотела, так долго и старательно подметала.

– Ты о чем?

– Она не просыпается.

– Дурачок. Бабушка сказала, пусть спит.

Энт сгорбился.

– Я знал, что ты мне не поверишь.

– Ну ладно.

Лореда пошла за Энтом в родительскую спальню. В маленькой комнате, обычно чистой и прибранной, везде лежала пыль, даже кровать выглядела грязной. Это остро напомнило Лореде, что отец их бросил, – мама даже не подмела перед тем, как лечь спать. А у мамы ведь пунктик насчет чистоты.

– Мама?

Мать лежала на двуспальной кровати, как можно дальше сдвинувшись вправо, так что слева осталось много места. Волосы закрывала грязная косынка, ночная сорочка была такой старой и истертой, что местами сквозь ткань просвечивала кожа. Вокруг шеи она обернула голубую полотняную рубаху – папину. На бледном, как простыня, лице выступали острые скулы над впалыми щеками.

Мама всегда была бледной. Даже на летнем солнце ее кожа только обгорала и шелушилась. Никакого загара. Но сейчас…

Лореда слегка потрясла мать за плечо:

– Проснись, мама.

Никакой реакции.

– Скорее приведи бабушку. Она доит Беллу, – велела Лореда брату.

Лореда ткнула маму в руку, на этот раз совсем не легонько:

– Просыпайся, мам. Это не смешно.

Лореда смотрела на женщину, которая всегда казалась ей такой непреклонной, несгибаемой, не умеющей радоваться. Теперь она видела, какая мама нежная, какая худая и бледная. Лежащая в постели с папиной рубашкой, обмотанной вокруг шеи, мама выглядела такой хрупкой.

Лореде стало страшно.

– Проснись же, мам. Давай.

В комнату вошла бабушка, в руке она держала пустое ведро. Энт прятался у нее за спиной.

– Что стряслось?

– Мама не просыпается.

Бабушка поставила ведро и взяла тряпицу, что прикрывала потрескавшийся фарфоровый кувшин на комоде. На пол посыпалась пыль. Бабушка окунула тряпку в воду, отжала и протерла маме лоб.

– Жара у нее нет, – пробормотала она. – Элса?

Мама не шевельнулась.

Бабушка подтащила к кровати стул, села. Долгое время она ничего не говорила, просто сидела. Наконец вздохнула и сказала:

– Он и нас бросил, Элса. Не только тебя. Он бросил всех, кого, как он говорил, любит. Я ему этого никогда не прощу.

– Не говори так! – выкрикнула Лореда.

– *Silenzio*, – велела бабушка. – Женщина может умереть от разбитого сердца. Не делай ей хуже.

– Это из-за нее он ушел. Она отказалась ехать в Калифорнию.

– Ну да, у тебя же богатый опыт по части любви и отношений с мужчинами. Спасибо тебе, умница моя. Уверена, твои слова утешили маму.

Бабушка снова протерла мамин лоб влажной тряпкой.

– Я знаю, как тебе сейчас больно, Элса. Нельзя разлюбить того, кого ты любишь, даже если он разбил тебе сердце. Я понимаю, ты не хочешь просыпаться. Господи, у нас такая жизнь, что тебя никто и

винить не станет. Но ты нужна дочери, особенно сейчас. Она такая же глупая, как ее отец. И Энт меня беспокоит.

Наклонившись, бабушка прошептала:

– Вспомни, как ты в первый раз взяла Лореду на руки и мы обе заплакали. Вспомни смех сына, как он крепко-крепко обнимает тебя. Твои дети, Элса. Помни про Лореду… про Энтони…

Мама резко, прерывисто вздохнула и вдруг села, как будто ее выбросило на берег; бабушка поддержала ее, обняла.

Лореда никогда не слышала таких рыданий. Казалось, мама просто разорвется пополам от плача. Когда мама наконец смогла дышать, не захлебываясь слезами, она откинулась на подушки, совершенно опустошенная. По-другому никак не скажешь.

– Лореда, Энт, пожалуйста, выйдите из комнаты, – велела бабушка.

– Что с ней такое? – спросила Лореда.

– У страсти есть темная сторона. Если бы твой отец когда-нибудь повзрослел, он бы рассказал тебе об этом, вместо того чтобы забивать твою голову чушью.

– Страсть? Это-то тут при чем?

– Она слишком маленькая, чтобы понять, Роуз, – сказала Элса.

Лореда терпеть не могла, когда ей говорили, что она слишком маленькая.

– Я вовсе не маленькая. Страсть – это прекрасно. Я мечтаю о ней.

Бабушка нетерпеливо помахала рукой.

– Страсть – это гроза, прогремит и пройдет. Она питает, *sì*, но и утопить может. Наша земля тебя спасет и защитит. Твой отец этого так и не понял. Будь умнее своего эгоистичного, глупого отца, *cara*[21]. Выходи замуж за земледельца, надежного и верного. С ним ты сможешь быть спокойна за будущее.

Снова она о замужестве. Для бабушки это ответ на все вопросы. Как будто в замужестве такая уж распрекрасная жизнь.

– Может, лучше собаку завести? Ничуть не хуже, чем та жизнь, которую ты для меня хочешь.

– Мой сын тебя избаловал, Лореда, позволил тебе читать слишком много романтических книг. Это тебя погубит.

– Чтение? Я сомневаюсь.

– Вон отсюда. – Бабушка указала на дверь. – Немедленно.

– Я все равно не собиралась здесь торчать, – буркнула Лореда. – Пойдем, Энт.

– Хорошо, – сказала бабушка. – Сегодня день стирки. Иди набери воды.

И почему Лореда не убралась пять минут назад?

– Он меня никогда не любил, – прошептала Элса. – С чего бы?

– Ах, *cara*… – Роуз накрыла огрубевшей от бесконечной работы ладонью руку Элсы. – Ты знаешь, что я потеряла трех дочерей. Трех. Две из них родились бездыханными, только одна задышала. Но мы никогда об этом не говорили.

Роуз глубоко вдохнула и выдохнула. Помолчала.

– Я не долго позволила себе горевать о каждой. Я заставила себя поверить, что у Бога на меня есть планы. Я ходила в церковь, и зажигала свечи, и молилась. Никогда в жизни я так не боялась, как когда носила Раффаэлло. Он был таким беспокойным у меня в животе. Все указывало, что он родится здоровым, и я стала бояться своей надежды. Плакала, увидев черную кошку. Пролив оливковое масло, бросалась в церковь, чтобы отвратить несчастье. Я не связала ни одной пары пинеток, не сшила одеяльца, не вышила крестильной рубашечки. Я только и делала, что представляла его. Он стал для меня реальным, не так, как с девочками. Когда же родился – такой здоровенький и невозможно красивый, – я поняла, что Бог простил меня за неизвестный мне грех, который стоил мне дочерей. Я его слишком сильно любила, я… не могла его наказывать, он ни в чем не знал отказа. Тони говорил, что я избалую его, а я думала: ну и что в этом плохого? Он, как метеор, ослепил меня своим светом. Я… так многого хотела для него. Я хотела, чтобы он узнал любовь, и жил в достатке, и стал американцем.

– И тут появилась я.

Роуз ненадолго замерла.

– Я помню каждый миг того дня. Он собрал вещи, чтобы ехать в колледж. *Колледж*. Мартинелли в колледже. Я так гордилась, я всем рассказала.

– И тут вдруг я.

– Тощая, как ивовый прутик. С неухоженными волосами. Я подумала, что эта женщина даже улыбаться не умеет. И слишком

старая для него.

– Так оно и было.

– Только через несколько месяцев я поняла, что ты самая любящая и преданная женщина из всех, кого я знаю. Ничего лучше с моим сыном случиться не могло. Он дурак, что не заметил этого.

– Вы слишком добрая. Но на самом деле вы так не думаете.

Роуз вздохнула.

– Если я навредила Раффаэлло тем, что любила его слишком сильно, боюсь, твои родители навредили тебе тем, что любили тебя слишком мало.

– Они пытались любить меня. Как и Раф.

– Правда? – спросила Роуз.

– Я была болезненным ребенком. В подростковом возрасте я перенесла лихорадку, после чего мое здоровье ослабло. Доктора сказали родителям, что я умру молодой, потому что у меня больное сердце.

– И ты им поверила.

– Конечно.

– Элса, я ничего не знаю о твоей юности, твоей болезни, о том, что твои родители сказали и сделали. Но одно я знаю. У тебя львиное сердце. Если тебе кто скажет, что это не так, не верь. Я видела, какая ты. Мой сын – дурак.

– Последнее, что он сказал, перед тем как уйти: «Запомни, каким я был тогда». Я подумала, что у него романтическое настроение.

– Думаю, нам еще долго будет больно, но ты нужна Лореде и Энту. Лореда должна понять, что ее спасет эта земля, а не глупый отец.

– Я хочу, чтобы она училась в колледже, Роуз. Чтобы она была смелой, чтобы у нее была интересная жизнь.

– У девочки? – Роуз засмеялась. – В колледже будет учиться Энт. Лореда успокоится, выйдет замуж. Вот увидишь.

– Но я вовсе не уверена, что хочу для нее тихой семейной жизни, Роуз. Я восхищаюсь ее огнем. Пусть даже сама обжигаюсь. Я только… хочу, чтобы она была счастлива. Когда я вижу, что она так же несчастна, как ее отец, мое сердце разрывается на части.

– Ты винишь себя, когда винить надо других. – Роуз успокаивающе похлопала Элсу по руке. – Запомни, *cara*, тяжелые

времена проходят. Земля и семья остаются.

Глава двенадцатая

В ноябре с севера налетел первый снегопад, укрыв мир тонким слоем снега. Чистый, белый, первозданный снег припорошил грубые лопасти ветряной мельницы, курятник, коров и саму землю.

Снег – хороший знак. Снег – значит, вода. Вода – значит, урожай. Урожай – значит, еда на столе.

В особенно холодный день Элса за кухонным столом лепила тефтельки покрасневшими, распухшими, покрывшимися цыпками руками. Той зимой у всех были цыпки и у всех в доме – и в округе – болело горло, а глаза после множества пыльных бурь покраснели и чесались.

Она положила приправленные чесноком свиные тефтельки на противень, накрыла полотенцем и прошла в гостиную, где Роуз у печки штопала носки.

Тони, топая, отряхнул снег с ботинок и закрыл за собой дверь. Он сложил руки домиком и подышал на них. Щеки у него покраснели. Волосы торчали сосульками.

– Мельница не качает воду, – сказал он. – Наверное, замерзла.

Он подошел к дровяной печи. Рядом в бочке лежал все уменьшающийся запас кизяка. В годы пыли и засухи животные на Великих равнинах умирали, и безлесная земля теряла источник топлива, который фермеры считали неисчерпаемым. Тони подбросил пару кусков кизяка в огонь.

– От свинарника осталось еще несколько сломанных досок. Пойду нарублю их. Сегодня нам понадобится огонь пожарче.

– Я схожу, – вызвалась Элса.

Она сняла зимнее пальто с крючка у двери, прихватила перчатки и вышла в замерзший мир. Блестящие, обледеневшие перекати-поле ходили колесом по двору, и с каждым поворотом от них отламывались кусочки.

Элса достала топор из деревянного ящика и направилась к бывшему свинарнику, изучающе посмотрела на доски, выбрала одну и размахнулась. Металл, ударив по дереву, отдал в плечо, послышался треск.

Меньше чем за полчаса Элса уничтожила все, что оставалось от свинарника, и превратила его в дрова.

Серое небо давило.

Элса с Энтом на заднем сиденье фургона кутались в одеяла. Лореда сидела отдельно, тоже укутавшись, ее щеки покраснели и горели от непривычного холода. После ухода Рафа она все больше молчала и держалась отстраненно. Элса с удивлением обнаружила, что ярость дочери нравилась ей больше этой тихой подавленности. Роуз и Тони сидели спереди, Тони держал вожжи. Все были одеты в свою лучшую, воскресную одежду, все равно старую и потрепанную.

Тихо было в Тополином в этот день на исходе ноября. Так тихо, как бывает в умирающем городе. Все вокруг было покрыто снегом.

Католическая церковь выглядела одинокой. В прошлом месяце снесло половину крыши, шпиль сломался. Еще одна буря – и ничего не останется.

Тони остановил фургон перед церковью, привязал лошадь к столбу. Наполнил ведро из колонки, поставил его перед Мило.

Элса натянула шляпку-клош на косы и подозвала к себе детей. Вместе они вошли в церковь по скрипящим ступенькам. Несколько разбитых окон заколотили фанерой, и алтарь был погружен в темноту.

И в хорошие годы в городке было не много католиков, а хорошие годы давно миновали. Каждое воскресенье в церковь приходило все меньше народа. У ирландских католиков была своя церковь в Далхарте, а мексиканцы молились в церквях, построенных сотни лет назад. Но все теряли прихожан. Почта Великих равнин доставляла все больше открыток и писем от тех, кто нашел работу в Калифорнии, и Орегоне, и Вашингтоне и советовал родственникам последовать их примеру.

Элса слышала, как в церковь заходят люди. Женщины больше не собирались пообсуждать рецепты, а мужчины – поспорить о погоде. Даже дети молчали. Скрип деревянных скамеек заглушал частый сухой кашель.

В положенное время отец Майкл встал перед алтарем и посмотрел на свою поредевшую паству. Он выглядел таким же уставшим, какой Элса себя чувствовала. Какими они все себя чувствовали.

– Бог испытывает нас. Давайте помолимся, чтобы за снегом пришел дождь. Пришел урожай.

– Бог нам не поможет, – проворчала Лореда.

Роуз с силой ткнула Лореду в бок.

– Бог испытывает нас, но это не значит, что он о нас забыл, – сказал отец Майкл, вглядываясь в Лореду сквозь маленькие круглые очки. – Давайте помолимся.

Элса склонила голову. «Да поможет нам Бог», – подумала она, но молитва ли это? Она точно не знала. Скорее, отчаянная мольба. Они молились, и пели, и опять молились, а потом выстроились в очередь к причастию.

Когда служба закончилась, люди начали украдкой посматривать на оставшихся друзей, соседей. Все отводили глаза. Все помнили, как раньше по воскресеньям они собирались на общие трапезы.

Семья Каррио стояла у обледеневшей колонки.

Мистер Каррио отделился от семейства и направился к Мартинелли, его суровое лицо не выражало никаких эмоций. Все теперь старались вести себя сдержанно, боясь, что если хоть чуть-чуть дадут слабину, чувства польются через край.

– Тони, – сказал он, убирая отросшие волосы с раскрасневшегося на морозе лица.

Это был морщинистый, жилистый мужчина с массивной нижней челюстью и тонким носом.

Тони снял шляпу, пожал руку другу.

– А Чирилло где?

– Рэй получил письмо от сестры, уехавшей в Лос-Анджелес, – ответил мистер Каррио с сильным итальянским акцентом. – Похоже, она неплохо устроилась. Нашла хорошую работу. Он с Андреа и детьми тоже туда собирается. Говорит, здесь нет смысла оставаться.

Наступило молчание.

– Лучше бы мы раньше уехали, – сказал мистер Каррио. – Теперь у нас нет денег даже на бензин. Ты получил весточку от сына? Он нашел работу?

– Еще нет, – сдержанно ответил Тони.

Никто из них не сказал правды о дезертирстве Рафа. Они бы не вынесли, узнай все о его предательстве, его слабости.

– Очень жаль, – сказал мистер Каррио. – Похоже, вы тут застряли.

– Я никогда не брошу свою землю.

Мистер Каррио потемнел лицом.

– Ты что, еще не понял, Тони? Эта земля изгоняет нас. И все будет только хуже.

Каждый день той долгой, необычно холодной зимы Элса просыпалась с единственной целью: накормить детей. Как им выжить? С каждым днем все сложнее становилось ответить на этот вопрос. Она просыпалась в темноте, одевалась без света. Бог знает: ничего хорошего от того, что посмотришься в зеркало, все равно не выйдет.

Губы потрескались от холода и всегда были воспалены, потому что Элса кусала их, когда особенно сильно беспокоилась. А беспокоилась она беспрерывно. Из-за вечного холода, из-за постоянной нехватки еды, из-за здоровья детей. Последнее особенно тревожило. На прошлой неделе школа закрылась – температура в здании упала до двадцати градусов[22]. Запас кизяка таял, и отопление школы стало роскошью, которую никто не мог себе позволить. Поэтому теперь к обязанностям Элсы прибавилось обучение детей. Для женщины, получившей только среднее образование, это оказалось серьезным испытанием, но она ревностно взялась за дело. Больше всего на свете она хотела, чтобы перед ее детьми открылись возможности, которые дает образование.

Только вечером, помолившись с детьми и в изнеможении рухнув в одинокую постель, Элса позволяла себе подумать о Рафе, потосковать о нем. Она вспоминала, каким он порой бывал ласковым. Скучает ли он по ней хоть чуть-чуть? В конце концов, их связывает общее прошлое, и она не в силах разлюбить его. Несмотря на всю боль, которую он ей причинил, несмотря на гнев, который она испытывала, вечером, когда она закрывала глаза, ей не хватало мужа, звука его дыхания и надежды, что однажды он все же полюбит ее. В голове крутилась мысль: *И почему я не сказала: «Я поеду в Калифорнию*», пока Элса не забывалась прерывистым сном.

Слава богу, что у нее есть ферма и дети, потому что иногда так хочется забиться в нору и заплакать. Или превратиться в одну из тех безумных женщин, что весь день в ночной сорочке, неприбранные, стоят у окна, поджидая мужчину, который никогда не вернется. Впервые в жизни Элса испытывала физическую боль от предательства.

Она готова была почти на все, чтобы спрятаться от этой боли. Сбежать от нее. Напиться. Наглотаться лауданума…

Но она не была «я». Она была «мы». Двое ее прекрасных детей рассчитывали на нее, пусть Лореда еще этого не понимает.

Тем утром в конце декабря Элса проснулась поздно и надела всю одежду, что у нее была, прикрыла тонкие волосы и красной банданой, и шерстяной шапкой, которую Роуз связала ей к Рождеству.

Привычно обмотав шею рубашкой Рафа, она спустилась на кухню варить кашу.

Сегодня – наконец-то! – они получат правительственную помощь. Громкая новость в городе. В прошлое воскресенье ни о чем другом в церкви не говорили.

Элса надела сапоги, вышла на улицу и сразу задрожала от холода. Насыпала зерна курам и проверила, есть ли у них вода. Этой морозной зимой колодец работал через раз. Слава богу, когда он замерзал, хватало снега, чтобы напоить животных и самим не остаться без воды. Тони сбоку от дома рубил доски – амбар частично пошел на дрова.

Она помахала ему и направилась к амбару. В загоне пристегнула вожжи к узде Мило.

Бедное голодное животное так печально посмотрело на нее, что Элса на миг замерла.

– Знаю, малыш. Нам всем плохо.

Она вывела костлявого мерина под сияющее голубое небо. Только она закончила впрягать его в фургон, как появился Тони.

Щеки у него раскраснелись, изо рта вырывались клубы пара, глаза и щеки впали от горя. Как человек, который верил в Бога и землю, Тони с горечью приближался к смерти, разочарованный обоими. Каждый день он подолгу смотрел на покрытые снегом поля озимой пшеницы и молил Бога, чтобы пшеница взошла по весне.

– На этом собрании мы получим ответ на все, – сказала Элса.

– Надеюсь, – ответил он.

Последние месяцы не пощадили и Лореду. Она потеряла отца, лучшую подругу, а теперь и школа закрылась. Мир Лореды таял на глазах, она ходила мрачная, угрюмая.

Дверь дома распахнулась, застучали шаги по обледенелым ступеням. Лореда и Энт, закутанные во всю одежду, которая на них

налезла, подволакивая ноги, направились к фургону. Роуз шла за ними следом с ящиком продуктов на продажу в городе.

Элса и дети сели позади, рядом с коробкой.

Элса закутала Энта в одеяло и прижала к себе. Лореда скорее замерзла бы насмерть, чем присоединилась к ним, поэтому она сидела напротив и дрожала.

Тони щелкнул вожжами, и Мило медленно побрел вперед. Куски мыла стукались друг об друга в дощатом ящике на полу фургона. Элса прижала ладонью в перчатке упаковку с яйцами, чтобы она не упала.

– Лореда, обещаю, если ты сядешь с нами, чтобы согреться, я все равно буду знать, что ты сердишься.

– Очень смешно, – буркнула Лореда, скрестив руки на груди и стуча зубами от холода.

– Ты же вся посинела.

– Вовсе и не посинела.

– Покраснела уж точно, – рассмеялся Энт.

– Хватит на меня смотреть, – огрызнулась Лореда.

– Ты сидишь прямо напротив нас, – заметила Элса.

Лореда демонстративно отвернулась.

Энт захихикал.

Лореда закатила глаза.

Элса переключила внимание на пейзаж.

Заснеженные поля так красивы. Мало кто жил между городом и фермой Мартинелли, почти все дома по дороге стояли пустые. Лачуги, землянки и дома с заколоченными окнами и объявлениями «Продается» поверх уведомлений о конфискации за долги.

Они поравнялись с домом Маллов, тоже заколоченным. Согласно последним новостям, Том и Лорри пошли вслед за родственниками в Калифорнию пешком. *Пешком.* Как можно дойти до такого отчаяния? А ведь Том – юрист. В эти дни разорялись не только фермеры.

Столько людей уезжало.

Давай уедем в Калифорнию.

Элса отогнала эту мысль, хотя и знала, что та вернется мучить ее в темноте.

В центре городка Тони остановил фургон и привязал Мило к столбу. Элса взяла деревянный ящик с яйцами, сливочным маслом и

мылом. Плакаты на немногих еще открытых магазинах возвещали о приезде Хью Беннетта, ученого из нового Гражданского корпуса охраны окружающей среды, организованного президентом Рузвельтом. Пытаясь побороть безработицу, ФДР[23] создал десятки агентств, заставил документировать Великую депрессию в словах, фотографиях и физическом труде – строя мосты и ремонтируя дороги. Беннетт приехал из самого Вашингтона, чтобы наконец помочь фермерам.

Элсу поразили пустые полки магазина. И все равно их встретила соблазнительная коллекция цветов и ароматов. Кофе, духи, которые никто не покупал уже несколько лет, ящик с яблоками. Кое-где на полках сиротливо стояла какая-нибудь утварь, лежали выкройки, шляпы от солнца, но были и мешки с рисом и сахаром, и тушенка, и концентрированное молоко. Собирали пыль ткани в клеточку, и в горошек, и в полоску, и кружева. Сейчас одежду шили только из мешковины.

Элса подошла к прилавку, где, устало улыбаясь, стоял мистер Павлов в белой рубашке, которая знавала лучшие дни. Когда-то он был одним из самых богатых людей в городе, а теперь зубами вцепился в свой магазин, пытаясь сохранить его. Семья Павловых переселилась в квартирку над магазином, когда банк конфисковал их дом за долги.

– Мартинелли. На собрание приехали?

– Да, – ответил Тони. – А вы пойдете?

– Пойду. Я, конечно, надеюсь, что правительство сможет помочь народу. Так горько видеть, что люди сдаются и уезжают.

Тони кивнул.

– Но многие и остаются.

– Фермеры – крепкий народ.

– Мы слишком много вложили труда, слишком многим пожертвовали, чтобы теперь уйти. Засухе придет конец.

Мистер Павлов покивал и посмотрел на ящик, который Элса поставила на прилавок.

– Ваши куры еще несутся. Повезло.

– Там и мыло Элсы, – сказала Роуз. – С ароматом лаванды. Вашей хозяйке такое нравится.

Дети подошли к Элсе. Она невольно вспомнила, как раньше они забегали в магазин, охая и ахая, выпрашивая конфеты.

Мистер Павлов поправил безободковые очки.

– Что вам нужно? – спросил он.

– Кофе. Сахар. Рис. Фасоль. Может, немного дрожжей? Банку того хорошего оливкового масла, если оно у вас есть.

Мистер Павлов подсчитал в уме. Потом подтянул поближе корзину, которая висела на веревке рядом с ним, достал лист бумаги и написал: *Сахар. Кофе. Фасоль. Рис.* Сказал:

– Оливкового масла нет, а дрожжи бесплатно.

Положил список в корзину и потянул за рычаг, который поднял корзину на второй этаж магазина, где его жена и дочь выписывали чеки.

Вскоре из задней комнаты вышла девушка крупного телосложения с мешочками сахара, риса, фасоли и кофе.

Энт уставился на банку лакричных палочек, что стояла на прилавке.

Элса погладила сына по голове.

– На лакрицу сегодня специальное предложение, – сказал мистер Павлов. – Две палочки по цене одной. Могу включить в счет.

– Вы знаете, что я милостыню не принимаю, – ответил Тони. – Затрудняюсь сказать, когда мы сможем заплатить.

– Да знаю я, – вздохнул мистер Павлов. – Я угощаю. Берите две.

Жизнь казалась терпимой благодаря таким проявлениям доброты.

– Спасибо, мистер Павлов, – поблагодарила Элса.

Тони отнес покупки в фургон, накрыл брезентом. Оставив Мило привязанным к столбу, они пошли по заледеневшей мостовой к зданию неработающей школы, возле которого уже ждало несколько запряженных повозок.

– Народу немного, – заметил Тони.

Взяв мужа за руку, Роуз сказала:

– Говорят, Эмметт получил открытку от родственников из штата Вашингтон. Там есть работа на железной дороге.

– Они об этом пожалеют, – ответил Тони. – Вся эта работа – одни фантазии. Как иначе. Миллионы людей потеряли работу. Вот, допустим, сбежишь ты в Портленд, или Сиэтл, а работы нет. И что с тобой будет? В незнакомом месте, без земли и без крыши над головой.

Элса держала Энта за руку. Вместе они поднялись по ступенькам в школу. Парты сдвинули к стенам, чтобы освободить место, окна, что

оказались разбиты, прикрывала фанера. Перед переносным киноэкраном поставили ряды стульев.

– Ух ты! – воскликнул Энт. – Кино!

Тони подвел семью к заднему ряду, где они сели с другими итальянцами, оставшимися в городе.

Зашли еще несколько человек, почти все молчали. Пожилые люди беспрерывно кашляли, и это напоминало о пыльных бурях, которые разоряли землю осенью.

Захлопнулась дверь, выключился свет.

Зажужжала пленка, и на экране появилось черно-белое изображение: буря с воем пронеслась над фермой. Мимо заколоченного дома ветер нес перекати-поле.

Надпись на экране: *30 % фермеров Великих равнин под угрозой выселения за долги.*

Дальше пошли съемки из больницы Красного Креста: все койки заняты, медсестры в серых халатах ухаживают за кашляющими младенцами и стариками.

Пыль вызывает тяжелую пневмонию.

В следующем кадре фермеры выливают молоко, и пересохшая земля сразу его впитывает.

Молоко продается ниже себестоимости…

Осунувшиеся, оборванные мужчины, женщины и дети, как призраки, скользили по серому экрану. Палаточный городок – гувервилль. Тысячи людей, живущих в картонных коробках, сломанных автомобилях, хибарах, сколоченных из листов ржавого металла и чего попало. Очереди за бесплатным супом…

Фильм прервался. Включился свет.

Послышались уверенные шаги по деревянным половицам. Элса, как и все, повернулась.

Перед собравшимися стоял внушительный господин, одетый лучше всех жителей городка. Он отодвинул импровизированный киноэкран в сторону, подошел к доске, написал мелом: «Методы ведения сельского хозяйства», подчеркнул эту фразу. А потом повернулся к публике.

– Меня зовут Хью Беннетт. Президент Соединенных Штатов назначил меня координатором недавно учрежденного Гражданского корпуса охраны окружающей среды. Я провел несколько месяцев в

рабочих поездках по Великим равнинам. По сельской местности в Оклахоме, Канзасе, Техасе. Должен сказать, ребята, это лето выдалось в Тополином таким же тяжелым, как и в других местах, которые я посетил. И кто может сказать, сколько еще продлится засуха? Говорят, в этом году многие фермеры вообще озимых сеять не стали.

– Думаешь, мы не знаем? – прокричал кто-то хрипло.

– Друг, ты знаешь только, что дождя долго не было. А я вам расскажу, что на самом деле происходит. Настоящая экологическая катастрофа, может быть, самая страшная в истории нашей страны, и вам придется изменить методы ведения сельского хозяйства, чтобы не стало хуже.

– Хочешь сказать, что это мы виноваты? – спросил Тони.

– Отчасти, – ответил Беннетт. – Оклахома потеряла почти четыреста пятьдесят миллионов тонн верхнего слоя почвы. Правда в том, что вам, фермерам, придется понять, какую роль в этом играете вы, или эта великая земля умрет.

Каррингтоны встали и вышли из зала, хлопнув дверью. Ренке последовали их примеру.

– И что же нам делать? – спросил Тони.

– Принятый у вас метод обработки земли разрушает ее структуру. Вы выкапываете траву, которая связывает верхний слой почвы. Плуг распахал прерии. Когда дожди прекратились и начались бури, землю уже ничего не держало. К этой катастрофе привели действия человека, и исправлять дело нужно нам, людям. Вернуть траву. Внедрить методы сохранения почвы.

– Погода и чертовы банкиры-ворюги с Уолл-стрит, которые банкротятся, забирая наши деньги, – вот что нас губит, – возразил мистер Каррио.

– ФДР хочет дать вам всем денег, чтобы вы ничего не сажали на следующий год. У нас есть план сохранения почвы. Нужно дать земле отдохнуть, посеять траву. Усилий одного или двух человек будет недостаточно. Вы все должны взяться за дело. Вы должны защитить Великие равнины, не только свой участок.

Мистер Павлов даже вскочил от гнева.

– Вот так, значит? Вы говорите им ничего не сажать на следующий год? Выращивать траву? Почему бы вам просто не взять

спичку и не поджечь все, что осталось? Фермерам нужна помощь.

– И Рузвельт хочет помочь фермерам. Он знает, что о вас забыли. У него есть план. Для начала правительство выкупит у вас скот по шестнадцать долларов за голову. Если получится, этим мясом мы накормим бедных. Если нет, если все внутренности забиты грязью, а я такое здесь видел, мы вам заплатим и похороним животных.

– И это все? – вопросил Тони. – Вы нас всех здесь собрали, чтобы сказать, что мы сами навлекли на себя эту беду, что нам надо выращивать траву, а на траве денег не заработаешь, и земля такая сухая, что ничего не взойдет, сейчас засуха, да и семена нам не на что купить. И вдобавок вы предлагаете забить последнюю оставшуюся скотину за жалкие шестнадцать долларов за голову.

– У нас есть план помощи. Мы собираемся заплатить вам, чтобы вы не сажали зерно. Может быть, даже удастся договориться с банками о списании ипотеки.

– Ваша благотворительность нам не нужна! – выкрикнул кто-то. – Нам нужна помощь. Нам нужна вода. Какой толк с того, что дом не заберут, если земля не приносит пользы?

– Мы фермеры. Мы хотим сеять хлеб. Мы хотим сами себя обеспечивать.

– Хватит, – сказал Тони, отодвинул стул и встал. – Уходим отсюда.

Оглянувшись, Элса увидела разочарование на лице Беннетта: многие семьи вслед за Мартинелли потянулись к выходу.

Глава тринадцатая

Элса стояла под снегопадом. Легкие снежинки приглушили все звуки мира. Такой красивый, искрящийся белый покров; удивительно, но она все еще находила красоту в природе. По пути в погреб она услышала низкое, грустное мычание Беллы. Бедная корова хотела есть и пить, как и все они. Дрожа от холода, Элса оглядела полки, где должны были стоять ящики с луком и картошкой, банки с фруктами и овощами, но ничего не было. Ничего.

И теперь… эти новости от человека из правительства.

Элса раньше считала пионеров, покорявших равнины, таких как Тони и Роуз, непреклонными, непобедимыми. Эти люди с пустыми руками приехали в огромную незнакомую страну за своей мечтой и покорили ее благодаря силе воли, решимости и трудолюбию.

Но, очевидно, они недооценили землю. Или, хуже того, неправильно ее использовали.

Сколько всего им приходилось делать каждый день – а на этой неделе было очень холодно, мороз щипал кожу, – и на ужин ничего нет, кроме куска хлеба, нескольких прошлогодних мягких картофелин да ломтика копченой ветчины. Этим не наешься. А потом придет время ложиться спать, и все они разойдутся по темным ледяным комнатам, не желая тратить драгоценное топливо и деньги на такой каприз, как свет, и заползут в кровати, всегда полные песка, как бы часто они ни меняли простыни, и попытаются заснуть.

Она взяла из ящика три сморщенные картофелины, стараясь не обращать внимания, как мало там осталось, и вышла на улицу, где продолжал падать снег.

– Мама?

Элса обернулась.

На Лореде несколько слоев плохо сидящей одежды, из которой она выросла, и две пары гольф, отчего тесные туфли, конечно, еще больше ей жмут. За эти месяцы короткие волосы девочки сильно отросли, неровная челка падала ниже носа, то и дело закрывая глаза. Она говорила, что ей теперь плевать, как она выглядит, потому что друзей у нее не осталось.

И все равно красоту Лореды не могли скрыть ни плохая стрижка, ни дешевое платье. От отца она унаследовала оливковую кожу, тонкие черты лица и роскошные черные волосы. А глаза ей достались от Элсы, только они еще ярче. Почти фиолетовые. Придет день, когда мужчины, увидев ее на оживленной улице, будут останавливаться как вкопанные.

Щеки у Лореды покраснели, растаявшие снежинки блестели на темных ресницах и полных губах.

– Хочу с тобой поговорить.

– Ладно.

Лореда поднялась на веранду, села на качели.

Элса села рядом.

– Я тут думала… – начала Лореда.

– О нет, – тихонько сказала Элса.

– Я ужасно вела себя с тех пор, как папа… ну, сбежал от нас.

Это признание поразило Элсу. Она только и смогла ответить:

– Я знаю, как тебе больно.

– Он не вернется, да?

Элсе так хотелось прикоснуться к волосам дочери, убрать их со лба тем ласковым жестом, который был возможен несколько лет назад, когда тело Лореды казалось продолжением ее собственного, когда Элса думала, что храброе сердце дочери, конечно же, укрепит ее собственное слабое сердце.

– Наверное, не вернется. Нет.

– Это я подтолкнула его к этой мысли.

– Что ты, милая. Не бери на себя ответственность за его поступки. Он взрослый человек. Он поступил так, как ему захотелось.

Лореда долго молчала, а потом сказала:

– Тот человек из правительства сказал, что мы погубили землю.

– Это он так думает.

– Трудно такому поверить.

– Да.

– Мне нужно найти работу, – сказала Лореда. – Зарабатывать деньги… чтобы помочь вам.

– Я горжусь тобой, Лореда, но сейчас полстраны безработные. Работы нет. Тем, кто на фермах, еще повезло. У нас еще есть еда.

– Нам не повезло, – сказала Лореда.

– Весной, когда пойдет дождь…

– Нам нужно уехать.

– Лореда, дорогая, я бы на все пошла ради тебя…

– Но не на это. – Лореда резко встала. – Ты бы не уехала. Ты говоришь мне «нет», как сказала «нет» папе.

Элса тяжело вздохнула и тоже поднялась.

– Я скажу тебе то, что мне не хватило смелости сказать твоему отцу. Я люблю эту землю. Я люблю эту семью. Это мой *дом*. Я хочу, чтобы ты выросла здесь, зная, что это твое место, твое будущее.

– Но эта земля умирает, мама. И мы тоже погибнем, если останемся здесь.

– Откуда ты знаешь, что в Калифорнии лучше? И не рассказывай мне сказки о земле молока и меда. Ты сама на днях хронику видела. Полстраны без работы. Благотворительные столовые не справляются с нуждающимися. По крайней мере, здесь у нас есть хоть какая-то еда, и вода, и крыша над головой. Вряд ли меня, мать-одиночку, возьмут работать на железную дорогу. И бабушка с дедушкой…

– Они никогда не уедут, – сказала Лореда.

Элса сняла рубашку Рафа с шеи и сказала:

– Возьми эту рубашку. Она старая и потрепанная, но сделана с любовью.

Лореда осторожно взяла рубашку отца, будто та была сшита из мечты, и обернула ее вокруг шеи.

– Я чувствую запах его помады для волос.

– Да.

В глазах Лореды заблестели слезы.

– Мне очень жаль, Лореда, – сказала Элса.

Лореда тяжело вздохнула, коснулась ткани на шее, точно она обладала магической силой, и сказала:

– Мы пожалеем еще сильнее. Вот увидишь.

Но вот длинная зима закончилась.

На первой неделе марта солнце, яркий, сияющий друг, подняло Мартинелли настроение и снова вселило в них надежду. Один безоблачный день следовал за другим.

Элса стояла у кухонного стола и готовила сливочную рикотту. «Только бы дождик пошел», – думала она и готова была поверить, что

это возможно. Спасение. Она представила другой вид из окна: высокую пшеницу, золотое поле, простирающееся до горизонта под бесконечным голубым небом.

На кухню вошла Роуз, на ходу заплетая волосы.

– Рикотта? Какая вкуснятина.

– Не каждый день девочке исполняется тринадцать. Повод расщедриться. Чувствую, скоро пойдет дождь.

Роуз кивнула, закалывая косу на затылке.

Элса принесла в гостиную кофейник и чашки и разлила насыщенный, горячий напиток в крапчатые чашечки.

– Элс, нам тебя Бог послал, – сказал Тони, глотнув.

Элса улыбнулась:

– Это же просто кофе.

Тони заиграл на скрипке.

Энт подпрыгнул:

– Потанцуй со мной, Лоло.

Лореда закатила глаза – сама раздражительность, – но тут же вскочила и принялась выплясывать безумный чарльстон, совершенно не соответствующий музыке.

Все засмеялись.

Элса и вспомнить не могла, когда в этом доме в последний раз раздавался детский смех. Дар божий, как и хорошая погода.

Теперь дела пойдут на лад, она чувствовала это. Новый год. Новая весна.

Будет светить солнце – но не слишком сильно, – будет идти дождь – столько, сколько надо, – и эти нежные зеленые ростки пойдут в рост. Золотые колосья пшеницы поднимутся, потянутся к солнцу.

– Потанцуй со мной, – сказала Роуз смеющейся Элсе.

– Я уже… тысячу лет не танцевала.

– Как и все мы.

Левой рукой обняв Элсу за талию, Роуз взяла ее за правую руку и притянула к себе.

– Долгая зима была, – сказала она.

– Не такая долгая, как лето.

Роуз улыбнулась:

– *Sì*, тут ты права.

Энт и Лореда кружились, прыгали и хохотали.

Элса удивилась, как свободно она танцует со свекровью. Неужели это она так ловко передвигает ногами? В объятиях Рафа она всегда чувствовала себя такой неуклюжей. Теперь же двигалась с легкостью, бедра покачивались в такт музыке.

– Ты думаешь о моем сыне. Я вижу твою печаль.

– Да.

– Если он вернется, я ему лопатой врежу, – сказала Роуз. – Слишком он глупый, чтобы быть моим сыном. И слишком жестокий.

– Слышите? – спросил Энт.

Тони перестал играть.

Что это? *Кап-кап-кап*…

Энт подбежал к двери и распахнул ее.

Все вышли на веранду.

Над ними нависла черная как уголь туча, другая пробиралась чуть в стороне.

Дождь барабанил по крыше, оставлял пятна-звезды на сухой земле, на ступенях, занесенных песком.

Дождь.

Уже не редкие капли, а ливень. Барабаны дождя били в полную силу.

Все вместе они выбежали во двор, подставляя лица под прохладный, сладкий дождь.

Ливень быстро вымочил их до нитки, превратил землю под ногами в грязь.

– Спасение, Розальба! – сказал Тони.

Элса крепко прижала к себе детей. Вода стекала по их лицам, скользила по спинам прохладными струйками.

– Наше спасение.

Вечером они устроили настоящий пир: домашние феттуччине с обжаренной панчеттой в густом сливочном соусе. Потом Тони играл на скрипке под ритм дождя, а Элса принесла в гостиную кассату из рикотты. На золотистой макушке торта, украшенной блестящими консервированными персиками, горела свеча.

Роуз вытащила из бархатного мешочка на шее одноцентовую монетку, которую она носила с собой уже больше трех десятков лет.

Элса знала каждое слово этого семейного предания. Тони нашел американский цент на улице в Сицилии и принес его Роуз. Они оба согласились, что это знак. Надежда на будущее. Монетка стала семейным талисманом.

Каждый год монетку передавали по кругу утром первого января, и каждый член семьи, держа ее в руках, говорил, на что он надеется в новом году. Мартинелли передавали монетку из рук в руки и перед началом весенних работ, и на дни рождения. На реверсе были выгравированы колоски пшеницы. Неудивительно, что Тони поверил: эта монетка указала Мартинелли их судьбу.

Роуз передала монетку Лореде, девочка серьезно уставилась на нее.

– Загадай желание, *cara*.

– Я в нее больше не верю, – сказала Лореда, возвращая монетку бабушке. – Она не сохранила нашу семью.

Эти слова сильно задели Роуз, не сразу она смогла улыбнуться.

Тони перестал играть.

Лореда посмотрела на Элсу, едва сдерживая слезы:

– Он обещал научить меня водить машину, когда мне исполнится тринадцать.

– Вот как, – ответила Элса, чувствуя боль дочери как свою. – Я тебя научу.

– Это не то же самое.

Наступило неловкое молчание. Нарушила его Роуз:

– Ты снова в нее поверишь. Говори что угодно, но у монетки есть сила.

– Я загадаю желание за нее, – встрял Энт. – Дай мне монетку.

Даже Лореда засмеялась и смахнула слезы.

Тони заиграл *Happy Birthday*, и все запели.

В дни после прекрасной грозы Элса, воодушевленная надеждой, каждое утро просыпалась рано и выходила на улицу. Она глубоко вдыхала плодородный запах влажной земли и, опустившись на колени, возилась на грядках. Она помогала овощам расти, как детям: осторожными движениями, тихими словами. Земля снова была живой, а не потрескавшейся пересохшей коркой, тут и там хрупкие зеленые ростки уже выглядывали наружу, тянулись к солнцу.

В то утро Элса увидела Тони на краю поля с озимыми. Элса не стала надевать шляпу от солнца – солнце было теплое и доброе, как старый приятель. Она прошла мимо курятника, где оживленно кудахтали куры. Старый петух прогуливался вдоль забора, охраняя свою паству. Ветряная мельница глухо стучала на легком ветру, качая воду.

Элса подошла к краю поля и остановилась.

– Посмотри, – сказал Тони хрипло.

Зелень.

Ровные ряды ростков, тянущиеся до горизонта. Вот она, концентрированная надежда. Цвет будущего. Сейчас пшеница зеленая и нежная, но благодаря солнцу и дождю она станет крепкой, как семья, сильной, как сама земля, и превратится в море колышущегося золота, которое даст им всем еду.

По крайней мере, будет зерно для животных. После четырех лет засухи уже это – благословение.

Элса оставила Тони у алтаря земли и вернулась к дому. Встала на колени у своей клумбы под окном кухни. Ее астра зазеленела.

– Привет, – сказала Элса. – Я знала, что ты вернешься.

Глава четырнадцатая

В день, когда пришла жара, Элса сказала себе, что это ничего не значит. Они все так сказали.

Она проснулась рано, чувствуя беспокойство. Ночью она спала плохо, сама не зная почему. Элса встала, побрызгала водой на лицо и вдруг поняла, что не так: ей жарко.

Она заплела косу, прикрыла ее платком и вышла на кухню, где Роуз стояла у окна.

Элса знала, что они обе думают об одном и том же: уже жарко. А еще нет и семи утра.

– Что значит один жаркий день? – сказала Элса, подходя к свекрови.

– Я раньше любила жару, – ответила Роуз.

Элса кивнула.

Они смотрели на ослепительно-желтое солнце.

Стоградусная жара[24] восемь дней подряд. В середине марта.

Они снова принялись усиленно сберегать воду, еду, керосин. Зашторили окна и носили воду ведрами, экономно поливали сад и виноградник, экономно наливали воду в корыта животным, но этого было недостаточно – при такой безжалостной жаре молодая поросль неумолимо чахла. На четвертый день вся пшеница погибла. Сотни акров без намека на зеленый цвет. Элса видела, что настроение ее свекра неуклонно падает. Он просыпался рано, выпивал чашку горького черного кофе и читал газету. Но стоило открыть дверь на улицу, как он опускал плечи, понуро поникал. Каждый день вид земли заново разрушал Тони. В некоторые дни он долгими часами просто стоял и смотрел на мертвое пшеничное поле. Когда он входил в дом, от него пахло потом и отчаянием, он садился в гостиной и молчал. Роуз пробовала все, чтобы поднять мужу настроение, но надежда оставила и ее.

И все же, пусть пшеница умирала, и поля пересыхали, и кожа сгорала, жизнь продолжалась.

Сегодня Элса и Роуз собирались устроить стирку. В этой ослепляющей жаре, от которой болела голова.

Элса с радостью позволила бы детям ходить в грязной одежде, сказала бы: «Кому какое дело?» Сейчас все ходили грязные, но что за мать так скажет, чему она научит детей? Что, если один из немногих оставшихся соседей увидит ее детей в нестираной одежде?

Поэтому она вымыла тазы, наполнила их водой и несколько часов стирала полотенца, постельное белье и одежду, потея и страдая от зноя. Для начала вынести белье на улицу и как следует выбить. Цистерна в такую небывалую для этого времени года жару быстро опустела, поэтому воду приходилось таскать из колодца ведрами. Слава богу, Лореда помогала – в последние дни и она настолько пала духом, что не пыталась протестовать.

Когда Элса закончила со стиркой, уже давно миновал полдень, температура поднялась выше ста пяти градусов[25]. Простыни трепетали на ветру. Элса с трудом могла поднять голову, тело ломило, все суставы ныли. И все ведь напрасно – поднимется пыль, налетит неизвестно откуда и оставит грязные следы на всем только что выстиранном.

Элса вернулась в темную душную кухню и принялась замешивать тесто на воде из-под картошки, оставшейся после ужина, добавила сахар, дрожжи. В два часа на кухню заглянула Лореда.

– Хорошо, – сказала Элса, накрыв тесто полотенцем. – Ты как раз вовремя, поможешь мне занести белье в дом.

– Радость-то какая, – пробормотала Лореда и потащилась за Элсой на улицу.

В первый день весны – еще один знойный день – мама решила, что пора делать мыло. *Мыло*. Лореде уже надоело возмущаться, да и что толку. Мама с бабушкой – женщины-воительницы. Если уж они чего решили, их не остановить.

Лореда с бабушкой пошли в амбар, выкатили из него котел, взгромоздили на треногу. Стоя на коленях, мама развела огонь.

Когда языки пламени начали лизать котел, мама велела:

– Натаскай воды.

Лореда молча ухватила пару ведер и двинулась к колодцу. Когда она вернулась, бабушка вместе с мамой смотрели на огонь.

– Надо было трубу проложить, – сказала бабушка. – В хорошие времена.

– Говорят, задним умом все крепки, – ответила мама.

– А мы купили еще участок, новый грузовик, молотилку. Неудивительно, что Бог нас наказывает. Дураки мы, – сказала бабушка.

– Чешите, чешите языками, – встряла Лореда. – Я и одна воду натаскаю.

Бабушка дала ей легкий подзатыльник:

– *Basta*[26]. Иди.

Когда котел наполнился водой, у Лореды ломило руки-ноги, да и голова разболелась от чертовой жары. Она развязала бандану и утерла пот с лица.

Вода закипела, и бабушка натерла в котел сало, а потом осторожно налила щелочь. Горячий влажный воздух тут же наполнился отвратительным запахом. Мама закашлялась и закрыла рот и нос.

От мерзкого запаха у Лореды еще сильнее разболелась голова, глаза слезились. Трудно было смотреть на голубой горизонт, не моргая. Лореда перевела взгляд на поле мертвой картошки, потом на площадку ветряной мельницы и ощутила острую тоску по отцу, но тут же заглушила в себе это чувство. Хватит с нее тоски. «Ушел, и слава богу», – подумала она (или попыталась убедить себя в этом).

Мама помешивала смесь щелочи, жира и воды длинной палкой, пока варево не достигло нужной консистенции.

Мыло на продажу. Как будто мыло их спасет, как будто продажей мыла они заработают достаточно денег, чтобы прокормиться всю зиму.

Мама разлила мыло по деревянным формочкам, а бабушка засыпала огонь песком.

– Лореда, помоги мне отнести лотки в погреб, – попросила мама.

Бабушка вытерла руки о фартук и пошла в дом.

Лореда знала, что как только котел остынет, им придется откатить его обратно в амбар, и при мысли об этом ей захотелось кричать. Но она молча взяла лоток с незастывшим мылом и вслед за матерью спустилась в темный, относительно прохладный погреб.

Почти пустые полки.

Уже несколько лет не родилась пшеница, сад давал мало плодов, и они питались остатками былой роскоши, но запасы быстро подходили к концу.

Они с мамой молча переглянулись. Какой толк говорить, что еда на исходе.

Обе вышли на жару. Лореда хотела сказать, что хочет пить, как вдруг уловила странный звук. Она остановилась, прислушалась.

– Ты слышишь?

Звуки доносились из амбара.

Мама рывком распахнула скрипучую деревянную дверь.

Лореда вошла внутрь вслед за ней.

Мило лежал на боку и, задыхаясь, хрипел, его впалый живот тяжело поднимался и опускался. Из ноздрей бежала грязная слизь, собираясь в лужу на земле.

Дедушка стоял на коленях рядом с мерином, поглаживая его по влажной шее.

– Что с ним такое? – спросила Лореда.

– Он упал, – ответил дедушка. – Я вел его из стойла на водопой.

– Иди домой, Лореда, – велела мама.

Она подтащила к дедушке табуретку и села, положила руку ему на плечо.

– Придется пристрелить его, Элса. Он мучается. Бедняга отдал нам все свои силы.

«Нет», – думала Лореда, глядя на Мило. С ним связано столько хороших воспоминаний…

Папа научил ее ездить на этом старом мерине.

«Он тебя не обидит, Лоло, доверься ему. Не бойся».

Папа подсаживает ее в седло, а мама говорит: «*По-моему, она еще слишком маленькая»*.

И папа улыбается.

«У моей Лоло все получится».

На спине Мило Лореда впервые в жизни справилась со страхом.

«У меня получилось, папочка!»

Это был один из лучших дней в ее жизни. Всего за один день она от шага перешла к рыси, и папа так ею гордился.

Много лет Мило оставался ее лучшим другом на большой ферме. Он ходил за ней, как щенок, ласково покусывал ее за плечо, выпрашивал у нее морковку.

И вот он упал.

Глаза у Лореды защипало от слез.

– Не сидите так, сделайте что-нибудь. Он мучается.

– Я вас всех подвел, – сказал дедушка.

– Ты нас не подвел, – ответила мама. – Земля подвела тебя.

– Тот мужик из правительства сказал, что мы сами довели себя до беды своей жадностью, что мы неправильно обрабатывали землю. Если я неправильно обрабатывал землю, то я ничего не понимаю, Элса.

Мило вздрогнул, захрипел громче, низко, отчаянно застонал и взбрыкнул передними ногами.

Лореда отрешенно подошла к верстаку и взяла дедушкин «кольт». Она проверила, заряжен ли он, со щелчком закрыла барабан и приблизилась к Мило. Ощутив ее прикосновение, мерин захрапел.

Поглаживая Мило по влажной шее, Лореда видела боль в его глазах, грязную слизь в ноздрях.

– Я люблю тебя, мальчик, – сказала она. Слезы ослепили ее, затуманили лошадиную морду. – Ты отдал нам все свои силы. Мне нужно было проводить с тобой больше времени. Прости меня.

– Лореда, нет, – сказал дедушка. – Это не…

Лореда приставила дуло «кольта» к голове мерина и спустила курок. Грохнул выстрел.

Кровь брызнула ей на лицо.

Дальше тишина.

По щекам Лореды текли слезы. Она нетерпеливо утерла их. Что толку плакать.

– Правительство заплатит нам за него шестнадцать долларов. За живого или мертвого, – сказала она.

– Шестнадцать долларов, – повторил дедушка. – За нашего Мило.

Лореда знала, о чем думают взрослые. Они получат шестнадцать долларов, но как теперь добираться до города? И урожая не будет. И еды.

– Скоро и мы все упадем на колени и не сможем встать. Сколько нам еще осталось?

Лореда бросила револьвер и выбежала из амбара. Она, может быть, домчалась бы до дороги и так и продолжала бы бежать до самой Калифорнии, но уже возле крыльца дома почувствовала, как ветер набирает силу. Она подняла голову и увидела, что с севера надвигается пыльная буря.

С огромной скоростью.

Всю неделю ветер завывал диким зверем, тряс дом, рвался в двери и окна. Ветер дул со скоростью сорок миль в час, день за днем без передышки длился этот страшный, бесконечный бой. С потолка сыпалась пыль. Они вдыхали эту пыль, а потом выплевывали, выкашливали ее. Птицы теряли ориентацию в пространстве, налетали на стены и телеграфные столбы. Поезда останавливались на путях. По Великим равнинам неслись волны песка.

Проснувшись, они обнаруживали, что в пыли на простынях отпечатались их силуэты. Они смазывали носы вазелином и прикрывали лица платками. Взрослые по необходимости выходили в бурю, держась за веревку, натянутую от дома до амбара. Пыль ослепляла. Курицы обезумели от ужаса. Дети сидели дома в противогазах. Энт терпеть не мог противогаз – он говорил, что от него болит голова, – хотя от пыли ему было еще хуже, чем остальным.

Элса переживала за сына, спала с ним, сидела с ним на кровати, читала ему охрипшим голосом. Только книги его и успокаивали.

На пятый день бури Энт лежал в кровати под покрывалом, в противогазе, а Элса подметала пол. Пыль просачивалась через щели в балках, оседала повсюду.

Сквозь вой бури она едва услышала, как что-то упало.

Энт уронил книжку с картинками на пол.

Элса отложила веник и подошла к кровати сына.

– Энт, малыш…

– Мамааа…

Он резко закашлялся, никогда раньше он так сильно не кашлял, Элса перепугалась, что у него треснут ребра. Она спустила с лица платок, сняла с мальчика противогаз. Грязь собралась в уголках его глаз, запеклась в ноздрях.

Энт моргнул.

– Мама? Это ты?

– Это я, малыш.

Элса посадила его, налила воды в стакан, заставила сына выпить. Она видела, что ему больно глотать. Даже без противогаза дышал он с ужасным протяжным хрипом.

Ветер стучал в окна, визжал сквозь щели в дереве.

– У меня живот болит.

– Я знаю, малыш.

Песок. Все они полны песка, он в их слезах, в ноздрях, на языках, он сжимает им горло, собирается в желудках, и всех тошнит. Всех терзала боль в животе.

Но Энт чувствовал себя хуже всех. Он страшно кашлял, не мог есть. Глаза его болели даже от тусклого света.

– Попей еще. Я смажу тебе грудь скипидаром и положу сверху горячие полотенца.

Энт пил маленькими глоточками, как птичка. Напившись, он откинулся на подушку и захрипел.

Элса легла рядом с сыном и обняла его, бормоча молитвы. Энт лежал неподвижно, и Элсе стало страшно.

Она смазала вазелином раздраженные, забитые грязью ноздри мальчика, потом снова надела на него противогаз. Энт моргнул и заплакал, в уголках красных глаз выступила грязь.

– Не плачь, малыш. Буря скоро закончится, и мы отвезем тебя к доктору. Он тебя вылечит.

– Хо… ро… шо… – прохрипел мальчик сквозь противогаз.

Элса обняла сына, надеясь, что он не видит ее слез.

Прошло девять дней, а буря все не ослабевала. Ветер стучал в стены, царапался, рвался в дверь.

Вот еще один такой же день начинается. Элса проснулась рядом с сыном. Как он? Последние четыре дня у него не хватало сил даже встать. Он больше не играл с солдатиками, не хотел, чтобы ему читали вслух. Он просто лежал в противогазе и хрипел.

Первое, что она слышала утром, проснувшись, последнее, что она слышала вечером, обнимая сына, – это ужасное, мучительное дыхание.

Энт дышал. Элса прочла короткую молитву Богородице и встала. Она спустила покрытую коркой грязи бандану на шею и ступила на тонкий слой пыли, скопившейся за ночь. Оставляя следы на полу, подошла к умывальнику.

У зеркала она оторопела, как часто случалось в эти дни.

«Господи», – прохрипела она. Лицо похоже на пустыню летом: коричневое, потрескавшееся, изборожденное морщинами. Губы и зубы

покоричневели от песка. Пыль собралась в уголках глаз и на ресницах. Она умыла и вытерла лицо, почистила зубы.

В гостиной Элса надела сапоги, стоявшие у двери, и замерла, глядя на трясущуюся ручку. Дул такой сильный ветер, что стены, казалось, прогибаются. Она натянула платок на лицо, надела перчатки и всем телом навалилась на дверь.

Ветер толкнул ее назад. Она наклонилась и, прищурившись, почти ничего не видя, двинулась сквозь пыль. Отыскала трос, натянутый между домом и амбаром, и, перебирая руками, медленно преодолела двор. Вот, наконец, и амбар. Элса прицепила веревку к ошейнику Беллы и вывела бедную, запинающуюся корову в широкий центральный проход. Стены тряслись, пыль летела со всех сторон.

Элса поставила ведро, села на табуретку, сняла перчатки и убрала их в карман фартука. Опустив бандану, она потянулась к тощему, покрытому струпьями вымени. Амбар сотрясался, ветер свистел в щели, пробивался сквозь сами доски.

Кожа на руках у Элсы потрескалась и саднила, и дойка причиняла ей такую же боль, как корове. Она взялась за вымя. Корова жалобно замычала.

– Прости, красавица, – сказала Элса. – Я знаю, что тебе больно, но моему мальчику нужно молоко. Он… болеет.

Ведро забрызгали грязные коричневые сгустки.

– Пожалуйста, коровушка моя, – уговаривала Элса, пытаясь выдоить молоко.

Снова. И снова.

Ничего. Одна лишь грязь.

Элса закрыла воспаленные глаза и прислонилась лбом к впалому боку Беллы. Коровий хвост хлестнул ее по щеке.

Сколько времени она просидела так, горюя о пропавшем молоке? Чем теперь кормить детей без молока, масла и сыра? Бедная корова весь день вдыхает пыль и долго не протянет. Другая корова уже несколько месяцев не дает молока, ей еще хуже, чем Белле.

Измученно вздохнув, Элса надела перчатки, натянула бандану и отвела Беллу в стойло.

По дороге к дому Элсе словно тысячи лезвий вонзились в лоб, она почти ничего не видела. Ветер сдирал кожу с лица.

– Элса, что случилось?

Тони обнял ее, чтобы она не упала.

Опустив бандану, она ответила:

– Молока больше нет.

Последовало душераздирающее молчание.

– Что же, продадим коров правительству. Шестнадцать долларов за голову, так?

Элса попыталась утереть пыль с глаз.

– У нас еще есть мыло на продажу и яйца.

– Поблагодарим Бога за эти маленькие чудеса.

– Да, – ответила Элса, думая о пустых полках погреба.

Глава пятнадцатая

Тишина.

Ветер не стучит в окна. Пыль не падает с потолка.

Элса осторожно открыла глаза, они все привыкли к этой осторожности. Опустила с носа и рта покрытую коркой грязи бандану, смахнула пыль с век. Пришла в себя. Потом села, и пыль посыпалась на пол.

Первым делом она проверила, что с Энтом. Разбудила сына, убрав противогаз с костлявого личика.

– Привет, малыш. Буря закончилась.

Энт открыл глаза. Элса видела, какого труда ему это стоило. Белки глаз страшно покраснели.

– Я не могу… дышать.

Его грязные, покрытые голубыми сосудиками веки закрылись.

Ему хуже.

– Энт? Малыш? Ты только не засыпай, хорошо?

Он пытался облизнуть губы, прочистить горло.

– Мне… плохо… мама.

Элса смахнула мокрые волосы со лба сына, чувствуя, какой он горячий.

Лихорадка.

Такого раньше не было.

После болезни, которую Элса перенесла в юности, она очень боялась лихорадки.

Элса сняла тряпицу с кувшина у кровати и налила воду в керамический тазик для умывания. Обмакнула ткань в теплую воду, слегка отжала и положила на лоб сына. Вода стекала по вискам мальчика.

Элса налила в стакан немного воды и помогла Энту проглотить две таблетки аспирина.

– Представь, что это бабушкин лимонад. Кисло-сладкий.

Потом дала ему чайную ложку сахара со скипидаром. Она не знала другого лекарства против пыли, которую мальчик вдыхал даже в противогазе.

Энт сделал несколько маленьких глотков воды, с усилием проглотил сахар, а потом закрыл глаза и еще глубже зарылся в подушку.

Элса только облегченно выдохнула, как вдруг Энт изогнулся, по телу его пробежала судорога, пальцы сжались, красные глаза закатились.

Никогда еще Элса не чувствовала себя такой беспомощной. Она ничего не могла поделать, просто сидела и смотрела, как ее дорогой мальчик бьется в судорожном припадке. Казалось, секунды тянутся вечность.

Когда приступ закончился, Элса крепко обняла сына, но она сама была слишком напугана и не могла его успокоить.

– Помоги, мама, – прохрипел он. – Мне жарко.

Ему нужна помощь. *Прямо сейчас.*

Денег у них нет, но это неважно. Если придется, она будет просить милостыню.

– Я помогу тебе, малыш.

Элса подняла его вместе с одеялом и пронесла через дом. Как будто издалека она слышала, как что-то кричат ей родные. Она не могла остановиться, ничто не имело значения, кроме Энта.

Только на крыльце она вспомнила, что у них нет лошади.

Некого запрячь в фургон. Перед ней тянулась дорога, пустынная и голая.

Ветер превратил землю в твердую корку, он же сорвал с забора колючую проволоку, точно то были пряди волос. Обрывки проволоки торчали на каждом строении, в проволоке запутались сухие колючки.

Элса увидела тележку, почти до колес занесенную песком.

Получится ли у нее? Сможет ли она отвезти его в тележке, ведь до города две мили?

Конечно. Она пройдет столько, сколько потребуется.

Пошатываясь, Элса положила мальчика в ржавую тележку, его худенькие ноги свесились через край. Она осторожно опустила голову сына на одеяло.

– Маама, – просипел Энт, – мне больно… от света.

– Закрой глазки, малыш, – сказала Элса. – Засыпай. Мы поедем к доктору Райнхарту.

Элса ухватилась за грубые деревянные ручки и двинулась вперед. Она слышала, как сзади кричит Роуз, зовет ее по имени, но не останавливалась. Идти, только идти, помочь ему. Она понимала, что это безумие, что она немного не в себе, но что еще ей оставалось делать?

– Элса, давай мы тебе поможем!

Элса упорно двигалась, шаг за шагом. Тележка будто боролась с ней. Каждая выбоина, каждая борозда отдавалась в позвоночнике. Она выбралась на основную дорогу.

Запустение. Холмы песка. Покосившиеся сараи, повалившиеся заборы.

Она свернула на Главную дорогу и продолжала идти, тяжело дыша.

Палило солнце. Пот заливал глаза, ручьями бежал по спине, от пота чесалась кожа.

Она налетела на что-то, скрытое песком, едва не упала. Рукоятки вырвались у нее из рук, тележка подпрыгнула. Энт выпал, ударился головой о землю.

– Прости, малыш, – сказала Элса. Она сама не расслышала своих слов, так пересохло у нее горло. Она посмотрела на левую ладонь: кожа содрана, кровь. Ручки тележки потемнели от крови.

Она снова уложила Энта в тележку и, собрав все силы, двинулась вперед, однако не успела сделать и двадцати шагов, как кто-то положил ей руку на плечо.

Это был Тони, а рядом – Роуз и Лореда.

– А теперь ты позволишь нам помочь?

– Необязательно тебе все самой делать, – сказала Роуз.

– Да, мама, – сказала Лореда. – Мы тебе кричали-кричали. Ты что, оглохла?

Элса чуть не расплакалась. Она медленно опустила тележку.

Тони схватился за ручки, поднял тележку и зашагал. Лореда шла рядом, придерживая брата.

– Ты почти милю прошла, – сказала Роуз, нежно убирая мокрые волосы с грязного лба Элсы.

– Я просто…

– Мать.

Роуз взяла Элсу за руки, посмотрела на содранную кожу.

Элса внутренне сжалась. Мать бы отругала ее за то, что она, дура такая, не надела перчатки.

Роуз поцеловала окровавленные ладони Элсы.

– Моему глупому сыну это помогало.

– И мне помогает, – сказала Элса.

Впервые в жизни кто-то поцеловал ее раны.

– Пошли. Мой муж не такой молодой, как он думает. Скоро моя очередь.

Тополиное превратилось в город-призрак.

Тони толкал тележку по Главной улице, мимо заколоченных дверей. Когда-то процветающий магазин кормов для животных теперь отвели под госпиталь Красного Креста.

Одинокого тополя больше не было. Видимо, после того как дерево погибло от засухи, его срубили на дрова.

У госпиталя Тони подхватил Энта на руки. Мальчик стонал и кашлял.

В узком здании царил полумрак. Окна заколотили от пыли и ветра. Когда-то накрахмаленные белые халаты медсестер измялись и посерели. Доктор торопливо переходил от койки к койке: ему хватало времени только на то, чтобы оценить состояние пациента и дать указания медсестрам.

Тони внес Энта в палату.

– Моему внуку нужна помощь.

К ним уже спешила медсестра. Она выглядела такой же замученной и осунувшейся, как и все остальные.

– Сильно он болеет?

– Сильно.

Медсестра тяжело вздохнула:

– Сегодня утром освободилась койка.

Все они знали: значит, кто-то умер.

Медсестра печально взглянула на Элсу:

– Последние дни выдались тяжелые. Пойдемте.

Элса вслед за Тони вошла в палату, полную хрипящих, кашляющих пациентов.

Они положили Энта на койку у высокого окна, забитого досками. Щели в подоконнике были заткнуты тряпками. Слева лежал старик,

боровшийся за каждый вдох. Его глаза закрывала маска.

Элса встала на колени рядом с сыном.

Он весь горел. Она потрогала его горячий лоб.

– Я здесь, Энт. Мы все здесь.

Лореда села на край койки.

– Мы с тобой в шашки сыграем. Я тебе поддамся.

Энт зашелся в судорожном кашле.

Вскоре Роуз вернулась с доктором. Она вцепилась в его рукав мертвой хваткой. Конечно же, Роуз отловила бедного доктора и притащила к внуку, в ней еще оставался боевой задор. Элса не понимала, как ей это удается.

Доктор наклонился к Энту, померил температуру. Закончив с осмотром, он вздохнул:

– Ваш мальчик серьезно болен, как вы, конечно, и сами знаете. Высокая температура, силикоз в тяжелой форме. Пыльная пневмония. В пыли прерий полно кремния. Он накапливается в легких и разрывает альвеолярные мешочки.

– И что это значит?

– Человек вдыхает пыль, глотает ее. Наполняется ею. По-другому не скажешь. Но вы правильно сделали, что привезли его сюда. Это лучшее место в городе в пыльную бурю. Обещаю, здесь за ним будет хороший уход.

Доктор посмотрел на койки с хрипящими, кашляющими, обессиленными пациентами и добавил:

– Постарайтесь не волноваться.

– Он умирает? – тихо спросила Элса.

– Пока нет. – Доктор легонько сжал ее плечо. – Ступайте домой, я ему помогу.

Элса так и стояла на коленях у кровати. Она уткнулась лицом в горячую шею сына, прошептала:

– Я здесь, малыш. Я тебя люблю.

Роуз осторожно подняла невестку. Элса изо всех сил старалась не закричать, не потерять над собой контроль. У нее хватило мужества посмотреть в грустные глаза свекрови.

– У нас есть масло, – сказала Роуз сдавленным голосом. – Испечем немного печенья, принесем ему завтра вместе с игрушками и одеждой.

– Я его не оставлю.

Вернулся доктор.

– Тут только дети и старики. Со всеми хотят сидеть родственники. Комнаты для посетителей нет. Идите домой. Поспите. Мы займемся лечением. Побудет здесь неделю. Может, две.

– Нам разрешат его навещать? – спросила Лореда.

– Конечно. И здесь есть другие дети, он сможет с ними играть, когда ему станет лучше.

– Что, если… – начала Элса.

Доктор ее оборвал:

– Этот вопрос все задают. Вот что я вам скажу: увозите мальчика из Техаса, если хотите его спасти. Туда, где он сможет дышать.

Роуз обняла Элсу, та не падала только благодаря поддержке свекрови.

– Пойдем, Элса. Приготовим нашему мальчику чего-нибудь вкусного. Завтра принесем ему гостинцы.

Элса стояла на краю мертвого пшеничного поля. Куда хватало глаз тянулись дюны окаменевшей от зноя коричневой грязи. Уже почти четыре часа, но солнце так и палит. Горячее и безжалостное. Ветряная мельница старалась изо всех сил – крутилась, поскрипывая.

Ей хотелось верить, что дожди вернутся, и семена прорастут, и эта земля снова расцветет, но теперь, когда Энт в лихорадке лежал на больничной койке, выкашливая пыль из легких, она больше не могла позволить себе надежды.

Пыль вызывает пневмонию.

Так говорят, но на самом деле виноваты лишения, и нищета, и человеческие ошибки.

Элса услышала чьи-то шелестящие шаги, при ходьбе теперь люди шуршали песком, будто шептали, боясь побеспокоить землю, которая предала, обратилась против них.

Рядом остановился Тони. Роуз подошла с другой стороны.

– Он здесь умирает, – сказала Элса.

Умирает.

Не только Энт умирал. Умирала земля, животные, растения. Все.

Жгучее солнце обратило все в пыль, и ветер унес эту пыль. Миллионы тонн верхнего слоя почвы.

– Нам нужно уезжать из Техаса, – сказала Элса.

– Да, – ответила Роуз.

– Мы можем продать коров правительству. Хоть какая-то помощь, – сказал Тони. – За двух коров нам дадут тридцать два доллара.

Элса глубоко, мучительно вздохнула, глядя на вымершую землю. Ей страшно было отправляться в неизвестность без работы и почти без денег. Всем было страшно. Никому не хотелось уезжать. Здесь их *дом.*

Над головой протяжно скрипела мельница, медленно вращались лопасти.

Они вместе пошли к дому, взметая ногами пыль.

Глава шестнадцатая

– Думаю завтра взять Лореду с собой на охоту, – сказал дедушка за ужином.

– Хорошая мысль, – одобрила бабушка, подбирая хлебом капельку драгоценного оливкового масла. – Компас в моем комоде. В верхнем ящике.

– Мы могли бы убраться в амбаре, – сказала мама. – Старая охотничья палатка Рафа где-то там. И дровяная печь из землянки.

Лореда больше не могла этого терпеть. Взрослые болтали о какой-то чепухе. Они как будто забыли, что Энт лежит в этой ужасной больнице совсем один. Или они думают, она слишком маленькая, чтобы слышать правду? Ее тошнило от этого дурацкого разговора. Больше им делать нечего, только убираться в чертовом амбаре.

Она так резко вскочила, что ножки стула скрежетнули по вытертому линолеуму. Она оттолкнула стул, и он упал.

– Энт умирает, да?

Мама посмотрела на нее.

– Нет, Лореда. Энт не умирает.

– Ты врешь. И посуду я мыть не буду.

Лореда выбежала из дома, хлопнув дверью.

В загоне нет лошадей, в свинарнике нет свиней. Все, что у них осталось, – несколько костлявых куриц, которые от жары и голода даже не закудахтали при ее появлении, и две коровы, едва стоящие на ногах. Скоро коров продадут, правительство их заберет. Тогда и коровник опустеет.

Она взобралась на площадку на ветряной мельнице и уселась под бескрайним, усыпанным звездами небом Великих равнин. Здесь ей казалось – по крайней мере, раньше, – что и она небесное создание. Здесь она воображала себя балериной, оперной певицей, киноактрисой.

Отец поддерживал эти мечты, пока не ушел за собственной фантазией.

Лореда подтянула к груди колени, обхватила лодыжки руками. Ладно, ферма умирает, а взрослые ей врут. Ладно, отец бросил их – ее, – но это…

Энт. Ее братик. Он сворачивался клубочком и сосал большой палец, он бегал, как жеребенок, раскидывая в стороны руки и ноги, по вечерам он просил ее рассказывать сказки и слушал их, почти не дыша.

– Энт, – прошептала она, понимая, что молится. Впервые за долгие годы.

Мельница затряслась. Элса посмотрела вниз: это мать карабкалась по ступеням к ней.

Мама села рядом, свесив ноги.

– Я уже большая, мама. Ты можешь сказать мне правду.

Мама глубоко вдохнула и выдохнула.

– Мы говорили о папиной палатке, потому что… мы уедем из Техаса, как только Энту станет лучше. В Калифорнию.

Лореда повернулась:

– Что?

– Я поговорила с бабушкой и дедушкой. У нас есть немного денег, и грузовик на ходу. Так что поедем на Запад. Тони еще крепкий. Он найдет работу – может быть, на железной дороге. Я надеюсь устроиться прачкой. Говорят, Памела Шрейер работает продавщицей в ювелирном магазине. Представляешь? Ее муж Гэри трудится на винограднике.

– И Энт поедет с нами?

– Конечно. Мы поедем, как только ему станет лучше.

– До Калифорнии тысяча миль. Бензин стоит девятнадцать центов за галлон. Нам хватит денег?

– Откуда ты все это знаешь?

– Когда папа ушел, я, вместо того чтобы учить историю Техаса, изучала карты Калифорнии. Я думала…

– Сбежать из дома и найти его?

– Да. Видишь, я глупая, но не настолько. Калифорния – большой штат. И я даже не уверена, что он поехал на Запад. И остался на Западе.

– Ты права. Мы этого не знаем.

Лореда прислонилась к маме, и Элса обняла ее.

Уехать. Лореда впервые по-настоящему представила это. Уехать. Оставить свой дом.

– Я хотела, чтобы ты выросла на этой земле, – сказала мама. – Я хотела здесь состариться, хотела увидеть, как будут расти дети твоих детей, хотела, чтобы меня здесь похоронили. Я хотела увидеть, как снова вырастет пшеница.

– Я знаю, – сказала Лореда и вдруг поняла: она и сама этого хотела.

– У нас нет выбора, – сказала мама. – Больше нет.

Неделю спустя большая часть курятника по-прежнему была засыпана песком, как и амбар с одной стороны. Коров продали и увезли, одиннадцатидневная пыльная буря превратила ферму в море буро-серых дюн. Не стоило труда бороться с этим, особенно теперь, когда они уезжали. Мартинелли погрузили все, что могло пригодиться им в новой жизни, в большой дощатый кузов: маленькую дровяную печь, бочки с припасами, коробки с постельным бельем, кастрюли и сковородки, галлон керосина, фонари.

Элса, как бедуин, ходила туда-сюда по дюнам мимо мельницы. Наконец она нашла дикую юкку: ветер и эрозия обнажили ее волокнистые корни.

Она подрубила корни, вырвала их из земли и бросила в металлическое ведро.

Лореда и Тони сидели за кухонным столом, разложив перед собой дорожные карты.

– А это что такое? – спросила Роуз, выходя из кухни. Она закатала двух куриц в банки на дорогу. Курятины, последних овощных консервов, вяленной с сахаром ветчины и маринованных колючек должно хватить им до самой Калифорнии.

– Юкка. Ее можно сварить и съесть.

Лореда скорчила гримасу:

– Вот до чего ты дошла, мама.

К дому приближался автомобиль. Они переглянулись.

Как давно у них не было гостей?

Элса вытерла руки о тряпицу из мешковины и вслед за свекром вышла из дома.

Автомобиль вихлял по дороге, уворачиваясь от трещин, дюн и катушек колючей проволоки. Из-под тонких шин вырывалась желто-коричневая пыль.

Тони спустился с крыльца и пошел навстречу автомобилю.

Элса прикрыла глаза ладонью, защищаясь от ослепительного солнца. Роуз подошла к ней, вытирая мокрые руки о фартук.

– Кто это?

Автомобиль с грохотом въехал во двор и остановился перед Тони. Облако пыли постепенно рассеялось, и они разглядели модель автомобиля: «форд» 1933 года.

Дверь медленно открылась. Наружу вышел мужчина. Черный костюм, фетровая шляпа. Пиджак, застегнутый на все пуговицы, обтягивал раскормленное брюхо. Цветущее лицо, словно скобки, обрамляли густые бакенбарды.

Мистер Джеральд, единственный оставшийся в городе банкир.

Роуз и Элса тоже спустились с крыльца и встали рядом с Тони.

– Мортон, – сказал Тони, нахмурившись, – вы здесь по поводу завтрашней встречи? Говорят, к нам снова едет тот чиновник.

– Он и правда к нам едет. Но я здесь по другому поводу.

Мортон Джеральд осторожно, как бы любовно, прикрыл дверцу и снял шляпу.

– Дамы, – поприветствовал он Роуз и Элсу и замолчал, с некоторой неловкостью глядя на Тони. – Может быть, дамы дадут нам возможность поговорить наедине?

Роуз твердо сказала:

– Мы останемся.

– Чем я могу вам помочь, Мортон? – спросил Тони.

– Подошел срок оплаты по вашему векселю на сто шестьдесят акров, – сказал мистер Джеральд. К его чести, эта новость его как будто нисколько не радовала. – Я бы дал вам отсрочку, но… какие бы тяжелые времена ни настали для вас, фермеров, в больших городах спекулируют на земле. Вы должны нам почти четыреста долларов.

– Забирайте молотилку, – сказал Тони. – Черт, и трактор забирайте.

– Сельхозтехника сейчас никому не нужна, Тони. Но богачи на востоке, которым принадлежит банк, думают, что земля еще чего-то да стоит. Если вы не сможете заплатить, они конфискуют эту землю.

Ответом было гнетущее молчание, только ветер вздохнул, как будто бы и ему было тошно.

– А хоть что-то можете заплатить, Тони? Любую сумму, чтобы потянуть время?

Тони выглядел побитым, пристыженным.

– У меня земли больше, чем нужно, Мортон. Давайте забирайте обратно эти акры.

Мистер Джеральд достал розовую бумажку из кармана рубашки.

– Это официальное уведомление о конфискации у вас за долги ста шестидесяти акров. Если не вернете долг в полном объеме в указанный срок, этот участок земли будет продан на аукционе шестнадцатого апреля тому, кто предложит наибольшую сумму.

Ноги Элсы то и дело глубоко проваливались в песок, так что она несколько раз чуть не упала, пока они с Тони шли к городу. По обе стороны дороги песок засыпал брошенные дома и автомобили, порой торчал лишь конек крыши. Телеграфные столбы накренились. Не было слышно птичьих голосов.

В городе царила потусторонняя тишина. Не громыхали по улице автомобили, лошади не цокали копытами. Школьный гонг сорвало во время одиннадцатидневной бури, его до сих пор не нашли. Гонг, конечно же, засыпало песком, и он обнажится, когда ветер вернется и снова разворотит весь пейзаж.

Элса остановилась у госпиталя.

– Встретимся через тридцать минут?

Тони кивнул. Он натянул заплатанную серую шляпу на глаза и двинулся к школе на собрание, сгорбившись, словно бы заранее признал поражение. Никто ничего особенного не ждал от приезда чиновника.

Глаза Элсы не сразу привыкли к гнетущему полумраку в госпитале. Слышался надсадный кашель, детский плач. Усталые медсестры передвигались от койки к койке.

Элса улыбалась всем пациентам, лежащим в масках. Как правило, это были очень юные или очень пожилые люди.

Энт сидел на узкой койке и играл в бой на мечах между вилкой и ложкой.

– Что, получил! Тебе не сравниться с Тенью![27] – воскликнул он.

Голос все еще был хриплым, и противогаз лежал наготове на столике рядом.

– Привет, – сказала Элса, садясь на край кровати.

Сегодня Энт выглядел куда лучше. Последние десять дней он лежал без сил и не оживлялся, даже когда приходили родные. Но сегодня Элса узнавала сына. *Он вернулся.* Элса внезапно почувствовала такое облегчение, что у нее защипало в глазах.

– Мамочка!

Энт прыгнул на Элсу и обнял ее до того крепко, что она едва не свалилась с кровати. Она с трудом отпустила его.

– Я играю в пиратов, – сказал Энт, широко улыбаясь.

– У тебя зуб выпал.

– Да! И я его не нашел. Медсестра Салли думает, я его проглотил.

Элса подняла корзинку, которую принесла с собой. Внутри лежала бутылка *orzata* – сладкого, как сироп, напитка, который Мартинелли прежде готовили из миндаля, купленного в магазине. Осталась последняя драгоценная бутылка, ее они много лет берегли для особого случая. Элса добавила немного сиропа в бутылку с разведенным концентрированным молоком и встряхнула ее, чтобы пошли пузырьки, а потом передала бутылку Энту.

– Вкусно, – сказал он, смакуя первый глоток.

Элса видела, что Энт пытается пить медленно, растянуть удовольствие, но получается у него плохо.

– И вот еще, – сказала Элса и достала печенье в сладкой глазури.

Энт грыз печенье, как мышка, с краев пробираясь к мягкой серединке.

– Похоже, нашего везучего мальчика очень любит мама, – произнес доктор, подошедший к кровати.

Элса встала:

– Сегодня он выглядит лучше, доктор.

– Пошел на поправку. Сестры говорят, он такой озорной стал. – И доктор Райнхарт потрепал Энта по волосам. – Вчера ночью жар наконец спал, и дышит он теперь куда лучше. Точно выздоравливает. На всякий случай хочу еще понаблюдать за ним несколько дней.

– Возьмите печенье, – сказала Элса.

Доктор улыбнулся и взял штучку.

– Ну что, Энт, хочешь домой?

– Конечно, док! Солдатики по мне скучают.

– Как насчет вторника?

– Урра! – радостно закричал Энт, но тут же закашлялся.

У Элсы сжалось сердце. Неужели она теперь будет бояться каждый раз, услышав кашель?

– Спасибо, доктор, – сказала она.

Доктор устало улыбнулся:

– До встречи во вторник.

Элса снова села рядом с сыном. Их ждала любимая книга мальчика, «Сказка о поросенке Робинсоне» Беатрис Поттер. Он мог снова и снова слушать, как поросенок сбежал на лодке туда, где растет дерево Бонг. Вероятно, ему нравилось, что знакомая история каждый раз заканчивается одинаково.

Энт ел печенье, прижавшись к матери, а она читала ему вслух. Наконец Элса закрыла книгу.

– Тебе уже пора? – расстроился мальчик.

– Доктор хочет подержать тебя в больнице еще несколько дней, убедиться, что все в порядке, но совсем скоро мы отправимся на поиски приключений.

– В Калифорнию!

– В Калифорнию. – Элса крепко обняла сына, поцеловала в лоб. – Пока, малыш.

Ей всегда было тяжело уходить от него, но сегодня ее окрыляла надежда. Энт скоро вернется домой.

На улице Элса увидела, как люди выходят из дверей школы. Мрачная, понурая толпа. Тони обменялся несколькими словами с мистером Каррио, пожал ему руку.

Элса ждала Тони на мостовой. Он медленно подошел к ней. Выглядел Тони так, как будто его побили.

– Как наш мальчик? – спросил Тони.

– Доктор говорит, во вторник можно забирать его. Есть какие-то новости от правительства?

Тони посмотрел на нее с таким отчаянием, что у нее даже дыхание перехватило.

– Ничего хорошего, – ответил он.

Элса кивнула.

Возвращались они в гнетущем молчании.

Через два дня они покинут эту забытую Богом землю. Элсе нелегко давались эти слова.

Богом забытую.

Как еще описать эту землю? Бог отвернулся от Великих равнин.

Последние дни она провела в хлопотливых сборах. В Вербное воскресенье даже не пошла в церковь, тушила зайчатину, закатывала ее в банки – добычу, с которой вернулись Тони и Лореда накануне; покончив с этим делом, занялась стиркой.

И вот под самый вечер Элса присела перед своей астрой, осторожно вылила несколько чашек драгоценной воды в жаждущую землю.

Цветок, который она так долго защищала, с которым провела столько бесед, вызывающе зеленел посреди выжженной земли.

И теперь она оставляет его одного, на смерть.

Элса выкопала растение. Не снимая перчаток, перенесла его через двор.

На семейном кладбище белая ограда из штакетника повалилась, песок почти скрыл могильные плиты. Четыре серых камня с именами детей Роуз и Элсы. Три девочки и один мальчик.

Сколько еще эти памятники выстоят на ветру? И кто будет ухаживать за детьми Мартинелли, похороненными посреди нигде, когда они уедут?

Элса опустилась в песок.

– Мария, Анджелина, Джулиана, Лоренцо. Вот и все, что я могу вам оставить. Я буду молиться, чтобы весной пошел дождь и астра расцвела.

Она посадила цветок в сухую, как порошок, почву, перед надгробным камнем Лоренцо.

Астра уже поникла.

Нет, не станет она плакать над этим маленьким цветком.

Закрыв глаза, Элса прочла молитву. Быстро, слишком быстро вытерла глаза и встала. На горизонте набухла черная тень, в жизни она не видела ничего чернее. Тень росла в сиреневом вечернем небе, расправляла огромные черные крылья. От статического электричества у Элсы начали потрескивать волосы. Черная буря?

Что бы это ни было, оно приближалось. *Быстро.*

Элса кинулась к дому, во дворе встретила Роуз.

– *Madonna mia,* – прошептала свекровь.

На них несся черный вал, вздымавшийся по крайней мере на милю. Перед тучей, стремясь укрыться от нее, летели птицы, сотни птиц.

Тони выбежал из амбара и встал рядом с женщинами.

Тишина была жуткая. Мертвая. Ни звука. Ни дуновения.

Ноздри Элсы внезапно наполнил запах гари. Воздух будто сделался липким.

Статическое электричество вспыхивало в небе синими дугами, танцевало в обрывках колючей проволоки, на металлических лопастях ветряной мельницы. Птицы падали с неба.

И вдруг – тьма. Пыль вмиг забила глаза и носы.

Элса закрыла рот рукой и схватилась за свекровь. Втроем они добрались до дома и, пошатываясь, поднялись по ступенькам. Тони открыл дверь и втолкнул женщин внутрь.

– Мама! – крикнула Лореда. – Что происходит?

Элса не видела дочери, такая стояла темень. Она даже своих рук не видела.

Тони плотно закрыл дверь.

– Роуз, помоги мне с окнами!

– Лореда! – позвала Элса. – Надевай противогаз. Иди в кухню. Спрячься под стол.

– Но…

– *Иди!*

Элса и Роуз на ощупь пробирались из комнаты в комнату, закрывали окна, завешивали их чем могли, запихивали газеты и тряпки во все щели и трещинки.

Все самое необходимое – вазелин, губки, банданы – они хранили в корзине на кухне. Элса пробралась через чернильно-черную мглу и включила фонарик.

Ничего не изменилось. Просто щелчок.

– Фонарь не работает? – спросила Роуз, кашляя.

– Кто знает? – отозвалась Элса.

– Нужно забраться под стол, завесить его мокрыми простынями, – сказала Роуз.

Что-то со страшной силой врезалось в дом. Кухонное стекло зазвенело, осколки брызнули на пол.

Входная дверь распахнулась. Черный зверь, крутясь и кусаясь, ворвался внутрь и ударил с такой мощью, что Роуз отбросило к стене. Тони кинулся к двери, закрыл ее на засов.

Они пробрались к ведрам с водой, которые специально держали на кухне, намочили простыни и завесили ими стол, а потом смочили губки, чтобы дышать сквозь них.

Элса услышала, как тяжело дышит Лореда сквозь противогаз. Она поползла вперед, пробралась под свисающие простыни.

– Я здесь, Лореда.

Лореда нащупала руку матери. Они сидели рядышком, но не видели друг дружку. Слава богу, Энт не здесь. Роуз и Тони пролезли под мокрые простыни, втиснулись под стол.

Ветер срывал доски, разбивал окна. Элса крепко обнимала дочь.

Стены ходили ходуном. Казалось, дом готов развалиться на части.

Вдруг стало очень холодно.

Элса очнулась и в тишине услышала хриплое, затрудненное дыхание Лореды через противогаз. Потом кто-то пробежал по полу – наверное, мышь выбралась из укрытия.

Она стянула заскорузлую от песка бандану, убрала от рта грязную губку. Первый вдох отдался болью в горле, в глубине пустого, ноющего желудка.

Она открыла саднящие от песка глаза.

От слез все вокруг расплывалось, но Элса разглядела посеревшие простыни, родных, прижавшихся друг к другу бесформенной грудой. Что бы это ни было, оно убралось.

Она откашляла сгусток серовато-черной грязи, словно жевала карандашный грифель.

– Лореда? Роуз? Тони? Вы в порядке?

Лореда открыла глаза, пробормотала «да». Из-за противогаза голос звучал странно, точно голос зверя.

Тони медленно опустил бандану.

Роуз выползла из-под стола и, пошатываясь, поднялась. Она помогла выбраться Элсе, они прошли в гостиную. Сквозь разбитое окно лился яркий солнечный свет. Невероятно, но они проспали всю ночь и всю бурю.

Везде лежала черная грязь, густым слоем покрывала пол, громоздилась дюнами у каждой ножки каждого стула, сползала со стен, будто армия сороконожек.

Входная дверь не открывалась – завалило песком.

Тони вылез на веранду через разбитое окно. По доскам заскреб металл.

Наконец дверь отворилась.

Элса вышла на улицу.

– О господи… – прошептала она.

Буря преобразила мир, укутала все в черный цвет, запорошила мелкой, как тальк, пылью. На многие мили вокруг не было ничего, кроме бескрайних чернильно-черных дюн. Курятник полностью засыпало, торчала только самая верхушка. Лопасти мельницы повисли руинами погибшей цивилизации. С одного боку можно было по песку подняться на крышу амбара.

На дюнах лежали трупики птиц – крылья расправлены, будто птицы погибли в полете.

– *Madonna mia,* – еле выговорила Роуз.

– Вот что, – сказала Элса, – не будем ждать до завтра. Заберем Энта и сразу уедем. Немедленно. Пока эта проклятая земля не убила моих детей.

Она повернулась и вошла в дом. Ей чудилось, что она не дышит, а глотает огонь. Глаза горели. Песок засел в горле, в носу, в складках кожи. Осыпался с волос.

Лореда, точно оглушенная, стояла у разбитого окна. Лицо черное.

– Мы уезжаем в Калифорнию. Прямо сейчас. Бери чемоданы. Я наполню ванну, искупаемся во дворе.

– На улице? – спросила Лореда.

– Никто тебя не увидит, – мрачно ответила Элса.

Следующие несколько часов все молчали. Элса полила бы свою астру, но от кладбища ничего не осталось, исчезли и надгробия, и забор.

Тони лопатой раскидал песок на дороге, чтобы можно было выехать. Они пристегнули к грузовику ремнями все, что можно: кастрюли и сковородки, два фонаря, веник, стиральную доску и медную ванну. В кузове лежал свернутый походный матрас, тут же бочки с едой, полотенцами и постельным бельем, связки хвороста и

дров, печь они привязали сзади. Мартинелли упаковали в новую жизнь столько, сколько могли увезти, но большая часть их имущества оставалась. В кухонных шкафах, в шкафах для одежды полно вещей. Они не могли все взять с собой. Они бросали скарб, как первые поселенцы, которые облегчали от поклажи свои фургоны, когда дорога становилась совсем уж непроезжей, оставляя пианино и кресла-качалки рядом с мертвецами, похороненными на равнинах.

Когда все была упаковано и загружено, Элса пробралась к дому через дюны. Вошла в гостиную. Мебель, на стенах картины. И все запорошено черной пылью.

Дверь открылась. Вошли Тони и Роуз, держась за руки.

– Лореда уже в грузовике. Ей не терпится уехать, – сказал Тони.

– Я в последний раз обойду дом, – проговорила Элса.

Она двинулась по черной пыли, мимо насыпей песка, под ногами скрипело стекло. В оконных рамах сияла небесная синь – прекрасные картины на черных стенах.

Элса в последний раз поднялась в свою комнату. На комоде и на тумбочке оставались книги, обложки черные. Уезжая из дома родителей, она могла взять с собой всего несколько любимых книг. И вот опять все повторяется.

Она тихонько прикрыла дверь в прошлую жизнь и вышла из дома, ставшего ей родным.

Роуз и Тони стояли на крыльце, все так же держась за руки.

– Я готова, – сказала Элса.

– Элсинор?

Впервые Тони назвал ее полным именем. Элса удивленно взглянула на свекра.

– Мы с вами не поедем, – сказала Роуз.

Элса нахмурилась.

– Я знаю, мы планировали ехать позже, но…

– Нет, – возразил Тони, – не в том дело. Мы не поедем в Калифорнию.

– Я не… понимаю. Я сказала, что нам нужно уехать, и вы согласились.

– И вам нужно ехать, – подтвердил Тони. – Правительство предложило платить нам, чтобы мы ничего не сажали. Объявило

отсрочку платежей по ипотеке. Так что не нужно бояться, что у нас еще часть земли отберут. По крайней мере, в ближайшее время.

– После того собрания вы сказали, что хороших новостей нет, – проговорила Элса, пытаясь подавить панику. – Это была ложь?

– Разве это хорошие новости? – мягко ответил Тони. – Я же знаю, что ради Энта вам нужно уехать.

– Правительство хочет, чтобы мы по-другому обрабатывали землю, – сказала Роуз. – Кто в этом разберется? Но им нужно, чтобы фермеры работали сообща. Как мы можем отказаться, не попытаться спасти нашу землю?

– Энт… не может здесь оставаться, – прошептала Элса.

– Мы знаем. И мы не можем уехать, – ответил Тони. – Поезжай. Спасай моих внуков.

Его голос прервался.

Тони обхватил рукой затылок Элсы и нежно притянул ее к себе, коснувшись лбом ее лба; он был человеком старого мира, человеком, который просто продолжал идти вперед, надеясь, что труд его окупится. Все свои любовь и страсть он отдал этой земле. И семье. Этим жестом он говорил: *«Я люблю тебя»*.

И прощай.

– Розальба, – сказал Тони. – Монетка.

Роуз сняла с шеи тонкую черную ленточку, на которой висел бархатный мешочек.

Она торжественно передала мешочек Тони. Тони открыл его, достал одноцентовую монетку.

– Ты теперь наша надежда, – сказал Тони Элсе, опустил монетку обратно в мешочек и вложил в ее ладонь, сжал пальцы Элсы.

Потом повернулся и ушел в дом, шаркая по песку, доходившему ему до щиколоток.

Сердце Элсы разрывалась на части.

– Ты же знаешь, что одна я не справлюсь, Роуз. Пожалуйста…

Роуз положила мозолистую руку на щеку Элсы.

– Элса Мартинелли, ты и в одиночку сможешь вырастить этих детей. Кроме тебя, им никого не нужно.

– Мне не хватит смелости.

– Хватит.

– Но вам понадобятся деньги. И мы упаковали всю еду…

– Мы немного оставили себе. И земля нас прокормит.

Элса не могла говорить. Как она поедет через полстраны, через горы и пустыни, почти с пустым кошельком, с голодными детьми, одна, без помощников.

Нет.

Но еще хуже – смотреть, как ее сын задыхается.

– Деньги Тони положил в бардачок, – сказала Роуз. – Бак полный. Пишите нам.

Элса надела мешочек с монеткой на шею и протянула руки к Роуз, на мгновение испугавшись, что не сможет отпустить любимую свекровь, если коснется ее, что у нее не хватит сил уехать.

– Я точно знаю, что эта монетка – счастливая. Она привела тебя к нам, – сказала Роуз.

Элса облизнула пересохшие губы.

– Ты дочь, о которой я всегда мечтала. *Ti amo*[28].

– А ты – моя мать, – сказала Элса. – Знаешь, ты меня спасла.

– Матери и дочери. Мы друг друга спасаем, *sì*?

Элса долго смотрела на Роуз, запоминая ее черты. Но пора покинуть это место, эту женщину, этот *дом.*

Она оставила Роуз на крыльце и по холмикам черного песка добралась до нагруженного грузовика, где уже сидела Лореда.

Элса забралась на водительское место, захлопнула дверцу и завела мотор. Он вздрогнул, кашлянул, заурчал. Машина медленно поползла сквозь песок по дорожке, повернула к городу.

Кругом одна чернота. Слева Элса увидела наполовину засыпанный автомобиль, сотней футов дальше лежал мертвый мужчина, вытянув руку, его открытый рот был забит песком.

– Не смотри, – сказала она Лореде.

– Поздно.

Тополиное было накрыто черной вуалью.

Элса остановилась перед госпиталем. Только войдя внутрь, она сообразила, что оставила мотор включенным и ничего не сказала Лореде.

Она увидела доктора и помахала ему.

– Я за Энтом.

Госпиталь был забит людьми. Повсюду надсадно кашляли, дети плакали так хрипло, что у Элсы разрывалось сердце.

– Он поправился? Вы говорили, что его можно забирать. Ничего не изменилось?

– Он поправился, Элса, – ответил доктор и потрепал ее по руке. – Полностью здоров он будет, может быть, через год, но все же, конечно, не исключено, что разовьется астма. Понаблюдайте за ним.

– Я везу его в Калифорнию, – сказала Элса.

– Хорошо.

– Можно ли нам когда-нибудь будет вернуться?

– Думаю, да. Когда-нибудь. Невзгодам приходит конец. Дети ко всему приспосабливаются.

– Мама! Ты видела бурю? – закричал Энт. Выглядел он разом и напуганным, и довольным.

– Спасибо, доктор, – сказала Элса, пожимая ему руку. Никак иначе она не могла отблагодарить человека, который спас жизнь ее сыну.

– Удачи вам, Элса.

Энт во все глаза смотрел на пустынный, занесенный черным песком город, на разбитые окна, на шуршащие по песку перекати-поле.

– Божечки… – прошептал он.

– Энтони, где твои ботинки? – спросила Элса.

– Порвались.

– У тебя нет обуви?

Энт покачал головой.

Элса закрыла глаза, чтобы он не увидел ее слез. *Ехать на Запад без обуви.*

– Что ты, мама? Не переживай. У меня крепкие ноги.

Элсе удалось улыбнуться. Она открыла дверь грузовика и помогла сыну забраться на сиденье. Энт прижался к Лореде, которая крепко обняла его.

Элса залезла в грузовик и закрыла дверь.

Вот и все.

Они уезжают.

Только от нее, от нее одной зависит, выживут ли они.

Без обуви.

Они выехали из города и повернули на юг. Других машин на дороге не было. Все дома, мимо которых они проезжали, выглядели давно покинутыми.

– Подожди, – спохватился Энт, сипло закашлявшись. – Мама, ты же забыла бабушку с дедушкой.

Элса взглянула на сына: худой, глаза огромные. Теперь он всегда будет знать, как Элса знала после ревматической лихорадки, что жизнь может закончиться в любой момент.

В глазах у мальчика заблестели слезы – он понял. Энт оглянулся назад – туда, где остался дом, – потом посмотрел на мать. И во взгляде сына Элса прочитала, что его детство уходит в прошлое.

1935

Мы черпаем силу из того отчаяния, в котором вынуждены жить. Мы выстоим.

Сесар Чавес[29]

Глава семнадцатая

Элса давила на газ, крепко вцепившись в руль. Они проехали мимо семьи из шести человек, которые брели по дороге, толкая тележку с вещами. Такие же, как они, – потеряли все и идут на Запад.

И о чем она только думала?

Она недостаточно смелая, чтобы пересечь половину страны в поисках неведомо чего. Она недостаточно сильная, чтобы выжить одной, а тем более позаботиться о детях. Как она будет зарабатывать? Она никогда не жила одна, никогда не платила аренду, никогда не работала за деньги. Господи, она даже школу не закончила.

Кто спасет их, когда у нее ничего не получится?

Она остановила машину на обочине, глядя через грязное стекло на дорогу впереди, на разруху после черной бури: дома в руинах, машины в канавах занесены песком, от заборов ни следа.

С зеркала заднего вида свисали четки, раскачивались из стороны в сторону.

До Калифорнии больше тысячи миль, а что они там найдут? Ни друзей, ни родственников. *Я могу работать в прачечной… или в библиотеке.*

Но кто наймет женщину, когда миллионы мужчин без работы? И если она все-таки найдет работу, кто будет присматривать за детьми? *О господи.*

Энт потянул ее за рукав:

– Мамочка? Все в порядке?

Элса резко открыла дверь грузовика, вылезла из машины и остановилась, тяжело дыша, борясь с нахлынувшей паникой.

Лореда встала рядом.

– Ты думала, бабушка с дедушкой поедут?

Элса повернулась к ней:

– А ты нет?

– Они как растение, которое может расти только в одном месте.

Отлично. Тринадцатилетняя девочка видела то, чего не видела Элса.

– Я проверила бардачок. Они отдали нам почти все правительственные деньги. И бак полный.

Элса смотрела на пустую, убегающую вдаль дорогу. В нескольких шагах от них на сарае, почти доверху заваленном черным песком, сидела ворона.

Она чуть не сказала: *«Я боюсь»,* но какая мать скажет такое ребенку, который на нее рассчитывает?

– Я никогда не жила одна.

– Ты не одна, мама.

Энт высунулся из окна.

– И я здесь! – пропищал он. – Про меня не забудьте!

Элса почувствовала, как ее переполняет любовь к детям, пробирающее до глубины души чувство, которое было сродни тоске; она глубоко вдохнула и выдохнула сухой воздух Техасского выступа, который был такой же частью ее жизни, как Бог и дети. Она родилась здесь и всегда думала, что умрет здесь.

– Это наш дом. Я думала, ты вырастешь здесь и первой из Мартинелли получишь высшее образование. В Остине. Или в Далласе, этот город достаточно большой для девушки с твоими мечтами.

– Здесь всегда будет наш дом, мама. Ничего не меняется из-за того, что мы уезжаем. Вспомни про Дороти из «Страны Оз». После всех своих приключений она щелкнула каблуками и попала домой. И, по правде, какой у нас выбор?

– Ты права.

Элса на мгновение закрыла глаза, вспомнила, как она боялась и чувствовала себя одинокой во время своей детской болезни. Тогда дедушка впервые наклонился к ней и прошептал ей на ухо: «*Будь смелой»*. А потом добавил: «*Или притворись смелой. Это все равно».*

Это воспоминание успокоило. Она может притвориться смелой. Ради детей. Элса вытерла глаза, удивившись своим слезам, и сказала:

– Поехали.

Села на водительское место и захлопнула за собой дверь.

Лореда устроилась рядом с братом и развернула карту.

– От Далхарта до Тукумкэри, это в Нью-Мехико, девяноста четыре мили. Там сделаем первую остановку. По-моему, не стоит ехать всю ночь. По крайней мере, дедушка мне так сказал, когда мы изучали карту.

– Вы с дедушкой проложили маршрут?

– Да. Он меня учил всякому. Наверное, с самого начала знал, что они с бабушкой останутся. Он меня разному учил: как охотиться на кроликов и птиц, как водить машину, как заливать воду в радиатор. От Тукумкэри поедем на запад по шоссе 66.

Лореда достала из кармана старенький бронзовый компас.

– Вот что он мне дал. Они с бабушкой привезли эту штуку из Италии.

Элса уставилась на компас. Она понятия не имела, как с ним обращаться, но сказала:

– Хорошо.

– Мы можем создать свой клуб, – сказал Энт. – Как бойскауты, только мы будем путешественниками. Клуб путешественников Мартинелли.

– Клуб путешественников Мартинелли, – проговорила Элса. – А мне нравится это название. Поехали, путешественники.

Подъезжая к Далхарту, Элса невольно сбавила скорость.

Она не была здесь уже много лет, с тех пор как мать, бросив на Лореду один лишь взгляд, осудила малышку за смуглую кожу. Элса, всю жизнь терзавшаяся от отношения родителей, ни за что бы не позволила, чтобы и ее дети страдали.

Депрессия и засуха потрепали Далхарт не меньше, чем Тополиное, это бросалось в глаза. Многие магазины заколочены. Перед церковью выстроилась очередь – люди с металлическими мисками в ожидании бесплатной еды.

Грузовик переехал через железнодорожные пути. Элса повернула на Главную улицу.

– Зачем ты здесь поворачиваешь? – спросила Лореда. – Мы проезжаем мимо Далхарта, не через него.

Элса увидела магазин сельхозтехники Уолкотта: закрыт, окна, как и повсюду, заколочены деревянными досками. Она остановила машину перед домом, в котором выросла. Входная дверь перекосилась, многие окна выбиты, на двери уведомление о конфискации за долги.

Дворик перед домом в полном запустении, груды черного песка, грязь. В садике матери – мертвые розы, которым Минерва Уолкотт отдала больше любви, чем Элсе. В тысячный раз Элса задалась вопросом, почему родители так относились к ней, почему их любовь

была такой холодной и зависела от ее поведения. Как так вышло? Элса узнала, что значит любить всем сердцем, в день рождения Лореды.

– Мама, ты знала людей, которые здесь жили? – спросила Лореда. – Похоже, сейчас тут никого нет.

Элса почувствовала сдвиг времени, неприятное ощущение сталкивающихся миров. Дети с беспокойством смотрели на нее.

Она думала, что вид этого дома причинит ей боль, но этого не произошло. Это не ее дом, и люди, которые здесь жили, – не ее семья.

– Нет, – наконец сказала она. – Я не знала людей, которые здесь жили, и они меня не знали.

Дорога из Техаса – долгие мили ничего, кроме песчаных дюн, перемежающихся унылыми городишками. В Нью-Мехико они влились в поток беженцев – все двигались на запад, в старых колымагах, перегруженных вещами и детьми, в машинах, которые тянули за собой трейлеры, в фургонах, запряженных мулами и лошадьми. Многие шли пешком, толкая перед собой коляски и тележки.

Уже в сумерках они проехали мимо мужчины в лохмотьях. Он шел босиком, низко надвинув шляпу на лоб, длинные черные волосы свисали на потрепанный воротник.

Лореда прижала нос к окну, наблюдая за человеком.

– Сбавь скорость, – попросила она.

– Это не он, – ответила Элса.

– Может, он.

Элса сбавила скорость.

– Это не он.

– Какая разница? – сказал Энт. – Он от нас ушел.

– Ш-ш-ш, – оборвала сына Элса.

Не лучшее время для подобных разговоров. Долгая дорога всех измучила. Датчик топлива показывал, что бензин почти на исходе.

Элса остановилась у бензоколонки.

Девятнадцать центов за галлон. Полный бак – доллар девяносто центов.

Элса прикинула сумму, с которой они выехали. Заправщик подошел залить бензин.

Через дорогу у мотеля припаркованы старые автомобили и грузовики. Люди сидели на стульях перед номерами рядом со своими

нагруженными машинами. Розовая неоновая вывеска (подсветка не работала): есть места, три доллара за ночь.

Три доллара.

– Посидите здесь, – сказала Элса детям.

Она прошла по усыпанной гравием парковке заплатить за бензин. Несколько человек топтались неподалеку в наступающих сумерках, у водокачки стоял оборванец, рядом сидела тощая собака. Мальчик пинал мяч.

Элса открыла дверь, брякнул колокольчик. Звук отчего-то вызвал урчание в животе: обед Элса отдала детям. Она подошла к кассирше с ярко-рыжими волосами. Достала из сумки кошелек, отсчитала доллар девяносто центов и положила деньги на прилавок.

– Десять галлонов бензина.

Женщина взяла деньги и спросила, пробивая чек:

– Первый день в пути?

– Да. Мы только выехали из дома. Как вы догадались?

– Ты одна, без мужчины?

– Как…

– Мужики не позволяют женщинам платить за бензин. – Кассирша наклонилась поближе: – Не держи деньги в сумке, лапочка моя. На дорогах полно дурных людей. Особенно в последние дни. Ушки на макушке.

Элса кивнула и убрала деньги в кошелек. Взгляд ее упал на левую руку, на тоненькое обручальное кольцо, которое она все еще носила.

– Ему грош цена, – печально сказала кассирша. – Но ты лучше его не снимай. На одинокую женщину могут напасть. И не останавливайся в мотеле через дорогу. Там полно мутных типов. Мили через четыре, как проедешь водонапорную башню, увидишь грунтовку, ведущую на юг. Ехай по ней. Скоро увидишь рощицу. Если в палатке спать не хочешь, на грунтовку не сворачивай, ехай еще шесть миль к западу. Там будет чистенький мотель, называется «Колдовская страна». Не пропустишь.

– Спасибо.

– Удачи.

Элса поспешила к грузовику. Она оставила детей одних, со всеми вещами, с полным баком и ключами в замке зажигания, а кругом полно мутных типов.

Урок первый.

Элса залезла в грузовик. Дети явно устали не меньше, чем она.

– Ну что, путешественники. Повестка дня такая. Нам нужен план. Чуть дальше нас ждет хороший мотель с кроватями и, может быть, даже с горячей водой. Стоит он не меньше трех долларов за ночь. Если будем останавливаться в таких местах, потратим около пятнадцати долларов. Или мы можем сэкономить и спать в палатке.

– Спать в палатке! – воскликнул Энт. – Вот это *настоящее* приключение.

Элса поймала взгляд Лореды поверх головы Энта.

– Спать в палатке очень весело, – сказала Лореда.

Автомобиль тронулся с места. То и дело фары освещали людей, продолжающих тащиться на запад по обочине, нагруженных разнообразным скарбом, некоторые даже тащили за собой фургоны. Мальчик вез лохматую серую собаку в корзине, закрепленной между ручками велосипеда.

Через четыре мили Элса свернула на грунтовку, проехала мимо нескольких рыдванов, остановившихся здесь на ночь. Люди уже разожгли костры. Элса нашла рощицу поодаль от дороги, повернула туда и затормозила.

– Может, мне удастся подстрелить зайца, – сказала Лореда и достала дробовик.

– Только не сегодня, – возразила Элса. – Давайте держаться вместе.

Она вытащила из кузова дрова и хворост и, стоя на коленях, развела костер на ровной площадке рядом с грузовиком.

– Мы сёдня будем спать в палатке? – спросил Энт. – Раньше мы не ездили на каникулы.

– Не «сёдня», а «сегодня», – машинально поправила его Элса и полезла в грузовик за едой.

Она взяла самые ценные припасы: толстую, как бревно, вареную колбасу и полбулки воздушного, купленного в магазине хлеба.

– Бутерброды с колбасой! – обрадовался Энт.

Элса поставила на огонь чугунную сковороду, положила туда кусок сала, потом освободила колбасу от оболочки и нарезала тонкими кругляшами. Она надрезала ломтики по краям, чтобы они не закрутились кверху, и положила в пузырящийся жир.

Энт сидел на корточках рядом с костром. Волосы грязные, лицо чумазое.

Колбаса на сковороде шкворчала в горячем сале.

Энт ткнул костер палкой, усмиряя пламя.

Элса достала из пакета два куска белого хлеба со светло-коричневой корочкой. Он почти ничего не весил. Этот магазинный хлеб их упросил взять в поездку мистер Павлов. «Я угощаю», – сказал он. Элса капнула на хлеб оливкового масла, нарезала лук. Осторожно положила луковые колечки на золотистый слой масла, а сверху – обжаренную колбасу.

– Лореда! Иди к нам. Еда готова.

Позвав дочь, Элса выпрямилась и направилась к грузовику за тарелками и канистрой с водой. Обходя кузов, она услышала какой-то стук.

Рядом с их грузовиком стоял мужчина, в одной руке он держал крышку топливного бака, а в другой шланг. Даже в густых сумерках она увидела, что он тощий как палка, а одежда превратилась в лохмотья. Рубашка совершенно рваная.

На какую-то долю секунды она замерла от страха, и ему этого хватило. Он цепко ухватил ее за горло и ударил головой о грузовик.

– Где деньги?

Элса с трудом дышала.

– Пожалуйста… У меня… дети.

– У всех дети. – Мужчина оскалил гнилые зубы и снова ударил Элсу о борт грузовика. – Где деньги?

– Н-нет.

Он сильнее сжал ее горло. Элса вцепилась в его руки, пытаясь высвободиться.

Раздался щелчок.

Кто-то взвел курок.

Лореда вышла из-за грузовика, целясь в грабителя из дробовика.

Мужчина хрипло рассмеялся:

– Ты меня не застрелишь.

– Я могу подстрелить птицу в полете. И я даже не хочу сделать птице больно. А тебе хочу.

Грабитель оценивающе посмотрел на Лореду. Элса поняла, что он поверил в реальность угрозы.

Он отпустил шею Элсы, вскинул руки. Медленно, шаг за шагом, попятился. Выйдя из рощицы на открытое пространство, повернулся и пошел прочь.

Элса прерывисто вздохнула. Она даже не знала, что больше взволновало ее – нападение грабителя или безжалостность, с какой смотрела на него ее дочь.

Это путешествие изменит их, всех троих. Как она не подумала об этом раньше? В Тополином они боролись за жизнь со стихией. Опасности исходили от природы.

Здесь их подстерегают совсем иные опасности. Ее дети узнают, что угроза может исходить и от людей. Что в мире есть тьма, о которой они в своей невинности не ведали, и Лореда уже теряет эту невинность. Этот путь необратим.

– Спать лучше в кузове. Я не подумала, что кто-то попытается украсть наш бензин, – сказа́ла Элса.

– И деньги надо поло́жить туда, где их не найдут, – добавила Лореда.

Элса слишком устала, чтобы поправить дочь, да и, по правде сказать, ошибка в ударении – не самая страшная вещь сейчас.

Она опустила руку на плечо Лореде и тихонько сказала «спасибо». Ей чудилось, будто мир накренился, скользнул в сторону, и они, и всё, что они знали, – вместе с ним.

День за днем они ехали на запад. Девятьсот миль по узким колдобистым дорогам. Ехали медленно, останавливаясь поесть, заправиться, переночевать. Элса привыкла к тому, что грузовик стучит и дребезжит, что сзади брякают плитка и коробки. Даже когда она выходила из машины, ее тело продолжало подрагивать в такт дорожной тряске, голова кружилась.

Долгая знойная дорога выматывала. Если в первые, волнующие часы путешествия они говорили о приключениях, то скоро жара, и голод, и ямы на дорогах заставили всех замолчать, даже Энта.

Однажды вечером они разбили лагерь на невозделанном участке земли в стороне от дороги. Завывали койоты, где-то рядом наверняка бродили отчаянные люди, готовые украсть подушку из-под головы или

вылить бензин из бака. Последнее пугало Элсу больше всего: теперь бензин – это жизнь.

Элса лежала на походном матрасе, дети жались к ней во сне. Хотя она отчаянно нуждалась в отдыхе, заснуть никак не удавалось. Ее мучили пугающие картины будущего.

Внезапно раздался звук. Хруст ветки.

Элса быстро села и огляделась по сторонам.

Никакого движения.

Осторожно, чтобы не разбудить детей, Элса выползла из кузова и надела туфли. Камни и ветки тыкались в истончившиеся подошвы ее последней пары обуви. Она старалась не наступить на что-нибудь острое.

Отойдя от грузовика подальше, она подняла платье и присела на корточки облегчиться. Потом вернулась к грузовику.

Небо окрасилось в ярко-розовый цвет, на его фоне торчали силуэты кактусов. Некоторые походили на жилистых стариков, грозящих кулаками равнодушному Богу. Неожиданная красота утра поразила Элсу, напомнила ей о рассветах на ферме. Элса подняла лицо к небу, теплые солнечные лучи согревали кожу. «Господи, не оставь нас».

Она развела огонь и принялась хлопотать с завтраком. Запах кофе и сбрызнутых медом лепешек из поленты, которые пеклись в жаровне над открытым огнем, разбудил детей.

Энт нахлобучил ковбойскую шляпу, подошел к костру и начал расстегивать штаны.

– Придумал тоже, прямо в лагере. – Элса шлепнула сына.

Энт захихикал, отошел в сторонку и принялся поливать, чертя узоры на потрескавшейся почве.

– Он смеется, даже если палец ему показать, – сказала Лореда. – Но смеяться над пи-пи – это уже верх падения.

Элса даже не улыбнулась, занятая тревожными мыслями.

– Мама, что тебя беспокоит?

Элса подняла глаза на дочь. Врать нет смысла.

– Впереди самая опасная часть пустыни. Если ехать ночью, есть надежда, что мотор не перегреется и не сгорит. Но если что-то пойдет не так…

Элса содрогнулась, представив, как из-под капота валят клубы дыма, как они застряли посреди пустыни, где днем температура не опускается ниже сорока градусов по Цельсию. Тогда они точно погибнут от жажды. Все уже были наслышаны страшных историй о пустыне Мохаве. Люди бросали машины и погибали, и птицы клевали их выбеленные солнцем кости.

– Сегодня проедем, сколько сможем, и ляжем спать до темноты.

– У нас все получится, мама.

Элса посмотрела на сухую, беспощадную пустыню, что простиралась к западу. Одни лишь кактусы. Вдоль узкой полосы дороги, протянувшейся с востока на запад, изредка встречались поселения, но между ними ничего.

– А как иначе, – ответила Элса.

Да поможет ей Бог, ничего более обнадеживающего она сказать не могла.

Глава восемнадцатая

Они въехали в город в облаке пыли, за спиной дребезжали пожитки. Бейсбольная бита Энта отвязалась и каталась по кузову, ударяясь о вещи.

Бурая пленка на лобовом стекле делала мир вокруг мутным, но мыть – понапрасну тратить воду. У каждой бензоколонки заправщик стирал пыль и мертвых букашек тряпкой.

Остановившись у заправки, они заметили неподалеку продуктовый магазин. Перед магазином собралась целая толпа, столько людей в одном месте они не видели с тех пор, как проехали Альбукерке[30].

В основном это были не жители города. Бродяг, бездомных из тех, что запрыгивают на поезда и спрыгивают с них посреди ночи, выдавали лохмотья и заплечные узлы. Некоторые знали, куда они идут, но большинство – нет. Элса невольно разглядывала мужские лица – не мелькнет ли лицо ее мужа? Она знала, что и Лореда ищет Рафа среди бродяг.

– Почему здесь столько народу? – спросила дочь.

– Похоже на какой-то парад, – сказал Энт.

– Вид у них недовольный, – заметила Элса. Она ждала, что подойдет заправщик и зальет ей бензин, но никто не подходил.

– Следующая заправка может быть не скоро, – сказала Лореда.

Элса поняла. Они с дочерью знали, что на дороге среди прочих их подстерегает опасность остаться без бензина. Если они здесь не заправятся, через пустыню им не перебраться.

Элса посигналила.

Заправщик в форме поспешил к грузовику.

– Не выходите, леди. Заприте дверцы.

– Что происходит? – спросила Элса, опустив окно.

– У людей кончилось терпение. – Заправщик принялся заливать бензин. – Это продуктовый магазин мэра.

Толпа загомонила: «Мы голодные! Дайте нам еды! Помогите нам!»

Люди подступили к двери в магазин.

– Открывай! – выкрикнул мужской голос.

Кто-то кинул камень. Зазвенело стекло.

– Мы хотим хлеба!

Толпа выбила дверь и хлынула в магазин. Элса видела, как внутри они крушат все подряд. Разбилось еще одно окно.

Голодные бунты. В Америке.

Заправщик закончил заливать бак, отвязал канистру с капота грузовика, наполнил ее водой и снова привязал. Все это время он следил за бунтовщиками в магазине.

Элса совсем чуть-чуть опустила окошко, чтобы заплатить за бензин.

– Берегите себя, – сказала она.

– Как тут убережешься? – ответил заправщик.

Элса уехала. В зеркало заднего вида она видела, что в магазин врываются все новые люди, размахивая палками или просто кулаками.

Около четырех Элса затормозила на обочине в единственном тенистом месте, которое ей удалось найти, и прикорнула в кузове. Спала она плохо, тревожно, ее мучили кошмары, иссохшая земля и нестерпимая жара не оставляли даже во сне. Она проснулась несколько часов спустя с тяжелой головой, ныли руки и ноги. Элса села и убрала влажные волосы с лица. Дети сидели у костра. Лореда читала Энту вслух.

Элса вылезла из грузовика и подошла к ним.

Мимо прогромыхала перегруженная колымага, осветив фарами семью из четырех человек, которые, сгорбившись, брели по обочине на запад. Мать толкала коляску. Свет фар выхватил плакат, призывавший путников брать с собой запас воды.

Год назад Элса посчитала бы безумной женщину, решившуюся идти из Оклахомы, или Техаса, или Алабамы в Калифорнию, особенно с детской коляской. Теперь она ее понимала. Когда твои дети умирают, ты сделаешь что угодно, чтобы спасти их, даже через горы и пустыни пешком отправишься.

Лореда подошла к матери. Они смотрели на женщину с коляской.

– У нас все получится, – сказала Лореда в тишине.

Элса не знала, что ответить.

– Мы же выбрались из Пыльного котла, – сказала Лореда.

Так теперь называли покинутую ими землю. Несколько дней назад они из газеты узнали, что 14 апреля окрестили Черным воскресеньем. Писали, что в этот день в воздух Великих равнин поднялись триста тысяч тонн верхнего слоя почвы. Больше, чем выкопали при строительстве Панамского канала. Грязь осела даже в округе Вашингтон, и, вероятно, только поэтому событие и попало в новости.

– Что такое несколько миль пустыни для таких путешественников, как мы?

– Сущие пустяки, – ответила Элса. – Поехали.

Они подошли к грузовику, Элса положила руку на теплый пыльный капот. Смутный страх – столько всего могло пойти не так – выразился в одной мольбе: *Господи, помилуй.* Она верила, что Бог их не оставит.

Они поужинали фасолью и хот-догами. Было уже поздно, они почти не разговаривали. Элса расстелила в кузове матрас и уложила детей.

– Ты уверена, что сможешь одна вести машину ночью? – уже раз в пятый спросила Лореда.

– Сейчас прохладнее. Даже легче. Я проеду сколько смогу, а потом остановлюсь и посплю. Не беспокойся.

Она достала из-под обвисшего воротника бархатный мешочек. Вытащила монетку, посмотрела на грубый профиль Авраама Линкольна.

– Тот самый цент, – сказала Лореда.

– Теперь он наш.

Энт потрогал монетку на удачу. Лореда просто смотрела на нее.

Элса положила монетку обратно в мешочек, пожелала детям спокойной ночи и забралась на водительское сиденье. Завела мотор, включила фары, два золотистых луча прорезали тьму.

Ночь стерла все, кроме дороги, освещенной фарами. На восток никто не ехал.

Дорога плоская, черная и шероховатая, как чугунная сковородка.

С каждой милей в Элсе нарастал страх. Он говорил с ней голосом отца: «*У тебя ничего не получится. Не нужно было и пытаться. Ты здесь погибнешь вместе с детьми».*

То и дело попадались брошенные автомобили, призрачные свидетельства краха семей, не справившихся с пустыней.

Вдруг мотор закашлялся, грузовик слегка вздрогнул. Четки, обмотанные вокруг зеркала заднего вида, раскачивались из стороны в сторону, щелкали бусины. Из-под капота вырвался пар.

Нет-нет-нет-нет.

Элса остановилась. Быстро проверила, как там дети, – они спокойно спали – и подошла к капоту.

Металл был таким горячим, что она не сразу смогла открыть крышку. В темноту взвился то ли пар, то ли дым. Она не поняла, что именно.

Но понадеялась, что пар.

Добавлять воду, пока мотор не остыл, нельзя. Тони вбил это ей в голову, когда они готовились к поездке. Элса отвязала канистру с водой от капота, прижала к себе.

Оставалось только ждать. И тревожиться.

Она посмотрела на дорогу: ни единой машины ни в ту, ни в другую сторону.

Что их ждет, когда встанет солнце? Стоградусная жара.

Как далеко еще до конца пустыни? Воды у них три галлона.

Не паникуй. Детям нужна спокойная мать.

Элса склонила голову в молитве. Она чувствовала себя такой маленькой под огромным звездным небом. Она представила, что пустыня вокруг нее полна животных, ведущих ночной образ жизни. Змеи. Жуки. Койоты. Совы.

Она молилась Деве Марии. Просила ее пощадить их.

Наконец, прикрыв лицо банданой, Элса открыла радиатор и залила туда воду. Потом привязала пустую канистру к грузовику и вернулась за руль.

– Господи, помилуй… – Она повернула ключ зажигания.

Щелчок и… ничего.

Элса пробовала снова и снова, качая бензин, с каждой неудавшейся попыткой паника нарастала.

«Спокойно, Элса», – сказала она себе, глубоко вдохнула, выждала и попробовала еще раз.

Мотор прокашлялся и ожил.

– Спасибо, – прошептала она и с невероятным облегчением продолжила путь.

К рассвету дорога пошла на подъем, обернувшись огромной извивающейся змеей.

В окно задул прохладный ветерок. Пот высох, кожа начала чесаться.

Машина взбиралась по крутой извивающейся ленте, Элса старалась не смотреть на склоны, с которых сыпались камни.

Наконец, когда у нее уже закрывались глаза, она остановилась на широкой полоске земли, обрамленной высокими деревьями.

Измученная, она залезла в кузов, легла рядом с детьми и закрыла глаза.

– Мама. *Мама.*

Элса открыла глаза.

Ее ослепил солнечный свет.

Лореда стояла у грузовика.

– Иди сюда.

– Можно мне поспать еще чуть-чуть…

– Нет. Вставай. Прямо сейчас.

Элса застонала. Сколько она спала? Десять минут? Часы показывали девять утра.

Все тело ломило. Она вылезла из грузовика и вместе с Лоредой поднялась вверх по склону, где на прогалине между деревьями их ждал босой Энт, едва не приплясывающий от нетерпения.

– Мне нужен кофе, – сказала Элса.

– Смотри.

Элса заозиралась. Где бы тут развести огонь?

– *Смотри,* мама! – Лореда дернула ее за руку.

Они стояли на вершине горы, на широком плоском участке. Далеко внизу лежали бескрайние зеленые поля. Большие прямоугольники коричневой, свежевспаханной земли.

– Калифорния! – закричал Энт.

Элса никогда не видела такой прекрасной земли. Такой плодородной. Такой *зеленой.*

Калифорния.

Золотой штат.

Элса обхватила детей, и они вместе закружились, она смеялась так, как не смеялась никогда в жизни. Луч света прорезал тьму.

Облегчение.

Надежда.

Лореда заорала.

Мама включила первую передачу. Грузовик дернулся, накренился и почти ползком повернул на крутом зигзаге.

Машины сзади гудели. Теперь в гору поднимался целый караван автомобилей, бампер к бамперу, точно гигантская змея.

Лореда так крепко сжала металлическую ручку, что у нее заболели пальцы, а сгоревшие на солнце костяшки побелели.

Горная дорога извивалась снова и снова, иногда так резко и неожиданно, что Лореду бросало из стороны в сторону.

Мама слишком быстро повернула, в ужасе взвизгнула и вдавила сцепление в пол.

Лореда снова завопила. Они едва не врезались в старую колымагу, лежащую в канаве.

– Хватит подпрыгивать, Энт.

– Не могу. Я сейчас описаюсь.

Лореда снова заскользила по сиденью. Дверная ручка так сильно прищемила кожу, что она вскрикнула.

И вот наконец впереди открылась огромная долина. Никогда раньше Лореда не видела такого взрыва цвета.

Ярко-зеленая трава с цветными пятнами – может быть, сорняками или полевыми цветами. Апельсиновые и лимонные деревья. Группки серебристо-серо-зеленых олив.

По обе стороны от дороги лежали возделанные поля. Тракторы распахивали большие участки, готовя землю под посевную.

Лореда вспоминала, что она прочитала, готовясь к поездке. Перед ними долина Сан-Хоакин, расположенная между Береговым хребтом на западе и горами Техачапи на востоке. Они сейчас в шестидесяти километрах к северу от Лос-Анджелеса.

К северу, как иллюстрация к сказке, возвышался другой горный хребет. Эти прекрасные пики Джон Мьюр[31] предлагал назвать Грядой света.

Глядя на долину Сан-Хоакин, Лореда вдруг почувствовала такое томление, какое даже представить в себе не могла. Она смотрела на всю эту неожиданную красоту, эти краски, это раскинувшееся перед ней великолепие – и вдруг захотела увидеть *многое другое*. Всю прекрасную Америку: синий Тихий океан, сердитый Атлантический, Скалистые горы. Все те места, о которых они мечтали с папой. Интересно, какой он, Сан-Франциско, город на холмах, или Лос-Анджелес с белоснежными пляжами и апельсиновыми рощами?

Маме удалось найти место на обочине, чтобы остановиться. Она сидела, вцепившись в руль.

– Мама?

Та словно не слышала. Внезапно мама вылезла из грузовика и побрела в поле, усыпанное цветами. Со всех сторон акры и акры свежераспаханной коричневой земли, готовой принять семена. В воздухе пахло черноземом и молодой порослью.

Элса глубоко вдохнула и выдохнула. Когда она вернулась к грузовику, Лореда увидела, как блестят голубые глаза матери.

Теперь-то зачем плакать? Они приехали.

Мама так и стояла, глядя вперед. Лореда заметила, что у нее дрожат руки, и впервые поняла, как мама все это время боялась.

– Ладно, – наконец сказала Элса. – Первая встреча Клуба путешественников в Калифорнии. Куда дальше поедем?

Лореда ждала этого вопроса.

– Думаю, мы сейчас в долине Сан-Хоакин. К югу – Голливуд и Лос-Анджелес. К северу – Центральная долина и Сан-Франциско. Самый крупный город поблизости – Бейкерсфилд.

Мама залезла в кузов и принялась готовить сэндвичи, пока Лореда выкладывала все факты, которые знала. Втроем они вышли в цветочное поле и сели, чтобы поесть.

Элса задумчиво жевала сэндвич.

– Я ведь ни в чем, кроме сельского хозяйства, не разбираюсь. В город не хочу. Работы там для меня не будет. Так что Лос-Анджелесу – нет. Сан-Франциско – нет.

– К западу от нас океан.

– Я бы, конечно, хотела увидеть его, но не сейчас. Какой нам толк от моря? Нам нужна работа и жилье.

– Давайте останемся здесь, – сказал Энт.

– Как ты назвала эту долину, Лореда? Сан-Хоакин? Здесь так красиво, – сказала мама. – И, похоже, полно работы. Готовятся к посевной.

Лореда посмотрела на поле, далекие горы и сказала:

– Вы оба правы. Что зря бензин жечь. Только жилье нужно найти.

Поев, они углубились в долину по прямой, как стрела, дороге, вдали маячили сиреневые горы. По обе стороны раскинулись зеленые поля, кое-где работали мужчины и женщины.

Они проехали мимо пастбищ и скотобойни, вонявшей на всю округу.

Возле рекламного щита, призывавшего покупать нарезной хлеб, Лореда увидела на земле несколько темных кучек.

Одна из кучек внезапно приподнялась, оказалось, что это болезненно тощий мальчик в лохмотьях. Поля на его шляпе остались только с одной стороны.

– Мама…

– Я вижу, – ответила мама и притормозила.

Их было человек двадцать: дети, молодые мужчины, почти все в лохмотьях. Поношенные, изорванные комбинезоны, грязные шляпы, рубашки с рваными воротниками. Земля вокруг них была плоской и коричневой, неорошенной, сухой, как потерянная надежда.

– Некоторые люди не хотят работать, – тихо произнесла мама.

– Думаешь, папа здесь? – спросил Энт.

– Нет, – ответила мама. Интересно, сколько еще они будут искать Рафа? Всю жизнь?

Наверное.

Они остановились на перекрестке. Друг на друга смотрели продуктовый магазин и заправочная станция, разделенные заасфальтированной дорогой. Кругом пашни. Дорожный указатель: «До Бейкерсфилда 21 миля».

Мама сказала:

– Нам нужен бензин, а еще лакричные палочки, ведь сегодня наш первый день в Калифорнии!

– Да! – завопил Энт.

Мама вырулила на засыпанный гравием участок у бензоколонки. К ним подбежал заправщик в форме.

– Полный бак, пожалуйста, – сказала мама и достала кошелек.

– Платить вон там, мэм. Продуктовый магазин и заправка принадлежат одному человеку.

– Спасибо, – поблагодарила мама.

Они втроем вышли из грузовика и поглядели на пашню. Мужчины и женщины склонились над зелеными ростками. Значит, здесь есть *работа.*

– Ты когда-нибудь видела такую красоту, Лореда?

– Никогда.

– Можно посмотреть на конфетки, мама? – спросил Энт.

– А то.

Лореда и Энт перебежали через улицу, влетели в магазин, они смеялись и весело толкались. Энт крепко держал Лореду за руку. Элса кинулась их догонять.

Перед магазином на лавке сидел старик и курил сигарету, потрепанная ковбойская шляпа была низко надвинута на лоб.

В магазине стоял полумрак, по углам прятались тени. Вентилятор над головой только гонял воздух по кругу, толком не охлаждая его. Пахло опилками и свежей клубникой. Хорошей, сытой жизнью.

У Лореды рот наполнился слюной, когда она увидела, сколько в магазине еды. Вареная колбаса, кока-кола, пакеты с хот-догами, ящики апельсинов, нарезной хлеб. Энт сразу подбежал к прилавку с конфетами, которые продавали на развес. К лакричным и мятным палочкам и леденцам в больших стеклянных банках.

Касса стояла на деревянном прилавке. Широкоплечий продавец был одет в белую рубашку и коричневые штаны с синими подтяжками, коротко стриженные волосы прикрывала коричневая фетровая шляпа. Он стоял прямо, будто кол проглотил, и наблюдал за ними.

Лореда вдруг поняла, как они выглядят после недели в пути – и нескольких лет на умирающей ферме. Бледные, худые, с заостренными чертами лица. Изношенная одежда держится на честном слове. Дырявые башмаки, а Энт вообще босой. Грязные лица, грязные волосы.

Лореда смущенно пригладила волосы, спрятала несколько разметавшихся прядок под выцветший красный платок.

– Вы следите за детьми, – сказал человек за прилавком. – А то они все тут перетрогают грязными руками.

Мама подошла к прилавку, расстегнула кошелек.

– Прошу прощения за наш внешний вид, – извинилась она. – Мы уже давно в дороге и…

– Да. Я знаю. Такие, как вы, каждый день приезжают в Калифорнию.

– Это за бензин. – Мама отсчитала доллар девяносто центов монетами из кошелька.

– Надеюсь, бензина вам хватит, чтобы уехать из города.

В воздухе повисла тишина.

– Что вы сказали? – спросила мама.

Мужчина достал из-под прилавка ружье, с бряканьем положил на стойку.

– Проваливайте отсюда.

– Дети, – распорядилась мама, – немедленно возвращайтесь к машине. Мы уезжаем.

Она бросила монеты на пол и вывела детей из магазина.

За ними захлопнулась дверь.

– Кем он себя возомнил? Это ничтожество думает, что имеет право презирать нас только потому, что ему в жизни повезло? – возмутилась разъяренная и смущенная Лореда. Впервые в жизни она почувствовала себя *бедной.*

Мама открыла дверь грузовика.

– Залезайте, – сказала она таким тихим голосом, что дети едва разобрали.

Глава девятнадцатая

Элса была рада, что магазин в зеркале заднего вида удалялся. Она не знала, чего ищет, куда едет, но решила, что поймет, как увидит подходящее место. Может быть, закусочная. Почему бы ей не устроиться официанткой? Она заехала в Бейкерсфилд и немного растерялась, осознав, до чего это большой город. Столько автомобилей, и магазинов, и пешеходов. Она повернула на дорогу поменьше и продолжила ехать. На юг или, может быть, на восток.

После всего, что они преодолели, она не будет обижаться на одного человека, полного предрассудков. Ее злило, что Лореде и Энту пришлось столкнуться с таким отношением, но жизнь полна подобных несправедливостей. Достаточно вспомнить, как ее отец отзывался об итальянцах, ирландцах, цветных и мексиканцах. О, он брал их деньги и улыбался им в лицо, но как только дверь закрывалась, говорил о них всякие гадости. А мать, когда Элса принесла ей новорожденную внучку, увидела только смуглую кожу.

К сожалению, это уродство – часть жизни, и Элса не могла полностью оградить от него детей. Даже в Калифорнии, где они начнут новую жизнь. Ей просто нужно научить детей не обращать внимания на такое.

Они проехали указатель «Ферма Ди Джорджо», в поле работали люди.

Через несколько миль, на окраине милого городка, Элса увидела ряд аккуратных коттеджей поодаль от дороги, стоящих в тени деревьев. На одном из домиков висело объявление «Сдается».

Элса убрала ногу с педали газа и остановила грузовик.

– Что такое? – спросила Лореда.

– Смотри, какие чудесные домики, – ответила Элса.

– А мы можем себе такой позволить?

– Узнаем, если спросим, – сказала Элса. – Может быть.

Лореда сомневалась.

– В таком домике можно завести щенка, – сказал Энт. – Я очень хочу щенка. Я бы назвал его Тузиком.

– Всех собак зовут Тузиками, – сказала Лореда.

– Ну нет. Собаку Генри зовут Пятнашкой. И…

– Посидите в машине, – велела Элса.

Она вылезла из грузовика и закрыла за собой дверцу. По дороге к дому ей казалось, будто она идет навстречу мечте. *Энту – собака, Лореде – друзья, школьный автобус забирает детей прямо у дома. Цветы. Садик…*

Входная дверь отворилась. Показалась женщина в красивом платье с цветочным узором и красном фартуке с оборками, в руках она держала метлу. Коротко стриженные волосы аккуратно завиты, очки без оправы увеличивают глаза.

Элса улыбнулась.

– Здравствуйте, – сказала она. – Красивый у вас дом. Сколько берете за аренду?

– Одиннадцать долларов в месяц.

– Ох, недешево. Но я уверена, что справлюсь. Я могу заплатить шесть долларов сейчас, а остальное…

– Когда найдете работу.

Элса обрадовалась, что женщина такая понимающая.

– Да, – ответила она.

– Вам лучше сесть в машину и проехать подальше. Скоро муж вернется.

– Может быть, восемь долларов…

– Мы оки не сдаем.

Элса нахмурилась:

– Мы из Техаса.

– Техас. Оклахома. Арканзас. Все одно. Все вы одинаковые. Здесь приличный христианский город. – Она указала на дорогу. – Вот куда вам надо ехать. Около четырнадцати миль. Там живут люди вашего сорта.

Женщина вернулась в дом и закрыла дверь. Через минуту она сняла с окна объявление «Сдается» и повесила новое: «Оки не сдаем».

Что с этими людьми не так? Элса знала, что ей не мешает помыться, и любому видно, что она переживает не лучшие времена, но все же. Большинству американцев сейчас нелегко. И она предложила восемь долларов аванса. Она не просила милостыни и подачек.

Элса вернулась к грузовику.

– Что? – спросила Лореда.

– Вблизи дом не такой уж симпатичный. Для собаки места нет. Женщина сказала, что мы найдем жилье миль через четырнадцать. Там, похоже, лагерь или мотель для людей с востока.

– Кто такие «оки»? – спросила Лореда.

– Люди, которым они не хотят сдавать жилье.

– Но…

– Хватит вопросы задавать, – отрезала Элса. – Мне надо подумать.

Пашни, снова пашни. Изредка встречались фермы, пейзаж представлял собой лоскутное одеяло из зеленой молодой поросли и коричневых, свежераспаханных полей. Первый признак цивилизации – школа, очень уютная с виду, с американским флагом у входа. Неподалеку вроде бы окружная больница, у входа стояла серая машина «скорой помощи».

– Это примерно четырнадцать миль, – сказала Элса, съехала на обочину и затормозила.

Здесь ничего не было. Ни знака остановки, ни фермы, ни мотеля.

– Это лагерь, мамочка? – спросил Энт.

Из окна Элса увидела палатки, допотопные автомобили и лачуги в стороне от дороги, в поле, поросшем сорняками. Их здесь можно было насчитать не меньше сотни, сбившихся в группы, но без всякого плана. Напоминало флотилию серых брошенных парусников в коричневом море. К лагерю не вела дорога, только колея в поле.

– Вот, видимо, о чем она говорила, – сказала Элса.

– Да! Лагерь, – подтвердил Энт. – Наверное, здесь и другие дети будут.

Элса съехала в разбитую колею. Ирригационная канава, полная мутной воды, тянулась вдоль поля.

Сначала они подошли к палатке, из которой, словно согнутый локоть, торчала печная труба. Перед откинутым пологом был свален скарб: помятые металлические ведра, бочки из-под виски, канистры, колода для рубки дров с воткнутым в нее топором, старый ступичный колпак. Неподалеку брошенный грузовик без колес. Хозяин возвел борта из реек и натянул сверху брезент – так и жил в грузовике под тентом.

– Фу, – скривилась Лореда.

Казалось, палатки, лачуги, ветхие автомобили сгрудились здесь без всякого плана и разбора.

По лагерю бегали тощие дети-оборванцы, за ними с лаем носились облезлые собаки. Женщины сидели на корточках у канавы, стирая белье в коричневой воде.

Куча мусора тоже оказалась жилищем – трое детей и двое взрослых теснились у самодельной печки. Семья.

Босой мужчина сидел на камне в одних рваных штанах, пятки у него были черные, рубашка и носки сушились прямо на вытоптанной земле. Где-то плакал ребенок.

Оки.

Люди вашего сорта.

– Мне здесь не нравится, – заныл Энт. – Здесь воняет.

– Поворачивай, мама, – сказала Лореда. – Уезжаем отсюда.

Элса поверить не могла, что люди так живут в Калифорнии. В Америке.

Эти люди – не какие-нибудь там бродяги, отбросы общества, не желающие работать. В этих палатках, лачугах и допотопных разбитых автомобилях жили *семьи.* Дети. Женщины. Те, кто приехал сюда в поисках работы, в поисках новой жизни. Элсу едва не стошнило, но она сказала:

– Не будем зря бензин жечь. Остановимся здесь на ночь, разузнаем обстановку. Завтра я найду работу, и мы уедем. По крайней мере, здесь ручей.

– Ручей? *Ручей?* – воскликнула Лореда. – Это не ручей, и тут… я не знаю, как сказать, но нам тут не место.

– Никому тут не место, Лореда, но у нас осталось всего двадцать семь долларов. Как думаешь, надолго их хватит?

– Мама, прошу тебя.

– Нам нужен новый план, – сказала Элса. – Прежний мы выполнили. Добрались до Калифорнии. Ни о чем другом мы не думали. Этого явно недостаточно. Нам нужна информация. Кто-нибудь здесь сможет нам помочь.

– Похоже, они сами себе помочь не могут, – заметила Лореда.

– Всего одна ночь. – Элса натянуто улыбнулась. – Вперед, путешественники. Одну ночь потерпим.

– Но здесь воняет, – снова заныл Энт.

– Только одна ночь, – сказала Лореда, глядя на Элсу. – Ты обещаешь?

– Обещаю. Одна ночь.

Элса посмотрела на море палаток, увидела прогалину между потрепанной палаткой и сараюшкой из деревянных обломков. Она подъехала к этому месту по широкой полосе земли, поросшей сорной травой.

До ближайшей палатки было футов пятнадцать. Перед ней был свален всякий мусор: ведра и коробки, деревянный стул с длинными ножками, ржавая дровяная печь с согнутой трубой.

Элса остановила машину. Они принялись хлопотать, установили свою просторную палатку, закрепили колышки, прямо на землю положили походный матрас, накрыли его простынями и одеялами. Разобрали только вещи, нужные для ночевки. Чемоданы, еду (все это и здесь нужно охранять) просто перетащили в палатку, а также ведра – можно и воду в них принести, и в качестве табуретов использовать.

Элса развела перед палаткой костерок, вокруг поставила перевернутые ведра. Невольно подумала, что теперь они ничем не отличаются от остальных обитателей лагеря. Она положила в жаровню немного сала, а когда оно зашкворчало, добавила драгоценный кусочек ветчины, несколько консервированных помидоров, зубчик чеснока и нарезанную кубиками картофелину.

Лореда с Энтом уселись не на ведра, а на поросшую травой землю и принялись играть в карты.

Элса посмотрела на дочь, и на нее снова нахлынула печаль. Странно, как люди словно бы перестают видеть своих близких, как к ним намертво прикипает какой-то привычный образ. Лореда была такой худенькой – тоненькие руки и ноги, выпирающие локти и коленки. Дочь постоянно обгорала на солнце, щеки ее покрылись веснушками, вечно шелушились.

Лореде же тринадцать, она должна округляться, а не терять вес. Вот еще новый повод для беспокойства. Или старый, просто тревога сделалась острее.

С наступлением темноты лагерь оживился. До них доносились голоса, звяканье посуды, потрескиванье огня. Тут и там мерцали оранжевые всполохи костров. От палатки к палатке плыл дымок, принося запахи еды. Между палатками постоянно сновали люди.

Элса услышала шаги и оглянулась. Семья: мужчина, женщина и четверо детей – двое мальчиков-подростков и две маленькие девочки.

Худой мужчина был одет в запачканный комбинезон и рваную рубашку. У женщины растрепанные темно-русые волосы до плеч с седыми прядями, мешковатое платье из хлопка и фартук; костлявое тело будто прикрывал только тонкий слой кожи – ни мышц, ни жира. Две тощие девочки одеты в обыкновенные мешки с прорезями для рук и шеи, ноги босые.

– Здрасьте, соседка. Решили подойти познакомиться. Вот что мы вам принесли, – сказал мужчина, протягивая красную картофелину. – Немного, я знаю. Но денег у нас кот наплакал, сами понимаете.

– Спасибо, – поблагодарила Элса, тронутая щедростью соседей. Она перевернула еще одно ведро, накрыла его своим свитером. – Садитесь, пожалуйста, – предложила она женщине, которая устало улыбнулась, села на ведро и поправила платье, чтобы прикрыть грязные колени. – Я Элса. А это мои дети, Лореда и Энтони.

Она достала из пакета два ломтя хлеба:

– Угощайтесь, пожалуйста.

Мужчина взял хлеб мозолистыми руками.

– Меня звать Джеб Дьюи. Это моя хозяйка, Джин, и наши детки, Мэри и Бастер, Элрой и Люси.

Дети отошли в сторону, уселись в сорняки. Лореда начала раздавать карты на новую партию.

– Сколько вы уже здесь? – спросила Элса, когда дети уже не могли их слышать.

Она села на перевернутое ведро рядом с Джин.

– Почти девять месяцев, – ответила Джин. – Прошлой осенью мы собирали хлопок, но зимы здесь тяжелые. Нужно на хлопке заработать столько, чтобы продержаться четыре месяца без работы. И не слушай тех, кто говорит, что в Калифорнии тепло зимой.

Элса посмотрела на палатку Дьюи. Размер не меньше чем десять на десять, как и у них. Но… как шесть человек могут прожить в такой тесноте целых девять месяцев?

Джин заметила взгляд Элсы и сказала:

– Да, непросто пришлось. Я будто только и делаю, что подметаю. – Она улыбнулась, и Элса поняла, какой красивой она, должно быть, была, пока не поблекла от голода. – Тут не Алабама, вот что я скажу. Там нам лучше жилось.

– Я был фермером, – сказал Джеб. – Ферма небольшая, но нам хватало. Теперь она принадлежит банку.

– И большинство людей в этом лагере фермеры? – спросила Элса.

– Некоторые. Старик Милт – он живет вон там, в синем рыдване со сломанной осью, – аж юристом был. Хэнк – почтальоном. Сандерсон модные шляпы делал. Сейчас по внешнему виду ничего не поймешь.

– Осторожнее с мистером Элдриджем, – предупредила Джин. – Он, как напьется, может начать задираться. Сам не свой с тех пор, как его жена и сын померли от дизентерии.

– Но какая-то работа же должна быть, – сказала Элса.

Джеб пожал плечами и ответил:

– Мы каждое утро выходим искать работу. Хотите, на север – сейчас нужны сборщики фруктов в Салинасе. Мы на севере фрукты в начале лета собираем. Но, прежде чем ехать, нужно подумать о стоимости бензина. Выживаем мы благодаря хлопку.

– Я ничего не знаю о хлопке, – призналась Элса.

– Чертовски трудно его собирать, все эти острые шипы, но хлопок вас спасет, – улыбнулась Джин. – И у детишек это хорошо получается.

– У детей? А как же школа?

– Школа есть, – вздохнула Джин. – Где-то миля до нее. Но… прошлой осенью пришлось нам всем, даже маленьким, собирать хлопок, чтобы не помереть с голоду. Не то чтобы девочки много собрали, но не могла же я их одних оставить на целый день.

Элса посмотрела на двух малышек. Сколько им – четыре, пять? Что же они делали в поле весь день? Она поспешила сменить тему:

– А письма сюда доходят?

– В Уэлти, до востребования.

Джин встала, расправила платье. Этот жест показал Элсе, кем та была до Калифорнии, – приличной, уважаемой женой мелкого фермера. Ее наверняка заботили парады на Четвертое июля да свадебные покрывала и благотворительные ужины.

– Ну что же, пора ужин готовить. Мы пойдем, – сказала Джин.

– Все не так плохо, как кажется, – добавил Джеб. – Вот увидите. Только вам нужно как можно скорее попасть в центр социальной помощи в Уэлти. Отсюда вверх по дороге мили две. Вам надо зарегистрироваться для получения пособия. Сказать, что вы здесь. Мы

зарегистрировались только через пару месяцев, и очень зря. Не то чтобы это вам сейчас особо поможет, но…

– Не нужны мне правительственные деньги. – Элса не хотела, чтобы они думали, будто она проделала такой путь ради подачек от правительства. – Мне нужна работа.

– Да, – ответил Джеб. – Никто из нас не хочет жить на пособие. «Новый курс» Рузвельта принес немало пользы рабочим людям, но о нас, мелких фермерах, как будто забыли. Всю власть в стране захватили землевладельцы.

– Не переживайте. Вы со всем справитесь, если будете вместе, – сказала Джин.

Элса надеялась, что ей удалось улыбнуться. Она встала, пожала руки соседям. Семья двинулась к своей грязной палатке, Элса смотрела им вслед.

– Мама? – Лореда уже стояла рядом.

Не плачь.

Не смей плакать перед дочерью.

– Это ужасно, – сказала Лореда.

– Да.

И эта жуткая вонь, которой здесь все пропиталось. *Умерли от дизентерии.* Неудивительно, если люди пьют воду из ирригационной канавы и живут… вот так.

– Завтра я найду работу, – сказала Элса.

– Я в этом не сомневаюсь, – ответила Лореда.

Элсе ничего не оставалось, как только поверить ей.

– Это не наша жизнь, – сказала она. – Я не позволю нам так жить.

Элсу разбудили звуки нового дня: люди разжигали костры, расстегивали палатки, ставили чугунные сковороды на плитки, дети ныли, младенцы плакали, матери их бранили.

Жизнь.

Как будто это нормальный поселок, а не последнее прибежище отчаявшихся.

Осторожно, чтобы не разбудить детей, она выбралась из палатки, развела огонь и сварила кофе – на это ушла вся вода, что оставалась в канистре.

Десятки мужчин, женщин и детей шли через поле к дороге. Восходящее солнце обрисовывало их силуэты. Женщины набирали воду из канавы, сидя на корточках на деревянных досках, положенных вдоль топкого берега.

– Элса!

Джин сидела на стуле возле плиты перед своей палаткой. Она помахала Элсе.

Элса налила две чашки кофе и отнесла одну Джин.

– Спасибо, – сказала Джин, взяв чашку. – Я как раз думала, что надо бы встать и налить чашечку кофе, но не могла с места сдвинуться.

– Плохо спала?

– Я с тридцать первого года плохо сплю.

Элса улыбнулась:

– Я тоже.

Люди шли мимо них непрерывной вереницей.

– Они все идут искать работу? – спросила Элса, поглядев на часы. Шесть утра.

– Да. Это новички. Джеб с ребятами ушли в четыре, но вряд ли они что-нибудь найдут. Дела пойдут лучше, когда хлопок начнут пропалывать и прореживать. Сейчас его сажают.

– Ох.

Джин придвинула к Элсе ящик:

– Посиди со мной.

– И где же они ищут работу? Ферм тут, похоже, немного…

– Здесь не как у нас дома. Здесь фермы огромные, тысячи и тысячи акров. Владельцы не только не работают на земле, они там почти не появляются. Они получают доход, да и правительство на их стороне. Государство больше заботится о том, чтобы в карманах землевладельцев водились деньги, чем о нас, работниках.

Джин помолчала, потом спросила:

– А муж твой где?

– Он бросил нас в Техасе.

– Такое сейчас везде.

– Я поверить не могу, что люди так живут, – сказала Элса.

Джин отвернулась, и Элса тут же пожалела о своих словах.

– А где лучше-то? Нас называют «оки». И все равно, откуда мы. Никто не сдаст нам жилье, да и кому по карману аренда? Может, после сезона хлопка у тебя хватит денег уехать в другое место. Нам с четырьмя детьми не хватило.

– Может, в Лос-Анджелесе…

– Мы это все время говорим, но кто знает, как будет там? По крайней мере, здесь на сборе фруктов можно поработать. – Джин помолчала немного и продолжила: – Ты можешь себе позволить зря жечь бензин, искать место получше?

Нет.

Элса не могла больше слушать Джин.

– Пойду-ка и я искать работу. Ты присмотришь за моими детьми?

– Конечно. И не забудь встать на учет. Вечером познакомлю тебя с другими женщинами. Удачи тебе, Элса.

– Спасибо.

Расставшись с Джин, Элса принесла из канавы два ведра вонючей воды, вскипятила и процедила через тряпочку.

Как могла, вымыла голову и тело до талии в полутемной палатке, надела относительно чистое хлопковое платье. Заплела мокрые волосы в косу, повязала платок.

Больше ничего не сделаешь. Чулки сползают, но хотя бы стираные, а дырявым башмакам ничто не поможет. Хорошо, что зеркала нет. Вернее, есть где-то в коробке в грузовике, но что толку сейчас копаться в вещах.

Она оставила в палатке стакан чистой воды для детей. Они все еще спали.

Элса написала Лореде записку: «*Ищу работу/никуда не уходите/в стакане питьевая вода»* – и пошла к грузовику.

Она выехала на основную дорогу.

Перед каждой фермой стояла очередь: люди ждали работу. Другие шли гуськом по дороге, тоже искали работу. Тракторы разрывали почву на коричневых полях, попадались и лошади, впряженные в плуг.

Примерно через полчаса Элса увидела на заборе объявление: «Требуется служанка».

Она съехала на длинную грунтовую дорогу, вдоль которой росли деревья, усыпанные белыми цветами, и остановилась. Какие-то низкие

зеленые растения покрывали сотни акров по обе стороны дороги. Наверное, картофель.

Впереди виднелся большой дом с застекленной верандой. Перед крыльцом красивый садик с цветами.

Из дома вышел мужчина, за ним захлопнулась дверь. Он раскурил трубку. Мужчина был хорошо одет: фланелевые брюки, накрахмаленная белая рубашка и шляпа-федора, которая, должно быть, стоила целое состояние. Аккуратная прическа, ровно подстриженные бакенбарды и тоненькие усики.

Он подошел к грузовику со стороны водителя.

– Надо же, грузовик. Ты, наверное, новенькая.

– Вчера приехала из Техаса.

Он оценивающе посмотрел на Элсу, наклонил голову.

– Иди туда. Хозяйке нужна помощь по дому.

– Спасибо!

Элса поспешила выйти из грузовика, пока мужчина не передумал. *Работа!*

Она торопливо вошла в калитку, и запах роз окутал ее ароматом, напоминающим о детстве. Она поднялась на крыльцо и постучала.

Послышался стук высоких каблуков по паркету.

Дверь открыла низенькая полная женщина в модном шелковом платье с разрезом, с пышным бантом на шее. Прямой пробор, ухоженные платиновые кудри до подбородка.

Женщина взглянула на Элсу и сделала шаг назад. Она втянула воздух, прижала к носу кружевной платочек.

– Мигрантов нанимает наш управляющий.

– Ваш… мужчина в шляпе сказал, что вам нужна помощь по дому.

– Вот как.

Элса остро чувствовала, какой у нее потрепанный вид. Все ее усилия показаться перед работодателем в приличном виде для этой женщины ничего не значили.

– Иди за мной.

Внутри дом выглядел роскошно: хрустальные люстры, окна с переплетом, через которые зеленые поля виделись как калейдоскоп цветов. Толстые восточные ковры, резные столики красного дерева.

В комнату вошла девочка с кудряшками, как у маленькой актрисы Ширли Темпл. На ней было розовое платье в горошек и черные

лакированные туфельки.

– Мама, что нужно этой грязной тете?

– Не подходи к ней близко, дорогая. Они все заразные.

Глаза девочки испуганно округлились. Она попятилась.

Элса не верила своим ушам.

– Мэм…

– Не говори со мной, если я тебя не спрашиваю, – сказала женщина. – Можешь натереть полы. Но смотри не филонь, и я проверю твои карманы перед уходом. И не трогай ничего, кроме воды, ведра и щетки.

Глава двадцатая

Лореду разбудил отвратительный запах. Каждый вдох напоминал, что она провела ночь там, где ей меньше всего на свете хотелось оказаться.

Лореда долго лежала, зная, что при свете дня она увидит то, чего ей видеть вовсе не хочется, но аромат кофе все-таки заставил ее подняться. Она перелезла через Энта, который заворчал во сне, и натянула дырявый свитер поверх платья.

Сунула ноги в башмаки и откинула полог палатки. Лореда думала, что мама сидит на перевернутом ведре у костра и попивает кофе, но не увидела ни мамы, ни грузовика. Она нашла только стакан воды и мамину записку.

Вдоль дороги за плоским коричневым полем теснились палатки и автомобили. На самом поле – площадью акров пятьдесят – стояли сотни палаток и десятки грузовиков, где тоже жили люди. Лачуги, сколоченные из металлолома и старых досок. Женщины ходили по лагерю, собирая оборванных детей, лаяли облезлые собаки, требуя еды и внимания. Натянутые бельевые веревки и груды всякого мусора возле палаток свидетельствовали, что люди живут здесь не первый месяц. Никто не *хотел* бы жить вот так, но ничего не поделаешь. Вот она, Великая депрессия.

Впервые Лореда поняла, что означают эти слова. Дело не только в том, что банкиры-жулики сбегают с деньгами вкладчиков, кинотеатры закрываются, а люди стоят в очереди за бесплатным супом.

Тяжелые времена означают нищету. Работы нет. И деваться некуда.

Из ближайшей палатки показалась Джин, помахала Лореде.

Лореда поспешила к ней, неожиданно обрадовавшись, что тут есть знакомый взрослый.

– Привет, миссис Дьюи.

– Твоя мама около часа назад отправилась искать работу.

– Мама никогда по-настоящему не работала.

Джин улыбнулась:

– Только подросток такое скажет. Но это неважно. Опыт, я имею в виду. Тут в основном работа в поле. Нас не берут в закусочные,

магазины и подобные места. Такую работу они оставляют себе.

– Но так нельзя.

Джин пожала плечами, будто говоря: *а кого это волнует?*

– Когда времена тяжелые, а работы мало, всегда винят приезжих. Такая уж человеческая природа. И сейчас приезжие – это мы. Раньше в Калифорнии во всех бедах винили мексиканцев, а до них вроде китайцев.

Лореда смотрела на замусоренный лагерь.

– Моя мама никогда не сдается, – сказала она. – Но может быть, на этот раз стоит все бросить. Мы могли бы поехать в Голливуд. Или Сан-Франциско.

Голос у Лореды дрогнул, и ей это не понравилось.

Она вдруг подумала о папе, и Стелле, и бабушке с дедушкой, и ферме. Хорошо бы сейчас оказаться дома, чтобы бабушка ее крепко обняла и угостила чем-нибудь вкусным.

– Иди сюда, дорогая, – сказала Джин, раскинув руки.

И Лореда обняла эту едва знакомую женщину; удивительно, но ей стало не так тоскливо.

– Придется тебе повзрослеть, – сказала Джин. – Твоя мама наверняка хотела бы, чтобы ты оставалась ребенком, но сейчас не те времена.

Лореда сдержала слезы. И ей хотелось бы оставаться ребенком, а не взрослеть, особенно в таком месте.

Она посмотрела на доброе, грустное лицо Джин.

– И что же мне делать?

– Перво-наперво натаскай побольше воды из канавы. Только сначала вскипяти ее и процеди, а потом используй. Я тебе дам марлю. Устроишь постирушку, поможешь маме.

Джин осталась у палатки, а Лореда взяла пару ведер и пошла к канаве. На топком берегу уже сидели женщины и стирали. Дети возились в грязной воде.

Лореда наполнила отвратительной водой оба ведра и отнесла их обратно к палатке. Она прошла мимо семьи из шести человек, которые жили в лачуге из обломков досок и кусков листового железа.

Энт уже проснулся и сидел на земле. Он явно только что плакал.

– Все меня бросили, я думал…

Лореда поставила ведра и сказала:

– Прости меня.

Энт вскочил и бросился к ней. Лореда обняла брата.

– Я испугался.

– И я, Энтси, – прошептала Лореда. Она не меньше брата нуждалась в утешении, и обоим стало легче, когда они обнялись.

У Энта тут же высохли слезы, он снова улыбался.

– Хочешь поиграть в мяч? Он где-то здесь.

– Нет. Нужно вскипятить воды, приготовить завтрак. Потом будем стирать.

– Мама нам такого не поручала, – возмутился Энт.

– Нужно ей помочь.

Энт вдруг замер:

– Она же вернется, правда?

– Конечно, вернется. Она ищет работу, чтобы мы могли переехать.

– Ох. Думаешь, найдет?

– Надеюсь.

Они позавтракали безвкусной кашей, потом Лореда помыла миски и упаковала все обратно в коробки, чтобы вещи можно было сложить в грузовик, как только мама вернется. И уехать из этого вонючего лагеря.

К полудню все пальцы у Элсы саднило, от хлорки руки покраснели и горели. Она отмыла полы на кухне и в прихожей, а в столовой и гостиной натирала паркет маслом с запахом лимона, пока доски не заблестели. Вытащив с полок десятки книг, протерла пыль за ними. Элса не смогла удержаться, понюхала кожаные переплеты, бумагу, даже прочитала пару предложений.

Когда-то она читала целыми днями. В другой жизни.

Закончив с уборкой, она ошпарила двух упитанных курочек и ощипала их. Рот наполнился слюной при одной мысли о жареной курятине. Час спустя она вытащила мокрое белье на улицу и пропустила его через металлический пресс, поворачивая ручку до отчаянной боли в плечах. И все это под неусыпным контролем хозяйки, которая не предложила Элсе сделать перерыв на обед, не дала ей стакана воды, даже имени своего не назвала.

– Ну все, – объявила хозяйка в шестом часу, когда Элса отгладила мужскую рубашку. – Работа окончена.

Элса медленно отставила утюг и с облегчением вздохнула. Ей хотелось есть и пить.

– Я заметила, что хорошо бы навести порядок в кладовке, мэм, и…

– Трогать нашу еду? И не думай об этом. С тех пор как ваши сюда понаехали, уровень преступности взлетел до небес. И в школах полно ваших грязных детей.

– Мэм, как христианка, вы должны…

– Как ты *смеешь* сомневаться в моей вере? Вон отсюда! – Пальчиком с острым ноготком хозяйка указала на дверь. – И не возвращайся. Мексиканцы лучше работают, чем вы, грязные оки. Они не дерзят и после сбора урожая уезжают из города. Не надо было их депортировать.

Элса слишком устала, чтобы спорить. По крайней мере, она нашла работу.

Сегодняшние деньги – это начало. Нужно думать в таком духе.

– Хорошо, мэм, – сказала она. Она стояла, ждала, что ей заплатят.

– Чего тебе? – спросила женщина, скрестив на груди руки.

– Плату за работу.

– А, точно.

Женщина порылась в кармане, вытащила несколько монет и сунула в протянутую руку Элсы.

Четыре десятицентовые монетки.

– Сорок центов? – спросила Элса. – За десять часов работы?

– Назад забрать? Я могу рассказать мужу, какая ты непочтительная.

Сорок центов.

Элса ушла, с силой хлопнув дверью. Забралась в грузовик и поехала назад, стараясь не паниковать.

Сорок центов за целый день.

Теперь она поняла, почему люди в лагере отправились на поиски работы пешком. Она больше не может позволить себе такую роскошь, как бензин.

Завтра она вместе с остальными выйдет до рассвета, чтобы найти работу в поле. За это, наверное, больше платят.

Но будь она проклята, если ее дети станут трудиться в поле. Они будут ходить в школу, получать образование.

Она выехала на большую дорогу. По обочине шел худой мужчина с потрепанным рюкзаком, понуро сгорбившись. Из дырявой шляпы торчали грязные пряди черных волос. Одна нога босая.

Раф.

Не может быть, но все же…

Она притормозила и опустила стекло. Конечно, это не ее муж.

– Подвезти, приятель?

Мужчина отвел взгляд. Кожа туго обтягивала кости черепа. Щеки впали.

– Не. Но спасибо. Идти мне некуда, шагаю себе потихоньку, уже привык.

Элса долго смотрела на него, думая: «Да и мне тоже некуда идти», потом вздохнула и нажала на газ.

В тот день Лореда узнала, как относительно время. До сегодняшнего дня время казалось ей чем-то основательным, надежным. Даже когда ее сердце разрывалось на части после отъезда отца и лучшей подруги, во время болезни Энта время успокаивало своим постоянством. «*Время лечит»,* – говорили люди, имея в виду, что по своей природе время – доброе. Лореда уже знала, что некоторые раны со временем не затягиваются, а становятся более глубокими, и все же считала, что время идет своим чередом. Каждый день солнце встает и заходит, а между восходом и закатом умещаются домашние дела, завтрак и обед, вехи повседневной жизни.

Здесь же время будто хромало и не бежало, а едва ползло.

Идти некуда, делать нечего. Она не могла оставить Энта и пойти поохотиться на голубей или зайцев. Они с братом сидели на комковатом походном матрасе, и Лореда читала вслух «Волшебника страны Оз». Но история, начинавшаяся с ужасного урагана в Канзасе, уже не казалась такой сказочной, как прежде, – только не в этом месте, похожем на зону бедствия. Лореда подумала, что им с братом теперь будут сниться кошмары.

Около шести Лореда услышала знакомый рев грузовика. Она оттолкнула Энта и спрыгнула с матраса.

Вереница людей тянулась по истоптанному полю.

Мама припарковалась возле палатки. Лореда нетерпеливо ждала, когда она выключит мотор и выйдет к ним с Энтом. Наконец Элса

выбралась из машины, но осталась стоять, сгорбившись, вся какая-то измочаленная. Будто потерпела поражение.

– Мама?

Мать быстро выпрямилась и улыбнулась, но Лореда увидела, что улыбка – притворство. Безнадежность в голубых глазах мамы пугала.

Ей вдруг захотелось, чтобы мама снова стала той неутомимой рабочей лошадкой, которая не шутила и не смеялась, но никогда не плакала, не сдавалась и ничего не боялась.

– Я все постирала и фасоль замочила. Можем уехать после ужина, – сказала Лореда.

– Я сегодня нашла работу, – проговорила мама. – Проработала весь день за сорок центов.

– Сорок центов?.. Этого не хватит даже на…

– Я знаю.

– Сорок *центов*?

– Теперь мы знаем, с чем столкнулись, Лореда. У нас нет денег на аренду жилья и даже на бензин.

– Постой. Ты же обещала, что мы останемся здесь всего на один день.

– Помню. Я ошиблась. Мы пока не можем никуда уехать. Нам нужно зарабатывать деньги, а то мы так все потратим.

– Ты хочешь остаться здесь? *Здесь?*

В Лореде поднимался страх, стремительно перераставший в гнев, направленный на мать. Ее затрясло. Какая-то часть ее осознавала, что этот гнев несправедлив, но она никак не могла с ним справиться.

– Нет. *Нет!*

– Прости меня. Я не знаю, что еще делать.

– Ты *соврала*. Как и он. Все врут…

Элса притянула Лореду к себе. Девочка попыталась вырваться, но мать не отпускала, обнимала все крепче, пока Лореда не обмякла и не зарыдала.

– Я поговорила с Джин. Вроде бы во время сбора хлопка можно накопить денег. Если мы будем беречь каждый цент, может, в декабре сможем уехать.

Дрожащая Лореда отстранилась от матери. Она не видела выхода. И злилась.

– А в Техас мы можем вернуться? Денег на бензин нам хватит.

– Доктор сказал, что легким Энта нужен хотя бы год на восстановление. Вспомни, как он болел.

– Но сначала он отказывался носить противогаз. Может быть, сейчас…

– Нет, Лореда. Назад возвращаться нельзя.

Нежным движением Элса убрала волосы с лица дочери.

– Помоги мне с Энтом, пожалуйста. Он этого не поймет.

– Я и сама не понимаю. Мы же в Америке. Почему это происходит с нами?

– Тяжелые времена.

– Черт, все это срань!

– Что за выражения, Лореда, – устало сказала мама.

Она подошла к грузовику, залезла в кузов и начала отстегивать дровяную печь, на которой Роуз и Тони много лет назад готовили в землянке, когда они еще не построили дом.

Как же Лореде не хотелось распаковывать печь. Она ненавидела саму эту мысль. Где печь, там и дом; поставить печь означает обустроиться, осесть на месте. Они воображали, что печь будет обогревать новый дом. Вздохнув, Лореда тоже забралась в кузов и развязала ремни. Вместе, тяжело дыша, они спустили тяжелую печь из грузовика на траву перед палаткой. Рядом поставили ведра и металлическую ванну.

– Красота, – буркнула Лореда.

Теперь их не отличить от остальных отчаявшихся нищих, что прозябают на этом уродливом поле.

– Да, – сказала мама.

А что тут скажешь.

Они забрались в палатку, где Энт, лежа на земле рядом с матрасом, играл в солдатики.

– Мама! Ты вернулась.

Лореда заметила гримасу боли, скользнувшую по лицу матери.

– А как же. Вы двое – смысл моей жизни. Ты же знаешь. Не бойся, мама всегда будет с вами.

В ту ночь Элса еще долго лежала с открытыми глазами после того, как дети прочитали молитвы и заснули по бокам от нее. Лунный свет проникал сквозь полотняные стены. Стараясь не потревожить детей, Элса нашла листок бумаги, карандаш и принялась писать.

Дорогие Тони и Роуз!

Привет вам из Калифорнии!

Дорога оказалась тяжелой, но интересной, мы такого не ожидали. Мы приехали в долину Сан-Хоакин. Здесь очень красиво. Горы. Кругом зеленые пашни, земля коричневая, плодородная.

Мы поставили палатку на берегу реки. Уже подружились с людьми, приехавшими с Юга. Дети завтра пойдут в школу, они очень этому рады. А у вас как дела?

Пишите до востребования на почту в Уэлти, Калифорния.

Молитесь за нас, как мы молимся за вас.

С любовью,

Элса, Лореда и Энт

Следующим утром Элса проснулась еще затемно, принесла воды, растопила печку и поставила на нее ведро.

В темноте дымок перелетал от палатки к палатке, брякали ведра, шипел жир на чугунных сковородках. Люди потянулись к дороге. Мужчины, женщины, дети.

В семь она разбудила детей и велела им одеться, накормила их кукурузной кашей (скудный завтрак, но теперь она знала, что каждый цент нужно беречь), после чего вымыла им головы водой, которую успела не только вскипятить, но и процедить. Она была безмерно благодарна детям за то, что они вчера постирали.

Энт вырывался.

– И зачем ты меня моешь?

– Потому что сегодня ты идешь в школу.

– Ура! – Энт даже подпрыгнул.

Но Лореда вздрогнула:

– Ты что, шутишь?

– Образование – это главное, Лореда. Ты это знаешь. Ты первой из Мартинелли получишь высшее образование.

– Но…

– Никаких «но». Тяжелые времена пройдут. Образование останется, а вы, ребята, отстали от ровесников. Поторапливайтесь. Нам еще пешком идти.

– И как это я пойду в школу босым? – спросил Энт.

Элса в ужасе посмотрела на сына. Господи, как она могла забыть о таком важном факте?

– Я… мы…

– Элса?

К ним направлялась Джин, и в руках у нее были детские ботинки со сбитыми носами.

– Я видела, как ты воду таскаешь, – сказала Джин. – Подумала, что ты моешь детей к школе.

– Я забыла, что у моего сына обуви нет. Как я могла…

Джин ободряюще сжала ее плечо.

– Мы делаем все, что можем, Элса. Это башмаки Бастера. Он из них вырос. Вернешь, когда Энту станут малы.

Элса не могла подобрать слов, чтобы выразить свою благодарность. Щедрость Джин поражала, ведь у нее самой было так мало.

– Иначе нам не справиться, – сказала Джин, потрепав Элсу по руке.

– С-спасибо.

– До школы миля к югу, – Джин кивнула в нужную сторону. – Нашим детям там не очень-то рады.

– Я бы сказала, весь штат нам не очень-то рад, – сказала Элса.

– Ага. Как отведешь их в школу, зарегистрируй свое пребывание в штате. Центр соцпомощи в Уэлти, это две мили отсюда к северу. Пусть власти знают, что ты здесь, тебе это на руку.

Соцпомощи.

У Элсы сжалось сердце. Она кивнула:

– Значит, в школу миля на юг, а в город две мили на север. Поняла.

Элса протянула Энту ботинки. Сын явно был очень рад, и у нее чуть потеплело на душе.

– Ладно, путешественники Мартинелли, – сказала она, зашнуровывая мальчику ботинки. – В путь.

Они вышли на дорогу и, повернув на юг, присоединились к группе детей. Их было девять, от шести до десяти лет. Лореда

оказалась среди детей самой старшей. Элса была единственной взрослой.

Мимо прогромыхал тупоносый автобус, швыряясь камешками и песком. Он не стал останавливаться ради детей мигрантов.

Они миновали окружную больницу, рядом с которой по-прежнему стояла карета «скорой помощи», и подошли к школе. Зеленая трава и деревья придавали ей уютный вид. Двор заполнила толпа хорошо и чисто одетых детей, они смеялись и болтали. Дети мигрантов молча двигались среди них, точно деревянные.

– Посмотри на них, мама, – сказала Лореда. – У них новая одежда.

Элса приподняла дочери подбородок, увидела, что в ее глазах собрались слезы.

– Я знаю, что ты чувствуешь, но не *смей* плакать, – сказала она. – Не из-за этого, не из-за того, что тебе пришлось испытать, чтобы здесь оказаться. Ты Мартинелли и ничем не хуже жителей Калифорнии.

Взяв детей за руки, она провела их по лужайке к трепещущему на ветру американскому флагу.

Коридоры школы были полны детей. Элса заметила, что на них косятся, что хорошо одетые дети их избегают. На доске с объявлениями висели приглашения на экскурсии, расписание мероприятий и информация о предстоящем родительском собрании.

Элса зашла в первый попавшийся кабинет и оказалась перед длинной стойкой, табличка на которой возвещала: «Барбара Маузер, администрация».

Элса кашлянула, привлекая к себе внимание.

Женщина, сидевшая за стойкой, подняла голову от бумаг.

– Я пришла записать детей в школу.

Женщина тяжело вздохнула и встала. На ней было элегантное голубое платье с матерчатым пояском, шелковые чулки и коричневые туфли на низком каблуке. Элса заметила, какие у нее ухоженные ногти, какая гладкая кожа.

– Вы принесли табели успеваемости? Документы о переводе?

– Мы уехали в спешке. Времена дома настали…

– Тяжелые для оки. Да.

– Мы из Техаса, мэм, – поправила Лореда.

– Как их зовут?

– Лореда и Энтони Мартинелли. Мы зовем его…

– Адрес?

Элса не знала, как ответить на этот вопрос.

– Мы… э-э…

Женщина повернула голову, закричала:

– Мисс Гаймен, идите сюда. Тут у нас бездомные. Оки.

– Мы из Техаса, – твердо сказала Элса.

Женщина пихнула ей листок бумаги:

– Читать-писать умеете?

– Господи, – сказала Элса, – конечно.

– Имена и возраст. – Женщина протянула карандаш.

Пока Элса записывала имена детей, в кабинет из коридора вошла женщина помоложе в накрахмаленном белом халате и шапочке медсестры. Она подошла к Лореде и начала перебирать волосы девочки.

– Вшей нет. Лихорадки нет… пока что. Девочке сколько? Одиннадцать?

– Тринадцать, – ответила Элса.

– Читать умеет?

– Конечно. Она отличница.

Медсестра проверила волосы Энта.

– Ладно, – наконец сказала она. – Большинство из ваших в одиннадцать работают в поле. Удивительно, что ваша дочь ходит в школу.

– «Наши» – это трудолюбивые американцы, которым выпала тяжелая доля, – сказала Элса.

– Идите за мной, – распорядилась миссис Маузер. – Но не вплотную.

Элса и дети последовали за администраторшей, которая остановилась в конце коридора.

– Мальчик. Тебе сюда. Ступай.

Энт схватил мать за рукав, уставился на нее.

– Все в порядке, – сказала Элса.

Он покачал головой, умоляюще глядя на нее.

– Иди, – сказала Элса.

Энт тяжело вздохнул. Обреченно ссутулился. Вяло помахал рукой, открыл дверь и исчез в классе.

– Не тяните время, – сказала администраторша, уже шагая по коридору.

Элсе пришлось заставлять себя следовать за ней. Лореда держалась подле матери.

У последней двери со стеклянной вставкой, на которой значилась цифра «7», администраторша остановилась.

– Ты, – она ткнула пальцем в Лореду, – заходи. Видишь три парты в дальнем конце? Выбирай любую. По пути никого и ничего не трогай. И, ради бога, не кашляй.

Лореда посмотрела на мать.

– Ты ничем не хуже других, – твердо сказала Элса.

Лореда открыла дверь в класс.

Чистые, хорошо одетые дети зафыркали. Некоторые девочки даже отодвинулись, когда Лореда шла мимо них. Рыжий мальчик зажал нос, и дети засмеялись.

Элса собрала все свои силы, чтобы отвернуться от закрывшейся за дочерью двери.

Выйдя из школы, Элса зашагала на север. Она не свернула к лагерю, а продолжила идти дальше. Через какое-то время показался ухоженный городок. На дорожном знаке в форме большой хлопковой коробочки было написано: «Добро пожаловать в Уэлти, Калифорния». Главная улица тянулась четыре квартала, Элса увидела явно неработающий кинотеатр, здание мэрии с колоннами и ряд магазинов. Она обошла все магазины, но ни на одной двери не обнаружила объявления, что требуется работник.

Центр социальной помощи находился чуть в стороне, на площади, окруженной цветущими деревьями, под которыми стояли скамейки. Перед зданием выстроилась длинная очередь.

Элса встала в хвост. Люди не смотрели друг на друга, не разговаривали. На суровых, замкнутых лицах мужчин и женщин ясно читалось, что здесь они потому, что отчаялись. И стыдятся того, что им нужно просить помощи у правительства. Да у кого угодно. Как и сама Элса, они всегда полагались на себя, на свой труд, а не на правительственные подачки.

Разглядывая товарищей по несчастью, Элса хоть немного сумела отрешиться от собственных переживаний.

Наконец подошла ее очередь. Под временным навесом сидел молодой человек в коричневом костюме с накрахмаленной белой рубашкой и узким черным галстуком. Коричневую шляпу с широкими полями он ухарски сдвинул набок.

– Вы за пособием? – спросил он, постукивая ручкой.

– Нет. Я найду работу, но мне сказали, что нужно зарегистрироваться. На всякий случай.

– Хороший совет. Хотел бы я, чтобы к нему побольше людей прислушивалось. Имя?

– Элсинор Мартинелли.

Он записал на красной карточке.

– Возраст?

– Господи, – сказала она, нервно рассмеявшись, – в следующем месяце будет тридцать девять.

– Муж?

Она помолчала.

– Нет.

– Дети?

– Лореда Мартинелли, тринадцать лет. Энтони Мартинелли, восемь лет.

– Адрес?

– Э-э-э…

– У дороги, – вздохнул он. – Где-то рядом?

– Около двух миль к югу.

Мужчина кивнул:

– Лагерь мигрантов на Саттер-роуд. Когда прибыли в Калифорнию?

– Два дня назад.

Молодой человек записал все это на красной карточке, потом поднял голову и сказал:

– Мы регистрируем всех, кто приезжает в штат. Для получения статуса резидента учитывается та дата, когда вы зарегистрировались, а не когда вы на самом деле приехали. Никакой помощи от штата вы не получите, пока вам не присвоят статус резидента, то есть пока вы не проживете в нашем штате год. Приходите снова двадцать шестого апреля.

– Год? – спросила Элса, нахмурившись. – Но… говорят, зимой работы нет. Разве не всем нужна помощь?

Молодой человек с жалостью смотрел на нее.

– Федеральные власти предоставляют помощь. Продуктовую. Раз в две недели. – Он дернул головой в сторону: – Вон там очередь.

Элса повернулась и увидела еще одну, куда более длинную очередь.

– Что такое продуктовая помощь?

– Фасоль. Молоко. Хлеб. Еда.

– То есть все эти люди стоят в очереди за едой?

– Да, мэм.

Элсе стало жалко худых женщин, стоявших со склоненными головами.

– Мне это не нужно, – тихо проговорила она. – Я могу прокормить детей.

Пока что.

Глава двадцать первая

В конце учебного дня Элса стояла у столба с развевающимся флагом и ждала детей. Ее подташнивало от голода – утром она совсем забыла прихватить для себя что-нибудь перекусить. После регистрации в Центре соцпомощи она провела в городке еще несколько часов в поисках работы, но скоро поняла, что ни один хозяин магазина или закусочной не наймет такую потрепанную нищенку, какой она выглядит.

Раздался звонок, из здания школы повалили дети. Двери автобуса приветственно открылись – не для всех.

Показались Лореда с Энтом.

У Энта был подбит глаз, воротник порван.

– Что стряслось, Энтони Мартинелли? – спросила Элса.

– Ничё.

– Энтони…

– Ничё, я сказал.

Элса обняла сына.

– Ты меня задушишь, – буркнул он, пытаясь высвободиться.

Элса заставила себя отпустить его. Энт шагал, зажав в руке пустую сумку для ланча.

– Что произошло, Лореда?

– Какой-то пятиклассник назвал его тупым оки. Энт потребовал, чтобы он взял свои слова обратно, но тот только рассмеялся, и Энт его ударил. А тот в ответ.

– Я поговорю с…

– Учителя знают, мама. Директор вышел и сказал, что мальчик зря ударил Энта, потому что мы заразные. «Ты что, не знаешь, что к ним нельзя прикасаться, Джонсон» – вот что он сказал.

– Ему же только восемь.

Лореда не нашлась что ответить.

– Я поговорю с ним, расскажу про «подставь другую щеку», – сказала Элса. Больше она ничего не могла придумать. Что она знает о школьных драках, о том, как становятся мужчинами?

Энт шел впереди, он выглядел таким маленьким. Таким худеньким. Проезжающие машины гудели, требуя, чтобы они убрались

с дороги.

– Может, научить его пинать больших мальчиков промеж ног, по яйцам?

– Лореда! Я не собираюсь учить моего сына пинать других мальчиков… в эту область.

– Отлично. Тогда научи его прикладывать лед к синякам. Пусть он станет мальчиком для битья. Скажи ему, что мы всегда будем жить вот так.

– Лореда, я знаю, как тебе плохо…

– Знаешь? На обед дети ели жареную курицу и пироги с фруктами, мама. У одной девочки был тортик из магазина, называется «Твинки». Он так вкусно пахнет, что я невольно сглотнула, и надо мной стали смеяться. Одна девочка сказала: «Смотри-ка, она картошку жует». А другая добавила: «Наверняка украла».

– Такие девочки, злые девочки, которые смеются над несчастьем других, ничего не стоят. Это пятна на блохах на хвосте собаки.

– Но мне обидно.

– Да, – согласилась Элса, вспомнив, как ее в школе дразнили «рельсой». – Я знаю.

Только когда они свернули к лагерю, она окликнула Энтони. Он остановился, подождал их.

– А папа бы меня наказал за драку?

– За то, что ты защищался? Нет. Но давай с этого дня сражаться словами. Хорошо?

– Да. Хорошо. Можно говорить *отъебись*?

Элса с трудом сдержала смех. Господи, помоги.

– Нет, Энт. Так говорить нельзя.

Энт вздохнул:

– Меня опять побьют. Я знаю.

– Это правда. – Лореда тоже вздохнула.

Элса же подумала: *И всех нас*.

Вечером, после ужина из картошки, тушенной с ветчиной, Элса уложила Энта. За едой они в основном молчали. Лореда вышла из палатки сразу, как закончила есть, заявив, что не выносит духоты. Элса подоткнула Энту одеяло и села рядом.

– Жизнь наладится, правда, мама? – спросил он, закончив читать молитву.

– Конечно.

Элса гладила сына по голове, перебирала его волосы, пока тот не заснул. Потом поднялась с матраса и посмотрела на Энта.

Синяк под глазом наливался лиловым. Ее сына ударили в лицо, смеялись над ним… От этого ей самой хотелось кого-то ударить. Больно.

Она ошиблась, привезя сюда детей? Они отказались от всего, что знали и любили, чтобы начать новую жизнь, но что, если никакой новой жизни здесь нет? Что, если их ждут те же невзгоды и голод, от которых они бежали? Может, будет только хуже?

Элса достала потертую металлическую коробочку. Осторожно открыла. В коробке лежали все их деньги, чуть меньше двадцати восьми долларов. Насколько их хватит, если она не найдет работу в ближайшее время?

Она закрыла коробку, спрятала ее в ящик с кастрюлями и сковородками и вышла из палатки. Лореда сидела на перевернутом ведре.

Лагерь окутала тьма. Откуда-то доносились приглушенные звуки скрипки.

Дочь подняла голову:

– Напоминает о дедушке.

Элса смогла только кивнуть. Она боялась, что волна тоски по дому утянет ее на дно.

Из темноты появилась Джин:

– Пойдемте со мной.

Лореда встала. После прошедшего дня она, казалось, так же пала духом, как и Элса.

Они втроем прошли через лагерь, мимо открытых палаток и закрытых автомобилей. Кругом бегали и лаяли собаки.

На пустом участке возле канавы собралась толпа. Здесь было человек пятнадцать, мужчины и женщины, они стояли и разговаривали. На камнях у самой воды сидели двое мужчин и играли на скрипках.

Джин подвела Элсу и Лореду к двум женщинам, стоявшим возле хилого деревца.

– Девочки, это Элса Мартинелли и ее дочь Ло-ре-да.

Женщины повернулись, улыбнулись. Элса точно не могла сказать, сколько им лет. Под пятьдесят, наверное. Обе измотанные, но улыбаются, и лица добрые.

– Добро пожаловать, Элса. Меня Мидж звать, – сказала та, что была повыше. – Я из Канзаса. Его теперь называют Пыльным котлом, и, куколка моя, пыли у нас и правда в достатке.

Элса улыбнулась и обняла Лореду.

– Мы с Техасского выступа. И о пыли мы знаем все.

– Я Надин. Из Южной Каролины, – сказала улыбчивая женщина в очках, приятно растягивая слова. – Можешь себе представить, я уехала из места, где лучшая рыбалка на свете. А все эти листовки, где Калифорнию расписывают как страну молока и меда. *Пшик.* Сколько вы уже здесь?

– Лишь пару дней, – ответила Лореда. – Но кажется, что давно.

Надин засмеялась, поправила очки.

– Да. Время здесь странно идет.

– Вы зарегистрировались для получения пособия? – спросила Мидж.

Элса кивнула:

– Да, но… пока мне пособие не нужно.

Мидж, Надин и Джин понимающе переглянулись.

Они не сказали «Потом понадобится», но Элса все поняла. У нее снова заныло под ложечкой.

– Держись нас, куколка, – сказала Надин. – Вместе легче выжить.

Они провели в Калифорнии почти четыре недели, и жизнь постепенно вошла в привычное русло: Лореда и Энт ходили в школу, а Элса искала работу. Любую работу. За любую плату. Каждое утро Элса выходила все раньше и шла по дороге, иногда на север, иногда на юг. Несмотря ни на что, она надеялась, что ее наймут пропалывать поле или стирать белье. Но чаще всего возвращалась ни с чем. Каждый раз, покупая еду, она тратила их жалкие сбережения. Фасоль закончилась – придется купить еще. Энту обязательно нужно молоко. Он совсем ребенок и растет.

В этот день Элса, как всегда, сбилась с ног, пытаясь найти хоть какую-то работу, но впустую. Сейчас она сидела на берегу канавы на

сломанном деревянном ящике, который подобрала на обочине. Приближались сумерки, и у канавы собралось человек тридцать: женщины стирали белье, мужчины курили самокрутки и разговаривали, дети бегали и смеялись. Дневная жара еще не спала, а в ближайшие месяцы будет только жарче.

Кто-то играл на губной гармошке, собака подвывала в такт. Энт подружился с Мэри и Люси Дьюи, и они играли в прятки. Лореда ни с кем не разговаривала, сидела в сторонке с книгой. Элса знала, что дочь твердо решила ни с кем здесь не заводить дружбы.

Джин принесла к берегу ведро и села рядом с Элсой.

– Уже становится жарко, – сказала Джин. – Господи, летом в этих палатках так тяжело.

– Может, к тому времени мы все найдем работу и сможем переехать.

– Может быть, – ответила Джин без всякой надежды. – Как у детей в школе дела?

– Честно говоря, не очень. Но я не позволю им бросить учебу.

– Надо быть сильной, – сказала Джин, глядя на людей, собравшихся у канавы.

Элса посмотрела на подругу и спросила:

– Тебе никогда не надоедает быть сильной?

– О, дорогая, конечно, надоедает.

Через пять недель после приезда в Калифорнию они получили первое письмо от Тони и Роуз. Уже веселее.

> *Дорогие вы наши!*
>
> *Пыльные бури, к сожалению, никуда не делись. И все равно на этой неделе прошло еще одно собрание. Правительство предлагает нам, фермерам, десять центов за акр, если мы согласимся на контурное земледелие[32]. Работа движется медленно, но Тони снова проводит долгие часы за рулем трактора, а вы знаете, что это ему нравится больше всего на свете. Управление общественных работ платит безработным мужчинам, чтобы они нам помогали. Теперь мы*

только надеемся, что эти ужасные пыльные бури прекратятся. И, если пойдет дождь, вся эта тяжелая работа, возможно, принесет плоды.

Вчера в город пришел человек, который обещал нам дождь, он называл себя заклинателем дождя. Зрелище еще то, вот что я скажу. Он что-то запустил в небо. Ждем, что получится. Думаю, Бог сам решает, что делать, и нельзя ему подсказывать, но кто знает?

Мы по вам скучаем и надеемся, что все у вас хорошо.

Надеемся, вы весело отметили день рождения Элсы. Желаем всего наилучшего!

С любовью,

Роуз и Тони

В последний день мая Элса проводила детей в школу и осталась в лагере. В виде исключения она не пошла искать работу. У нее на сегодня были другие планы.

Без мужской помощи Элсе приходилось тяжко: нужно и зарабатывать, и заботиться о детях. Так много дел и так мало времени. Неудивительно, что в лагере почти нет одиноких женщин. Лореда и так уже делала больше, чем могла, но что и говорить, здесь все делали больше, чем могли. Даже Энт помогал, не жалуясь. Мальчик следил за тем, чтобы им всегда хватало дров, хвороста и бумаги. Он обшаривал весь лагерь и дорогу за ним в поисках полезных вещей, тратя на это немало времени, из школы приносил старые газеты. А вчера нашел сломанный ящик из-под яблок – настоящее сокровище.

Элса собиралась перестирать одежду, два часа ушло на то, чтобы натаскать достаточно воды. К тому моменту, когда она вскипятила, процедила воду и налила ее в медную ванну, привезенную из Техаса, Элса была уже мокрая как мышь и совершенно вымотанная. Постиранную одежду она развесила сушиться на металлических стойках внутри палатки. Одежда, конечно, будет сохнуть дольше, зато ее не украдут. Потом она замочила чечевицу.

Расправившись с хозяйственными делами, Элса втащила ванну в палатку и снова принялась таскать воду. Она таскала из канавы ведро за ведром, кипятила, процеживала и наливала воду в ванну.

Наконец завязала полог палатки и полностью разделась, чего не делала уже несколько недель. За прошедший месяц они все научились выживать в этих ужасных условиях, в вечной тесноте. Купание стало роскошью, а не необходимостью.

Опустившись в горячую воду, она ощутила себя на седьмом небе. Через несколько минут намылилась последним обмылком – и тело, и волосы, стараясь не обращать внимания на то, что в некоторых местах под пальцами на голове были не волосы, а кожа.

Вымывшись, Элса вылезла из ванны и вытерлась. Воду она сливать не стала – пусть дети тоже искупаются. От полотняной палатки и земляного пола исходил жар. Элса расчесала поредевшие светлые волосы. Зеркала нет, но зачем оно ей? Она обвязала голову чистым платком. Как жаль, что шляпки у нее больше нет. Все эти женщины будут в шляпках.

Не думай о них. И о себе не думай.

Это ради детей.

Она достала лучшее свое платье.

Лучшее платье. Сшитое в прошлом году из обрывков кружева с наволочки и мешков из-под муки. В последний раз она надевала его в церковь в Тополином.

Не думай об этом.

Она оделась, подтянула спадающие хлопчатобумажные чулки, обулась в поношенные туфли. И вышла под ослепительное полуденное солнце.

Джин стояла у своей палатки с веником в руках.

Элса помахала рукой и направилась к подруге.

– Ты, похоже, на неприятности напрашиваешься, – встревоженно сказала Джин.

– А что, самое время.

– Я буду тебя здесь ждать, – сказала Джин.

К ним присоединилась Надин.

– Она и правда туда идет? – спросила она у Джин.

Та кивнула:

– Идет.

– Знаешь, куколка, – сказала Надин, – хотела бы я быть такой же смелой, как ты.

Элса была благодарна за эту поддержку.

Она вышла из лагеря. Автомобилей на дороге было немного, но каждая машина непременно сигналила, чтобы она сошла на обочину. Когда Элса подошла к школе, она вся была в мелкой красной пыли.

Элса отряхнулась как сумела. Она *не* будет трусить. Вскинув голову, она прошла мимо администрации в библиотеку.

На двери висело объявление о родительском собрании.

Элса открыла дверь, как раз когда прозвенел звонок и дети выбежали в коридор.

В библиотеке все стены закрывали стеллажи с книгами, была также стойка для выдачи книг, ярко светили лампы под потолком. Сейчас здесь собралось около десятка женщин, они пили кофе из маленьких фарфоровых чашек. Элса отметила, как хорошо они одеты: шелковые чулки, элегантные платья, сумочки в тон. Стильные прически. На длинном столе, покрытом белой скатертью, стояли подносы с печеньем и бутербродами и серебряный кофейник.

Женщины разом уставились на Элсу. Разговоры затихли, а потом и вовсе прекратились.

И с чего она решила, что чистое платье из мешковины и ванна ей помогут? Ей здесь не место. Как она могла подумать иначе?

Нет. Это Америка. Я мать. Я здесь ради детей.

Шаг вперед.

Женщины смотрят на нее. Хмурятся.

Она подошла к накрытому столу, налила себе кофе, взяла сэндвич. Поднесла его ко рту чуть подрагивающей рукой.

Дама средних лет в твидовом жакете и юбке, в туфлях на каблуках отделилась от остальной компании. Тугие локоны выглядывали из-под фетровой шляпы с лентой. Решительно приблизившись к Элсе, она вздернула брови.

– Я Марта Уотсон, председатель родительского комитета. Полагаю, вы заблудились.

– Я пришла на родительское собрание. Мои дети учатся в этой школе, и меня интересует программа.

– Люди вроде вас не определяют нашу программу обучения. От вас в школе одни болезни и неприятности.

– У меня есть право быть здесь, – сказала Элса.

– Действительно? И постоянный адрес здесь есть?

– Ну…

– И школа финансируется за счет ваших налогов?

Женщина наморщила нос, как будто от Элсы дурно пахло, и отошла. Хлопнула в ладоши, сказала:

– Ну что, мамочки. Нам нужно запланировать лотерею по случаю окончания учебного года. Собрать деньги, чтобы открыть для грязных мигрантов отдельную школу.

Женщины стянулись к Марте, точно утята к маме-утке.

Элса поступила так, как она всегда поступала, когда сталкивалась с насмешками и презрением. Чувствуя себя проигравшей, она вышла на опустевший школьный двор.

Она почти дошла до шеста с флагом, но вдруг остановилась.

Нет.

Она больше не желает так себя вести. Не такой матерью она хотела быть. Эти женщины посмотрели на нее и осудили ее, возомнили, будто знают, что она такое. Определили ее в отребье.

Но она не отребье. И дети ее точно не отребье.

У тебя получится.

Правда?

Да они обнаглели, Элса. Вот что сказала бы Роуз. *Не уступай им, иначе с такими не справиться.*

Будь смелой, сказал бы дедушка Уолт. *Притворись смелой, если надо.*

Сжав ремешок сумочки, она вернулась в школу. У двери библиотеки остановилась, но ненадолго, затем решительно открыла дверь.

Женщины (вот же вылитые гусыни, подумала Элса) повернулись к ней. Разинули рты.

Марта постаралась взять контроль над ситуацией.

– Мы же вроде сказали вам…

– Я слышала, – ответила Элса. Внутри ее так и трясло. Голос дрожал. – А теперь вы выслушайте меня. Мои дети ходят в эту школу. Я буду участвовать в собрании. И точка.

Она села с краю, у двери, свела колени и поставила на них сумку.

Марта сверлила ее взглядом, поджав губы.

Элса не двигалась.

– Ладно. Вежливости и воспитанию насильно не научишь. Дамы. Садитесь.

Женщины расселись, стараясь держаться как можно дальше от Элсы.

Всю встречу – а она продолжалась больше двух часов – никто на нее не смотрел. Женщины старательно избегали ее, разговаривая между собой возмущенными голосами. *Грязные мигранты… живут как свиньи… вши… не могут по-другому… нельзя позволять им думать, будто здесь их место…*

Элса все поняла, но ей было плевать на этих высокомерных дамочек. Она почти развеселилась. Хоть раз в жизни она не позволила указать, где ее место.

– Собрание закончено, – объявила Марта.

Никто не двинулся с места. Женщины сидели, глядя на Марту.

Элса поняла.

Они не хотят идти мимо нее.

Они заразные, знаете.

Элса притворно чихнула. Женщины дружно дернулись.

Элса встала, шагнула к двери. Оглянулась на стол – там так и стояла почти нетронутая еда: маленькие сэндвичи с арахисовым маслом и пикулям на магазинном хлебе с обрезанными корочками, фаршированные яйца, фруктовый салат и тарелка с печеньем.

Почему бы и нет?

Они все равно думают, что она грязная оки. Так разве бродячая собака не кидается на объедки?

Элса взяла тарелку с печеньем и вытряхнула в сумочку. Стянула с головы платок и уложила в него сэндвичи. Застегнула сумочку.

– Не беспокойтесь, дамы, – сказала она, обернувшись от двери. – В следующий раз угощение за мной. Уверена, вам всем понравится рагу из бельчатины.

И вышла из библиотеки, слегка хлопнув дверью.

Через полчаса до Элсы долетел запах из лагеря, где в страшной скученности люди жили в антисанитарных условиях, усугубившихся в майскую жару.

Лореда и Энт сидели возле палатки на ящиках и играли в карты. Лореда поставила чечевицу тушиться. Из короткой металлической трубы печки вырывался дым и плыл по воздуху.

Увидев Элсу, Энт быстро вскочил и бросился к ней, но Лореда осталась сидеть. Она только подняла голову и сказала «привет» сквозь стиснутые зубы, как недавно вошло у нее в привычку.

Энт достал рваную местную газету, испещренную пятнами. На титульной странице заголовок жирным шрифтом: «Мигранты, наводнившие штат, – рассадник криминала. В Калифорнию ежедневно въезжает тысяча человек».

– Я нашел эту газету в школьной мусорке. И украл. На растопку.

– Брать из мусорки можно, это не кража, – возразила Лореда.

– У меня для вас сюрприз, – сказала Элса.

– *Хороший* сюрприз? – спросила Лореда, не поднимая головы. – Или еще что-нибудь плохое случилось?

Элса легонько подтолкнула Лореду носком туфли.

– Хороший. Пойдем.

Она отвела детей к палатке Дьюи, откуда доносился запах свежего кукурузного хлеба.

Элса громко поздоровалась.

Полог поднялся. Пятилетняя Люси в мешковине с прорезями вместо платья, худенькая, как стебелек люцерны, стояла так близко к четырехлетней Мэри, что две девочки казались одним существом.

Люси улыбнулась, показав две дырки вместо зубов.

– Миссис Мартинелли, а зачем вы пришли?

– Я вам кое-что принесла, – ответила Элса.

В мутной темноте палатки, где пахло потом, Джин сидела на ящике и шила при свете свечи.

– Элса. – Она встала.

– Выходи, – позвала Элса. – Я угощение принесла.

Они собрались перед палаткой у маленькой печки, где в чугунной сковородке пекся кукурузный хлеб.

Джин села на колченогий стул. Четверо детей плюхнулись на траву, скрестили ноги и принялись ждать.

Элса открыла сумку и достала печенье.

– Ух ты! – закричал Энт.

Глаза у него так и вспыхнули, он в ожидании сложил ладони ковшиком.

Элса вложила печенье, посыпанное сахарной пудрой, в каждую пару грязных детских рук, затем протянула сэндвич с арахисовым маслом и маринованным огурчиком Джин, но та покачала головой:

– Детям нужнее.

– Тебе тоже нужно есть.

Джин вздохнула. Взяла сэндвич, откусила от него и тихонько застонала.

Элса попробовала печенье. Сахар. Масло. Мука. Один кусочек вернул ее в прошлое, на кухню Роуз.

– Как все прошло? – нерешительно спросила Джин.

– Меня выбрали председательницей. Поинтересовались, где я платье покупала.

– Ты шутишь, да?

– Я забрала всю еду, которую они принесли. Это стало кульминацией собрания.

– Я тобой горжусь, Элса.

Элса не могла вспомнить, когда кто-нибудь ей такое говорил. Даже Роуз. Удивительно, как одна простая фраза может поднять настроение.

– Спасибо, Джин.

Дети убежали, смеясь. Они будто ожили от одной печенюшки, это удивило Элсу и почти обнадежило. Потом она накормит их еще и сэндвичами.

Когда они остались одни, Джин сказала:

– У меня беда, Элса.

– Что стряслось?

Джин положила руку на плоский живот и печально посмотрела на Элсу.

– Ребенок? – прошептала Элса и опустилась на ящик рядом с Джин.

И ему предстоит родиться *здесь*?

О господи.

– Как я его прокормлю? Не думаю, что у меня будет молоко.

Раньше Элса непременно ответила бы: «Бог поможет» – и поверила бы этим словам, но ее веру постиг тот же кризис, что и всю

страну. Теперь женщины могли рассчитывать только друг на друга.

– Я тебя не оставлю. Может, вот так Господь и помогает. Он поставил меня на твоем пути, а тебя на моем.

Джин взяла Элсу за руку. Элса до сих пор не знала, как друг способен изменить жизнь. Как один человек может придать тебе сил, не дать упасть.

Глава двадцать вторая

Дорогие наши Тони и Роуз!

Июнь в Калифорнии прекрасен. В хлопковых полях вспыхнули красные цветы. Представьте, эти поля тянутся на тысячи акров, а вдали виднеются горы.

Наши друзья обещают, что когда придет время собирать хлопок, работы хватит всем.

Должна признаться, мне трудно представить, что я работаю в поле на хозяина. Конечно, при этом я вспомню о вас и о многих счастливых часах, когда мы вместе работали на винограднике, в саду и огороде.

Мы по вам скучаем, часто вас вспоминаем, надеемся, что все у вас хорошо.

С любовью,

Элса, Энт и Лореда

В июне оказалось, что если Элса проснется в четыре утра и встанет в очередь вместе с Джебом и его мальчиками, то, скорее всего, удастся найти работу: пропалывать сорняки и прореживать хлопок на полях. Почти каждый день она трудилась по двенадцать часов за пятьдесят центов. Платили мизер, но Элса экономила, и они кое-как сводили концы с концами. Когда у Лореды совсем износились башмаки, Элса не стала покупать новые, а лишь вырезала из толстого картона стельки и вложила в ботинки.

Сегодня после долгого утомительного дня она шла домой вместе с другими обитателями лагеря, которые трудились на «Фермах Уэлти», – этой компании принадлежали почти двадцать тысяч акров хлопка в Калифорнии. Ближайшее поле находилось в трех милях к северу от лагеря, за городком Уэлти.

Рядом шагал Джеб со своими сыновьями.

– Толкуют, будто «Уэлти» планируют срезать оплату, – сказал он.

– Как можно платить еще меньше? – спросила Элса.

Другой мужчина ответил:

– Столько отчаявшихся людей хлынуло в этот штат. Я слышал, приезжает больше тысячи в день.

– И они согласны на любую оплату, лишь бы как-то прокормиться, – заметил Джеб.

– Проклятые хозяева фермы так и норовят платить все меньше и меньше, – сказал незнакомый мужчина. Он протянул Элсе руку с тонкими пальцами и представился: – Я Айк. Из лагеря Уэлти.

Она пожала его руку и тоже назвалась.

Пятьдесят центов. Вот сколько она заработала сегодня, и надолго этого не хватит, а когда перепадет работа в следующий раз, неведомо, как и неведомо, сколько заплатят. Что, если завтра предложат сорок центов? Что ей останется, кроме как согласиться?

– Когда начнем собирать хлопок, дела пойдут на лад, – сказал Джеб.

Мужчина по имени Айк хмыкнул:

– Не знаю, Джеб. У меня дурное предчувствие. Хлопок дешевеет, и проклятый Закон о регулировании сельского хозяйства еще больше зажимает сельхозпроизводителей. Правительство хочет, чтобы сажали меньше хлопка, тогда цены вырастут. Вы понимаете, что это значит. Если давят на сельхозпроизводителей, то первыми страдаем мы.

– А как же летние месяцы? – спросила Элса. – Вот проредим мы хлопок, но до сбора еще долго ждать. Какая работа будет тогда?

– Очень многие вскоре двинутся на север собирать фрукты. Осенью вернемся за хлопком.

– А расходы на бензин окупятся?

Джеб пожал плечами:

– Это работа, Элса. Мы соглашаемся на любую – где можем и когда можем.

Женщины в лагере уже хлопотали у своих убогих жилищ, готовя ужин. В воздухе плыли звуки скрипки, и Элса невольно улыбнулась.

Лореда и Энт сидели перед палаткой. На плите побулькивала фасоль в кастрюльке.

– Мама, – сказала Лореда, – мне нужно с тобой поговорить.

Ничего хорошего такое вступление не сулило. В последнее время гнев Лореды нарастал подобно лавине. Она не жаловалась, не закатывала глаза, не убегала от матери, но почему-то от этого Элсе

было только больше не по себе. Она понимала, что дочь по горло сыта этой ужасной жизнью и рано или поздно взорвется.

– Конечно.

– Ты посиди здесь, Энт. – Лореда встала.

Элса вслед за Лоредой пошла к канаве, которую все совершенно незаслуженно именовали ручьем.

Под цветущим деревцем Лореда остановилась и повернулась к Элсе:

– Занятия в школе два дня назад закончились.

– Я знаю, Лореда.

– А ты знаешь, что я единственная тринадцатилетняя провожу весь день в лагере?

Элса догадывалась, куда Лореда клонит. Она ждала этого разговора. Боялась его.

– Семилетки работают в полях, мама.

– Это так, Лореда, но…

Лореда подступила к ней.

– Я не глухая, мама. И слышу, о чем люди говорят. Зима в Калифорнии тяжелая. Работы нет. Пособия мы до апреля не получим. Заработать можно только в поле. И этих денег нам должно хватить на четыре месяца.

– Я знаю.

– Завтра я пойду работать с тобой.

Элса хотела сказать – закричать: НЕТ!

Но Лореда права. Им нужно скопить денег на зиму.

– Хорошо, но только на это лето. Потом ты вернешься в школу. А пока Джин присмотрит за Энтом.

– Ты же понимаешь, что он тоже захочет работать, мама. Энт сильный.

Элса уже шла назад, делая вид, будто не слышала этих слов.

К июлю работа в полях закончилась, и до сбора хлопка ничего не предвиделось. Но все новые и новые мигранты приходили и приезжали каждый день в долину Сан-Хоакин. Все больше работников, все меньше работы. Местные жители изливали свое негодование в газетах – мол, их налоги идут на помощь чужакам, а школы и больницы, говорили они, не справляются с потоком

понаехавших. Местные боялись, что скоро настанет их черед обанкротиться, что они не смогут вести привычный образ жизни, считали, что мигранты разносят болезни, и во всех преступлениях винили тоже их.

Элса созвала собрание Клуба путешественников и спросила детей, хотят они остаться в лагере у канавы или поехать за семьей Дьюи – и многими обитателями лагеря – на север в Центральную долину, поискать работу на сборе фруктов. Еще один сложный выбор, и каждому было понятно, как хрупко их существование. Потратить деньги или сэкономить?

В конце концов они последовали примеру большинства обитателей лагеря: упаковали вещи в коробки, сняли палатку и погрузили все в грузовик. И двинулись на север вслед за Дьюи, в округе Йоло разбили палатку еще в одном мигрантском лагере. Здесь предстояло собирать персики. Элса очень неохотно согласилась брать Энта с собой в поле, но выбора не было. Она мать-одиночка, а сын слишком маленький, и нельзя оставлять его одного на весь день. Заработка от сбора персиков хватило, чтобы прокормиться и прикрыть наготу. Но отложить ничего не удалось.

Когда персики сошли на нет, все снова снялись с места. До конца лета они вместе с ордой мигрантов передвигались от поля к полю, научились собирать самые разные фрукты и овощи, оставаясь незамеченными для добрых людей, владевших полями, – те хотели, чтобы их урожай собрали, но видеть людей, которые собирают урожай, вовсе не хотели, рассчитывая, что по завершении сезона сборщики просто исчезнут.

Они не ездили в город, не ходили в кино, даже в библиотеки. Они останавливались вместе со всеми в лагерях, держась друг дружки. Джин научила Элсу жарить во фритюре шарики из кукурузной муки, а Элса показала Джин, какие вкусные лепешки получаются из поленты, как они хороши с супом или жарким. Но в основном они питались консервированным томатным супом с макаронами и нарезанными сосисками.

И все это долгое, жаркое лето они ждали двух слов.

Хлопок созрел.

Новость эта стремительно прокатилась по Центральной долине в сентябре. Посреди ночи Элса и дети упаковали вещи и двинулись обратно в долину Сан-Хоакин к ставшему родным лагерю у канавы.

Они целый день ехали по жаре, но вот наконец свернули в наезженную сухую колею на заросшем сорняками поле. Дряхлая машина Джеба поднимала пыль впереди.

– Вот это да… – сказал Энт, с удивлением глядя сквозь грязное, все в пятнах от разбившихся жуков, стекло. – Вы только посмотрите.

За то время, что они отсутствовали, население лагеря у канавы существенно выросло, и сейчас в поле стояло не меньше двухсот палаток новых мигрантов – американцев, прибывших в поисках несуществующей работы. По лагерю будто торнадо пронесся: сломанные автомобили, мусор.

Джеб взял правее, прочь от скопища палаток и картонных лачуг. Он нашел неплохое, почти ровное место, где можно было поставить рядом две палатки, но так, чтобы две семьи все же жили не на головах друг у друга.

Элса припарковалась чуть поодаль.

– До ручья далеко, – оценила Лореда, покачала головой и пробормотала: – Поверить не могу, что я назвала эту канаву ручьем.

Элса притворилась, что не слышала.

– Пойдемте, путешественники. Пора разбивать лагерь.

Они принялись за работу. Установили палатку, вытащили печку, взбили комковатый, грязный походный матрас. Засунули ведра в медную ванну и поставили ее перед палаткой, рядом со стиральной доской и веником.

– Отлично, – сказала Лореда, вернувшись с двумя ведрами воды. – Мы снова тут. Дом, милый дом.

Элса скомкала газету (в глаза ей бросился заголовок «Пособия доведут страну до финансовой катастрофы») и развела огонь в печи.

Лореда подошла к ней, спросила:

– Ты ведь знаешь, что занятия в школе уже начались, да?

– Да.

– И знаешь, что я в школу не вернусь, да?

Элса вздохнула. Всю жизнь она только и хотела, что быть хорошей матерью. И какая же она мать, если Лореда не получит образования? И все же. Они провели в Калифорнии почти пять

месяцев, вкалывали без продыху, а денег в итоге меньше двадцати долларов. Много ушло на бензин и продукты, а платили мало, как тут выбраться из нищеты? И зима приближается. Выживут они или нет, зависело от того, сколько денег они заработают на сборе хлопка, а Лореда могла работать наравне со взрослыми. Удвоить заработок.

– Да, – сказала Элса. – Я знаю, что тебе придется собирать хлопок, но Энт будет ходить в школу. И точка. – Она посмотрела на дочь и добавила: – И ты вернешься в школу, как только сбор хлопка закончится.

На следующее утро Лореда проснулась затемно и лежала, прислушиваясь. В четыре часа она услышала то, чего ждала, – голос Джеба у палатки: «Пора».

Лореда и Элса спали одетыми, поэтому они просто взяли приготовленные заранее полотняные мешки длиной в двенадцать футов (заплатили за каждый по пятьдесят центов) и выбрались из палатки.

Их ждали Джеб с сыновьями, Элроем и Бастером.

Впятером они вышли на дорогу и двинулись к первому полю Уэлти.

В очереди уже стояло человек сорок, некоторые, похоже, с ночи, чтобы точно получить работу. Мужчины, женщины, дети, даже шестилетки. Мексиканцы, цветные, оки – их больше всего. В воздухе парили белые пушинки хлопка, садились на лицо Лореды, застревали в волосах.

Грузовики ждали, когда их заполнят хлопком. Кузовы обтягивала проволочная сетка.

На восходе прозвучал гонг. Толпа заволновалась. Люди знали, что работа достанется не всем. В очереди уже скопилось несколько сотен человек.

Ворота хлопкового поля открылись, вышел высокий краснолицый мужчина в ковбойской шляпе. Он прошел через толпу, внимательно выбирая рабочих.

– Ты, – сказал он Джебу.

Джеб метнулся к воротам.

– Ты, – сказал он Элсе, а потом Лореде: – И ты…

Лореда бросилась в поле, к указанному ряду. Кожаный ремень длинного полотняного мешка, перекинутый через плечо, больно впивался в тело.

Снова ударил гонг. Лореда потянулась к ближайшему кусту хлопка, вскрикнула от боли и отдернула руку. На пальце выступила кровь. Только тогда Лореда заметила, что хлопчатник покрыт острыми шипами. Сморщившись, она попробовала еще раз, теперь осторожнее, и все равно опять укололась. Она сцепила зубы и продолжила собирать хлопок.

Солнце палило вовсю, Лореда уже ничего не чувствовала, кроме жары, пыли и запаха пота. Горло так пересохло, что даже пить было больно. Она выпила всю воду из фляжки – вода до того нагрелась, что почти обжигала. С каждой минутой мешок становился все тяжелее, руки ломило.

Около полудня Лореда со своим тяжелым мешком встала в очередь к гигантским весам. Она отстегнула ремень, сбросила с плеча груз и тут же поняла, почему другие сборщики не спешат снять мешок, – теперь ей пришлось тащить его к весам израненными руками.

Наконец подошла ее очередь. Весовщик просунул цепь под мешок Лореды и взвесил его.

– Шестьдесят фунтов.

Контролер поставил печать на квитке и протянул Лореде:

– В городе обналичишь. И собирай пошустрее, если не хочешь потерять работу.

Лореда забрала пустой мешок и вернулась к хлопковым кустам.

Весь сентябрь они как каторжные трудились в хлопковых полях, один бесконечный жаркий день следовал за другим. Руки Элсы кровоточили, спину ломило, колени болели. Знойный час за знойным часом. От рассвета до заката они, сгорбившись, собирали коробочки хлопка, стараясь не пораниться об острые шипы. Туалетов в полях не было, так что женщинам в определенные дни приходилось непросто, а у Лореды как раз началась менструация.

И все же это *работа.* Постоянная работа.

К середине октября Элса и Лореда собирали уже почти по двести фунтов хлопка ежедневно. Значит, за день они вместе зарабатывали

четыре доллара. Им это казалось целым состоянием, хотя компания Уэлти и брала десять процентов за обналичивание чеков. Они долго добирались до двухсотфунтовой отметки, но все знали, что собирать хлопок – целая наука.

В ноябре, когда наступила благословенная прохлада и последний хлопок собрали, металлическая шкатулка Элсы была полна купюр. Она закупила продукты: мешки муки и риса, фасоли и сахара, концентрированное молоко, копченый бекон.

Льда в лагере не было, поэтому она научилась готовить из продуктов, хранившихся в мешках или банках. Никакой свежей пасты, вяленых помидоров, домашнего хлеба и оливкового масла с ореховым вкусом. Дети полюбили бекон и фасоль с кукурузным сиропом, и тосты с вяленой говядиной, и хот-доги, приготовленные на открытом огне, и жаренные в масле крекеры, посыпанные сахаром. Лореда называла это «американской едой».

Элса старалась как можно больше сберечь на зиму, но все ее планы рушились, когда после долгих месяцев лишений она видела радость детей за ужином: наконец-то они могли наесться до отвала.

Многие из обитателей лагеря, в том числе Джеб с мальчиками, переехали, надеясь поработать еще несколько дней на дальних полях, но Элса решила остаться вместе с Джин и ее дочерьми.

Пора Лореде возвращаться в школу.

В это воскресное утро Элса первым делом подмела земляной пол палатки. Она не понимала, как такое возможно, но мусор как будто рос ночью, в темноте, точно грибы. Она вымела все наружу и откинула полог, чтобы проветрить палатку.

Над лагерем лежал прохладный серый туман, прикрывая серое палаточное море. Элса достала из ящика, где они хранили все подобранные бумажки, старую газету и, пока варился кофе, прочитала местные новости.

На запах кофе из палатки выползла Лореда. Черные волосы спутались, густая челка занавешивала лицо.

– Ты меня не разбудила, – проворчала она.

– Сегодня никакой работы, – сказала Элса. – В понедельник пойдешь в школу.

Лореда налила себе кофе. Придвинула ведро к печке и села.

– Лучше уж хлопок собирать.

Элса пожалела, что не обладает таким же даром слова, как Раф, тот умел красочно расписать мечту. А Лореде сейчас так нужна искра, способная снова зажечь огонь, который горел в ее душе до того, как их бросил отец и жизнь стала еще тяжелее.

К сожалению, Элса не очень-то умела мечтать, но она знала, что такое школа и как тяжело, когда ты не такая, как все.

– У меня есть идея, – сказала она.

Лореда скептически посмотрела на мать.

– Мы сейчас позавтракаем, а потом кое-куда сходим.

– Моей радости нет предела.

Элса не сдержала улыбки, хотя угрюмое настроение дочери ее ранило.

Она быстро приготовила завтрак – овсянка с концентрированным молоком, приправила кашу сахаром, а когда дети поели, поторопила их одеваться.

В девять они шли по лагерю, по-прежнему окутанному полупрозрачным серым туманом.

– Куда мы идем, мам? – спросил Энт, держа Элсу за руку.

Ей так нравилось, что он все еще держит ее за руку на людях.

– В город.

– Ох, – сказала Лореда, – как же нам весело будет стоять в очереди за несколькими долларами, которые мы заработали на этой неделе.

Элса пихнула дочь локтем и сказала:

– Никому из членов Клуба путешественников не позволено грустить по субботам. Новое правило.

– А кто сказал, что ты президент Клуба? – спросила Лореда.

– Я, – хихикнул Энт. – Маму в президенты, маму в президенты!

Он скандировал лозунг, маршируя по мягкой сырой траве.

Элса прижала руку к сердцу:

– Какая честь. Я не ожидала ничего подобного. Женщина – президент.

Лореда наконец засмеялась, и всем стало веселее.

Выйдя на дорогу, они двинулись в сторону Уэлти.

Вот и приветственный знак в виде коробочки хлопка. Удивительно теплое для ноября солнце уже разогнало туман. Далекие

горы стояли, припорошенные снегом. Деревья вдоль Главной улицы радовали глаз осенними красками.

– Подождите здесь, – сказала Элса перед офисом «Ферм Уэлти».

Она встала в очередь, чтобы обналичить чек.

– Держите, – сказал мужчина.

Вместо двадцати долларов он выдал ей восемнадцать. Элса свернула купюры как можно туже, подсчитывая в уме сумму сбережений. Сейчас кажется, что денег много, но она знала, что к февралю от них мало что останется.

Но сегодня она об этом думать не будет. Элса вышла на улицу, где ее ждали дети.

В этот миг ее как будто бы озарило, и она по-настоящему разглядела своих детей. Лореда, тощая, в изношенном платье и башмаках не по размеру, с криво обрезанными волосами. Энт не менее тощий, и волосы у него грязные, несмотря на все старания Элсы. Слава богу, он все еще влезает в старые башмаки Бастера.

Элса заставила себя улыбнуться, взяла Энта за руку, и они пошли по Главной улице, где как раз открывались магазины. Из закусочной пахло кофе и свежими булочками, из магазина кормов тянуло знакомым запахом сена и мешков с зерном.

Неподалеку заведение, куда она собиралась сегодня утром.

Салон красоты Бетти-Эн.

Каждый раз, когда Элса бывала в городе, она видела этот манящий салон, откуда выходили хорошо одетые женщины со стильными прическами.

Элса направилась к салону. Он находился в старомодном одноэтажном домике с огороженным забором двором.

Лореда остановилась, замотала головой:

– Нет, мама. Ты же знаешь, как они к нам относятся.

Элса знала, что нельзя больше давать детям пустые обещания; она также знала, что всякий раз, когда тебя отправляют в нокдаун, нужно подниматься. Она покрепче сжала руку Энта и прошла в калитку. Лореда стояла как вкопанная. Элса не сбавила шаг. *Давай, Лореда, будь смелой.*

Подойдя к двери салона, Элса открыла.

Над головой прозвенел колокольчик.

Салон разместился в помещении, которое когда-то служило гостиной. Перед зеркалами стояли два розовых кресла, по полу змеились шнуры, подключенные к аппарату в углу. На розовых стенах висели фотографии кинозвезд в рамках.

В центре салона стояла женщина средних лет в белом костюме, с веником в руках. Выглядела она подчеркнуто модно: завитые платиновые волосы до подбородка, брови-ниточки. Ярко-красные губки бантиком, как у Клары Боу[33].

– Ох, – пробормотала она, увидев посетителей.

Вошедшая вслед за ними Лореда потянула мать за руку:

– Пойдем, мама.

Элса глубоко вдохнула и сказала:

– Это моя дочь Лореда. Ей тринадцать лет, и в понедельник она пойдет в школу, ведь сезон сбора хлопка уже закончился. Она боится, что ее будут дразнить, потому что… ну…

Лореда застонала.

– Я поговорю с мужем. – Хозяйка салона вышла из комнаты.

– Она, наверное, в полицию звонит, – прошипела Лореда. – Скажет, что мы бродяги. Или кто похуже.

Вскоре женщина вернулась и достала из кармана расческу.

– Я Бетти-Энн, – сказала она. Подошла к ним и остановилась перед Лоредой.

Близко, но не слишком.

Пожалуйста, подумала Элса, покрепче сжимая руку Энта, *будьте добры к моей девочке*.

Тут из другой комнаты в салон вошел крупный мужчина в коричневом костюме, он нес большую картонную коробку.

– Это мой муж Нед, – произнесла Бетти-Энн.

– Я все поняла, – сказала Элса. – Вы с Недом хотите, чтобы мы ушли. Вернулись к людям своего сорта.

Нед покачал головой:

– Нет, мэм. Мы приехали сюда в тридцатом году. Уже тогда заработать на жизнь было непросто, но не сравнить с тем, что сейчас.

Он протянул ей коробку со словами:

– Здесь пальто, свитера и все такое. Зимы бывают холодными. У нас в ванной есть душ. Горячая вода. Почему бы вам всем не

воспользоваться возможностью? Горячий душ и новая одежда – неплохое подспорье в тяжелые времена.

Бетти-Энн ласково улыбнулась Лореде:

– И я вижу девочку, которой нужна новая стрижка к школе. Бог знает, что в тринадцать лет жизнь и так непростая. – Взгляд у Бетти-Энн сделался оценивающий.

– А ты настоящая красотка. Дай-ка я над тобой поколдую.

Глава двадцать третья

Лореда сидела в мягком бархатном кресле и смотрела на свое отражение. Бетти-Энн обрезала ее черные волосы так, чтобы они доходили до подбородка, завила волнами и зачесала набок. Смуглое лицо девочки, начисто отмытое душистым мылом, только что не блестело. Новое фиолетовое платье подчеркивало фиалково-синий цвет глаз, а губы Бетти-Энн чуть подкрасила бледно-розовой помадой, выбив разрешение из Элсы.

– Неужели это я? – прошептала Лореда, касаясь кончиков своих шелковистых волос.

Бетти-Энн стояла у нее за спиной.

– Я таких красивых девочек никогда не встречала, – сказала она и повернулась к Элсе: – Твоя очередь.

Лореде так не хотелось вылезать из кресла. Оно казалось ей порталом в волшебный мир, где нищенки превращаются в принцесс.

У нее даже ноги дрожали. В зеркале она увидела не просто свое лицо. Она увидела девочку, которой была когда-то, очень давно. Мечтательницу, фантазерку. Девочку, которая многого добьется. Как она могла обо всем этом забыть?

Но собственное отражение не только всколыхнуло в ней надежду, но и запалило гнев. Она поблагодарила Бетти-Энн и выбралась из кресла. Мама погладила ее по спине, когда они менялись местами.

– Слушай, это твой натуральный цвет? – спросила Бетти-Энн, когда Элса села в кресло. – Красивый.

Лореда попятилась. Не глядя на Энта, который играл с машинкой на полу, она вышла на улицу.

Даже воздух здесь другой.

Она выпрямилась, вдруг осознав, что жизнь в полях заставила ее ссутулиться, съежиться. Долгие месяцы она пыталась стать незаметным винтиком в механизме.

С этим покончено.

Она уверенно шагала в непривычном платье с круглым воротничком. И какая разница, что коричневые туфли совсем стоптались, ведь носки у нее белые и кружевные.

Библиотеку она нашла на Пеппер-стрит, в стороне от Главной улицы, на зеленой лужайке. На белом столбе перед входом развевался американский флаг.

Библиотека.

Волшебство.

Лореда открыла дверь и вошла, вскинув голову. Именно такой ее и растили – девочкой, которая верила в образование и мечтала стать журналисткой. Или писательницей. Мечтающей получить интересную профессию.

Первое, что она ощутила, – запах книг. Она глубоко вдохнула и как будто на миг снова оказалась в Тополином. *В спальне горит свет, она читает…*

Дом.

– Вам помочь?

– Да. Помогите мне подобрать книгу.

Библиотекарь, плотная женщина с седыми кудряшками, в очках с черной оправой, вышла из-за стола.

– А читательский билет у вас есть?

– Нет, – призналась Лореда. В Техасе у нее, конечно, был читательский билет. – Мы… недавно переехали в этот штат.

– Ну что ж, – добро улыбнулась библиотекарь. – Вам сколько лет, тринадцать?

– Да, мэм.

– В школе учитесь?

– Да, мэм.

Библиотекарь кивнула:

– Пойдемте со мной.

Она провела Лореду мимо стеллажей с книгами к большому деревянному столу, на котором лежали газеты:

– Садитесь здесь. Сейчас я вам что-нибудь подберу.

Лореда села у дубового стола, на котором стояла лампа. Девочка принялась включать и выключать лампу. Какое же это чудо – электричество.

Библиотекарь вернулась с книгой.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Лореда Мартинелли.

– Я миссис Квисдорф. Потом заберете свой читательский, а пока под честное слово даю вам эту книгу.

Она протянула Лореде потрепанный томик. «Тайна старых часов»[34].

Лореда легонько провела пальцами по обложке, медленно поднесла книгу к лицу и ощутила знакомый запах, напомнивший о доме, о том, как она читала вечером со Стеллой после школы, о том, как папа рассказывал ей сказки на ночь. Лореда почувствовала, что оживает, точно цветок, поникший во время засухи, но встрепенувшийся после первой капли весеннего дождя.

– А найдется у вас книга для моего брата? Ему восемь. И, может, для мамы тоже? Я их верну, обещаю.

Миссис Квисдорф оценивающе посмотрела на Лореду, улыбнулась.

– Мисс Мартинелли, – сказала она, – думаю, мы с вами подружимся.

Вечером, когда дети заснули, Элса подмела в палатке – опять – и по-новому расставила коллекцию подобранных коробок из-под фруктов, которые служили им кладовой. Сахар, мука, бекон, фасоль, молоко, рис, сливочное масло. Да они богачи. Но кризис только усиливался, цены на продукты росли. Пять галлонов керосина стоили доллар. Два фунта сливочного масла – пятьдесят центов. Шесть фунтов риса – почти доллар. Ужас, до чего быстро улетали деньги.

А сегодня она потратила семьдесят пять центов в парикмахерской. Элса надеялась, что зимой ей не придется об этом пожалеть.

Она взяла коробку с одеждой, которую ей сегодня подарили, вышла из палатки и направилась к Джин; та сидела на стуле у печки и штопала носки при свете пламени. Джеб и мальчики уехали на грузовике, надеялись подработать на сборе винограда. Но никто особо не рассчитывал, что им повезет поздней осенью.

– Привет, Джин. – Элса ступила в пятно света, что давал огонь в печке.

Они с детьми выбрали из коробки то, что им подошло, остальным она решили поделиться с Дьюи.

– Элса, ты такая красивая!

Элса вспыхнула и поставила коробку с одеждой на землю.

– Бетти-Энн сделала все, что могла, – сказала она.

Джин тронула ногой ближайшее к ней ведро:

– Садись.

Элса устроилась на ведре, больно врезавшемся в костлявую задницу. Господи, а в салоне-то какие дивные кресла.

– О чем ты говоришь?

Элса перебирала одежду, пока не нашла то, что искала. Пальцы нащупали мягкую-премягкую шерсть.

– А о чем я говорю? Тебе что, раньше никогда не говорили, что ты красивая?

Элса перестала перебирать одежду и подняла голову:

– Хорошо, когда друзья врут.

– Я не вру.

– Я… наверное, не умею принимать комплименты. – Элса откинула назад шелковистые волосы, которые теперь были на уровне подбородка.

Достала мягкое детское одеяльце цвета лаванды и протянула его Джин:

– Смотри какое.

Джин взяла одеялко.

– Вчера он совсем разбушевался. – Она положила руку на округлившийся живот.

Элса знала, что Джин каждый день молится, чтобы ребенок в ее животе толкался, и каждый его толчок отдавался в ней радостью и страхом.

– Вчера мне приснился сон, – сказала Элса. – Я устроилась на работу в закусочную и подавала яблочный пирог женщинам в шляпках под цвет платьев.

Джин кивнула и заметила:

– Всем нам такие сны снятся.

Зима тяжело ударила по долине Сан-Хоакин: ненастье, работы нет. Это сочетание пугало. День за днем с неба цвета стальной стружки падал дождь, крупные капли стучали по автомобилям, и жестяным лачугам, и палаткам, сгрудившимся на пустыре у канавы. Грязные лужи расползались, превращались в траншеи. Серо-коричневая пелена из брызг скрывала все остальные цвета.

Элса горевала по каждому исчезающему доллару, ежедневно считала и пересчитывала деньги. Экономила изо всех сил, но сбережения неумолимо таяли.

Вот и теперь ничего не оставалось, как купить себе и детям галоши, и эта непредвиденная трата совсем подкосила ее. Ни в Армии спасения, ни в коробке с одеждой, которую им выдали в пресвитерианской церкви, не нашлось ничего их размера.

К концу декабря у Элсы осталось так мало денег, что она жила в постоянном страхе. Заработанного на сборе хлопка не хватит, чтобы продержаться всю зиму – теперь она это понимала. Без помощи ей не прокормить детей, вот простая и жестокая правда. До апреля пособия ей не дождаться, но она может получить хотя бы какие-то продукты от федеральных властей. Все лучше, чем стоять в очереди за супом с миской в руках, но и такое будущее возможно, если она не будет осмотрительна. Честно говоря, она прямо сейчас встала бы в эту очередь, если бы не знала, что благотворительные столовые работают на пределе. Элса не хотела отнимать бесплатную еду у людей, у которых не осталось другого выбора, ведь у нее-то еще есть деньги.

– Стыдиться здесь нечего, – сказала Джин, когда Элса поделилась с ней своими мыслями.

Они стояли в палатке Элсы и пили кофе. Было около одиннадцати, и в лагере наступило относительное затишье. Лореда и Энт давно ушли в школу. Дождь стучал по полотну палаток, дребезжали колышки.

– Правда? – спросила Элса, взглянув на подругу.

Они обе знали, что это не так. Стыдиться было чего. Негоже принимать подачки от правительства. Куда достойнее – работать.

– Ни у кого из нас нет выбора, – сказала Джин. – Много не дадут – фасоль да рис, но каждая кроха имеет значение.

И это правда.

Элса кивнула:

– Что ж, никто мне не поможет, если я буду здесь стоять и мечтать о прекрасной жизни.

– Точно замечено, – отозвалась Джин.

Женщины улыбнулись друг другу.

Джин вышла из палатки, закрыла за собой полог. Элса застегнула пальто с капюшоном, надела слишком большие галоши и побрела

в Уэлти. В непогоду дорога в город растягивалась надолго.

Почти через час промокшая, забрызганная грязью Элса встала в длинную очередь в кабинет, где выдавали продуктовую помощь федеральных властей. Простояла она в очереди больше двух часов. Элса вся дрожала, когда наконец вошла в маленький кабинет.

– Эл-си-нор Мартинелли, – сказала она молодому человеку, сидевшему за столом. Он порылся в оловянной картотеке, выудил красную карточку.

– Мартинелли. Так, зарегистрировалась в штате 26 апреля 1935 года. Двое детей. Одна женщина. Мужа нет.

Элса кивнула:

– Мы здесь уже почти восемь месяцев.

– Два фунта фасоли, четыре банки молока, булка хлеба. – Он проштамповал ее карточку и добавил: – Приходите через две недели.

– И что, этого должно нам хватить на две недели?

Молодой человек поднял голову:

– Видите, сколько людей нуждаются в помощи? Мы не справляемся. Просто не хватает денег. Армия спасения держит благотворительную столовую на Седьмой улице.

Элса неловко подхватила коробку с продуктами. Устало вздохнув, она вышла под дождь.

– Возвысьте голоса вместе с нами! Рабочие долины, соединяйтесь!

Элса подняла голову, посмотрела на мужчину, который выкрикивал это на перекрестке; по длинному пыльнику с капюшоном хлестал дождь.

Мужчина вскинул кулак:

– Соединяйтесь! Не позволяйте запугать себя! Приходите на собрание Союза рабочих.

Элса видела, как люди шарахаются от него. Никто не желал засветиться в компании коммуниста.

Подъехала полицейская машина с мигалками. Двое полицейских схватили мужчину и принялись избивать его.

– Видите? – закричал тот. – Это Америка! Копы схватили меня за мои идеи.

Полицейские запихнули его в машину и уехали.

Элса поудобнее перехватила коробку и двинулась в долгий путь к лагерю. До поля она дошла только к четырем.

В лагере теперь насчитывалась почти тысяча обитателей, в четыре с лишним раза больше, чем когда Элса с детьми приехали в Калифорнию.

Элса брела к своей палатке по щиколотку в грязи.

Несколько человек рылись в мусоре в поисках хоть чего-то полезного.

У палатки Дьюи она остановилась, спросила:

– Дома кто-нибудь есть?

Малышка Люси откинула полог. Элса увидела, что в палатке собралось все семейство. Джебу и мальчикам, как и всем прочим, не удалось найти работу.

Джин устало улыбнулась, руку она держала на выпирающем животе. Пуговицы на платье разъезжались, одной не хватало.

– Привет, Элса. Как все прошло?

Элса достала из коробки две банки молока и отломила часть булки. Немного, но хоть что-то. Две семьи делились всем, что им перепадало.

– Держи.

– Спасибо, – ответила Джин.

Элса нырнула в свою палатку. Земляной пол превратился в грязную жижу. Неудивительно, что люди болеют. Энт сидел на матрасе и делал домашнее задание.

Лореда, сидя на ящике из-под яблок, пришивала черную пуговицу к фиолетовому платью, которое ей подарили в салоне красоты. Она подняла голову и спросила:

– Как все прошло?

– Хорошо, – ответила Элса.

Руки у нее так замерзли, что она едва держала коробку.

Лореда встала и накинула на плечи матери одеяло. Элса осторожно села на краешек матраса.

– Ты бы видела, сколько людей в этой очереди, Лореда. А очередь за супом в два раза длиннее.

– Тяжелые времена, – отозвалась Лореда безжизненным голосом. Они часто повторяли эту фразу.

– Что бы Тони и Роуз сказали, если бы узнали, что мы живем на пособие?

– Они бы сказали, что Энту нужно молоко, – ответила Лореда.

Теперь Элса понимала, что Тони чувствовал, когда его земля погибла. Глубокий, всеохватный стыд от того, что приходится принимать подачки. Нищета разрушала душу. Словно пещера сжималась вокруг тебя, и в конце каждого дня, полного отчаяния, такого же, как предыдущие дни, лучик света становился все тоньше.

Рождественское утро выдалось прозрачным и ясным, это был первый день без дождя за неделю. Элса проснулась в благословенной тишине. Вставать она не спешила. Как и они все. Нет нужды вскакивать до света. Работы все равно не найти, а в школе каникулы.

Она поднялась с трудом, точно старуха. Она и чувствовала себя старухой. Холод, голод и страх сделали свое дело. Ей хотелось одного сейчас – забраться снова в постель, к детям, свернуться калачиком и заснуть. Единственное средство убежать от реальности. Но она знала, насколько это опасно. Без силы воли, упорства и стойкости им не выжить. Сдаться просто. И наперекор всем своим страхам она должна каждый день учить детей выживать.

Она взяла кувшин и пошла готовить кофе.

Лагерь просыпался. Люди выползали из палаток и, как кроты, щурились на неожиданное солнце. Смеялись и переговаривались.

Вдруг заиграла скрипка. К ней присоединилось банджо. Кто-то запел.

Элса набросила на плечи одеяло и побрела на музыку. У канавы, разбухшей от затяжных дождей, собрался народ. Тут были и Джин с Мидж. Мужчины, сидя на камнях и упавших деревьях, играли на инструментах, которые они привезли из прошлой жизни. Женщины держали в руках ведра.

Джин и Мидж запели:

– *Соединится ли снова круг…*[35]

К ним присоединились другие:

– *Соединит ли его Господь…*

Элса почувствовала, как в ней все всколыхнулось. В этой мелодии слышалось все лучшее из ее прошлого: церковные службы с Роуз и

семьей, скрипка Тони, благотворительные ужины, даже тот единственный раз, когда Раф танцевал с ней на Днях пионеров.

Она вернулась в палатку, разбудила детей и вывела их наружу. Они присоединились к Джин и Мидж.

Вскоре подошли Джеб с детьми. Вокруг них образовалась толпа.

Элса держала сына и дочь за руки. Они стояли на грязном берегу, и смотрели в безоблачное небо, и пели гимны и христианские песни, и в конце концов им стало все равно, что их не пускают в местные церкви, что одежда у них рваная и грязная, а Рождество пройдет впроголодь. Они черпали силу друг в друге. Элса и Джин вместе выводили «*соединится снова*».

Когда музыка смолкла, люди впервые за долгие недели заулыбались друг другу, принялись желать счастливого Рождества.

До самой палатки Элса так и не выпустила рук детей.

Лореда подбросила дров в огонь, налила две чашки кофе и протянула одну Элсе.

Энт вытащил на улицу табуретку и два ящика из-под фруктов. Они сели перед палаткой, поближе к печке. Втроем они соорудили елку из жестяных банок и веток, украсили ее всем, что попалось под руку: кухонной мелочевкой, обрывками лент для волос, клочками ткани.

Элса вытащила из кармана грязный смятый конверт и достала письмо, которое пришло на прошлой неделе.

– Письмо от бабушки с дедушкой! – воскликнул Энт.

Элса развернула письмо и прочитала:

Дорогие наши дочь и внуки!

На этой неделе нас настигла еще одна пыльная буря, а после этого ударили холода.

Должны вам сказать, эта зима выдалась утомительно холодной. Мы вам завидуем, вам-то в Калифорнии тепло. Мистер Павлов говорит, что вы уже наверняка видели пальмы. И, наверное, океан. Какие же вы счастливцы!

Дедушка считает, что программа сбережения почв многообещающая. Непрекращающаяся засуха

сказалась почти на всех культурах, но в этом месяце покапал дождик, и кое-что проросло.

В колодце, слава Богородице, все еще есть вода. Хватает цыплятам и на хозяйство, так что мы живем помаленьку и снова надеемся на урожай. Десять центов за акр, которые мы получили от правительства, помогли нам продержаться.

В последнем письме вы говорили о сборе хлопка. Должна сказать, трудно представить тебя в полях, Элса, какие же вы сильные, раз смогли найти работу в эти тяжелые времена.

Тяжелые времена пройдут. А любовь – нет. Шлем подарочки нашим любимым внукам, чтобы они нас не забывали.

С любовью,

Роуз и Энтони

Элса достала из конверта два цента и протянула каждому по монетке.

– Конфет купим! – закричал Энт в восторге.

– И у меня в чемодане подарки есть, – сказала Элса, согревая руки о чашку с кофе. – Знаю я одного любопытного молодого человека.

Энт кинулся в палатку и вернулся с двумя пакетами – один завернут в газету, другой в ткань.

Энт разорвал свой пакет. Элса сшила ему красивую жилетку из обивки кресла брошенного автомобиля и добавила к ней шоколадку «Хершиз».

У Энта округлились глаза. Он знал, что шоколадка стоит пять центов. Целое состояние.

– Шоколад!

Он медленно развернул обертку – открылся коричневый уголок, от которого Энт откусил крошечный кусочек. И принялся смаковать.

Лореда взяла свой подарок. Элса починила туфли дочери: сделала новые подошвы из автомобильной покрышки. Куда надежнее картонных и продержатся дольше. Под туфлями лежал новенький читательский билет и книга «Нэнси Дрю и потайная лестница»[36].

Лореда подняла голову, спросила:

– Ты ходила в библиотеку? Под дождем?

– Книгу тебе подобрала миссис Квисдорф. Но настоящий подарок – этот читательский билет. С ним ты можешь попасть куда захочешь.

Лореда благоговейно провела пальцами по билету. Элса знала, что читательский билет – а они всю жизнь считали его чем-то само собой разумеющимся – означает, что у них все еще есть будущее. Целый мир за всеми этими страданиями.

Энт возбужденно подпрыгивал на табуретке.

– А можно мы теперь маме подарок вручим?

Лореда подошла к грузовику и достала пакетик, завернутый в газету.

– Открывай! – закричал Энт, вскочив.

Элса осторожно развернула подарок, стараясь не порвать газету, не потерять ни полосочки тесемки, которой он был перевязан. Сейчас все могло пригодиться.

Внутри лежал тоненький кожаный блокнот с нелинованными листами. Первые страницы были вырваны, обложку повредила вода. На землю упало несколько карандашей, сточенных до огрызков.

Лореда смотрела на мать:

– Я знаю, тебе хочется высказаться, но мы дети, поэтому ты молчишь. Я подумала, что если ты запишешь свои мысли, тебе станет легче.

– И я так подумал, – добавил Энт. – Я принес карандаши из школы!

Блокнот напомнил Элсе о девушке с больным сердцем, которая взахлеб читала и мечтала поступить в колледж и изучать литературу. Когда-то она была этой девушкой. Мечтала стать писательницей.

У тебя что, талант прорезался?

Как же больно Элсе было вспомнить слова отца именно сейчас, когда ее переполняла любовь к детям, когда она думала, что, несмотря на все невзгоды и неудачи, смогла вырастить хороших детей. Добрых, любящих, неравнодушных.

– Я что-нибудь напишу, – сказала Элса.

– А нам дашь почитать, мамочка? – спросил Энт.

– Может быть, когда-нибудь.

1936

Одно оставалось, чистое и совершенное, как капля дождя, – отчаянная потребность держаться вместе… Они будут подниматься, и падать, и, падая, подниматься снова.

Санора Бабб. «Их имена остались неизвестны»[37]

Глава двадцать четвертая

В последний день января в долину пришел холодный фронт и задержался на неделю. Земля затвердела, по утрам подолгу лежал туман. Работы по-прежнему не было.

Сбережения таяли, но Элса сознавала, что им еще повезло: они заработали на сборе хлопка, и их всего трое. Дьюи приходилось кормить шесть ртов, а скоро их будет семь. Мигранты, только что прибывшие в штат, многие ни с чем, пытались выжить на федеральные пособия – жалкие продуктовые пайки, которые раздавали раз в две недели. Основным их пропитанием были оладьи на воде да лепешки. Лица большинства отмечала печать недоедания.

Они уже поужинали – миска водянистой фасоли да кусок хлеба, испеченного в сковородке. Элса сидела на перевернутом ведре у дровяной печки, на коленях у нее стояла открытая металлическая коробка. Энт сидел рядом со своей драгоценной рождественской шоколадкой «Хершиз» – каждый день он откусывал по малюсенькому кусочку. Лореда в палатке перечитывала «Нэнси Дрю и потайную лестницу». Элса считала деньги, снова.

– Элса! Начинается!

Услышав голос Джин, Элса вскочила с такой поспешностью, что чуть не перевернула коробку с деньгами.

Ребенок.

Энт посмотрел на мать:

– Что случилось?

Элса бросилась в палатку и спрятала коробку с деньгами.

– Лореда, пойдем со мной.

– Куда?..

– Джин рожает!

Элса побежала к палатке Дьюи. Малышка Люси стояла снаружи и захлебывалась в плаче.

– Лореда, отведи девочек к нам. Скажи им, чтобы сидели с Энтом, пока ты их не заберешь. Потом приходи помочь мне.

Элса вошла в темную, сырую палатку Дьюи.

Горел один фонарь, едва разгоняя тени. Она видела лишь темные очертания коробок с запасами продуктов, самодельной ванны.

Джин лежала на боку на матрасе, она не двигалась и словно даже не дышала.

Элса встала на колени рядом.

– Привет. – Она потрогала влажный лоб Джин. – А где Джеб?

– В Нипомо. Надеется устроиться на сбор горошка, – задыхаясь, ответила Джин. – Что-то не так.

Что-то не так. Элса знала, что стоит за этими словами, каждая женщина, которой приходилось терять ребенка, знает это. В такие минуты материнский инстинкт заявляет о себе во весь голос.

В палатку пробралась Лореда.

– Помоги мне ее поднять, – сказала Элса дочери.

Вместе они подняли Джин. Та тяжело оперлась на Элсу.

– Я отвезу тебя в больницу.

– Какой… толк.

– Что значит – какой толк? Тут у нас не простуженный ребенок, Джин. Это экстренный случай.

– Они… не станут…

Лицо Джин исказилось – снова начались схватки.

Элса и Лореда уложили Джин на пассажирское сиденье грузовика.

– Присмотри за детьми, Лореда.

Элса завела мотор, включила фары, и машина затряслась по замерзшей грязи.

– Я не могу… – выдавила Джин, вцепившись в ручку. – Возвращайся…

Опять схватки.

Элса свернула на парковку больницы; сколько же денег ушло на это электрическое освещение?..

Она нажала на тормоз.

– Подожди здесь. Тебе помогут.

Элса ворвалась в больницу, бегом промчалась по коридору и остановилась у стойки регистратуры.

– Моя подруга рожает.

Женщина подняла голову, нахмурилась, наморщила нос.

– Да, да. Я воняю, – сказала Элса. – Я грязная мигрантка. Я понимаю. Но моя подруга…

– Эта больница для *калифорнийцев*. Знаете, для тех, кто платит налоги. Для граждан, а не бродяг, которые хотят все получить задаром.

– Пожалуйста, будьте человеком…

– Это вы-то говорите мне быть человеком? Да вы посмотрите на себя. Из вас дети выскакивают, как пробка из бутылки шампанского. Найдите повитуху из своих.

Женщина встала. Какая же она раскормленная, какие пухлые у нее руки. Достала из ящика пару резиновых перчаток.

– Извините, но правила есть правила. Могу дать вам это, – она протянула перчатки.

– Прошу вас. Я готова убирать, мыть полы. Выносить судно за больными. Что угодно. Только помогите.

– Если все так плохо, как вы пытаетесь представить, то зачем вы впустую тратите время?

Элса схватила перчатки и побежала к грузовику.

– Они нам не помогут, – процедила она. – Видимо, добрым, богобоязненным жителям Калифорнии все равно, выживет ли ребенок.

Грузовик летел обратно в лагерь на максимальной скорости, Элса с трудом дышала от ярости, рвавшейся наружу.

– Быстрее, Элса.

Элса помогла Джин войти в сырую палатку.

– Лореда! – закричала она.

Дочь влетела в палатку, столкнулась с Элсой.

– Почему вы вернулись?

– Нас не приняли.

– Как…

– Нужна вода. Вскипяти побольше.

Лореда не двинулась с места, и Элса не выдержала:

– *Быстрее!*

Лореда исчезла.

Элса зажгла керосиновую лампу и помогла Джин лечь на матрас.

Джин корчилась от боли, она сжимала зубы, чтобы не закричать.

Элса опустилась на колени рядом с ней, погладила подругу по волосам.

– Кричи, не стесняйся.

– Уже скоро, – проговорила Джин, тяжело дыша. – Не пускай… сюда… детей. Ножницы вон… в коробке. И веревка есть.

Снова схватки.

Джин скорчилась от боли, и Элса поняла, что осталось всего несколько минут. Она выскочила наружу, кинулась к своей палатке, не обращая внимания на детей, которые испуганно таращились на нее. Нет времени их успокаивать. Она сгребла газеты, которые они берегли, и опрометью вернулась в палатку Джин. Расстелила газеты на земляном полу – хорошо, что не жидкая грязь.

Перед глазами мелькнул заголовок: «Вспышка тифа в лагерях мигрантов».

Элса помогла Джин переместиться на газеты. Надела перчатки.

Джин закричала.

– Давай! – сказала Элса.

– Рожаю! – закричала Джин.

Элса быстро переместилась к раздвинутым ногам Джин. Показалась голубая макушка, покрытая слизью.

– Вижу головку, – сказала Элса. – Тужься, Джин.

– Я слишком…

– Я знаю, что ты устала. Тужься!

Джин покачала головой.

– Тужься! – заорала Элса. Взглянула на подругу, увидела страх в ее глазах и мягко сказала: – Я понимаю.

И она действительно понимала, как Джин страшно. Младенцы погибают даже в самых прекрасных условиях, а сейчас условия были далеки от прекрасных. Но дети и выживают, несмотря ни на что.

– Тужься, – велела она, отвечая на страх Джин спокойствием.

Младенец выскользнул в потоке крови на руки Элсы, затянутые в перчатки. Девочка, слишком крохотная, будто не до конца развившаяся. Не больше мужского ботинка. Синюшная.

В Элсе зарокотала ярость. *Нет*. Она стерла слизь и кровь с крошечного личика, очистила ротик, она умоляла: «Дыши, крошка, дыши».

Джин приподнялась на локтях. Похоже, она и сама не могла дышать.

– Она не дышит, – прошептала Джин.

Элса попыталась вдуть в ребенка воздух. Рот в рот.

Без толку.

Она шлепнула ее по синей попке:

– Дыши!

Все без толку.

Без толку.

Джин показала на соломенную корзинку. Там лежало мягкое одеяльце цвета лаванды.

Элса осторожно обрезала пуповину и медленно распрямилась. Ее трясло. Она завернула крошечную, неподвижную девочку в одеяло.

Слезы мешали видеть. Элса протянула ребенка матери.

– Девочка, – сказала она, и Джин приняла дочку с разрывающей душу нежностью. Поцеловала синий лобик.

– Я дам ей имя Клея, в честь моей мамы.

Имя.

Сама суть надежды. Начало личности, переданное с любовью. Джин что-то шептала в маленькое ухо. Элса вышла из палатки, у нее разрывалось сердце.

Лореда ходила взад-вперед около палатки.

Элса посмотрела на дочь, увидела в ее глазах вопрос и покачала головой.

– О нет, – прошептала Лореда и вся съежилась.

Лореда повернулась и исчезла в своей палатке, прежде чем Элса попыталась ее утешить.

Элса не могла сделать ни шага. Перед глазами стояла ужасная картина: ребенок, появляющийся на свет на скомканной газете, брошенной на земляной пол.

Я дам ей имя Клея.

Как Джин вообще сумела это выговорить?

Элсу душили слезы, и она была бессильна их унять. Она плакала так, как не плакала с тех пор, как Раф бросил ее, плакала, пока в ней не осталось никакой влаги, пока она не иссохла, как земля, покинутая ими.

Поздним вечером Лореда закончила выкапывать яму и отбросила лопату.

Они ушли далеко от лагеря, отыскали поляну в окружении деревьев, там стояла непроглядная темень, такая же, как та, что лежала на душе у двух женщин и девочки.

Гнев переполнял Лореду, она не могла с ним справиться, она чувствовала, как он отравляет ее изнутри. Она никогда не испытывала

такого всепоглощающего гнева – даже когда папа их бросил. Она изо всех сил стискивала зубы, чтобы не закричать.

А мама… только посмотрите на нее. Стоит с мертвым ребенком, завернутым в чистенькое одеяльце, такая печальная.

Печальная.

От этого зрелища гнев в Лореде лишь усилился. Не время сейчас печалиться.

Она сжала кулаки, но на кого ей наброситься? Миссис Дьюи едва держалась на ногах. Похожа на призрак.

Мама опустилась на колени, осторожно положила мертвого младенца в могилку и стала читать молитву:

– Отче наш…

– Черт, кому ты молишься? – процедила Лореда.

Мать вздохнула и медленно встала.

– У Бога свои…

– Если ты мне скажешь, что у Бога на нас свои планы, я закричу. Клянусь, что закричу.

Голос у нее прервался. Лореда почувствовала, что плачет, но не от печали, а от ярости.

– Он позволил нам жить вот так. Хуже, чем бродячим собакам.

Мать коснулась щеки Лореды:

– Дети умирают, Лореда. Я потеряла твоего брата. Бабушка Роуз потеряла…

– ВСЕ ЭТО НЕПРАВДА! – заорала Лореда. – Ты трусливая, живешь здесь, заставляешь нас жить здесь. Почему?

– Ох, Лореда…

Лореда знала, что зашла слишком далеко, что ее слова слишком жестоки, но никак не могла остановить эту ярость, притормозить ее.

– Если бы папа был здесь…

– Что? – сказала мама. – Что бы он сделал?

– Он бы не позволил нам жить вот так. Хоронить младенцев в темноте, работать до кровавых мозолей, стоять в очереди за банкой молока от правительства, смотреть, как все вокруг болеют.

– Он нас бросил.

– Он бросил *тебя*. Мне нужно сделать то же самое, выбраться отсюда, пока мы все здесь не сдохли.

– Ну так иди. Беги. Поступай, как он.

– Может, и пойду!

– Хорошо. Иди.

Мать наклонилась, подняла лопату, начала засыпать могилу.

Глухо падали комья земли.

Через несколько минут уже и видно не будет, что здесь похоронен ребенок.

Лореда побрела обратно через грязный лагерь, мимо палаток, переполненных людьми, мимо облезлых собак, которые выпрашивали объедки у людей, питающихся объедками. Она слышала кашель и детский плач.

Полог палатки Дьюи был опущен, но Лореда знала, что маленькие девочки ждут мать – ждут, что она придет и скажет, что все будет хорошо.

Слова. Ложь. Не будет ничего хорошего.

Хватит с нее такой жизни.

Она вошла в палатку. Энт свернулся клубком, стараясь занять как можно меньше места. Они научились спать все втроем на узком матрасе.

Сердце забилось быстрее при виде брата.

Лореда присела, потрепала его по волосам. Он что-то пробормотал во сне.

– Я люблю тебя, – прошептала она, поцеловала в заострившуюся скулу. – Но я больше не могу здесь оставаться.

Энт что-то пробормотал во сне.

Лореда взяла маленький чемодан, где лежали вся ее истрепанная одежда и читательский билет – большая ценность. Из ящика с продуктами достала три картошки и два ломтя хлеба, потом открыла металлическую шкатулку, в которой были все их деньги. Все, что у них осталось на этом свете. Лореда почувствовала угрызения совести.

Нет.

Много она брать не будет. Только два доллара. Она имеет на них такое же право, как и мать. Видит бог, Лореда их заработала. Она осторожно пересчитала деньги, потом поискала клочок бумаги. Нашла скомканный обрывок газеты. Разгладив его как могла, написала карандашным огрызком записку и сунула ее под кофейник.

Подхватив чемоданчик, она шагнула к выходу из палатки, в последний раз оглянулась и вышла.

В грузовике так и лежали вещи, которые следовало оставить дома. Бейсбольная бита Энта прислонилась к каминным часам, и ни то ни другое им не нужно, но ни у Лореды, ни у мамы не хватало духу сказать Энту, что его бейсбольные дни закончились, не успев начаться. Бог знает, понадобятся ли им когда-нибудь каминные часы. Они бы иначе собрались в дорогу, если бы знали, что их ждет в Калифорнии. Или остались бы в Техасе.

Не нужно было уезжать.

Или уж тогда ехать подальше.

Это все мама виновата. Она решила остаться здесь, сказала: «*Ничего не поделаешь*». С тех пор все пошло не так.

С той первой роковой лжи: *только одна ночь*.

Что ж, таких ночей утекло немало, и с Лореды, черт возьми, хватит.

Элса и Джин стояли в темноте, опустив головы. Время шло, женщины молчали, любые слова были неуместны. На могиле не было надгробия с именем младенца, как не было надгробий на могилах других покойников, похороненных рядом с лагерем.

– Пора возвращаться, – наконец сказала Элса, поплотнее запахивая слишком просторное шерстяное пальто, подарок хозяина салона красоты. – Ты вся дрожишь.

– Я скоро, – сказала Джин.

Элса сжала руку подруги. Со вздохом, который, казалось, исходил из глубины ее усталых костей, она отнесла лопату в лагерь и бросила ее в кузов грузовика.

Она подумала о дочери. Следовало утешить Лореду у могилы. Хорошая же она мать, огрызается на тринадцатилетнюю девочку, которая вне себя от горя. Лореда видела слишком много потерь. Надо найти слова, которые сумеют ей хоть немного помочь.

Но вот прямо сейчас сил у Элсы не было. Смерть младенца опустошила ее. И не сможет она в эту минуту усмирить ярость дочери. Лучше пусть время сгладит остроту. Пусть хотя бы останется позади эта ночь. Утром взойдет солнце, и она поговорит с Лоредой, постарается ее утешить.

Ты трусливая.

– Нет, – сказала Элса вслух, чтобы укрепиться в принятом решении. Она не будет отворачиваться. Она прямо сейчас поговорит с Лоредой.

Она подняла полог палатки и вошла.

Одеяла сбились, но было ясно, что на матрасе один Энт.

Лореды в палатке не было.

Элса направилась к грузовику, постучала по кузову:

– Лореда? Ты здесь?

Забралась в кузов – только барахло, которое они взяли с собой, думая, что оно им пригодится. Фарфоровые тарелки, бейсбольная бита и перчатка Энта, каминные часы.

– Лореда?

Увидев, что и в кабине никого, Элса встревожилась всерьез.

– Он бросил тебя. Мне нужно сделать то же самое… выбраться отсюда, пока мы все здесь не сдохли.

– Ну так иди. Беги. Поступай, как он.

– Может, и пойду.

– Хорошо. Иди.

По спине Элсы пробежал холодок. Она бросилась обратно в палатку.

Чемодана Лореды нет. Нет ее свитера и синего шерстяного пальто, которое ей подарили в салоне красоты.

Из-под кофейника торчит записка. Элса взяла ее трясущейся рукой.

Мама,
Я больше не могу.
Прости.
Я люблю вас обоих.

Элса выскочила из палатки и бежала, пока не закололо в боку, пока не задохнулась.

Дорога уходила на север и на юг. В какую сторону пошла Лореда? Как догадаться?

Она сказала своей тринадцатилетней дочери, чтобы та уходила, и дочь убежала, поступила, как человек, который не хочет, чтобы его

нашли. Отправилась в мир, где дороги наводнены бродягами, где в темноте таятся отчаявшиеся, злые на весь мир мужчины, которым нечего терять.

Лореда шла на юг, пока у нее не отвалилась резиновая подошва и не заболела спина. Вперед убегала лента пустой дороги, омытой лунным светом. Сколько еще до Лос-Анджелеса?

Она всегда мечтала, что найдет отца, что однажды просто столкнется с ним, но сейчас, стоя в одиночестве посреди пустоты, она вспомнила слова, сказанные однажды матерью.

Он не хочет, чтобы его нашли.

Сколько дорог здесь, в Калифорнии, сколько путей, сколько городов? Ну и что, что папа мечтал о Голливуде. Это не значит, что он туда добрался и осел там.

И сколько она прошла? Три мили? Четыре?

Лореда продолжала идти, полная решимости не поворачивать обратно. Она не вернется назад, не признает, что совершила ошибку. Жить так она больше не может. И точка.

Но Энт проснется и заплачет. И решит, что с ним что-то не так, раз его все бросают. Лореда знала, что так и произойдет, потому что именно это она чувствовала, когда ушел отец.

Она не хотела причинять брату боль.

Впереди показались фары. Грузовик остановился рядом с ней. Старая колымага с квадратной деревянной кабиной, которая застряла в черной раме ночи.

Водитель опустил стекло со стороны пассажирского сиденья. Мамин ровесник, лицо как у большинства мужчин сейчас – худое, с заострившимися чертами. Ему не мешало бы побриться.

– Что ты тут делаешь одна? Уже полночь.

– Ничего.

Он бросил взгляд на ее чемодан.

– Ты похожа на девочку, которая сбежала из дому.

– А вам какое дело?

– Где твои родители? Здесь опасно.

– Не ваше дело. И потом, мне уже шестнадцать. Могу идти куда захочу.

– Да, детка. А я Эррол Флинн[38]. Куда направляешься?

– Подальше отсюда.

Он долго молчал, глядя на дорогу перед собой. Потом снова взглянул на Лореду и сказал:

– В Бейкерсфилде есть автобусная станция. Я еду на север. Могу тебя подвезти. Только по дороге мне нужно сделать остановку.

– Спасибо, мистер!

Лореда забросила свой чемодан в кузов и залезла в кабину.

Глава двадцать пятая

– Меня зовут Джек Вален, – сказал мужчина.

– Лореда Мартинелли.

Он тронулся с места, и они покатили на север. Подвеска у грузовика износилась. Протертое до дыр кожаное сиденье подпрыгивало на каждой колдобине.

Лореда смотрела в окно. В мутном свете фар мимо ползли рекламные щиты, лагеря мигрантов, мелькали бредущие бродяги с заплечными мешками.

Они проехали школу, и больницу, и лагерь у канавы, окутанный непроглядной темнотой.

А потом, миновав город Уэлти, оказались в незнакомых для Лореды местах. Здесь не было ничего, кроме дороги.

– Эй, а у вас-то что за дело в такую поздноту? – спросила Лореда.

Ей вдруг пришло в голову, что она, возможно, сглупила, сев в машину.

Мужчина зажег сигарету, выдохнул голубовато-серый дымок в открытое окно.

– Да такое же, как у тебя, наверное.

– Это вы о чем?

Он повернулся. Лореда разглядела его загорелое, обветренное лицо: острый нос, цепкие черные глаза.

– Ты бежишь от чего-то. Или от кого-то.

– И вы тоже?

– Детка, если человек в наши дни никуда не бежит, значит, не замечает, что творится вокруг. Но нет, я не бегу.

Он улыбнулся, и его лицо показалось Лореде почти красивым.

– Но и застрять здесь я не хочу, – добавил он.

– Мой папа так поступил.

– Как?

– Сбежал посреди ночи. И не вернулся.

– Ну… это ужасно. А мама что?

– А при чем тут мама?

Он свернул на грунтовую дорогу.

Темнота.

Ни огонька, одна лишь тьма. Ни домов, ни фонарей, ни других машин.

– К-куда мы едем?

– Я же сказал, что нужно кой-куда заехать, а потом отвезу тебя на станцию.

– Сюда? Здесь же ничего нет.

Он остановил грузовик и сказал:

– Дай слово, детка, что ты никому не расскажешь об этом месте. И обо мне. И обо всем, что ты здесь увидишь.

Они находились на огромном лугу. Заброшенное ранчо, покосившийся амбар, полуразвалившиеся строения призрачно проступали в лунном свете. Около дюжины легковых автомобилей и грузовиков с выключенными фарами стояли в высокой траве. Тонкие желтые полоски света между досками указывали, что внутри амбара что-то происходит.

– Таких, как я, все равно никто не слушает, – сказала Лореда. Она не смогла заставить себя выговорить ненавистное слово *оки.*

– Если ты мне не дашь слова, я прямо сейчас повернусь и высажу тебя на большой дороге.

Лореда посмотрела на мужчину. Он был явно раздражен. У него дергался глаз, хотя тон казался спокойным. Ждет, какое решение она примет, но долго ждать он не будет.

Нужно сказать, чтобы разворачивался и ехал к дороге. Что бы ни происходило в этом амбаре в такой час, это явно что-то нехорошее. И взрослые не требуют от детей подобных обещаний.

– Там что-то плохое творится?

– Нет. Хорошее. Но времена сейчас опасные.

Лореда посмотрела в темные глаза мужчины. Он такой… сильный. Может, немного жутковатый, но такой живой, она никогда раньше не видела подобных людей. Этот человек не станет ютиться в грязной палатке, питаться объедками и испытывать благодарность за правительственные подачки. Он не сломлен, как все прочие. Его жизненная сила взывала к ней, напоминала о лучших временах, о мужчине, который когда-то был ее отцом.

– Обещаю.

Он проехал вперед между припаркованными автомобилями. У дверей амбара остановил грузовик и заглушил мотор.

– Посиди тут, – сказал он, открывая дверцу.

– Сколько вы там пробудете?

– Столько, сколько нужно.

Мужчина подошел к амбару и открыл дверь. В ярком прямоугольнике света Лореда вроде бы заметила тени людей. Дверь захлопнулась.

Лореда глядела на темный амбар, на полоски света, просачивающегося в щели. Что там творится?

Рядом с грузовиком с пыхтением остановился еще один автомобиль. Выключились фары.

Из машины вышла пара. Хорошо одетые, все в черном, курят сигареты. Это точно не мигранты и не фермеры.

Лореда внезапно приняла решение. Она вылезла из грузовика и вслед за парой скользнула к амбару.

Дверь отворилась.

Лореда прошмыгнула внутрь и прижалась к стене из неструганых досок.

Она не знала, что ожидала увидеть, – может, думала, что взрослые здесь пьют самогон и танцуют линди-хоп, – но только не это. Мужчины в костюмах, женщины, и многие из женщин в брюках. *В брюках.* И все говорили одновременно, размахивали руками – судя по всему, спорили. Амбар бурлил, как улей. Сигаретный дым висел густым облаком, у Лореды защипало в глазах.

Отморгавшись, она увидела, что в амбаре расставлено с десяток столов, на каждом – лампа: островки света среди сумрака и дыма. На столах также стояли пишущие машинки и еще какие-то аппараты, высились груды бумаг. За столами сидели женщины – у каждой сигарета в зубах, каждая барабанит по клавишам. В воздухе стоял странный запах – что-то непонятное, мешающееся с запахом дыма. Время от времени раздавался резкий стук – это каретка пишущей машинки отщелкивалась в исходное положение.

Неожиданно вперед вышел Джек, и все вдруг затихли, повернулись к нему. Он взял со стола газету, взобрался на несколько ступенек по лестнице, ведущей на амбарный чердак, взглянул на собравшихся. Поднял газету. Огромный заголовок: «Лос-Анджелес объявляет войну мигрантам».

– Начальник полиции Джеймс Дэвис по прозвищу «Два пистолета» только что закрыл границу Калифорнии для мигрантов при поддержке крупных сельскохозяйственных производителей, железнодорожных компаний, государственных агентств по оказанию помощи бедствующим и прочих толстосумов штата.

Джек бросил газету на покрытый соломой пол и продолжал:

– Вы только подумайте об этом. Отчаявшихся людей, порядочных людей, *американцев* останавливают на границе и под дулом пистолета заставляют повернуть назад. И куда им деваться? Дома их ждет голод, а то и смерть от пылевой пневмонии. Если они отказываются уезжать, то копы швыряют их в тюрьму за бродяжничество, а судьи приговаривают к каторжным работам.

Лореду эти слова не удивили. Она-то знала, что это такое – приехать в Калифорнию с надеждой на лучшее и стать здесь грязью.

– Сволочи! – закричал кто-то.

– По всему штату Калифорния капиталисты эксплуатируют рабочих. Изголодавшиеся люди согласны на любую оплату, лишь бы не дать умереть от голода своим семьям. Между этим полем и Бейкерсфилдом больше семидесяти тысяч бездомных. В лагерях от недоедания и болезней умирает по два ребенка в день. Так не должно быть. Мы же в Америке. И пусть нам не рассказывают о Великой депрессии. Хватит с нас. Мы должны им помочь. Мы должны убедить мигрантов вступить в Союз рабочих и бороться за свои права.

Толпа одобрительно загудела.

Лореда кивнула. Его слова задели ее за живое, заставили задуматься. *Мы можем не соглашаться на такую жизнь.*

– Время пришло, товарищи. Правительство этим людям помогать не намерено. Так что это наше дело. Мы должны убедить рабочих подняться. Восстать. Использовать все доступные нам средства, чтобы помешать капиталистам эксплуатировать рабочих. Мы должны все вместе бороться с несправедливостью. Мы будем бороться за рабочих-мигрантов здесь и в Центральной долине, мы поможем им объединиться в профсоюзы и потребовать более справедливой оплаты труда. Время не ждет!

– Да! – закричала Лореда. – Да!

Прежде чем Джек спрыгнул со ступеньки чердачной лестницы, Лореда поймала его взгляд.

Он легко пробрался через толпу к ней. Его глаза буравили Лореду, она чувствовала себя мышью, которую вот-вот схватит ястреб.

– Я же велел тебе оставаться в грузовике.

– Я хочу вступить в группу. Я хочу помогать.

– Вот как?

Он был даже выше мамы, Лореде пришлось задирать голову. Она прерывисто вздохнула.

– Иди домой, детка. Ты до этого еще не доросла.

– Я рабочая-мигрантка.

Джек зажег сигарету и изучающе посмотрел на нее.

– Мы живем в лагере у канавы возле Саттер-роуд. Этой осенью я, вместо того чтобы ходить в школу, собирала хлопок. Иначе мы бы умерли с голоду. Мы живем в палатке. Мы так хотели найти работу в полях, что иногда спали на обочине, чтобы оказаться первыми в очереди. Хозяину, этой жирной свинье Уэлти, плевать, хватает ли нам денег на еду.

– Ага, Уэлти? Мы пытаемся создать профсоюзы в лагерях мигрантов. Но столкнулись с сопротивлением. Оки упрямые и гордые.

– Не называйте нас так, – сказала Лореда. – Мы просто хотим работать. Мои бабушка с дедушкой и мама… они не верят в правительственные подачки. Они хотят сами справиться, но…

– Что «но»?

– Но ничего не получится, правда? Мы приехали сюда за лучшей жизнью, а на самом деле она нас не ждет?

– Без борьбы – да, ничего не получится.

– Я хочу бороться! – выпалила Лореда и вдруг поняла, что этот привычный зуд в ее душе – именно от жажды борьбы. Вот почему она убежала – чтобы бороться, а не искать своего малодушного отца. Вот что за страсть ее уже давно сжигает.

– Сколько тебе на самом деле лет?

– Тринадцать.

– И твой папаша сбежал из семьи, когда потерял работу в… Сент-Луисе.

– В Техасе.

– Детка, да подобные мужики гроша ломаного не стоят. И ты слишком юная, чтобы бродить по дорогам одна. Как ты добралась до Калифорнии?

– Нас мама привезла.

– Без мужа? Сильная женщина.

– Я ее сегодня трусливой назвала.

Он понимающе смотрел на нее.

– Мама будет волноваться?

Лореда кивнула.

– Они с братом, наверное, уже бросилась меня искать. Что, если они уехали?

Ее затопила тоска по дому – не по месту, а по людям. Ее людям. Маме и Энту. Бабушке и дедушке. По людям, которые любят ее.

– Детка, людей, которые тебя любят, не бросают. Ты уже это знаешь. Найди маму и скажи ей, что ты повела себя как последняя дурочка. И пусть она тебя обнимет покрепче.

У Лореды защипало в глазах.

Раздался вой полицейской сирены.

– Черт!

Джек сгреб девочку и потащил через толпу, охваченную паникой. Он подсадил ее на лестницу, запихнул на чердак и сказал:

– В тебе есть искра, детка. Не позволяй этим ублюдкам загасить ее. И не вылезай отсюда до утра, а то окажешься в каталажке.

Он сбросил лестницу на пол.

Двери амбара распахнулись. В проеме показались копы с пистолетами и дубинками. За спиной у них мигали красные огни. Копы хлынули в амбар, принялись скидывать со столов бумаги, печатные машинки и непонятные аппараты.

Лореда видела, как полицейский ударил Джека дубинкой по голове. Джек пошатнулся, но не упал. Слегка покачнувшись, усмехнулся в лицо полицейскому:

– И это все?

Полицейский помрачнел.

– Ты покойник, Вален. Конец один.

Он снова ударил Джека, посильнее. Кровь брызнула на форму.

– Берите их всех, ребята. Нам красные в городе не нужны.

Красные.

Коммунисты.

Под анемичной луной Элса вошла в городок Уэлти. В этот час улицы пустовали.

Вот оно, отделение полиции, совсем рядом с библиотекой.

Она не верила, что власти помогут ей или хотя бы выслушают ее, но что еще делать, Элса не знала.

На парковке лишь несколько полицейских машин и старенький грузовик. В свете фонаря Элса увидела, что рядом с грузовиком курит бродяга. Она отвела взгляд, но чувствовала, что бродяга наблюдает за ней.

Элса машинально распрямилась и прошла в отделение мимо бродяги. Обстановка внутри была аскетичная: голая стена да ряд стульев вдоль нее. Стол с черным телефоном, за столом человек в форме, куривший самокрутку.

Попытавшись принять уверенный вид, Элса пересекла плиточный пол, остановилась перед полицейским.

Высокий, худой, с зачесанными назад волосами, он наморщил нос над тонкими усиками, оглядел плохо одетую посетительницу.

– Сэр, я хочу заявить о пропаже девочки.

Элса напряглась, ожидая ответа: *На таких, как вы, нам плевать.*

– Угу?

– Моей дочери. Ей тринадцать. У вас дети есть?

Он так долго молчал, что она чуть не повернула к выходу.

– Да. Ей двенадцать, кстати. Это из-за нее я лысею.

В другой ситуации Элса бы улыбнулась.

– Мы поссорились. Я сказала… В общем, она сбежала.

– Есть предположения куда? В каком направлении?

Элса покачала головой.

– Ее… отец оставил нас некоторое время назад. Она скучает по нему, винит меня, но мы понятия не имеем, где он.

– Сейчас такое случается. На прошлой неделе один мужик убил всю свою семью, а потом покончил с собой. Тяжелые времена.

Элса ждала, что он еще скажет.

Полицейский разглядывал ее.

– Вы ее не найдете, – вяло сказала Элса. – Да?

– Я буду поглядывать. Обычно они возвращаются.

Элса пыталась сдержаться, но от его участия ей стало даже хуже, чем от черствости, которой она ждала.

– У нее черные волосы и голубые глаза. Даже почти фиолетовые, но она говорит, что только я это вижу. Зовут ее Лореда Мартинелли.

– Красивое имя.

Полицейский записал.

Элса кивнула, еще немного постояла.

– Советую вам идти домой, мэм. Ждите. Готов поспорить, она вернется. Вы ее явно любите. Иногда наши дети не видят того, что у них прямо перед глазами.

Элса пошла к выходу, не в силах даже поблагодарить полицейского за доброту.

На улице она оглядела парковку. *Где же ты?*

У нее вдруг ослабли ноги. Она пошатнулась, чуть не упала.

Кто-то поддержал ее.

– Вам плохо?

Она дернулась и освободилась.

Мужчина отошел в сторону, поднял руки:

– Эй, я вам ничего дурного не сделаю.

– Я… я в порядке.

– Я бы сказал, что еще никогда не видел человека настолько не в порядке.

Это был тот самый бродяга, которого она заметила возле грузовика, перед тем как войти в участок. На щеке темнел уродливый синяк. На воротнике запеклась кровь. Черные волосы слишком длинные, неровно подстрижены, виски седые.

– Все в порядке.

– Вид у вас измученный. Давайте я вас домой отвезу.

– Я что, по-вашему, дура?

– Я не опасный.

– Говорит окровавленный человек у полицейского участка в час ночи.

Он улыбнулся:

– Хорошая взбучка идет на пользу.

– Что вы натворили?

– Натворил? Вы что, думаете, полицейские избивают только тех, кто совершил преступление? Просто таких, как я, сейчас не любят. За радикальные идеи. Позвольте отвезти вас домой. Вам со мной ничто не

угрожает. – Он улыбнулся, приложил руку к сердцу: – Клянусь честью рецидивиста.

– Нет, спасибо.

Элсе не нравилось, как он на нее смотрит. Он напомнил ей голодных мужчин, что держатся в тени, караулят, когда удастся стащить что-нибудь. Резкие черты лица, глубоко посаженные черные глаза, острый нос, выступающий подбородок. И ему не мешало бы побриться.

– Что вы смотрите?

– Вы мне кого-то напоминаете, вот и все. Воина.

– Да. Я и есть воин.

Элса пошла прочь. Выйдя из города на дорогу, повернула налево, к лагерю. Ничего другого ей в голову не пришло.

Идите домой.

Там Энт.

Ждать и надеяться.

Глава двадцать шестая

После долгой бессонной ночи в амбаре, когда рассвет окрасил небо сначала фиолетовым, потом розовым, а потом золотым, Лореда слезла с чердака.

И двинулась на юг.

Дойдя до Саттер-роуд, она увидела россыпь палаток, сломанные автомобили и наспех сколоченные лачуги, сгрудившиеся на мертвом зимнем поле.

Только бы вы были здесь.

Лореда старательно переступала через колеи, полные закаменевшей от холода грязи, шагая через поле. В лачуге из металлолома мужчина и женщина сидели, ссутулившись, возле огарка свечи. Женщина держала на руках безмолвного младенца.

Вот и их палатка, рядом стоял грузовик. От облегчения у Лореды подкосились ноги. *Слава богу.* Они здесь.

Лореда обошла грузовик. Миссис Дьюи сгорбилась на стуле у своей палатки, обхватив чашку кофе. Рядом с ней на ведре сидела мама и что-то писала в дневнике.

Лореда замедлила шаг, приблизилась. В тишине, не разрываемой младенческим плачем, Лореда просто стояла и смотрела на них, усталых, разбитых.

Джин первой заметила Лореду, улыбнулась, тронула Элсу за руку:

– Твоя девочка. Я же сказала, что она вернется.

Мама быстро подняла голову.

У Лореды перехватило дыхание от захлестнувшей ее любви.

– Прости, – сказала она.

Мама закрыла дневник и встала. Она попыталась улыбнуться, но безуспешно, и Лореда осознала, какую боль она причинила ей своим побегом. Мама стояла неподвижно, не пытаясь подойти к Лореде.

Лореда поняла, что расстояние между ними предстоит преодолеть ей.

– Я вела себя как последняя дурочка. – Лореда шагнула к матери.

У той вырвался смешок.

– Правда. Я ужасно вела себя с тобой, мама. И…

– Лореда…

– Я знаю, что ты меня любишь и… Прости, мама. Я люблю тебя. Очень сильно.

Элса крепко обняла Лореду.

Лореда со всей силы прижалась к матери.

– Я боялась, что вы уедете, пока меня нет…

Когда мама отстранилась, глаза у нее уже блестели и она улыбалась.

– Ты моя дочь, Лореда, и эту связь ничто не разорвет. Ни слова, ни гнев, ни поступки, ни время. Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя. – Она стиснула плечи Лореды и продолжила: – Ты научила меня любви. Ты, первая во всем мире, и моя любовь к тебе переживет меня. Если бы ты не вернулась…

– Я вернулась, мама, – сказала Лореда. – Но вчера ночью я кое-что узнала. И я думаю, это важно.

Элса, не отпуская руки Лореды, позволила дочери отвести ее в палатку.

– Мне так нужно рассказать тебе, где я была. – Лореда принялась расстегивать пальто.

Трогательная сцена, видимо, закончилась. Лореда перешла к делу.

Столь быстрая перемена в поведении дочери вызвала улыбку Элсы.

Элса села на матрас рядом со спящим Энтом.

– Где ты была?

– На собрании коммунистов. В амбаре.

– Ох, такого я предположить не могла.

– Я встретила мужчину.

Элса нахмурилась. Привстала.

– Мужчину? Взрослого мужчину? Он…

– Коммуниста! – Лореда села рядом с Элсой. – Целую группу коммунистов. Они встречались в амбаре к северу отсюда. Они хотят нам помочь.

– Коммунисты, – медленно, будто пробуя слово на вкус, повторила Элса, пытаясь осмыслить новую и опасную информацию.

– Они хотят помочь нам бороться с землевладельцами.

– Землевладельцами? Ты имеешь в виду, с людьми, которые дают нам работу? С людьми, которые платят нам деньги за сбор урожая?

– Ты называешь это «деньги»?

– Это деньги, Лореда. На них мы покупаем еду.

– Я хочу, чтобы ты пошла на собрание вместе со мной.

– На собрание?

– Да. Просто послушай их. Тебе понравится, что…

– Нет, Лореда, – сказала Элса. – Я не пойду и тебе запрещаю. Эти люди опасны.

– Но…

– Поверь мне, Лореда, коммунизм – это не ответ. Мы американцы. И мы не можем бороться с землевладельцами. Мы и так почти голодаем. Так что нет.

– Но они правы.

– Посмотри вокруг, Лореда, посмотри на эту палатку. Ты думаешь, мы можем позволить себе роскошь бороться с нашими работодателями? Думаешь, мы можем позволить себе роскошь вести войну? Нет. Нет, и точка. И я не хочу больше ничего об этом слышать. А теперь давай немного поспим. Я измучена.

Дождь шел много дней подряд. Берега канавы заболотились. Люди болели: тиф, дифтерит, дизентерия.

Кладбище выросло вдвое. Окружная больница отказывала в лечении почти всем мигрантам, поэтому им приходилось как-то лечиться самим.

Все ходили вялые от постоянного недоедания. Элса тратила на еду самый минимум, но деньги неумолимо таяли.

В эту ветреную зимнюю ночь Лореда и Энт пытались заснуть, с головой зарывшись под одеяла.

Дождь барабанил по палатке, стекал по бокам, посеревшая ткань ходила волнами.

Элса сидела на ящике и писала в дневнике при скупом свете единственной свечи.

Большую часть моей жизни о погоде говорили старики в пыльных шляпах, которые останавливались почесать языками перед магазином сельхозтехники Уолкотта. Привычная тема для разговора. Фермеры изучали небеса, как

священник читает слово Божье, в поисках предзнаменований. Но непременно с дружественным расположением, с верою в доброту нашей планеты. Но в это ужасное десятилетие природа обернулась своей жестокой стороной. Обратилась в противника, которого мы, на свою беду, недооценили. Ветер, пыльные бури, засуха, а теперь бесконечный дождь, отнимающий все силы. Я боюсь…

Прогремел раскат грома.

– Где-то близко. – Лореда высунула нос из-под одеяла.

Энт выглядел напуганным.

Элса закрыла дневник и встала. Она уже собиралась отогнуть полог и посмотреть, все ли в порядке, как вдруг палатка сложилась. Хлынула вода, залила ноги Элсы. Сунув дневник в лиф, Элса вслепую потянулась к детям.

– Скорее! Идите ко мне.

Она слышала, как они цепляются за мокрую ткань, пытаясь пробраться к ней.

– Я здесь, – сказала Элса.

Лореда схватила ее за руку, другой она обнимала брата.

– Нужно выбираться. – Элса отчаянно пыталась нащупать завязки полога.

Энт плакал, прижимался к ней.

– Держись за меня, – прокричала ему Элса.

Она наконец нашла разрыв в ткани, и все трое вывалилась наружу. Палатка со свистом пронеслась мимо них вместе со всеми вещами.

Деньги.

Поток воды с такой силой ударил Элсу, что она чуть не растянулась плашмя.

Сверкнула молния, в свете вспышки Элса увидела весь ужас происходящего. Мимо плыл мусор, и ветки, и деревянные ящики – один сплошной поток.

Крепко держа детей за руки, Элса пробралась через поднимающуюся воду к палатке Дьюи.

– Джин! Джеб!

Палатка рухнула в тот момент, когда из нее выползли Дьюи.

Сквозь вой бури доносились вопли людей.

Элса увидела на дороге фары, они двигались в их сторону.

Она выплюнула набившуюся в рот воду, убрала мокрые волосы с глаз и закричала:

– Нам нужно идти к дороге!

Две семьи брели, сцепившись руками. Ботинки Элсы были полны воды, галоши не спасали. Она знала, что ее дети шлепают в ледяной воде босыми.

Они пробирались к сиянию фар. Автомобили стояли на дороге и светили на лагерь. Элса разглядела, что им навстречу движутся светящиеся точки – это шли люди с фонариками. Впереди всех высокий мужчина в коричневом полотняном пыльнике и шляпе, обвисшей под дождем.

– Сюда, мэм! – прокричал он. – Мы приехали помочь вам.

Дьюи уже добрались до волонтеров. Кто-то протянул Джин плащ.

Элса оглянулась. Их палатку смыло, но грузовик на месте. Если она не заберет его сейчас, то они и машины лишатся.

Она подтолкнула детей вперед:

– Идите. Мне нужно забрать грузовик.

– Нет, мама, это опасно! – прокричала Лореда.

Поток воды едва не сбил Элсу с ног. Она оторвала мокрую ладошку сына от своей руки и толкнула Энта к Лореде.

– Найдите безопасное место.

– Нет, мама…

Элса увидела, что высокий мужчина идет к ним, он близко. Она крикнула «Спасите их» и повернула назад.

– Мэм, нельзя…

Элса сумела пробраться к грузовику, вода доходила до подножки. Мимо проплыла пластиковая кукла в некогда розовом платье, ее неживые голубые глаза смотрели в черное небо. Грязь и вода смыли лагерь, ничего не осталось. Печка опрокинулась, через нее переливался целый поток. Элса подумала о шкатулке, в которой лежали все их деньги, ее уже не найти.

Она залезла в грузовик, порадовавшись тому, что хотя бы ключи в бардачке. Никто в лагере не опасался угона – бензин стоил слишком дорого.

Пожалуйста, заведись.

Элса повернула ключ в замке зажигания.

Только на пятой попытке, когда Элса уже прочитала пять молитв, грузовик заворчал, застонал и ожил.

Она включила фары и поехала.

Грузовик мотало из стороны в сторону, он с трудом выбирался из грязи. Элса крепко вцепилась в руль, ноги приклеились к педалям. Машина раскачивалась, дергалась, мотор отчаянно завывал, но наконец колеса нашли точку опоры.

Грузовик медленно выехал на дорогу, где волонтеры рассаживали людей по машинам. Лореда выскочила из допотопного грузовика с деревянной кабиной, замахала руками.

– За нами, мама!

Элса въехала в Уэлти вслед за чужим старым грузовиком. Он остановился перед заколоченным отелем на пустынной улочке у железнодорожных путей. Заведения по обе стороны от отеля тоже стояли всеми покинутые. Мексиканский ресторанчик, и прачечная, и булочная. Фонари не горели. На закрытой заправке плакат, написанный от руки: «Это ваша страна, не дайте толстосумам украсть ее!»

Элса прежде не бывала в этом месте. До центра Уэлти несколько кварталов. Дома, которые ей удалось разглядеть в темноте, выглядели нежилыми.

Она остановилась за грузовиком.

Спрыгнула под проливной дождь. Дети тут же кинулись к ней, она крепко обняла их, дрожащих.

– А Дьюи где? – перекрикивая бурю, спросила Элса.

– Поехали с другими волонтерами.

Водитель выбрался из грузовика. Сначала она заметила только, какой он высокий, и мокрый пыльник показался знакомым. Старомодный плащ, вроде ковбойского. Она уже где-то его видела. Человек подошел к Элсе, фары осветили его.

Да это же тот тип, которого она видела однажды в городе, он выкрикивал коммунистические лозунги, а потом попался ей перед полицейским участком, в ту ночь, когда Лореда убежала, он еще тогда был в крови.

– Рецидивист, – сказала она.

– Воин, – возразил он. – Я Джек Вален. Пойдемте. Вам нужно согреться.

– Этот тот самый коммунист, мама, – сообщила Лореда.

– Да, – ответила Элса. – Я встречала его в городе.

Он подвел их к двери отеля и достал из кармана ключ. Большой черный замок лязгнул и сдвинулся в сторону. Джек открыл дверь.

– Постойте. Отель же закрыт, заколочен, – сказала Элса.

– Внешний вид обманчив. Именно на это мы и рассчитываем, – сказал Джек. – Этот отель принадлежит нашему другу. Он только с виду заброшен. Мы не убираем доски, потому что… ну, какая разница. Вы проведете здесь только пару ночей. Жаль, что дольше нельзя.

– Мы в любом случае очень благодарны, – сказала Элса.

– Ваших друзей Дьюи отвезли в бывший зал собраний. Мы делаем что можем. Буря налетела так внезапно. Утром приедет еще помощь.

– От коммунистов?

– Я здесь больше никого не вижу, а вы?

В маленьком отеле пахло запустением, куревом и плесенью. Джек включил лампу.

Глаза Элсы постепенно привыкли к свету. Она увидела стойку регистрации, а за ней целую стену с латунными ключами.

Вслед за Джеком они поднялись на второй этаж, он открыл дверь в небольшую пыльную комнату. Широкая кровать под балдахином, пара тумбочек и еще одна закрытая дверь.

Джек пересек комнату и открыл ее.

– Ванная… – прошептала Элса.

– Есть горячая вода. По крайней мере, теплая.

Энт и Лореда взвизгнули и кинулись в ванную. Элса услышала, как они включили воду.

– Иди сюда, мама!

Джек посмотрел на Элсу и спросил:

– У вас есть другое имя, кроме «мамы»?

– Элса.

– Приятно познакомиться, Элса. Мне нужно возвращаться, надо еще многим помочь.

– Я поеду с вами.

– Не надо. Грейтесь. Побудьте с детьми.

– Это мои люди, Джек. Я тоже хочу им помочь.

Он не стал спорить.

– Встретимся внизу.

Элса вошла в ванную, дети прямо в одежде залезли вместе под душ и хохотали.

– Я поеду помогать Джеку и его друзьям, Лореда. А вы, ребята, поспите.

– Я с тобой! – воскликнула Лореда.

– Нет. Ты присмотри за Энтом. И вам нужно высохнуть и согреться. Прошу тебя. Не спорь со мной.

Элса поспешила на улицу. Перед отелем стояло уже несколько автомобилей с включенными фарами.

Волонтеры собрались полукругом вокруг Джека, явного лидера.

– Возвращаемся к лагерю у канавы, что у Саттер-роуд. Нужно спасти как можно больше людей. В зале собраний есть места, и в депо, и в амбарах на ярмарке.

Элса залезла в грузовик Джека. Они влились в поток мутного от дождя света фар. Джек достал из-под сиденья Элсы потрепанный и плотно чем-то набитый мешок и положил ей на колени:

– Наденьте.

Она открыла мешок дрожащими от холода пальцами, внутри лежали мужские штаны и фланелевая рубашка огромного размера.

– У меня есть чем подвязать штаны, – сказал Джек.

Он остановился на обочине возле разрушенного лагеря. Вымокшие люди, лишившиеся пристанища, брели по дороге, прижимая к себе вещи, которые удалось спасти.

В темноте Элса сняла мокрое платье и надела огромную фланелевую рубашку, потом штаны. Из лифа выпал дневник. Она и забыла, что спасла его. Элса кинула книжицу на сиденье грузовика, снова влезла в мокрые ботинки, сунула ноги в галоши и открыла дверь машины.

Джек подошел, сорвал с себя галстук и, просунув его сквозь петли штанов, крепко стянул на талии Элсы. Затем снял плащ и накинул на плечи Элсы.

Элса слишком замерзла, чтобы отказываться из вежливости. Она застегнула плащ.

– Спасибо.

Он взял ее за руку.

– Вода еще поднимается. Будьте осторожны.

Элса держала его за руку, пока они пробирались через холодную, грязную, поднимающуюся воду. Мимо проплывал всевозможный скарб. Она разглядела в темноте неподвижный грузовик с кучей мусора в кузове, прикрытом брезентом. И лицо.

– Сюда! – крикнула она Джеку, показывая на грузовик.

– Мы вам поможем! – проорал Джек.

Отяжелевший от воды брезент медленно приподнялся. Под ним пряталась тощая женщина с маленьким ребенком. Лица обоих посинели от холода.

– Позвольте помочь вам, – подался вперед Джек, протянул руку.

Женщина отодвинула брезент и выползла наружу, прижимая к себе ребенка. Элса подхватила ее почти невесомое тело; какая же она худая.

Волонтеры – их прибавилось – ждали у обочины с зонтами, и плащами, и одеялами, и горячим кофе.

– Спасибо, – пробормотала женщина.

Элса кивнула и вернулась к Джеку. Они снова побрели назад в лагерь.

Ветер хлестал в лицо, ледяная жижа хлюпала в башмаках Элсы.

Они искали выживших всю бесконечную, пропитанную влагой ночь. Вместе с другими волонтерами помогали людям выбраться из затопленного лагеря, перевозили в тепло, устраивали там, где были места.

К рассвету дождь утих, и в сером утреннем свете стало возможно оценить разрушения, нанесенные наводнением. Лагерь начисто смыло. Пожитки его обитателей плыли по воде. Рухнувшие палатки торчали бесформенными грудами. Повсюду картонные и жестяные листы, коробки, ведра, одеяла. Вода и грязь доходили застрявшим автомобилям до бамперов.

Элса смотрела на затопленное поле.

Люди, обитавшие тут, такие же, как она сама, потеряли все то немногое, что имели.

Джек подошел к Элсе и накинул одеяло ей на плечи.

– Вы на ногах не стоите.

Она убрала мокрые волосы с лица. Простое движение потребовало немалого усилия.

– Все в порядке.

Джек что-то произнес.

Она слышала его голос, но звуки растянулись и потеряли форму. Она начала повторять «Все в порядке», но эта ложь потерялась где-то по пути между ее мозгом и языком.

– Элса!

Она непонимающе смотрела на него.

Ох, надо же. Я падаю.

Элса очнулась в грузовике Джека, когда он остановился перед заколоченным отелем. Элса села, кружилась голова. Она машинально взяла дневник, лежавший на сиденье рядом с ней.

Теперь парковку заполняла толпа, здесь собрались пострадавшие от катастрофы. Волонтеры раздавали еду, и горячий кофе, и одежду жертвам наводнения, которые бродили точно оглушенные.

Элса вылезла из грузовика, пошатнулась.

Джек подхватил ее.

Она попыталась высвободиться.

– Мне нужно к детям…

– Они, наверное, еще спят. Я проверю, как у них дела, и скажу, где вы. А вы поспите. Я для вас оставил номер.

Спать. Звучит заманчиво, спору нет.

Джек помог ей подняться и провел в комнату рядом с той, где спали дети. В ванной включил воду и нетерпеливо ждал, пока она нагреется, потом отодвинул шторку. Элса невольно вздохнула.

Теплая вода. Она положила дневник на полку над унитазом.

Не успела Элса понять, что Джек делает, как он уже снял с нее галоши и башмаки, стянул тяжелый мокрый плащ и втолкнул ее под струю воды прямо в одежде.

Элса наклонила голову, подставила под горячую воду.

Джек задвинул шторку и вышел.

Вода под ногами Элсы почернела от грязи. Она сняла одежду Джека – явно безнадежно испорченную – и взяла мыло. Лавандовое.

Она вымыла волосы и терла кожу, пока ее не защипало. Когда вода начала остывать, Элса вылезла из душа, вытерлась и завернулась

в полотенце. В ванной висел пар. Она постирала одежду Джека в раковине, повесила рубашку, штаны, белье и носки на полотенцесушитель и прошла в спальню.

Чистые простыни.

Какая роскошь.

Наверное, Джек прав. Короткий сон не повредит.

Ей вдруг подумалось: сколько она в жизни перестирала, как всегда радовалась, развешивая чистые простыни, но никогда так полно, глубоко не ценила удовольствия от прикосновения чистых простыней к голой коже. От запаха лавандового мыла в волосах.

Она повернулась на бок и закрыла глаза. Через миг она уже спала.

Глава двадцать седьмая

Лореда проснулась и не поняла, где находится.

Она медленно села, чувствуя под собой мягкий, как облако, матрас. Спутанные волосы, падавшие на лицо, пахли лавандой. *Мамино мыло.* Но запах немного другой, и лавандовым мылом они уже несколько лет не мылись.

Наводнение. Лагерь у канавы.

Она в один миг вспомнила, как несся поток грязной воды, как сложилась палатка, как кричали люди.

Лореда выбралась из-под одеяла. Энт свернулся калачиком рядом с ней, в одних только мешковатых трусах и майке.

Еще не просохшая толком одежда висела на дверце платяного шкафа.

Лореда встала, взяла свои вещи и прошла в ванную. Она воспользовалась туалетом и не смогла удержаться – еще раз приняла душ, но голову уже мыть не стала. Потом надела платье и свитер. Пальто пропало. Как и все деньги, и еда.

– Не делай так! – Энт отбросил одеяло, когда она появилась в комнате босиком.

– Ты о чем?

– Ты меня здесь одного не бросай. Я уже не маленький. Тут такое происходит, а я ничего не знаю.

Лореда невольно улыбнулась.

– Одевайся, Энтси.

Он надел все еще влажную одежду – больше у них ничего не было, – и босиком они вышли из комнаты, спустились по узкой лестнице. Снизу доносились голоса.

В маленьком холле было полно народу, пахло потом, табаком и грязной одеждой. Лореда и Энт протиснулись вперед.

На улице сияло яркое солнце. У отеля разбили шатры Красный Крест и Армия спасения, а также государственные организации по оказанию помощи. И несколько церковных групп. В каждом шатре поставили стол и стулья, предлагали пончики, и сэндвичи, и горячий кофе, тут же были коробки с одеждой и другими вещами.

– Похоже на ярманку, – сказал Энт, дрожа в мокрой одежде. – Только каруселей не видно.

– На ярмарку, – поправила Лореда, обхватив себя руками, чтобы согреться.

В глаза бросались семьи мигрантов, потерявшие жилье, потерявшие последнее. Люди жались друг к дружке, кутались в одеяла, вид у них был оглушенный.

Лореда обратила внимание на шатер в стороне от прочих. От одного столба до другого был натянут плакат: «СОЮЗ РАБОЧИХ: НОВЫЙ КУРС ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ НА ВАС».

Коммунисты.

– Пойдем, – сказала Лореда.

Она потащила Энта к этому шатру, возле которого стояла женщина в черном пальто и курила сигарету. На ней были черные шерстяные брюки, кремово-белый свитер и берет, ярко-красная помада подчеркивала бледность кожи.

Лореда поздоровалась.

Женщина вынула сигарету из ярко-красных губ и повернула голову. Прищурясь, окинула Лореду оценивающим взглядом.

– Хотите кофе?

Никогда еще Лореда не видела таких женщин. Таких… элегантных или, может… дерзких. Лет ей, наверное, столько же, сколько маме, но ее элегантность и красота как будто не имели возраста.

– Меня зовут Лореда.

Женщина протянула руку. Короткие ногти выкрашены ярко-красным лаком.

– Я Наталья. Вы оба совсем замерзли.

– М-мокрая одежда. Но это неважно. Я хочу вступить в вашу группу.

Женщина затянулась сигаретой и медленно выдохнула.

– Правда?

– Я знаю мистера Валена. Я была… на собрании в амбаре.

– Правда?

– Я хочу бороться вместе с вами.

Наталья помолчала.

– Ну, думаю, причин на это у вас больше, чем у большинства. Но сегодня мы ни с кем не боремся. Мы помогаем.

– Люди обращают внимание на тех, кто им помогает.

– Умная девочка.

– Я хочу участвовать… – Лореда понизила голос: – Ну вы понимаете. В выступлении.

Наталья кивнула:

– Молодец. Самостоятельно мыслящая девочка. Для начала возьми сухую одежду и обувь себе и брату. Переоденьтесь. И приходи разливать кофе вместе со мной.

Волонтеры прибывали нескончаемым потоком. К полудню уже сотни людей раздавали в долине горячий кофе, и разнообразные вещи, и сэндвичи. Красный Крест организовал в заброшенном автосалоне временное убежище, где можно было переночевать, Армия спасения заняла местный зал собраний. По словам Джека, половина коммунистов и социалистов из Голливуда приехали помогать или сделали пожертвования. Говорили даже, что среди волонтеров есть кинозвезды, хотя Лореда никого из них не встретила. Может, Наталья актриса? Она определенно неотразима.

Лореда и Энт тоже помогали как могли жертвам наводнения. Но первым делом Лореда отыскала им всем троим хорошую добротную одежду и обувь. Одежда – теперь их единственное достояние – обнаружилась в коробке в палатке коммунистов. Платье и свитер для мамы Лореда отнесла в номер. Мама спала, и Лореда вернулась в шатер, села рядом с Натальей. На столе перед ними стоял большой металлический кофейник и почти пустой поднос с сэндвичами. И лежали листовки, но их почти никто не брал.

Наталья зажгла сигарету, предложила Лореде покурить.

– Нет, спасибо. Я бы лучше поела.

Наталья протянула Лореде последний сэндвич с вареной колбасой.

Лореда откусила и посмотрела на поредевшую толпу. Теперь людей меньше. Большинство перевезли в другое место, оказали им какую-то помощь.

На огороженной улочке Джек пинал мяч с Энтом. Лореда как зачарованная наблюдала, как радуется Энт примитивной игре. Ей вспомнился отец, вспомнилось, какими они все были до его

исчезновения. Ничего хуже с их семьей произойти не могло. Засуха и Великая депрессия закончатся, но боль от того, что папа оставил их одних посреди этих бедствий, не пройдет никогда.

Она перевела взгляд на Джека. После всего того, что они пережили этой бесконечной ужасной ночью, его сила успокаивала. Лореда подумала, что на такого мужчину можно положиться. На мужчину, который не просто распространяет идеи, но борется за них, терпит побои, не отступает. Если бы только отец походил на Джека.

Революционер, а не мечтатель. Отец дал Лореде слова, но важны не слова, а поступки. Теперь она это знала. Уйти. Остаться. Бороться. Или бежать.

Лореда хотела быть такой, как Джек, а не как ее лишенный веры отец. Она хотела отстаивать свои убеждения, хотела рассказать всему миру, что она не заслуживает такой жизни, что недостойно Америки позволять людям так жить.

Но эта стопка листовок на столе. К ним почти никто не прикасался. Люди брали кофе и сэндвичи, однако слова их не интересовали. Особенно слова борьбы. На листке со списком желающих вступить в Союз рабочих значилось лишь одно имя – Лореда Мартинелли.

– А как вы с Джеком познакомились? – спросила Лореда, глядя на него.

– Встретилась много лет назад в Клубе Джона Рида. Мы были оба молодыми и слишком много о себе воображали. – Наталья затоптала окурок модной туфлей. – Он первым увлекся правами сельскохозяйственных рабочих и несколько лет назад убедил нас бороться с депортацией мексиканцев. Отвратительные были времена, но… – Наталья пожала плечами, – но люди пугаются, когда теряют работу, и обычно винят приезжих. Первый шаг – назвать их преступниками. Все остальное просто. Ну ты и сама знаешь. – Она глянула на Лореду.

– Да.

– Несколько лет назад мексиканцы организовали профсоюз и потребовали повышения оплаты труда. К сожалению, без насилия не обошлось. Погибли люди. Джек год просидел в тюрьме Сан-Квентин. Вышел он еще более решительным.

О тюрьме Лореда как-то не подумала.

– А почему требовать повышения оплаты труда – это незаконно?

Наталья зажгла очередную сигарету.

– Формально это законно. Но Америка – капиталистическая страна, и всем здесь заправляют толстосумы. После кампании против иммигрантов, когда всех нелегалов депортировали в Мексику, у сельхозпроизводителей могли бы возникнуть реальные проблемы, а тут…

– Мы начали приезжать.

Наталья кивнула.

– Они разослали листовки по всей Америке, приглашая рабочих. И людей приехало много, даже слишком. Теперь на каждое рабочее место десять желающих. Нам сложно уговорить ваших организоваться. Они…

– Независимые.

– Я хотела сказать «упрямые».

– Возможно. Ведь многие из нас фермеры, и иногда приходится упрямиться, чтобы выжить.

– А ты упрямая?

– Да, – медленно проговорила Лореда. – Думаю, да. Но главное, я очень злая.

Элсу разбудил солнечный свет, лившийся в окна, ей сразу вспомнился любимый дом, Тополиное. Позже она напишет об этом в своем дневнике – о наивной радости видеть солнце через прозрачное стекло, золотое, чистое, как взгляд Бога, о том, как солнечный свет наполняет душу надеждой.

Это лучше, чем писать о новой, ужасающей правде: денег у них больше нет.

Вещи, палатка, печка, еда. Ничего этого тоже больше нет.

И все же кто-то оставил на комоде светло-голубое платье и красный свитер. Надо радоваться малому.

Она медленно – после вчерашнего ныло все тело – надела новую одежду и грязные ботинки и пошла в соседнюю комнату к детям. На стук в дверь никто не ответил, и она спустилась в холл.

Улицу перед отелем огородили. Шатры Красного Креста, и Армии спасения, и местной пресвитерианской церкви. Энт и Лореда разносили подносы с едой.

Элса ощутила гордость за своих детей: помогают другим, хотя сами лишились всего. После всех страданий, невзгод, потерь, разочарований – вот они, улыбаются и раздают еду. Помогают людям. Значит, у будущего есть надежда.

Джек стоял около одного из шатров и беседовал с женщиной в берете. Элса направилась к ним.

Он улыбнулся:

– Кофе?

– С удовольствием.

Они вошли в шатер, Джек подвинул ей стул. Взгляд Элсы упал на стопку листовок на столе. *Вступайте в профсоюзы! Коммунизм – это новый американизм!* Некоторые листовки на испанском. Подписной лист приглашал вступать в Союз рабочих. Записался только один человек – Лореда Мартинелли.

– Предлагаете немного радикальной идеологии вместе с кофе? – спросила Элса и скомкала листок. – Моя дочь не будет в такое вступать.

Он сел рядом с ней, придвинулся ближе.

– Лореда ходит за мной, как охотничья собака, учуявшая дичь.

– Ей тринадцать, – сказала Элса, глядя на людей, собравшихся на улице. – Ей даже разговаривать с вами не стоит, не то что вступать в Коммунистическую партию. Кроме того, фермерам не нужны профсоюзы.

– Грустный комментарий к нашему времени. Мы, в конце концов, в Америке.

– Это не та Америка, которую я знаю. – Элса повернулась к нему: – Почему коммунизм?

– Почему нет? Я и сам работал на полях. Я знаю, какая у мигрантов тяжелая жизнь. Крупные землевладельцы помогли Рузвельту избраться. Он им обязан. Никогда не задумывались, почему он поддерживает почти всех рабочих, но только не занятых в сельском хозяйстве? Я хочу исправить ситуацию. – Он внимательно смотрел на нее. – Похоже, вы немало пережили. Может, объясните мне, почему большинство людей, приезжающих в штат, не хотят вступать в профсоюзы?

– Мы гордые. Мы верим в упорный труд и равные возможности. Но не в принцип «один за всех и все за одного».

– А вы не думаете, что принцип «все за одного» мог бы вам помочь?

– Я думаю, то, чего вы хотите, доведет вас до беды.

Элса допила кофе и протянула ему пустую чашку. Он взял чашку, и она заметила у него на запястье дешевые часы, которые неправильно показывали время. Это ее удивило. Никогда раньше она не встречала мужчин, которым плевать было на время.

– Я благодарна вам за помощь, Джек. Искренне. Вы первыми приехали нам помочь, но…

– Но что?

– У меня просто нет времени на коммунизм. Мне нужно искать жилье.

– Вам кажется, что я не понимаю вас, миссис Мартинелли, но я понимаю. Лучше, чем вы можете себе представить.

То, как он произнес ее фамилию, ее удивило – она прозвучала почти экзотически, почти незнакомо.

– Зовите меня Элсой.

– Позвольте мне кое-что для вас сделать?

– Что?

– Вы мне доверитесь?

– Почему я должна вам довериться?

– В доверии нет «почему». Оно либо есть, либо нет. Так вы мне доверитесь?

Элса пристально вгляделась в темные, казавшиеся бездонными глаза Джека. Его увлеченность делом тревожила ее, наверняка она испугалась бы, если бы встретила Джека в прежней жизни. Она помнила, как он проповедовал на городской площади, помнила его разбитое в кровь лицо, когда они встретились возле полицейского участка. Джек и его идеи неотделимы от насилия, в этом сомнений нет.

Но он спас ее детей и устроил их на ночлег. А кроме того, за этой яростью она чувствовала боль. Не то чтобы одиночество, но обособленность, знакомую ей самой.

Элса встала.

– Хорошо, – сказала она, все еще не сводя с него глаз.

Он подвел ее к палатке Красного Креста, где Лореда и Энт раздавали сэндвичи.

– Мамочка! – закричал Энт.

Элса невольно улыбнулась. Что лучше детской любви восстанавливает силы?

– Ты бы видела, как хорошо я раздавал еду. – Энт улыбался во весь рот. – И я не *все* пончики съел.

Элса потрепала его по чистым волосам:

– Я горжусь тобой. Мистер Вален обещает показать нам кое-что интересное. Выезд Клуба путешественников?

– Да!

Лореда сказала:

– Пойду возьму наше новое имущество.

Она кинулась к шатру коммунистов и вернулась с коробкой, полной одежды, постельного белья и еды.

Джек осторожно коснулся руки Элсы. Подняв голову, она увидела в его глазах понимание, будто он знал, что значит потерять все, что значит жить, когда терять уже нечего.

– Поезжайте за мной. Вот мой грузовик.

Элса с детьми направились к своему грязному грузовику. В кузове лежали барахло, которое они даже не распаковывали, – вещи, которым не было места в этой сломанной версии их жизни.

Они следовали на север за Джеком, повсюду замечая следы, оставленные бурей, – поваленные деревья, камни и мусор, земляные наносы. Переполненные канавы, огромные лужи, потоки вдоль дороги.

Люди нескончаемой вереницей тянулись по обочине, нагруженные остатками имущества.

Они миновали еще один разрушенный лагерь. Море из грязи и скарба; люди ковырялись в жиже и стоячей воде в поисках своего добра.

Джек остановился у дорожного знака с надписью «Фермы Уэлти». Элса последовала его примеру. Он подошел к ее грузовику. Она опустила стекло.

– Это лагерь Уэлти. Он предоставляет жилье сборщикам хлопка. Я слышал, что вчера одна семья уехала.

– А почему они уехали?

– У них кто-то умер, – ответил Джек. – Скажите охраннику, что вас Грант прислал.

– А кто такой Грант?

– Начальник. Он так много пьет, что не вспомнит, кому назвал свое имя.

– А вы с нами пойдете?

– У меня здесь не слишком хорошая репутация. Им мои идеи не нравятся.

Джек сверкнул улыбкой, вернулся в свой грузовик и укатил, прежде чем Элса успела его поблагодарить.

Она медленно въехала на землю Уэлти, заметив, что земля хотя и мокрая, но ничего не затоплено. Лагерь располагался между двумя хлопковыми полями в стороне от дороги. У ворот будка охранника.

Перед будкой стоял мужчина с дробовиком. Тощий, шея тонюсенькая, как карандаш, подбородок острый, как локоть. Коротко стриженные седые волосы прикрывала шляпа.

– Здравствуйте, сэр, – сказала Элса.

Мужчина подошел к грузовику, заглянул внутрь.

– Вас затопило?

– Да, сэр.

– Мы здесь только семьи принимаем. Приличных людей. Никаких негров. Мексиканцев. – Он оглядел Элсу, детей и добавил: – И незамужних женщин.

– Мой муж завтра приедет. Он собирает горошек, – сказала Элса и, помолчав, добавила: – Нас Грант прислал.

– Ага. Он знает, что у меня домик освободился.

– Домик, – прошептала Лореда.

– Четыре доллара в месяц за электричество и по доллару за матрас, я вам два дам.

– Шесть долларов, – подсчитала Элса. – А можно нам домик без электричества и матрасов?

– Нет, мэм. Но у Уэлти есть работа, и если вы живете в нашем домике, то первыми ее получите. У хозяина двадцать две тысячи акров хлопка. Большинство наших живут на пособие, пока сезон хлопка не начнется. И школа у нас своя есть. И почта.

– Школа? Прямо здесь?

– Так детям лучше. Их здесь не так задирают. Ну что, согласны или нет?

– Она *точно* согласна, – пискнул Энт.

– Согласна, – ответила Элса.

– Номер десять. Аренду вычитаем из зарплаты. Тут есть магазин, где вы можете купить продукты и даже получить немного наличных, если нужно. Конечно, в долг. Проезжайте.

– А мое имя вы не спросите?

– Не. Проезжайте.

Элса направила грузовик к группе домиков и палаток, словно образовывавших городок. Глядя на номера, она нашла дом № 10 и затормозила возле него.

Это было незамысловатое строение примерно десять на двенадцать футов. Внизу ряд бетонных блоков, а дальше металлические панели с деревянными вставками. Окон не было, но металлические решетки почти под самой крышей можно было открыть и проветрить помещение в жаркий день.

Они вылезли из грузовика и вошли внутрь. По углам прятались сумрачные тени, со шнура на потолке свисала лампочка.

– Электричество, – восхищенно произнесла Лореда.

Маленькая электроплитка на деревянной полке и две ржавые кровати с матрасами занимали почти все пространство, но все равно оставалось место поставить стулья, а может, и стол. Цементный пол. *Пол.*

– Ух ты! – прошептал Энт.

– Да, здорово, – сказала Элса.

Электричество. Матрасы. Пол под ногами. Крыша над головой.

Но… шесть долларов. Боже, как же она за это заплатит? У них не осталось ни цента.

– Ты в порядке, мама? – спросила Лореда.

– Можно мы разведаем обстановку? – спросил Энт. – Вдруг тут другие дети есть.

Элса рассеянно кивнула, не двигаясь с места:

– Идите. Но долго не гуляйте.

Она вышла наружу вслед за детьми. На площади в пять-шесть акров расположились еще несколько домиков и не меньше пятидесяти палаток. Люди ходили туда-сюда, собирали хворост, бегали дети. Больше было похоже на городок, чем на лагерь у канавы, стояли указатели, показывающие, как пройти к туалетам, прачечной и школе.

Конечно, им повезло оказаться здесь, но страх потерять это место не давал Элсе радоваться. Сколько она сможет прожить в кредит? Она подошла к грузовику и достала коробку с вещами, которые Лореда набрала в Армии спасения. Одежда, обувь и пальто для детей, простыни, одна сковородка. И немного еды, хватит на два дня, если экономить.

А что потом?

Она отнесла вещи в домик и закрыла дверь.

– Привет, – сказал Джек. Он сидел на одной из кроватей.

От удивления Элса чуть не выронила коробку.

– Извините, – сказал он. – Я не хотел вас напугать. Похоже, я без вас никуда.

– Я думала, вам нельзя здесь находиться.

– Обожаю нарушать правила.

Элса поставила коробку на пол и села рядом с ним.

– Не знаю, как я за это заплачу. Я благодарна. Искренне. Но только…

– Но только за жилье надо платить, а денег у вас нет.

– Во время наводнения мы потеряли все.

Хорошо, что она наконец произнесла это вслух.

– Я бы с радостью дал вам денег, но моя работа не очень хорошо оплачивается.

– Удивительно, что вам вообще платят. А что у вас за работа?

– Служу в Союзе рабочих. В Народном фронте. Называйте как хотите.

– В Коммунистической партии.

– Да. У партии в Калифорнии около сорока штатных сотрудников. Учитывая, что сейчас происходит в Европе, в Голливуде нас многие поддерживают. Я пишу для «Дейли Уоркер», принимаю в партию новых членов, веду учебные группы и организую забастовки. В общем, делаю все, что в моих силах, чтобы помочь людям, которых эксплуатирует капиталистическая система. И рассказываю, что можно жить по-другому.

Твердо глядя ей в глаза, он спросил:

– Как вы оказались в том лагере? Одинокая женщина…

Элса убрала волосы за уши.

– Поверьте, вы уже слышали мою историю. Мы уехали, потому что в Техасе настали тяжелые времена, но в Калифорнии оказалось еще хуже.

– А муж где?

– Ушел.

– Вот дурак.

Элса улыбнулась. Она никогда не расценивала уход Рафа как просто дурь, но формулировка ей понравилась.

– Вот и я так думаю. А вы женаты?

– Нет. Никогда не был женат. Женщины обычно думают, что я принесу одни несчастья, их это страшит. Большой плохой коммунист.

– В наши дни много что страшит. Но мы, кажется, уже все несчастья перепробовали.

– Я сидел в тюрьме, – тихо сказал Джек. – Вас это пугает?

– Раньше бы испугало.

Элса не привыкла к взглядам, которые бросал на нее Джек.

– Знаете, я ведь красивее не стану.

– По-вашему, я об этом думаю, когда смотрю на вас?

– Почему вы взялись за столь опасное дело? Я имею в виду коммунизм. Вы же понимаете, что в Америке у вас ничего не выйдет. И я вижу, чего вам это стоит.

– Ради матери. Она приехала сюда в шестнадцать лет, потому что голодала, а семья от нее отказалась из-за меня. Я до сих пор не знаю, кто мой отец. Она вкалывала как лошадь, бралась за любую работу, но каждый вечер перед сном целовала меня и говорила, что в Америке я смогу добиться чего угодно. Мечта привела ее сюда, и она передала эту мечту мне. Но все оказалось ложью. По крайней мере, для таких людей, как мы. Людей, которые приехали не из той страны, у которых цвет кожи не тот, которые говорят на неправильном языке или молятся неправильному Богу. Моя мать погибла при пожаре на фабрике. Двери там запирали, чтобы рабочие не бегали на перекур. Эта страна использовала ее и выплюнула, а она всего только и хотела дать мне возможности. Дать жизнь лучше, чем у нее.

Джек подался к Элсе:

– Вы понимаете. Я это знаю. Ваши люди голодают, умирают. Тысячи остались без крова над головой. Они не могут заработать себе

на жизнь. Помогите мне убедить их бороться за справедливую оплату труда. Вас они послушают.

Элса засмеялась:

– Меня никто никогда не слушал.

– Будут слушать. Нам нужен кто-то вроде вас.

Улыбка сошла с лица Элсы. Он говорил серьезно.

– Что толку бастовать, только работу потеряешь. Мне надо детей кормить.

– Лореда загорелась. Ей бы хотелось…

– Ей нужно в школу ходить. Лучшей жизни она добьется благодаря образованию, а не коммунистам.

Элса встала:

– Простите, Джек. Мне не хватит смелости. И пожалуйста, пожалуйста, не подпускайте ваших людей к моей дочери.

Джек тоже поднялся. Элса видела, что он расстроен.

– Я понимаю.

– Правда?

– Конечно. Разумно бояться, пока… – Он подошел к двери, взялся за ручку и остановился.

– Пока что?

– Пока вы не поймете, что не того боитесь.

Когда дети заснули, Элса достала спасенный в ту страшную ночь дневник. Она пролистала страницы. Дети оказались правы: ей становилось легче, когда она писала. На нее прыгнули слова: *дождь, младенец на лавандовом одеяле, работы нет, ждем хлопка, дождь отнимает все силы.* Сегодня она напишет о своем непроходящем страхе, о том, как он душит ее, каких огромных усилий ей стоит скрывать его от детей. Она напишет об этом и вспомнит: они выжили. Они пережили ужасное наводнение, и они все еще здесь.

Хотя дневник значил для нее целый мир, другой бумаги у них не было. Она вырвала листок и принялась писать Тони и Роуз.

Дорогие Тони и Роуз!

У нас есть адрес!

Мы наконец-то живем не в палатке, а в доме с настоящими стенами и полом. Дети пойдут в

школу в двух шагах от нашей двери. Настоящее благословенье Божье.

Это хорошие новости. А плохие новости заключаются в том, что нашу палатку и почти все наши вещи смыло наводнение. Представьте себе, наводнение. Я знаю, вы бы хотели, чтобы часть этой воды попала к вам.

Господи, иногда я так скучаю по дому, что даже дышать не могу.

Как ферма? Город? Как вы оба?

Пожалуйста, поскорее нам напишите.

С любовью,

Элса, Лореда и Энт

Глава двадцать восьмая

Накануне вечером они поужинали почти досыта, и этот ужин был приготовлен на электроплитке в домике с четырьмя стенами, крышей над головой и настоящим полом. После ужина они легли на настоящие матрасы, не на земляном, полу, а на настоящих кроватях. Лореда крепко спала рядом с братом и на следующее утро проснулась отдохнувшей.

После завтрака они надели новую одежду и обувь, что получили от Армии спасения, и вышли под яркое солнце.

Лагерь Уэлти был устроен между хлопковыми полями. Хотя лагерь не затопило, бросалось в глаза, что ливень и это место не пощадил. Трава прибита, вокруг жидкая грязь, но было очевидно, что обычно здесь расстилался зеленый луг. Буря сломала ветки многих деревьев, канавы доверху наполнились грязной водой. Десять домиков и около пятидесяти палаток образовали в центре лагеря что-то вроде городка. Между домиками и первой из палаток Лореда увидела длинное здание – прачечную – и четыре туалета: два для женщин и два для мужчин. Перед каждым выстроилась очередь. Но главное, что у каждого входа два крана. Чистая вода. Больше не придется таскать воду из канавы, кипятить и процеживать ее перед каждым использованием.

К магазину компании тоже выстроилась очередь, в основном из женщин. Они стояли молча, терпеливо скрестив руки на груди, вместе с детьми. Нарисованный от руки знак показывал дорогу к школе.

– Может, мы в школу лучше завтра пойдем? – мрачно спросила Лореда.

– Не говори ерунды, – ответила Элса. – Я займусь стиркой, достану еды, а вы пойдете в школу. Конец разговора. Вперед.

Энт захихикал:

– Мама выиграла.

Элса повела детей к двум шатрам в дальнем конце лагеря, стоявшим в довольно редкой рощице, среди хилых деревьев. Она остановилась перед шатром побольше, на котором прикрепили табличку: «Школа для младших детей».

На соседнем шатре значилось: «Школа для старших детей».

– Я уже большой, – сказал Энт.

Элса ответила «Не думаю» и подтолкнула Энта к шатру для младших.

Лореда быстро пошла вперед.

Меньше всего на свете ей хотелось появиться в классе в сопровождении матери. Она заглянула в шатер для детей ее возраста.

Пять парт. Две свободны. Женщина в выцветшем сером хлопчатобумажном платье и резиновых сапогах стояла перед мольбертом с доской. На доске она написала: «История Америки».

Лореда нырнула внутрь и села за пустую парту сзади.

Учительница подняла голову:

– Я миссис Шарп. А как зовут нашу новенькую?

Дети уставились на Лореду.

– Лореда Мартинелли.

Мальчик за соседней партой придвинулся к Лореде, так что край его парты стукнулся о ее. Он был очень высокий. И тощий. Грязная кепка надвинута так низко, что глаз не видно. Светлые волосы слишком длинные. Выцветший комбинезон надет поверх джинсовой рубашки, одна лямка расстегнута, и уголок висит, точно ухо у собаки. Он снял кепку:

– Лореда. Никогда раньше не слышал такого имени. Красивое.

– Привет, – сказала Лореда. – А ты кто?

– Бобби Рэнд. Это вы въехали в дом десять? Пеннипэкеры уехали как раз перед наводнением. Старик умер. Дизентерия. – Бобби улыбнулся. – Хорошо, что теперь здесь есть кто-то моего возраста. Папа заставляет меня ходить в школу, когда работы нет.

– А моя мама хочет, чтобы я училась в колледже.

Он засмеялся, показывая отсутствующий зуб.

– Это уже перебор.

Лореда сердито посмотрела на него.

– К твоему сведению, девочки тоже могут учиться в колледже.

– Ой, я думал, ты шутишь.

– Нет, не шучу. Ты что, из каменного века?

– Я из Нью-Мехико. У родителей был продуктовый магазин, но он разорился.

– Ребята, – сказала учительница, постучав линейкой по мольберту, – вы что-то разболтались. Откройте учебники истории на

странице сто двенадцать.

Бобби открыл книгу.

– Можем по одному учебнику заниматься. Все равно ничего важного мы не узнаем.

Лореда наклонилась к нему, заглянула в книгу. Глава называлась «Отцы-основатели и первый Континентальный конгресс».

Лореда подняла руку.

– Да… Тебя же Лоретта зовут?

Лореда не стала поправлять учительницу. Похоже, миссис Шарп не очень-то внимательно слушает.

– Меня интересует история современности. Сельскохозяйственные рабочие здесь, в Калифорнии. Антимиграционная политика, которая привела к депортации мексиканцев. И что насчет профсоюзов? Я бы хотела понять…

Учительница так сильно ударила линейкой по мольберту, что она треснула.

– Мы здесь о профсоюзах не говорим. К Америке они не имеют ни малейшего отношения. Нам повезло, что у нас есть работа, которая нас кормит.

– Но ведь работы у нас на самом деле нет, правда? Я имею в виду…

– Вон отсюда! Немедленно! И не возвращайся, пока не научишься благодарности. И держать язык за зубами, как и подобает девушке.

– Что с этими калифорнийцами не так? – спросила Лореда.

Она захлопнула учебник, ударив Бобби по пальцу. Мальчишка ойкнул.

– Зачем нам учить, что богатые старики делали больше ста лет назад? Мир разваливается на части *у нас на глазах.*

С этими словами Лореда вышла из шатра.

И что теперь?

Она двинулась через раскисший луг в сторону… а куда, собственно, ей идти? И что вообще делать? Если вернется домой, мама заставит ее стирать.

Можно пойти в библиотеку. Ничего другого Лореда не смогла придумать.

Она вышла из лагеря, повернула на асфальтированную дорогу и зашагала к городу.

В Уэлти – до городка было меньше мили – она свернула на Главную улицу, где в магазинах с навесами когда-то явно продавалось все, что нужно покупателям с деньгами. Ателье, аптеки, продуктовые магазины, мясные лавки, магазины одежды. Теперь почти все закрыты. В центре городка находился кинотеатр: афиш не видно, двери на замке.

Лореда прошла мимо заколоченного шляпного магазина, на крыльце сидел мужчина, одну ногу вытянул, вторую, согнутую, обхватил рукой, между его пальцами дымилась самокрутка.

Он внимательно наблюдал за девочкой из-под поникших полей шляпы.

И во взгляде его сквозило сочувствие.

Лореда немного замешкалась перед библиотекой. Она не была здесь со дня визита в парикмахерскую. Как будто целая жизнь прошла.

Сегодня она выглядит иначе – неухоженная, усталая. По крайней мере, платье досталось относительно новое, но грязные ботинки и чулки не спрятать.

Лореда заставила себя войти. В прихожей она сняла грязные башмаки, оставила их у двери.

Библиотекарша оглядела Лореду с ног до головы, от грязных чулок до жалкого кружевного воротничка на платье с чужого плеча.

Только бы она меня вспомнила. Только бы она не назвала меня оки.

– Мисс Мартинелли. Я надеялась, что вы к нам снова придете. Ваша мать с такой радостью забрала читательский билет.

– Она подарила его мне на Рождество.

– Хороший подарок.

– Я… потеряла книги о Нэнси Дрю во время наводнения. Мне так жаль.

Миссис Квисдорф грустно улыбнулась.

– Не переживайте. Я рада, что вы живы и здоровы. Какую книжку вам поискать?

– Меня интересуют… права рабочих.

– Значит, политика. – Библиотекарша направилась вглубь зала. – Подождите минуточку.

Лореда посмотрела на газеты, которые лежали на столе рядом с ней. Заголовок на первой полосе «Лос-Анджелес геральд экспресс» гласил: «*Держитесь подальше от Калифорнии: предупреждение ордам кочевников*».

Ничего нового.

«Пособия мигрантам – банкротство штата».

Лореда перелистывала страницы. Статья за статьей с угрозами: мигранты, нуждающиеся в пособиях, приведут штат к разорению. Авторы публикаций называли мигрантов бестолковыми, ленивыми, криминальными, писали, что они живут, как собаки, «потому что по-другому не умеют».

Послышались шаги. Миссис Квисдорф положила на стол рядом с газетами тоненькую книжечку. «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида.

– Джон Рид, – прочитала Лореда. Имя показалось ей знакомым, но она не могла вспомнить, где слышала его. – Спасибо.

– Но предупреждаю, – тихо проговорила миссис Квисдорф. – Бывает, что слова и идеи убивают. Следи, кому и что ты говоришь, особенно в этом городе.

Прачечную лагеря устроили в длинном деревянном здании с шестью металлическими корытами и тремя ручными прессами для отжимания белья. И – чудо из чудес – из крана текла чистая вода, стоило лишь повернуть ручку.

Элса провела первое утро в лагере, стирая простыни, полученные от Армии спасения, и одежду, которая была на ней и детях во время наводнения; благодаря прессу ей не приходилось отжимать вещи руками. Закончив, она отнесла мокрый узел к домику и развесила сушиться постиранное на веревке снаружи.

Потом достала письмо, которое написала прошлой ночью, и сходила на почту. Одно это – почтовый ящик всего в пятидесяти футах от дома – уже потрясающая удача.

А теперь в магазин. Прямо здесь. В лагере. Какое удобство.

Магазин компании оказался узким зеленым дощатым строением с островерхой крышей и окошками-прорезями сбоку от белой двери. Пробираться к нему пришлось через целое озеро жидкой грязи – последствия наводнения.

Элса открыла дверь, и над головой весело тренькнул колокольчик.

На стеллажах выстроилась целая галерея из провианта. Банки фасоли, и горошка, и томатного супа. Мешки с рисом, мукой и

сахаром. Копченое мясо. Местные сыры. Свежие овощи. Яйца. Молоко.

Одну из стен занимали отрезы всевозможных тканей, от хлопка до шерсти; коробки с пуговицами и лентами; катушки ниток; туфли любых размеров. Галоши, и плащи, и шляпы. Мешки для сбора хлопка и картошки, фляги и перчатки.

Элса сразу заметила, что цены на всё высоченные. Некоторые продукты – например, яйца – в два с лишним раза дороже, чем в городе. Мешки для сбора хлопка, свисавшие с крюков на стене, стоили втрое больше того, что Элса отдала за них в городе.

Она взяла корзинку.

За длинным прилавком в глубине магазина стоял усатый господин с бакенбардами и кустистыми бровями. На нем была темно-коричневая шляпа, черный свитер и штаны с подтяжками.

– Здрасьте, – сказал он, поправив очки в металлической оправе. – Видно, это вы заселились в дом десять.

– Это я. Точнее, мы, мои дети и я. И мой муж, – не забыла добавить она.

– Добро пожаловать. Вы выглядите как достойное прибавление в нашем маленьком обществе.

– Наводнение… лишило нас… дома.

– Как и многих.

– И деньги пропали. Все.

Он кивнул:

– Да уж, обычная история.

– Мне нужно кормить детей.

– И за аренду теперь платить.

Элса сглотнула.

– Вы правы. Цены у вас… очень высокие.

За ее спиной звякнул колокольчик, Элса обернулась. В магазин вошел крупный мужчина, на цветущем мясистом лице сияла улыбка. Он просунул большие пальцы под подтяжки, которые придерживали его шерстяные брюки, и вразвалочку двинулся по помещению, поглядывая по сторонам.

– Мистер Уэлти, – расцвел продавец, – доброе утро.

Уэлти. Владелец.

– Утро будет добрым, когда эта чертова земля высохнет, Харальд. А это у нас кто?

Он остановился рядом с Элсой. Вблизи она разглядела качество его одежды, покрой распахнутого пальто. Так ее отец одевался на работу – выбирал вещи, которые должны были произвести определенное впечатление.

– Элса Мартинелли, – ответила она. – Мы здесь новенькие.

– Бедная семья потеряла все во время наводнения, – сказал Харальд.

– Ну, – сказал мистер Уэлти, – тогда вы оказались в правильном месте. Запаситесь едой для семьи. Берите все, что хотите. В сезон хлопка хорошо заработаете. Дети у вас есть?

– Двое, сэр.

– Прекрасно, прекрасно. Мы любим деток, которые собирают хлопок.

Он так стукнул по прилавку, что банка с леденцами у кассы задрожала.

– Харальд, дай ей конфет для детей.

Элса поблагодарила его, хотя и была уверена, что Уэлти ее не слушает. Он уже шел к выходу из магазина.

– Ну что, – сказал Харальд, открыв журнал, – дом десять. Я запишу за вами шесть долларов – кредит за этот месяц. Это за аренду. Что еще вам нужно?

Элса с тоской посмотрела на копченое мясо.

– Берите все, что вам необходимо, – любезно предложил Харальд.

Необходимо. Элса не могла этого сделать, а иначе она взяла бы все и убежала, как воровка. Нет, нельзя позволить себе соблазниться доступностью кредита. В этой жизни нет ничего бесплатного, в особенности для мигрантов.

И все же.

Элса медленно прошла вдоль стеллажей, ведя в уме подсчеты. Осторожно сложила в корзину, как будто они могли взорваться, банки с молоком, ветчину, пакет картошки, пакет муки, рис, две банки вяленой говядины, немного сахара. А еще фасоль. Кофе. Хозяйственное и туалетное мыло. Да, не забыть зубную пасту и зубные щетки. Одеяло. Два конверта.

Она отнесла корзину к прилавку и принялась выгружать покупки.

Ей казалось, что она падает в бездну, что судьба ее накажет. Она никогда не позволяла себе того, за что не могла заплатить. Конечно, семья Уолкотт покупала в кредит в городе, но только удобства ради. Отец своевременно платил по счетам. Покупать в кредит, когда сбережений нет, – все равно что просить милостыню. Так казалось Элсе.

– Одиннадцать долларов двадцать центов. – Харальд записал сумму в свой журнал в графе «Дом 10».

Такими темпами к 26 апреля, когда, как она надеялась, придет государственное пособие, Элса окажется по уши в долгах.

– Знаете, – едва слышно сказала она, – я возьму одну банку вяленой говядины.

Полок в домике не было, поэтому Элса аккуратно сложила еду в единственную коробку и засунула ее под кровать. Для них она оставила две банки молока, фунт кофе и кусок мыла, остальное убрала обратно в сумку, которую ей выдали в магазине, вышла, села в грузовик и поехала на юг – мимо городка Уэлти, в лагерь у канавы.

Поле превратилось в море стоячей воды и грязи, усеянное мусором. Повсюду из воды торчали вещи, доски, листы металла. Люди, которым некуда было податься, уже возвращались на старое место, чтобы заново обустроить лагерь.

Элса увидела большой фермерский грузовик Дьюи, весь залепленный грязью. Вокруг него стояло несколько человек.

Взяв сумку, Элса двинулась через поле. Под ногами чавкала густая жижа, вода заливалась в галоши, просачивалась в ботинки. Джеб с мальчиками сбивали куски фанеры, которые им удалось выловить, девочки в кузове играли с замызганными куклами в грязных платьях. К забитой землей и мусором печке, которую Дьюи привезли из Алабамы, думая, что у них будет дом, прислонился сломанный стул.

Ночевали они в грузовике, все вшестером.

Подойдя ближе, Элса помахала Джебу. Тот смущенно глянул на нее:

– Джин у канавы.

У Элсы сжалось горло, она ничего не смогла ответить, лишь кивнула, пристроила сумку на сломанный стул и пошла дальше по

заболоченному полю к канаве.

Джин пыталась зачерпнуть ведром воду. Элса приблизилась, чувствуя вину за то, что выбралась отсюда, и стыд за радость и благодарность, которую испытывала за это.

– Джин.

Подруга обернулась. За долю секунды, прежде чем Джин нашла в себе силы улыбнуться, Элса увидела всю глубину ее отчаяния.

– Элса. Знаешь, у нас тут без тебя настоящий ад.

Но Элса не приняла шутливого тона.

– Надин? Мидж?

– Надин со своими ушли. Просто пешком. А Мидж я после наводнения не видела.

Джин медленно выпрямилась, поставила на землю ведро с грязной водой.

Элса не знала, что сказать. Она опасалась, что не выдержит и расплачется. Теперь она понимала, что имел в виду дедушка, когда говорил: «*Притворись смелой, если нужно*». Так она сейчас и поступила, улыбнулась, хотя глаза щипало от слез.

– Мне не нравится, что вы здесь.

– И мне не нравится. – Джин закашлялась, поднесла ко рту грязный платок. – Но Джеб собирается надстроить какую-то конструкцию над кузовом. Глядишь, даже крытое крыльцо сделает. Скоро будет уже не так плохо. Земля высохнет. – Она улыбнулась и добавила: – Может, ты заглянешь к нам на чай.

– На чай? Думаю, пора нам всем перейти на джин.

– Но ты ведь придешь к нам в гости?

Элса ощутила страх Джин, да и сама она боялась не меньше.

– Конечно. А ты дашь мне знать, если я тебе понадоблюсь. В любое время. Днем и ночью. Мы в доме десять в лагере рабочих Уэлти. Вверх по дороге. Я… принесла вам немного еды.

Совсем немного.

– Ах, Элса… как я могу тебя отблагодарить?

– Ты не должна меня благодарить. Ты это знаешь.

Джин подняла ведро. Женщины вернулись к грузовику, который был после наводнения не на ходу. Как Дьюи будут выезжать на поля, ведь скоро лето?

Элсе было не по себе от того, что она бросает их тут, но она ничем не могла помочь. Она понимала, что многим еще хуже, у них даже нет машины, где можно как-то жить.

– Жизнь наладится, – сказала Джин.

– Конечно.

Они взглянули в глаза друг другу. Обе знали, что врут.

– Будем пить джин и танцевать чарльстон, как девушки из высшего общества, – сказала Джин. – Я всегда хотела брать уроки танцев. Я тебе рассказывала? Когда я еще была не замужем и жила в Монтгомери, я умоляла маму об уроках. Но у меня обе ноги левые. Видела бы ты меня на свадьбе. Как мы танцевали с Джебом – жуткое зрелище.

Элса рассмеялась.

– Ну уж точно вы танцевали не хуже, чем я с Рафом. Мы научим друг друга танцевать, Джин. Ты, и я, и музыка. И плевать, кто на нас смотрит и что думает.

Она обняла Джин и никак не могла отпустить ее.

– Иди, – сказала Джин. – Все у нас в порядке.

Элса сдержанно кивнула, помахала остальным членам семьи и двинула через мокрое поле к дороге. Внезапно увидела свою печку – та лежала на боку, наполовину занесенная грязью, трубы не было. Элса снова едва не расплакалась, и каждый миг, когда ей удавалось сдержать слезы, казался ей триумфом. Из грязи торчало ведро, она вытащила его и продолжила идти. Нашла кофейную чашку и ее тоже подобрала.

В Уэлти на заправке она помыла ведро под краном. Помыла и галоши, снова втиснула в них ноги. Все это время она думала о подруге, семье которой предстояло провести остаток зимы в грузовике посреди грязевого моря.

– Элса?

Она завернула кран и обернулась.

Джек, в руках стопка бумаг. Разумеется, листовки, призывающие людей восстать против бесчеловечного обращения.

Не стоит подходить к нему, не здесь, под людскими взглядами, но она не смогла удержаться. Элса чувствовала себя такой беззащитной и одинокой.

Такой одинокой.

Джек сам преодолел расстояние, разделявшее их.

– Все в порядке?

– Я была… в лагере. Джин… и дети… живут…

Голос ее прервался.

Джек раскинул руки, и она шагнула в его объятия. Он молча обнимал ее, позволяя выплакаться. Но руки его утешали, рубашка впитывала слезы.

Наконец она отстранилась и посмотрела ему в глаза. Он отпустил ее, смахнул слезы с щеки подушечкой большого пальца.

– Так жить нельзя, – хрипло сказала Элса. Близость, на миг возникшая между ними, уже развеялась. Ей было неловко, что она позволила Джеку обнять ее. Ни к чему ему думать, что она жалкая и слабая.

– Да, нельзя. Отвезти вас домой?

– Обратно в Техас?

– А вы этого хотите?

– Джек, то, чего я хочу, не имеет ни малейшего значения. Даже для меня самой.

Элса вытерла глаза, стыдясь своих слез.

– Знаете, это не слабость. Глубоко чувствовать, стремиться к чему-то. Нуждаться в чем-то.

Элсу поразили его слова, попавшие в самую точку.

– Мне пора, – сказала она. – Дети скоро вернутся из школы.

– До свидания, Элса.

Удивительно, какое у него было грустное лицо. Наверное, она его разочаровала.

– До свидания, Джек, – сказала Элса и пошла к своему грузовику.

Почему-то она знала, что он смотрит ей в след, но оглядываться не стала.

К концу марта земля высохла, поле у канавы снова стало обитаемым, Лореде исполнилось четырнадцать, а семья Мартинелли увязла в долгах. Элса беспрестанно подсчитывала. Пока получалось, что им с Лоредой придется собрать три тысячи фунтов хлопка, только чтобы выплатить долг. Но при этом нужно платить за аренду и покупать еду. И с приходом зимы этот порочный круг начнется заново. Ей не выбраться отсюда.

Как только дети уходили в школу, она отправлялась искать работу. В удачные дни ей удавалось заработать сорок центов: пропалывала сорняки, стирала, убиралась в домах. Каждую неделю они втроем ходили в Армию спасения, чтобы разжиться вещами из отданных на благотворительность.

В апреле она принялась считать дни: скоро она официально станет резидентом штата и сможет получить пособие. Ей больше и в голову не приходило отказаться от правительственной помощи.

В назначенный день она проснулась рано, приготовила детям оладьи на воде, налила каждому по полстакана разбавленного яблочного сока, который квартами продавали в магазине компании.

Заспанные дети оделись и побрели в туалет, к которому уже выстроилась очередь.

Когда они вернулись, Элса дала каждому по две оладьи с ложкой драгоценного джема. Дети пристроились рядышком на кровати.

– Тебе нужно поесть, мама, – сказала Лореда.

У Элсы сжалось сердце от взгляда на дочь: четырнадцать лет, очень худое лицо, выступающие скулы. Клетчатое платье висит на тоненьком теле, ключицы выпирают.

Ей бы сейчас на танцы ходить, впервые влюбиться…

– Мама? – окликнула ее Лореда.

– Ох, извини.

– У тебя что, голова кружится?

– Нет. Совсем нет. Просто задумалась.

Энт засмеялся:

– Ни к чему тебе думать, ма. Ты сама знаешь.

Энт встал. Ему только исполнилось девять – мосластые локти и коленки слишком массивные для тонких, точно палки, рук и ног. За последние несколько месяцев он нашел друзей и снова начал вести себя как обычный мальчишка: отказывался стричься, избегал материнских нежностей и звал ее «ма».

– Угадайте, какой сегодня день, – сказала Элса.

– Какой? – спросила Лореда, не поднимая головы.

– Мы получим пособие, – обьявила Элса. – Настоящие деньги. Я смогу начать выплачивать наш долг.

– Ну конечно. – Лореда опустила тарелку в ведро с мыльной водой.

– Мы зарегистрировались в штате год назад. Теперь мы можем получить пособие как резиденты.

Лореда посмотрела на нее:

– Они найдут способ забрать его.

– Пошли, оптимистичная моя, – ответила Элса, подавая Энту пальто.

Сама она надевать пальто не стала. Влезла в галоши и накинула на плечи одеяло.

Они вышли в оживленный лагерь-городок. Опасность заморозков уже миновала, и все мужчины работали в полях. Тракторы без остановки подготавливали почву, вспахивали.

– Напоминает о дедушке, – сказала Лореда.

Они остановились, прислушались к гулу моторов. В воздухе висел запах свежевскопанной земли.

– И правда, – ответила Элса, ощутив острую тоску по дому.

Втроем дошли до школьных шатров.

– Пока, ма. Удачи тебе с пособием, – сказал Энт и убежал.

Лореда молча скрылась в своем шатре.

Элса минуту постояла, прислушиваясь к детским голосам и смеху, к словам учителей, велевшим садиться. Если закрыть глаза – а она так и сделала, на одно мгновение, – можно представить себе совсем другой мир.

Со вздохом она повернула назад. Сотни ног превратили тропинки между палатками и домиками в глубокие колеи. Элса заняла очередь в туалет.

В это время дня людей в лагере было уже немного и ждать надо было не больше двадцати минут. Ей хотелось принять душ, но кабинок только две, а это означало час ожидания или больше. Она вернулась в домик, вымыла тарелки, сложила их в ящик из-под яблок, который служил им шкафчиком. За месяцы жизни в лагерях они научились выуживать из мусора полезные штуковины.

Элса заправила постели, надела пальто и вышла.

В городе длинная лента из подавленных мужчин и женщин извивалась у Центра социальной помощи. Большинство неотрывно смотрели на свои сцепленные руки. Народ со Среднего Запада, или техасцы, или южане. Гордые люди, не привыкшие жить на пособие.

Элса встала в конец очереди. Люди быстро выстроились и за ней, казалось, они стягиваются со всех концов города.

– Все в порядке, мэм?

Она встряхнулась, заставила себя улыбнуться.

– Наверное, забыла поесть. Все в порядке. Спасибо.

Тощий молодой человек перед ней, видимо, купил свой комбинезон, когда весил фунтов на пятьдесят больше. Щетина придавала его лицу угрюмость, но глаза были добрые.

– Все мы об этом забываем, – улыбнулся он. – Я с четверга не ел. А сегодня какой день?

– Понедельник.

Он пожал плечами:

– Дети, знаете ли.

– Знаю.

– Вы уже раньше получали пособие?

Она покачала головой:

– До сегодняшнего дня я не имела на это права.

– Не имели права?

– Нужно прожить в штате год, чтобы получить пособие.

– Год?! За это время нас, может, уже и в живых не будет.

Он вздохнул, вышел из очереди и зашагал прочь.

– Постойте! – закричала Элса ему вслед. – Вам нужно зарегистрироваться!

Молодой человек даже не обернулся, а Элса не могла оставить очередь и побежать за ним, иначе потеряла бы место, что сулило еще не один час ожидания.

Наконец ее черед. Она приблизилась к энергичной молодой женщине, сидевшей за столом с переносной пишущей машинкой. Перед женщиной стояла длинная коробка с карточками.

– Имя?

– Элса Мартинелли. У меня двое детей. Энтони и Лореда. Я зарегистрировалась ровно год назад.

Женщина быстро перебрала красные карточки, достала одну.

– Вот ваша. Адрес?

– Лагерь сельскохозяйственной компании Уэлти.

Женщина вставила карточку в пишущую машинку и добавила информацию.

– Хорошо, миссис Мартинелли. Семья из трех человек. Будете получать тринадцать долларов пятьдесят центов в месяц.

Она достала карточку из каретки пишущей машинки.

– Спасибо.

Элса свернула купюры в тугую трубочку, зажала в кулаке.

Выйдя из Центра социальной помощи, она заметила волнение дальше по улице, где выдавали федеральную помощь. Толпа кричала. Элса осторожно двинулась в ту сторону, ни на секунду не забывая о деньгах, которые стискивала в руке.

Она остановилась рядом с каким-то мужчиной.

– Что происходит?

– Федералы больше не выдают продукты.

Кто-то в толпе закричал:

– Это несправедливо!

В окно конторы полетел камень, зазвенело стекло. Толпа с криками надвинулась на здание.

Через несколько минут взвыла сирена. Полицейская машина с мигалкой резко затормозила, из нее выпрыгнули два человека в форме и с дубинками.

– Кто тут хочет в тюрьму за бродяжничество?

Один из полицейских схватил мужчину в лохмотьях и запихнул его в машину.

– Кто-нибудь еще желает в тюрьму?

Элса повернулась к стоящему рядом человеку:

– Как они могут просто так взять и перестать выдавать продукты? Им что, плевать на нас?

Мужчина посмотрел на нее с удивлением:

– Вы шутите?

Из Центра социальной помощи Элса пошла к лагерю на Саттер-роуд.

За месяц, прошедший с наводнения, на поле поселилось даже больше людей, чем прежде. Старожилы поставили палатки, припарковали машины и построили лачуги на участках повыше. Вновь прибывшие расположились возле канавы. Землю укрывал ковер из молодой травы и старых вещей. Кусок трубы, рваная книга, сломанный фонарь. Почти все ценные вещи уже прибрали, или же их унесла вода.

Элса отыскала грузовик Дьюи. Теперь над ним громоздился навес из деревянных обломков, промасленной бумаги и жести.

Джин сидела на стуле у капота. Рядом с ней Мэри и Люси, устроившись по-турецки, во что-то играли, тыкая палками в землю.

– Элса! – Джин хотела подняться.

– Не вставай, – сказала Элса, увидев, до чего подруга бледная и худая.

Она перевернула ведро и села рядом с Джин.

– Не могу предложить тебе кофе, – сказала Джин. – Я пью горячую воду.

– И я бы чашечку выпила, – ответила Элса.

Джин протянула Элсе кипяток.

– Федералы отменили продуктовую помощь. Люди в городе бунтуют.

Джин закашлялась.

– Я слышала. Не знаю, как мы доживем до хлопка.

– Мы справимся.

Элса медленно раскрыла ладонь, посмотрела на тринадцать долларов и пятьдесят центов. На эти деньги ей нужно кормить семью до следующего месяца. Она протянула две долларовых купюры Джин.

– Не могу я их принять, – сказала Джин. – Только не деньги.

– Конечно же, можешь.

Они обе знали, что на двадцать семь долларов, которые Дьюи получали от штата, прокормить шесть человек невозможно. И Элса могла брать товары в кредит. А Дьюи – нет.

Джин взяла купюры и попыталась улыбнуться.

– Что же, буду копить на нашу бутылку джина.

– Ага. Скоро напьемся и станем дебоширить. Как плохие девочки. – Элса даже улыбнулась этой мысли. – Я только один раз повела себя как плохая девочка, и знаешь, что я за это получила?

– Что?

– Плохого мужа и прекрасную новую семью. Так что да здравствует плохое поведение.

– Обещаешь?

– Ага. Скоро, Джин.

Вернувшись на «Фермы Уэлти», Элса прямиком направилась в магазин компании.

По пути домой она считала, снова и снова. Если каждый месяц отдавать половину пособия в счет уплаты долга, будет непросто, но шанс у них есть.

В магазине она взяла хлеб, вареную колбасу, банку вяленого мяса, несколько хот-догов и мешок картошки. Банку арахисового масла, кусок мыла, несколько банок молока и немного сала. Ей очень хотелось взять еще дюжину яиц и батончик «Хершиз». Но так-то людей и губит кредит.

Она положила товары на прилавок.

Харальд улыбнулся, пробивая покупки.

– Вам сегодня пособие выдали, да, миссис Мартинелли? Я понял по вашей улыбке.

– Вот уж точно подсобили.

Касса позвякивала.

– С вас два доллара тридцать девять центов.

– Что-то очень дорого, – заметила Элса.

– Ага, – сказал продавец, с состраданием посмотрев на нее.

Она достала из кармана наличные, начала пересчитывать.

– О, мы наличные не берем, извините. Только в кредит.

– Но у меня наконец есть деньги. Я хотела и в счет долга внести.

– Так не получится. Только в кредит. Я даже могу дать вам немного наличных… в кредит. С процентами. На бензин и все такое.

– Но… как же мне выбраться из долгов?

– Собирайте хлопок.

До нее вдруг дошло, как тут все устроено. И почему она раньше не поняла? Уэлти *хотел,* чтобы она была у него в долгу, хотел, чтобы она тратила пособие и следующей зимой снова оказалась ни с чем. Конечно, тебе дадут наличные в кредит – наверняка под непомерные проценты, – потому что бедняки согласны работать за гроши. Единственный выход – покупать продукты в городе, где цены ниже, чтобы долг в магазине компании не рос, но особого толку от этого не будет. На тринадцать долларов в месяц так и так не проживешь. Она взяла с прилавка и вернула в корзину банку вяленой говядины.

– Этого я себе не могу позволить.

Он пересчитал общую сумму долга, записал ее.

– Мне очень жаль, мэм.

– Правда? А если я поеду на север собирать персики, мне придется заплатить за аренду вперед?

– О нет, мэм. Вам придется отказаться от домика и гарантированной работы по сбору хлопка.

– Мы не можем ездить на сбор урожая?

Элса во все глаза смотрела на продавца, у нее в голове не укладывалось, как он соглашается быть частью этой системы. Если они поедут собирать фрукты, то лишатся жилья, а значит, они вынуждены остаться здесь, без работы, сидеть ждать хлопка, жить на пособие и в кредит.

– Значит, мы рабы.

– Рабочие. И я бы сказал, вам повезло.

– Вы уверены?

– Вы видели, как люди живут на берегу канавы?

– Да, – ответила Элса. – Видела.

Она вышла на улицу.

Там жизнь текла своим чередом: женщины развешивали постирушку, мужчины собирали хворост на растопку, дети играли с каким-то мусором. С дюжину ссутулившихся женщин в мешковатых платьях стояли в очереди к двум женским туалетам. Сейчас в лагере обитало больше трехсот душ, на бетонных площадках поставили пятнадцать новых палаток.

Элса посмотрела на женщин, на самом деле *посмотрела.* Серые. Согбенные. Изможденные. Платки на немытых волосах. Выцветшие платья с заплатками. Штопаные-перештопаные чулки. Изношенные туфли.

И все же они улыбались, покрикивали на детей. Элса достаточно настоялась в таких очередях и знала, что эти женщины говорят о самом обычном: о детях, о здоровье, сплетничают о соседях.

Жизнь продолжалась – продолжалась даже в эти невыносимые времена.

Глава двадцать девятая

В мае долина окончательно просохла под лучами уже жаркого солнца, зацвела, зазеленела. Уэлти сдержал свое слово: обитатели лагеря «Ферм Уэлти» первыми получили вожделенную работу. Элса целыми днями трудилась под палящим солнцем. Почти все обитатели лагеря у канавы, в том числе Джеб с мальчиками, подались за работой на север. Джин с девочками остались в застрявшем грузовике, другого имущества у них не было.

Еще до рассвета у ворот лагеря Уэлти затормозил большой грузовик. Люди принялись запрыгивать в него, не дожидаясь, пока автомобиль остановится. Мужчины и женщины сидели, тесно прижавшись друг к другу, пониже надвинув шляпы, руки у всех были в перчатках, купленных в магазине компании по завышенным ценам.

Лореда смотрела на мать, которую толпа притиснула к деревянной решетке за кабиной. В очереди, ожидавшей грузовик, мать стояла второй.

– Проследи, чтобы Энт сделал домашнее задание! – крикнула Элса.

– А ты мне точно не разрешишь…

– Точно, Лореда. Когда хлопок созреет, будешь собирать, но это все. А теперь иди в школу и чему-нибудь научись, чтобы не кончить, как я. Мне сорок лет, и почти каждый день я чувствую себя на сто. Учиться все равно осталось только неделю.

Водитель поднял борт кузова, и грузовик покатил по дороге к хлопковым полям. Жара еще не опустилась, но в воздухе висело обещание зноя.

Лореда вернулась к себе. В маленьком домике теперь всегда было тепло. Лореда понимала, что вскоре приятное тепло сменится невыносимой духотой, но все равно радовалась ему после промозглой зимы. Она открыла вентиляционную решетку и поставила вариться овсянку на завтрак.

Когда утренний свет проник в домик через открытую дверь, Энт выбрался из кровати и побрел к выходу.

– Я в туалет.

Вернулся он через четверть часа, почесывая промежность.

– Мама получила работу?

– Да.

Он уселся на деревянный ящик у стола с треснувшей столешницей, который им однажды посчастливилось найти возле дороги. После завтрака Лореда проводила Энта в школу.

– Встретимся дома после уроков. И не опаздывай. Сегодня стирка.

– Жарко будет. – Энт скорчил гримасу и исчез в школьном шатре.

Лореда направилась к своему. У входа она услышала, как миссис Шарп объявила:

– Сегодня девочки научатся наносить макияж, а у мальчиков будет лабораторная работа.

Лореда застонала. Наносить макияж.

– Мы все знаем: чтобы найти мужа, нужно быть красивой, – сказала миссис Шарп.

– Нет! – громко сказала Лореда. – Нет.

Мазаться помадой и пудрой – это уже слишком. На прошлой неделе девочки несколько часов просеивали муку и месили тесто, а мальчики «летали» в фанерной модели самолета с нарисованной внутри «кабины» приборной панелью.

Лореда старалась не прогуливать школу, понимала, как мама ценит образование, но порой она с трудом выносила эти тупые занятия. Да и вообще миссис Шарп все равно вечно смотрит на нее косо. Учительнице не нравится, что Лореда постоянно задает вопросы.

Так и не войдя в школьный шатер, Лореда развернулась, вернулась домой, взяла библиотечную книгу и вышла за ворота лагеря.

По дороге она буквально ощущала, как распрямляется у нее спина, как поднимается подбородок. Она шагала в направлении городка, энергично размахивая руками. Ну разве не лучше пойти в библиотеку вместо школы? На этой неделе она прочитала «Манифест Коммунистической партии» и теперь надеялась отыскать не менее занимательное чтение. Миссис Квисдорф упоминала какого-то Гоббса.

На Главной улице царило непривычное оживление. Мужчины в костюмах и женщины в нарядных платьях стекались к кинотеатру, афиша на стене которого сообщала о городском собрании.

Лореда вошла в библиотеку и направилась к стойке выдачи книг.

Она протянула «Манифест» миссис Квисдорф.

– И что же мы узнали из этой книги? – спросила миссис Квисдорф, понизив голос, хотя других посетителей, кажется, не было. Библиотека почти всегда пустовала.

– Все дело в классовой борьбе, правда? Крепостные против землевладельцев на протяжении всей истории. Маркс и Энгельс правы. Если бы существовал только один класс и все работали на общее благо, мир был бы намного лучше. Тогда бы деньги забирала себе не горстка капиталистов, а они распределялись между теми, кто работает. А сейчас богатые богатеют, бедные же беднеют.

От каждого по способностям, каждому по потребностям. Миссис Квисдорф кивнула:

– Это общая идея. Но кто знает, возможно ли такое.

– А что это в кинотеатре происходит? Я думала, он закрыт.

Миссис Квисдорф посмотрела в окно.

– Городское собрание. Вот она, политика, прямо у нас под носом.

– А меня пустят?

– Собрание общедоступное, однако… Знаешь, иногда лучше изучать политику с безопасного расстояния. В исторической перспективе. В реальности она может оказаться довольно-таки безобразной.

– Но как они меня остановят? Я теперь резидент штата.

– Да, но… Только будь осторожна.

– Не сомневайтесь, я буду осторожна, миссис К., – ответила Лореда.

На улице вовсю светило жаркое, почти летнее солнце. Лореда вывернула из переулка на Главную улицу, миновала благотворительную столовую с неизменной очередью и, смешавшись с принаряженной толпой, вошла в кинотеатр.

По бокам сцены занавес из красного бархата. Затейливая резьба на деревянных панелях тускло отсвечивала позолотой. За несколько минут зал заполнился почти до отказа.

Лореда устроилась на ступеньке в проходе рядом с мужчиной в черном костюме и шляпе. От сладковатого дыма сигары у него во рту ее замутило.

На сцену вышел человек, занял место за трибуной.

Гомон стих.

– Спасибо вам, что собрались здесь. Мы все знаем, почему мы тут. В 1933 году учредили Федеральную администрацию по оказанию помощи в чрезвычайных ситуациях, чтобы поддерживать людей, прибывающих в наш штат. Тогда мы не знали, что сюда хлынут огромные толпы мигрантов. Как не знали мы, что многие из них окажутся иждивенцами. Что пожелают жить на пособие. Сейчас президент Рузвельт предпочитает поддерживать предпринимателей, а потому федеральных пособий мигрантам больше не выплачивают, но наш штат продолжает платить тем, кто прожил тут больше года. И, честно говоря, у штата просто нет для этого ресурсов.

Иждивенцы?

Встал мужчина и обратился к залу:

– Говорят, они не хотят работать на сборе урожая. Да и зачем им? Они же отлично живут на пособие. Которое платят из моих налогов!

– Что, если не хватит рабочих рук, чтобы собрать весь наш хлопок?

– А как насчет чертова палаточного лагеря, который федералы строят в Арвине? Это же будет рассадник агитаторов. Им там вроде бы и чертову медицинскую помощь собираются оказывать.

Поднялся еще один человек. Лореда узнала мистера Уэлти. Он обожал расхаживать по лагерю, выставив пузо и свысока поглядывая на арендаторов.

– Эти проклятые пособия избаловали бездельников оки, – сказал Уэлти. – По-моему, в сезон сбора урожая нужно прекратить выплату *всех* пособий. Что, если они захотят организовать профсоюз? Забастовку мы себе позволить не можем.

Забастовка.

Ведущий поднял руку, успокаивая зашумевший зал.

– Вот почему мы сегодня собрались здесь. Администрация штата Калифорния разделяет ваши опасения. Урожай – а значит, и ваши доходы – не пострадает, мы этого не позволим. Штат знает, как важен урожай для нашей экономики. Однако мы также знаем, как важно справиться с болезнями в лагерях ради безопасности наших детей. Нам нужно построить школу только для мигрантов и больницу только для мигрантов. Пусть держатся отдельно.

– Проклятые коммуняки на прошлой неделе мутили народ в моем хозяйстве. Забастовщиков необходимо извести на корню.

Какой-то человек шел по проходу с такой непринужденной уверенностью, словно кинотеатр принадлежал ему. И его совершенно не смущал запыленный, видавший виды костюм. Лореда выпрямилась.

Джек.

– Эти люди – *американцы*! – сказал Джек. – Вы совсем стыд потеряли? По-вашему, пусть гнут на вас спину, когда хлопок созреет, а как только соберут все до последней коробочки, вы их попросту вышвырнете, будто они мусор. И вы всегда так поступали с теми, кто собирает для вас урожай. Деньги, деньги, деньги. Вот единственное, что вас волнует.

В зале поднялся крик. Люди вскакивали, орали, потрясали кулаками.

– Мужчина не может прокормить семью, получая один цент с каждого собранного фунта хлопка. Вы это прекрасно знаете, и вы их боитесь. И правильно делаете. Если собаку долго пинать, она начнет кусаться.

По проходу уже спешили двое полицейских. Ухватив Джека за локти, они потащили его от сцены к выходу.

Лореда выбежала вслед за ними и сощурилась от слепящего солнца. На тротуаре она заметила стопку листовок, ветерок уже подхватывал листки и нес их по улице.

Рабочие! Объединяйтесь ради перемен!

Джек лежал на земле, раскинув руки и ноги. Шляпа валялась рядом.

– Джек! – закричала Лореда. Она кинулась к нему, упала на колени.

– Лореда.

Джек с кряхтеньем приподнялся, нахлобучил шляпу и улыбнулся Лореде.

– Моя маленькая ученица-коммунистка. Как поживаешь, черт возьми?

Как он может улыбаться, когда у него весь висок в крови?!

Завыла полицейская сирена.

– Пойдем. – Джек встал, взял девочку за руку. – На этой неделе я провел в тюрьме достаточно времени.

Он сгреб листовки, сунул в карман и повел Лореду через улицу – в закусочную.

Джек сел за стойку, Лореда забралась на табурет рядом с ним. Промокнула кровь на виске Джека салфеткой.

– Ну что, я теперь выгляжу как разбойник?

– Не смешно, – сказала Лореда.

– Да. Не смешно.

– Из-за чего все это?

Джек заказал у бармена для Лореды шоколадный молочный коктейль.

– Цены на хлопок падают. Это плохо для промышленности и плохо для рабочих. Хозяева волнуются.

Лореда так быстро всосала сладкий коктейль, что у нее зашумело в голове.

– И поэтому созвали собрание, поэтому накинулись на вас?

– Накинулись они на меня, потому что не желают ставить вас вровень с собой. Боятся, что вы объединитесь в профсоюзы, потребуете справедливой оплаты. Так называемая блокада против бродяг закончилась, границы штата снова открыты, и мигранты стекаются со всех сторон.

– Они не хотят платить нам столько, сколько просто нужно для жизни.

– Вот именно.

– А как их заставить платить?

– Только бороться.

Джек помолчал, глядя на Лореду, а затем с деланым равнодушием спросил:

– Детка, а как там твоя мама?

После десяти часов работы под палящим солнцем Элса слезла с грузовика. Она так и не сняла рабочие перчатки, в руках она держала чек. Много по нему не получишь, но хоть что-то. Магазин компании брал с жителей лагеря десять процентов за выплату наличных, но больше обналичить чек было негде, и если рабочие хотели получить наличные, вместо того чтобы перевести деньги на кредитный счет, приходилось платить проценты. И как бы мало им ни платили, они получали еще на десять процентов меньше. Элса совсем вымоталась, руки и плечи ломило. Она вошла в магазин, где мелодичное звяканье

колокольчика теперь лишь действовало на нервы. Оно напоминало о растущем долге и мучительной правде: выхода нет.

За прилавком стоял незнакомый продавец.

– Дом десять, – сказала Элса.

Новый продавец открыл журнал, посмотрел на квиток и записал сумму, которую она заработала. Подойдя к стеллажу, Элса взяла две банки концентрированного молока. Ей очень не хотелось платить за него по завышенной цене, но Энту и Лореде нужно молоко, чтобы кости были крепкими.

– Запишите на мой счет, – сказала Элса и, не оглядываясь, вышла.

Она заняла очередь в женский туалет. Обычно Элса заводила разговор с соседками, но после десяти часов неустанного труда у нее не было на это сил.

Наконец она вошла в темный вонючий туалет.

Потом Элса вымыла руки у уличной колонки и направилась к себе. Какое-то время за ней шел бригадир, но затем отстал, остановившись послушать беседу двух мужчин. Все чаще хозяева направляли шпионов выяснить, какие ведутся разговоры после работы в поле.

У двери Элса остановилась, помедлила, собираясь с духом, и, открыв дверь, с усилием улыбнулась:

– Привет, путеше…

Она не договорила.

На ее кровати сидел Джек и, подавшись вперед, что-то рассказывал Энту, который устроился по-турецки на бетонном полу и выглядел совершенно зачарованным.

– Ма! – воскликнул сын, вскакивая. – Джек рассказывает нам про Голливуд. Он знаком с кучей звезд. Правда, Джек?

Элса увидела горку листовок на стуле рядом с кроватью. *Рабочие, объединяйтесь ради перемен!*

Джек встал:

– Сегодня я встретил Лореду в городе. Она пригласила меня к вам.

Элса посмотрела на Лореду, которой хватило совести покраснеть.

– Ты была в городе. В учебный день. Как интересно. И она пригласила вас – коммуниста – к нам домой, с вашими листовками. Весьма разумно с ее стороны.

– Я прогуляла школу, пошла в библиотеку, – принялась объяснять Лореда, пока Элса убирала молоко. – Мисс Шарп устроила урок макияжа, мама. Я что хочу сказать… у нас нет денег на книги, мы живем впроголодь, так к чему мне умение мазать глаза тушью?

– Лореда говорит, что в последнее время вы пропадаете целыми днями в поле, – сказал Джек. – В полдень была адская жара.

– И до сих пор жара. А мне повезло, что у меня есть работа, – отрезала Элса.

Джек шагнул к ней почти вплотную, и она прошептала:

– Ваше присутствие для нас опасно.

– Я обещал детям приключение. Энт сказал, что вы организовали Клуб путешественников. Можно мне в него вступить?

– Пожалуйста, мама! – хором воскликнули дети.

– Когда им нужно, у них слух острый, как у шакалов, – вздохнула Элса.

– Пожа-а-алуйста.

– Ладно, ладно. Но сейчас всем надо поесть.

– Нет, – сказал Джек, – сегодня о вас позабочусь я. Встретимся на дороге. Там стоит мой грузовик. Лучше, чтобы вас не видели в моей компании.

– Я уверена, что лучше вообще не находиться в вашей компании, – возразила Элса.

Лореда закрыла за Джеком дверь, медленно повернулась и скорчила гримаску.

– Что касается школы…

Элса слишком устала, чтобы сейчас переживать из-за того, что ее дочь прогуляла школу. Она умылась, причесалась.

– Поговорим об этом завтра.

Она велела Энту отвернуться, сняла рабочую одежду и надела милое хлопковое платье из Армии спасения.

Все трое вышли на дорогу, где Джек припарковал грузовик.

Элса тревожилась, не следят ли за ними, но никого из обитателей лагеря поблизости не было.

Они забрались в кабину старого грузовика. Сына Элса пристроила у себя на коленях.

– Поехали! – закричал Энт, когда Джек вырулил с обочины.

Вскоре они свернули с шоссе на узкую дорогу, ведущую к заброшенному отелю.

– Подождите здесь.

Джек выпрыгнул из грузовика и скрылся в мексиканской забегаловке, довольно оживленной. Столиков внутри не было, посетители расправлялись с едой стоя. Вскоре Джек вернулся, он нес корзину, которую поставил в кузов. После чего занял свое место водителя.

Довольно далеко от города они свернули еще раз – на дорогу, о существовании которой Элса не знала. Узкая лента петляла, карабкаясь на холмы.

Внезапно глазам открылся большой луг, по краю которого стояло с десяток разномастных автомобилей. Элса увидела также рощицу молодых деревьев, где прогуливались люди, по лугу носились дети с собаками. Невдалеке поблескивали три маленьких озерца. По одному скользили лодки, в другом купались. Неожиданно раздалась музыка – в рощице биг-бэнд заиграл мелодию Джимми Роджерса[39]. У берега стояли палатки. В воздухе плыли запахи карамели и попкорна.

Они словно вернулись в прошлое. Элса вспомнила Дни пионеров, как накануне они с Роуз весь день готовили, как Тони играл на скрипке и все танцевали.

– Так похоже на дом, – сказала Лореда.

Элса взяла дочь за руку, сжала и отпустила.

Дети побежали к озеру.

– Какая красота, – вздохнула Элса.

Джек достал корзину из грузовика.

– Управление общественными работами[40] обустроило эту зону отдыха на деньги, выделенные Рузвельтом. У людей появилась работа за хорошую зарплату. Сегодня открытие.

– А я думала, что вы, коммунисты, все в Америке ненавидите.

– Вовсе нет, – серьезно ответил Джек. – Мы поддерживаем Новый курс. Мы верим в справедливость, и справедливую оплату труда, и равные возможности для всех, не только для богатых. Коммунизм – действительно новый американизм. Это не мои слова – по-моему, первым это сказал кинорежиссер Джон Форд на одном из собраний Голливудской антинацистской лиги.

– Вы очень серьезно относитесь к своему делу, – заметила Элса.

– Дело и правда серьезное. Но только не сегодня.

Он взял ее под руку и повел в рощицу.

Элсе казалось, что все таращатся на нее, осуждают ее поношенную одежду, ее ноги без чулок, туфли не по размеру.

Мимо прошла высокая женщина в голубом креповом платье, крепко сжимая руками в перчатках сумочку. Она слегка наморщила нос и отвернулась.

Элса вся сжалась.

– У этой старой кошелки нет никакого права судить вас. Просто испепелите ее взглядом, – сказал Джек и повел ее дальше.

Дедушка сказал бы то же самое. Элса невольно улыбнулась.

Они вышли на берег, расположились на заросшем мягкой травой участке. Энт и Лореда плескались по колено в воде. Элса и Джек разулись, шляпу Джек положил рядом на траву.

– Вы похожи на мою маму, – сказал он.

– Маму? Я что, выгляжу старой?

– Это комплимент, Элса. Поверьте. Она была очень энергичной женщиной.

Элса улыбнулась.

– Я совсем не энергичная, но сейчас меня порадует любой комплимент.

– Я часто спрашивал себя, как мама выжила в этой стране. Женщина без мужа, почти не знающая английского, да еще с ребенком. Другие женщины и хозяин обращались с ней отвратительно, и меня это просто бесило. Не знаю, почему я вам это рассказываю.

– Вы наверняка думаете, что она была одинока, переживаете, что у нее, кроме вас, не на кого было опереться. Поверьте, я знаю, что такое одиночество, и уверена, именно вы ее от одиночества и спасли.

Джек надолго замолчал, изучающе глядя на Элсу.

– Я так давно о ней не говорил.

Элса ждала.

– Я помню смех матери. Много лет я спрашивал себя, где она находила повод и силы для смеха… Но вот теперь встретил вас, вижу, как вы любите ваших детей, и, кажется, лучше понимаю ее.

Элса чувствовала, что Джек неотрывно смотрит на нее, будто чего-то ищет, будто хочет узнать ее суть.

– Иди к нам, мама! – Энт замахал ей рукой.

Элса, обрадовавшись вмешательству сына, оглянулась и махнула в ответ.

– Вы же знаете, что я не умею плавать.

Джек встал и помог Элсе подняться. Они стояли так близко, что она чувствовала его дыхание на своем лице.

– Нет, правда. Я не умею плавать.

– Доверьтесь мне.

Он потянул ее к воде. Она бы стала сопротивляться, но на них и так все смотрели.

У самой кромки воды Джек подхватил ее на руки и шагнул в озеро.

Холодная вода лизнула спину, и Элса вдруг погрузилась в озеро, и его руки продолжали держать ее, а сверху раскинулось синее-синее небо.

Я плыву.

Она чувствовала себя невесомой, весь мир свелся к жаркому солнцу, прохладной воде и его рукам. На один чудесный миг все вокруг куда-то исчезло и она оказалась где-то в другом месте, то ли в прошлом, то ли в далеком будущем, и больше не было ни голода, ни усталости, ни страха, ни гнева. Она просто жила. Элса закрыла глаза и впервые за долгие годы ощутила умиротворение. *Она в безопасности.*

Когда она открыла глаза, Джек смотрел на нее, склонившись так близко, что Элса подумала, что он сейчас ее поцелует, но он прошептал:

– Знаете, какая вы красивая?

Он явно шутил, и она бы рассмеялась, но не могла выдавить ни звука под его пристальным взглядом. Молчание сделалось неловким. Но Элса понятия не имела, что ей следует сказать.

Он вынес ее на берег, бережно опустил на траву и ушел. Элсу сотрясала внутренняя дрожь – и от собственной неловкости, и от его слов, и от чувств, которые внезапно на нее нахлынули.

Джек вернулся с яркой мексиканской шалью, набросил ее на плечи Элсе.

Затем открыл корзину и позвал детей, которые с готовностью примчались, мокрые – хоть отжимай.

Энт плюхнулся на траву рядом с Элсой. Она втащила сына под шаль.

Джек достал из корзины бутылки с кока-колой и тамале с фасолью, сыром и свининой в пряном соусе.

Это был лучший день за долгие годы, лучший с тех пор, как начались пыльные бури, и засуха, и Великая депрессия.

– Вызывает воспоминания, правда? – сказала Лореда позже, когда рощица и луг опустели, небо потемнело и замерцали первые звезды.

– О чем?

– О доме. Я словно слышу шум нашей ветряной мельницы.

Но это только вода ритмично билась о берег.

– Я скучаю по дому, – сказал Энт.

– Бабушка с дедушкой тоже по нам скучают, – отозвалась Элса. – Завтра мы им напишем, расскажем об этом чудесном дне. – Она посмотрела на Джека и добавила: – Спасибо.

Этот разговор казался до странности интимным, а может, все дело в том, как он смотрел на нее, в том, как она себя почувствовала под этим его взглядом. «Вы меня пугаете», – хотелось сказать Элсе, но это же смешно, да и какая разница? Это всего лишь один день, выходной.

– А теперь…

Ей не пришлось заканчивать предложение. Джек встал. Энт и Лореда тоже. Джек подсадил детей в кузов и открыл дверь кабины для Элсы.

Возвращаемся в лагерь. К реальной жизни.

Дорога домой длинная, пустая, петляющая. Элса мысленно снова и снова заводила разговор с Джеком, подбирала слова, но так и просидела всю дорогу молча, слишком растерянная для того, чтобы говорить. Нынешний день выдался какой-то… особенный, но что она об этом знает? Она боялась унизить себя, нафантазировав то, чего на самом деле нет.

У поворота в лагерь Уэлти Джек съехал на обочину. В желтом свете фар Элса смотрела, как он обходит машину, чтобы открыть ей дверцу.

Она спрыгнула из кабины, опершись о его руку.

– Я скоро поеду в Салинас. Буду убеждать рабочих организоваться в профсоюз. Может, доберусь до консервных заводов. Некоторое время меня здесь не будет. Так что…

– Почему вы мне это рассказываете?

– Я не хочу, чтобы вы подумали, будто я просто… сбежал. Я бы с вами так не поступил.

– Странно говорить такое женщине, которую вы едва знаете.

– Если вы заметили, я пытаюсь изменить это, Элса. Я хочу получше узнать вас. Если вы только дадите мне шанс.

– Вы меня пугаете.

– Я знаю, – ответил он, все еще держа ее за руку. – Землевладельцы боятся, жители города боятся, штат теряет огромные деньги, и люди в отчаянии. Ситуация нестабильная. Что-то назревает. В последний раз, когда разразился конфликт, погибли три организатора профсоюзов. Я не хочу навлечь и на вас угрозу.

Элса совсем не то имела в виду. Она боялась этого мужчину, боялась чувства, что пробудилось в ней, когда он смотрел на нее.

– А вы разве не организатор профсоюзов?

– Он самый.

И только тут она осознала, какой опасности он себя подвергает.

– Значит, не только мне нужно быть осторожной, правда?

Глава тридцатая

Все это длинное жаркое лето Элса и Лореда искали хоть какого-то заработка. Они не осмеливались оставить лагерь Уэлти, не хотели тратить пособие на бензин, поэтому брались за любую работу поблизости. В те дни, когда ничего не было, Элса хлопотала по хозяйству, спровадив детей в библиотеку, где миссис Квисдорф занимала их книгами и разными проектами. Оставив детей в безопасности библиотеки, Элса порой отправлялась в лагерь у канавы и сидела вместе с Джин у грязной воды или завязшего в грязи грузовика.

– Где он? – спросила Джин в особенно жаркий день в конце августа.

В такой нестерпимый зной вонь в лагере стояла чудовищная, ну и что с того. Женщины радовались, что могут провести немного времени вместе.

– Кто? – Элса сделала глоток едва теплого чая.

Джин посмотрела на Элсу особым, понятным обеим взглядом.

– Ты знаешь, о ком я.

– Джек, – ответила Элса. – Я стараюсь не думать о нем.

– Старайся лучше, – усмехнулась Джин. – Или просто признай, что он засел в твоих мыслях.

– Мне с мужчинами в прошлом не везло.

– Знаешь, в чем смысл, Элса? Прошлое прошло. Фьють – будто его и не было.

– Говорят, что те, кто не помнит своей истории, обречены повторять ее.

– И кто это говорит? Я такого никогда не слышала. Я бы сказала, те, кто держится за прошлое, упускают шанс на будущее.

Элса повернулась к подруге.

– Господи, Джин. Посмотри на меня. Я даже в лучшие годы – молодые, сытые, чистые – не была красивой. А теперь…

– Ах, Элса. У тебя о себе неправильное представление.

– Даже если это и так, что тут поделаешь. Слова, которые тебе говорят родители, и слова, которые тебе не говорит муж, становятся

зеркалом, правда? Ты видишь себя такой, какой они видят тебя, и как бы далеко ты ни ушла, зеркало это всегда с тобой.

– Так разбей его, – сказала Джин.

– Как?

– Камнем.

Джин подалась к подруге и веско проговорила:

– Я тоже зеркало, Элса. Не забывай.

Хлопок созрел.

Новость разнеслась по лагерю Уэлти сухим сентябрьским днем. Воздушные белые пушинки парили над плантацией, поднимались в чистое голубое небо. Объявления на каждом домике и палатке приглашали всех завтра в шесть утра быть готовыми к сбору. Элса надела штаны, блузу с длинными рукавами и приготовила завтрак, потом разбудила детей. Сидя на кроватях, они молча ели горячую сладкую поленту. У Элсы сжималось сердце, когда она думала, что сегодня они будут собирать хлопок вместе с ней. Особенно ее тревожил Энт. Но они не стали устраивать дискуссию по этому поводу. В прошлом году они были такими наивными – Элса думала, что дети будут учиться, а она заработает достаточно, чтобы и прокормить, и одеть их, и дать им крышу над головой. Теперь-то она знала, что все это иллюзии. Они провели в штате достаточно времени и понимали: хлопок – это их хлеб насущный. Даже детям придется вкалывать на плантациях.

Им ничего не оставалось, как вступить в тот порочный круг, куда их загоняли хозяева: жить в кредит, множа долги, не зарабатывать достаточно, даже с учетом пособия, чтобы вырваться из этого круга. Им всем придется собрать немало хлопка, чтобы просто выплатить долг, и тогда зимой можно будет снова жить в кредит. Элса скатала хлопковые мешки, наполнила фляги водой, собрала еду и повела детей к ряду поджидающих грузовиков.

– Ты, – сказал бригадир, указав на Элсу. – Вас трое?

Элсе хотелось сказать «нет».

– Да, – ответила Лореда.

– Мальчонка-то тощий, – заметил бригадир, сплюнув табачную слюну.

– Он сильнее, чем кажется, – сказала Лореда.

Бригадир достал из кузова три двенадцатифутовых полотняных мешка.

– Идите на восточное поле. Полтора доллара за каждый мешок. Запишем их на ваш счет.

– Полтора доллара! Это же грабеж среди бела дня, – сказала Элса. – И у нас свои мешки есть.

– Если живете на земле Уэлти, берите мешки Уэлти. – Бригадир в упор посмотрел на нее. – Вам работа нужна?

– Да, – быстро ответила Элса. – Дом десять.

Он кинул им три длинных мешка. Элса с детьми забрались в кузов, куда уже набились сборщики, которых привезли из другого лагеря. Они доехали до поля Уэлти в пяти милях, там каждому выделили свой ряд. Элса развернула длинный мешок, пристегнула его к плечу так, чтобы он тянулся за ней, а потом показала Энту, как это делается. Мальчик выглядел таким крошечным с этим мешком. Элса с Лоредой долго объясняли ему, как собирать хлопок, но было ясно, что науку Энту придется постигать на собственном опыте, расплачиваясь исколотыми в кровь пальцами.

– Хватит на меня так смотреть, ма, – сказал Энт. – Я тебе не малыш.

– Ты мой малыш, – вздохнула Элса.

Энт закатил глаза.

Удар в гонг объявил о начале дня.

Элса наклонилась и приступила к работе. Коробочки хлопка, усеянные шипами, тут же искололи ладони. Она срывала коробочку, очищала ее от листьев и прутиков и опускала в мешок белые комки хлопка.

Не думай об Энте.

Она снова и снова повторяла одни и те же действия: сорвать, очистить, положить в мешок.

Солнце поднималось все выше, кожа у Элсы уже горела, а от пота, что собирался за воротником, ожоги саднили еще сильнее. Мешок тяжелел с каждым шагом, она волокла его уже с усилием.

К обеду температура перевалила за сто градусов.

Автоцистерна проехала вдоль поля и остановилась в конце рядов. Чтобы попить воды, нужно было пройти почти милю.

А на краю поля столпились люди – сотни людей. Надеющиеся получить работу готовы были стоять под палящим солнцем бесконечные часы, готовы были умирать на поле за любые гроши, лишь бы накормить семью.

Элса машинально срывала хлопковые коробочки, и с каждым мгновением, каждым вдохом в ней нарастала злость от того, что ее детям приходится работать тут.

Когда мешок набился до отказа, она поволокла его к очереди у весов.

К ней присоединилась Лореда. Обе раскраснелись, взмокли от пота, тяжело дышали.

– Могли бы и туалет здесь поставить, не разорились бы, – буркнула Лореда, утирая лоб.

– Тихо, – резко сказала Элса. – Смотри, сколько народу хотят занять наши места.

Лореда оглянулась.

– Бедняги. Им еще хуже, чем нам.

По грунтовке с грохотом пронесся грузовик, подняв облако пыли. На борту стилизованная хлопковая коробочка и надпись «Фермы Уэлти».

Грузовик резко остановился. Из него вылез мистер Уэлти, массивный, рослый. Густые седые волосы торчали из-под фетровой шляпы, словно хлопковые волокна. В кузове грузовика лежали катушки колючей проволоки.

Все прекратили работать, обернулись.

«Хозяин, – зашептались сборщики. – *Это хозяин»*.

Уэлти взобрался на площадку, где стояли весы. Обвел взглядом свои поля, затем толпу бедолаг, ожидающих работы.

– В этом году мне пришлось посадить меньше хлопка, скажите спасибо чертовым федералам. Хлопка меньше, а желающих собирать его больше. Поэтому я срезаю оплату на десять процентов.

– На десять процентов?! – закричала Лореда. – Мы не можем…

Элса зажала ей рот рукой.

Уэлти посмотрел прямо на Элсу и Лореду.

– Кому-то не нравится? Либо соглашайтесь на уменьшение расценок, либо уходите. Вон желающих по десять человек на место.

Мне все равно, кто мой хлопок собирает. – Он выдержал паузу. – И кто живет в моем лагере.

Все молчали.

– Я так и думал, – сказал Уэлти. – Возвращайтесь к работе.

Раздался гонг. Элса медленно убрала руку со рта Лореды.

– Хочешь присоединиться к ним? – она дернула головой в сторону толпы.

– Мы такие же, как они! – выкрикнула Лореда. – Это *несправедливо*. Ты слышала, что говорят Джек и его друзья…

– Тсс. Это опасные разговоры, и ты это знаешь.

– Мне все равно. Это *неправильно*.

– Лореда…

Лореда вырвалась:

– Я не буду такой, как ты, мама. Я не буду просто соглашаться и притворяться, что то, что нас не убивает, – нормально. Почему ты не злишься?

– Лореда…

– Конечно, мама. Скажи мне быть хорошей девочкой, держать язык за зубами и продолжать работать, пока наш долг в магазине компании каждый месяц увеличивается.

Лореда затащила мешок на весы и громко сказала:

– Да, сэр. Платите мне меньше. Я так рада, что у меня есть работа.

Весовщик протянул ей зеленый квиток. Девяносто центов за сотню фунтов, и магазин компании снимет еще десять процентов.

– Ты какая-то тихая, – заметила Элса по дороге домой.

– Считай это настоящей удачей, – буркнула Лореда. – Тебе бы не понравилось то, что я хочу сказать.

– Ну правда, ма, – сказал Энт. – Не спрашивай ее.

Лореда остановилась, повернулась к матери:

– И почему это ты не злишься так, как я?

– А что толку злиться?

– По крайней мере, это хоть что-то.

– Нет, Лореда. Это ничто. Ты видела, сколько людей каждый день стекается в эту долину. Хлопка меньше, безработных больше. Даже я понимаю базовую экономику.

Лореда бросила пустой мешок и побежала, петляя среди домиков и палаток. Ей хотелось не останавливаться, пока Калифорния не превратится в воспоминание. В дальнем конце лагеря, среди деревьев, она услышала мужской голос:

– Помощь? Когда этот чертов штат нам хоть чем-нибудь помогал?

– Сегодня снова срезали зарплату, по всей долине.

– Послушай, Айк. Будь осторожен. У нас есть работа. И жилье. Это хотя бы что-то.

Лореда притаилась за деревом.

– Помнишь лагерь у канавы? Теперь-то мы лучше живем.

Айк выступил вперед. Это был высокий тощий мужчина с лысиной в венчике седых волос.

– Ты называешь это жизнью? Я второй сезон собираю хлопок и уже могу тебе сказать, что я буду рвать задницу, как и моя жена, и дети, но после уплаты долга у нас останется около четырех центов. Четырех центов. И я не шучу. Все, что мы зарабатываем, идет в магазин за наши домики и палатки, наши матрасы, еду по завышенным ценам.

– Да, еще и бухгалтерия нас надувает.

– Они берут десять центов с доллара за обналичку, но больше нам чеки нигде не обналичить. Каждый цент, который мы зарабатываем на сборе, идет в счет уплаты долга в магазине компании. Отсюда не выбраться. Они следят за тем, чтобы денег у нас не было.

– Мне нужно семь ртов кормить, Айк, – сказал высокий мужчина в заштопанном комбинезоне и соломенной шляпе.

– Тут у всех семьи.

– Ничего не поделаешь. Мне все равно, что говорит Вален. Слушать его опасно.

Джек.

Ей следовало догадаться, что без него тут не обошлось. Он человек деятельный.

Лореда вышла из-за дерева.

– Айк прав. Вален прав. Нам нужно отстаивать свои интересы. У богачей нет никакого права так с нами обращаться. Что они станут делать, если все откажутся собирать хлопок?

Мужчины нервно переглянулись.

– Не говори о забастовке…

– Ты просто девочка.

– Девочка, которая сегодня собрала двести фунтов хлопка, – ответила Лореда. Она показала свои ладони, красные, ободранные. – Больше я ничего не скажу. Мистер Вален прав. Нам нужно подняться и…

Чья-то рука сильно сжала плечо Лореды.

– Извините, ребята, – сказала Элса. – У дочки сегодня был тяжелый день. Не обращайте на нее внимания.

Она потащила Лореду домой.

– Черт, мама! – Лореда попыталась вырваться. – Зачем ты это сделала?

– Тебя отметят как профсоюзного зачинщика, и тогда нам конец. Кто знает, может, в той группе шпион? Они повсюду.

– Мы не должны так жить!

Мама вздохнула.

– Это не навсегда. Мы найдем выход.

Когда пойдет дождь.

Когда мы доберемся до Калифорнии.

Мы найдем выход.

Новые слова для старой надежды, которая никогда не сбывается.

В долине нарастало напряжение. Оно чувствовалось в полях, в очередях за пособием, в лагере. Понижение зарплаты напугало и обеспокоило всех. А что, если заработок еще срежут? Никто не произносил этого слова вслух, но оно буквально висело в воздухе.

Забастовка.

Ночами по лагерям сборщиков и палаточным городкам на пустырях теперь прохаживались бригадиры, вооруженные дубинками. Ходили от домика к домику, от палатки к палатке, от лачуги к лачуге, прислушиваясь к разговорам, и при их появлении людей словно холодной водой окатывало. Все знали, что среди них есть шпионы – те, кто ради расположения хозяев готов выдать товарищей, выражавших недовольство.

После тяжелого рабочего дня Лореда без сил лежала на кровати, глядя, как мать разогревает на плитке консервированную свинину с фасолью.

Внезапно за стеной раздались шаги.

Под дверь просунули листок бумаги.

Никто не двигался, пока шаги не удалились.

Тогда Лореда вскочила и схватила листок, опередив Элсу.

РАБОТНИКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Призываем вас к действию!

Мы должны бороться за более высокую оплату труда.

Лучшие жилищные условия.

Нашу зарплату срезали: это случайность?

Не думаем.

Бедных, голодных, отчаявшихся людей легче контролировать.

Объединяйтесь с нами.

Освобождайтесь.

Союз рабочих хочет вам помочь.

Приходите в четверг в полночь в подсобное помещение отеля «Эль Чентро».

Элса вырвала у Лореды бумажку, прочитала, смяла.

– Не надо…

Элса чиркнула спичкой, подожгла листовку и уронила на бетонный пол, бумага быстро обратилась в пепел.

– Из-за этих людей нас уволят и вышвырнут отсюда.

– Эти люди нас спасут, – возразила Лореда.

– Разве ты не видишь, Лореда? Они опасны. Землевладельцы против профсоюзов.

– Конечно. Они хотят, чтобы мы голодали и зависели от них, чтобы готовы были работать почти забесплатно.

– Но мы зависим от них! – закричала мама.

– Я пойду на собрание.

– Нет, не пойдешь. Как думаешь, почему они встречаются в полночь, Лореда? Они боятся. Взрослые мужчины боятся, что их увидят с коммунистами и профсоюзными деятелями.

– Ты вечно говоришь о моем будущем. Возлагаешь на меня большие надежды. Колледж. Но как, по-твоему, я туда поступлю, мама? Если я осенью собираю хлопок, а зимой голодаю? Если я живу на пособие?

Лореда вплотную шагнула к матери.

– Подумай о женщинах, которые боролись за право голосовать. Они тоже боялись, но ведь выходили на марши ради перемен, даже если им грозила тюрьма. И теперь у нас есть право голоса. Иногда цель стоит любых жертв.

– Это плохая идея.

– Я не хочу, чтобы мною помыкали, я больше не хочу выживать. Они творят зло. И их нужно призвать к ответу.

– И это ты, четырнадцатилетняя девочка, заставишь их заплатить, да?

– Нет. Джек заставит.

Элса нахмурилась, опустила голову.

– А какое отношение к этому имеет мистер Вален?

– Я уверена, что он будет на собрании. Его ничего не пугает.

– Знаешь, я сказала все, что собиралась. Мы держимся подальше от коммунистов и профсоюзов.

Глава тридцать первая

В четверг Лореда десять часов собирала хлопок, все ее тело болело, но завтра утром придется встать и снова отправиться в поле.

Зарплату срезали на десять процентов. Девяносто центов за сотню фунтов собранного хлопка. А после вычета, который заберут себе мошенники в магазине компании, останется восемьдесят.

Она размышляла об этом беспрерывно, точно одержимая, несправедливость душила ее.

Еще она думала о собрании.

И мамином страхе.

Лореда понимала этот страх куда лучше, чем предполагала мать. Как она могла его не понимать. Она пережила зиму в Калифорнии, наводнение в лагере, потеряла все, почти ничего не ела, носила обувь не по размеру. Она знает, каково это – ложиться спать голодной и просыпаться голодной, она пыталась обмануть желудок, наполняя его водой. Она видела, как мама отсчитывает фасолины на ужин, как делит один хот-дог на три порции. Она знала, что мама жалеет о каждом центе, который добавляла к долгу в магазине.

Разница между ней и мамой не в страхе – они обе боялись. А в страсти. В маме угас огонь. А может, его никогда и не было. Лореда только раз видела подлинный гнев мамы – в ту ночь, когда они похоронили ребенка Дьюи.

Лореда *хотела* испытывать гнев. Что Джек сказал, когда они познакомились? *В тебе есть искра, детка. Не позволяй этим ублюдкам загасить ее.* Что-то в этом роде.

Лореда не хотела быть женщиной, страдающей в тишине.

Отказывалась быть такой.

И сегодня ее шанс доказать это.

В одиннадцать часов она лежала в постели, но не спала. Ждала. Отсчитывала минуты.

Энт лежал рядом, перетянув на себя все одеяло. Обычно она сдергивала одеяло с брата, дав еще и пинка для острастки. Сегодня ей было все равно.

Она выбралась из постели, спустила ноги на теплый бетонный пол. Сколько она ни проживет, до самой смерти будет благодарна за

этот пол. Всегда.

Быстрый взгляд в сторону подтвердил: мама спит.

Лореда стащила с вешалки рубашку и комбинезон и бесшумно оделась в темноте. Застегивая пуговицы, сунула ноги в ботинки.

Снаружи стояла тишина. Пахло подгнивающими фруктами и плодородной землей. Дымом от давно затушенных пожаров. Здесь ничто по-настоящему не исчезало, все словно зависало. Запахи. Звуки. Люди.

Она тихо закрыла за собой дверь, прислушалась. Сердце колотилось, она боялась… и чувствовала себя как никогда живой.

Выждала, сосчитала до десяти, но поблизости никого.

Стараясь ступать беззвучно, она скользнула в ночь.

В городе она прошла мимо кинотеатра и здания городской администрации и повернула в переулок с давно не стриженными лужайками и заколоченными зданиями. Держась в стороне от фонарей, она двигалась в густой тени и так добралась до гостиницы, где они ночевали в памятное наводнение.

В переулке царила гробовая тишина. Лореда понадеялась, что собрание не отменили.

Весь день, потея, надрываясь в поле, волоча тяжеленный мешок, засовывая в карман чек, обесценивающий ее труд, она думала лишь о сегодняшнем собрании.

В отеле «Эль Чентро» не горел свет, но перед зданием чернели силуэты автомобилей. Лореда поднялась по ступеням. С дверной ручки свободно свисала цепь, на которую запирали отель.

Лореда приоткрыла дверь и увидела внутри тусклый свет.

За стойкой стоял мужчина с крючковатым носом, он уставился на нее через маленькие круглые очки.

– Вам нужен номер? – спросил он с сильным акцентом.

Лореда молчала. Могут ее арестовать просто за то, что она пришла сюда? Вдруг этот тип работает на землевладельцев, выявляет смутьянов? А может, он, напротив, сторонник Джека и следит за тем, чтобы на собрание попали только свои?

– Я на собрание, – сказала она.

– Идите вниз.

Лореда направилась к лестнице. Она внезапно занервничала. Почти запаниковала. Навалился страх.

Она скользила ладонью по отполированным деревянным перилам, спускаясь по узкой лестнице мимо кладовки и прачечной.

Услышав голоса, Лореда двинулась на звук. Дверь в конце коридора была приоткрыта, она заглянула в щель и увидела целую толпу.

Люди стоял плотно, плечом к плечу. Мужчины, женщины, даже несколько детей. Бобби Рэнд помахал ей рукой. Тут же были Джеб Дьюи, Айк, еще несколько знакомых лиц.

Джек стоял перед людьми, на его фигуре было сосредоточено внимание всех. Хотя одет он был, как и большинство мигрантов, находившихся в этой комнате, в выцветший, грязноватый комбинезон и потрепанную джинсовую рубашку, однако в нем чувствовалась невероятная энергия, он был живой как никто другой из всех, кого Лореда знала. Джек *верил* в то, что говорил, он боролся за то, чтобы мир стал лучше. Это был мужчина, на которого девушка может положиться.

– …Сто пятьдесят забастовщиков согнали в клетки, – говорил Джек с едва сдерживаемым гневом. – В клетки! В Америке! Землевладельцы, коррумпированные полицейские и бдительные граждане засадили ваших сограждан, американцев, в клетки, чтобы остановить забастовку рабочих, которые просто хотели справедливой оплаты труда. Два года назад землевладельцы в Туларе стреляли в людей только за то, что те *слушали* организаторов забастовки. Два человека погибли.

– Зачем вы нам это рассказываете? Пытаетесь нас отпугнуть? – выкрикнул кто-то.

Лореда узнала человека из лагеря у канавы. Отец шестерых детей, жена умерла от тифа.

– Я не собираюсь врать вам, добрые люди. Бастовать против землевладельцев опасно. Они будут сопротивляться всеми средствами. И, друзья, как вы знаете, у них есть деньги и власть, на их стороне правительство штата.

Он поднял газету так, чтобы все увидели заголовок: «Союз рабочих – это не по-американски».

– Я вам скажу, что не по-американски. Это когда землевладельцы богатеют, а вы беднеете.

– Да! – выкрикнули в толпе. Это был Джеб Дьюи.

– Не по-американски, когда алчные землевладельцы срезают зарплаты сборщикам урожая.

– Да! – отозвалась толпа.

– Они не хотят, чтобы вы организовывались, но если вы этого не сделаете, то будете голодать, как сборщики гороха в Нипомо прошлой зимой. Я был там. Дети умирали прямо в полях. От голода. В Америке. Землевладельцы сажают меньше хлопка, потому что цены опустились, вот и платят меньше. Не дай бог, у них упадет прибыль. Они даже не пытаются сделать вид, что платят вам прожиточный минимум.

– Они думают, что мы не люди! – выкрикнул Айк.

Джек обвел собравшихся взглядом, задерживаясь на каждом лице. Лореда буквально чувствовала, как электрический заряд перебежал от него к слушателям.

– Вы им нужны. И в этом ваша сила. Хлопок нужно собрать, пока сухо, до первых заморозков. Что, если никто не будет его собирать?

– Забастовка! – выкрикнул кто-то. – Она им покажет.

– Это непросто. Хлопковые поля занимают тысячи акров, землевладельцы держатся вместе. Они назначают цену, которую готовы платить, и не отступают от нее. Поэтому и нам нужно сплотиться. У нас есть шанс, только если все объединятся. Все, на всех фермах. Нам нужно, чтобы вы убедили в этом своих товарищей. Нам нужно лишить капиталистов средств производства.

– Забастовка! – закричала Лореда.

И толпа заскандировала:

– Забастовка, забастовка, забастовка!

Джек заметил Лореду ровно в тот момент, когда кто-то схватил ее за руку. Она завопила от боли, вырвалась и обернулась.

Рядом стояла мать и чуть ли не дымилась от гнева.

– *Поверить* не могу, что ты здесь!

– Ты слышала, что он сказал, мама?

– Слышала.

Элса оглядела зал. Сколько же собралось народу.

Джек уже пробирался к ним через толпу.

– Прекрасная речь, – сказала Лореда, когда он подошел к ним.

– Я заметил, что ты пришла одна. Не стоит девочке твоего возраста разгуливать одной в такой поздний час.

– А Жанне д’Арк вы бы то же самое сказали? – вскинулась Лореда.

– Так ты теперь Жанна д’Арк, да? – вопросила мама.

– Я хочу бороться, Джек…

– Лореда! – резко одернула ее Элса. – Не Джек, а мистер Вален. Поднимайся наверх и дай мне с ним поговорить. С тобой я потом разберусь.

– Ты не можешь меня заставить…

– Иди, Лореда, – ровным тоном произнес Джек.

Они с Элсой смотрели друг на друга.

– Ладно, но бастовать я буду, – заявила Лореда.

– *Иди*, – повторила Элса.

Лореда повернулась и нехотя потащилась вверх по ступенькам. Какая разница, что там говорит мама. Да плевать на опасности.

Иногда нужно просто встать и сказать: с меня хватит!

– Давно вы в Уэлти вернулись? – спросила Элса, когда ушла дочь.

– Около недели. Я собирался отправить вам весточку.

– О, я бы сказала, весточку вы мне отправили.

Элса смотрела на Джека, желая, чтобы все было по-другому, чтобы она была другой, чтобы в ней были страсть и смелость, как в ее дочери.

– Ей четырнадцать, Джек, она удрала из дома посреди ночи и больше мили шла в темноте. Вы понимаете, что с ней могло случиться?

– Знаете, о чем это говорит, Элса? Ей не все равно.

– И что это доказывает? Мы все знаем, что жизнь несправедлива, но ваши призывы ее не изменят. Из-за вас нас просто уволят, а может, еще что похуже случится. Наша жизнь висит на волоске, вы это понимаете?

– Понимаю. Но если вы не восстанете, они вас похоронят, каждый раз отнимая по центу. Ваша дочь мириться с этим не хочет.

– Ей четырнадцать, – повторила Элса.

– Четырнадцатилетняя девочка, которая весь день собирает хлопок. Я думаю, Энт тоже работает в этом году, потому что иначе вам их не прокормить.

– Вы меня осуждаете?

– Конечно, нет. Но ваша дочь достаточно взрослая, чтобы самостоятельно принимать решения.

– И это говорит человек, у которого нет детей.

– Элса…

– Я принимаю решение за нее.

– Вам нужно научить ее защищаться, Элса. А не ложиться и притворяться мертвой.

– Ну, теперь вы меня определенно осуждаете. Если вы думали, что я смелая, вы ошиблись.

– Нет, я не ошибся, Элса. Но, по-моему, вы сами в себя не верите, и это трагично.

– Держитесь подальше от Лореды, Джек. Я не позволю ей стать жертвой в войне, в которую вы играете.

– Никто не играет, Элса.

Элса повернулась и направилась к лестнице. Джек следовал за ней.

– Не надо, – резко бросила она.

Наверху Элса ухватила Лореду за руку и почти силой вытащила дочь на улицу. Они зашагали к лагерю. Мимо изредка проносились автомобили, разрывая черноту фарами.

– Мама, если бы ты его послушала…

– Нет, – сказала Элса. – И ты не будешь его слушать. Твоя безопасность – это моя забота. Господи, я и так всех подвела. Но эту задачу я не провалю. Ты меня слышишь?

Лореда остановилась.

Элсе пришлось тоже остановиться, вернуться к дочери.

– Что такое?

– Ты и правда думаешь, что ты всех подвела?

– Посмотри на нас. Мы идем пешком в домик размером меньше нашего старого сарая. Мы обе тощие, высохшие, мы вечно голодные. Конечно, я тебя подвела.

– Мама, – Лореда шагнула к Элсе, – я живу благодаря тебе. Я хожу в школу. Я размышляю, потому что ты научила меня думать. Ты меня никогда не подводила. Ты меня спасла.

– Только не пытайся вывернуть все наизнанку и сказать, что ты уже выросла и сама решаешь, что делать.

– Но ведь так оно и есть, мама. Правда?

– Я не могу потерять тебя, – тихо произнесла Элса. Вот она, правда.

– Я знаю, мама. И я люблю тебя. Но мне это нужно.

– Нет, – твердо сказала Элса. – Нет. А теперь пошли. Нам рано вставать.

– Мама…

– Нет, Лореда. *Нет*.

Лореда проснулась в пять тридцать и заставила себя сползти с кровати.

Руки ныли нещадно, вот бы поспать часов десять и хорошенько поесть.

Она влезла в потрепанные штаны и рубаху с длинными рваными рукавами и поплелась в очередь в туалет.

В лагере стояла странная тишина. Люди, конечно, ходили туда-сюда, но никто не разговаривал. И не смотрел в глаза. Возле забора стоял один из бригадиров, низко надвинув шляпу на глаза, он наблюдал за обитателями лагеря. Лореда сознавала, что он не единственный шпион, кто сейчас прислушивается, ловя намеки на возможную забастовку.

Лореда встала в очередь. Впереди не меньше десяти женщин.

Она увидела, как к колонке направляется Айк. Лореде захотелось немедленно подойти к нему, но она не решилась.

Закончив со своей нуждой, Лореда вышла из туалета и огляделась. Вроде никто не болтается без дела, искоса наблюдая за происходящим. С безразличным видом она двинулась к колонке.

Айк все еще стоял там. Увидев ее, он подхватил ведра. Лореда наклонилась, ополоснула лицо холодной водой.

– Сегодня, – тихо сказал Айк. – В полночь. В прачечной.

Лореда кивнула и вытерла руки о штаны. Уже у самого дома она вдруг затылком почувствовала чей-то взгляд.

Она остановилась и резко повернулась.

Под деревьями курил мистер Уэлти. И смотрел на нее.

– Подойди-ка сюда, мисси, – позвал он.

Лореда медленно приблизилась. Он, прищурившись, оглядел Лореду сверху донизу, отчего у нее по спине побежали мурашки.

– Да, сэр?

– Ты собираешь для меня хлопок?

– Да.

– Работой довольна?

Лореда заставила себя посмотреть ему в глаза.

– Очень.

– Слышала, кто-нибудь из мужчин говорит о забастовке?

Кто-нибудь из мужчин. Все считают, что только мужчины решают все. Но ведь и женщины способны постоять за свои права, женщины могут держать плакаты и бороться не хуже мужчин.

– Нет, сэр. Но если услышу, напомню им, каково это, жить без работы.

Уэлти улыбнулся:

– Умная девочка. Мне нравятся рабочие, которые знают себе цену.

Лореда кивнула, дошла до своего домика и плотно закрыла за собой дверь. Заперла ее.

– В чем дело? – удивленно спросила Элса, оглянувшись от плиты.

– Со мной заговорил Уэлти.

– Не привлекай его внимания, Лореда. О чем он тебя спрашивал?

– Ни о чем особенном. – Лореда ухватила блинчик со сковородки.

– Грузовики уже подъехали.

Пять минут спустя они направились к ряду грузовиков, которые выстроились за забором. Без лишних слов все трое забрались в кузов.

Над хлопковыми полями встало солнце, и Лореда увидела изменения, произошедшие за ночь: поверх забора растянули колючую проволоку. В центре поля высилась недостроенная конструкция, напоминающая башню. Строительные работы там продолжались. Между забором и дорогой прохаживались мужчины с дробовиками, которых она раньше не видела. Это напоминало тюрьму. Хозяева явно готовились к битве.

Но оружие? Вообще-то у них нет права стрелять в забастовщиков.

Это же Америка.

В кузове, забитом людьми, пробежала волна беспокойства. Этого-то Уэлти и хотел – напугать.

Грузовики остановились. Рабочие спустились на землю.

– Они нас боятся, мама, – сказала Лореда. – Они знают, что забастовка…

Элса с силой пихнула ее локтем в бок, и Лореда замолчала.

– Скорее, – поторопил их Энт. – Ряды распределяют.

Лореда с мешком за спиной заняла место в начале выделенного ей ряда.

Гонг, и она согнулась, принялась доставать мягкие белые коробочки из колючих гнезд. Но все ее мысли были сосредоточены на предстоящем вечере.

Сегодня. В полночь. В прачечной.

Гонг сообщил, что уже полдень. Лореда с хрустом в спине распрямилась. Как же болит шея, как же болит все! В поле стучали молотки строителей.

Уэлти стоял на площадке, где взвешивали хлопок, и смотрел на мужчин, женщин и детей, что горбатились ради его обогащения.

– Я знаю, что некоторые из вас разговаривали с организаторами профсоюзов.

Его громкий голос разнесся над хлопковым полем.

– Может, вы думаете, что найдете работу на других полях, или, может, думаете, что нужны мне больше, чем я нужен вам. Скажу сразу: это не так. На каждого человека, что сейчас на этом поле, приходится с десяток в очереди за забором, и все они готовы занять ваше место. А теперь из-за нескольких паршивых овец мне пришлось укрепить забор и нанять охранников. И немало потратиться, между прочим. Так что я снижаю плату еще на десять процентов. Все, кто согласен, оставайтесь. Все, кто уйдет, больше никогда не будут собирать хлопок ни у меня, ни у других землевладельцев в этой долине.

Лореда посмотрела на мать через разделявший их ряд.

Конструкция посреди поля была почти закончена. Теперь понятно, что строили все утро: сторожевую вышку.

Скоро там будет торчать вооруженный надсмотрщик, следящий, знают ли работники свое место.

Видишь? – одними губами проговорила Лореда.

Элса лежала без сна, все никак не могла успокоиться из-за очередного снижения оплаты.

В маленькой темной комнате заскрипела заржавевшая металлическая рама другой кровати.

Элса увидела тень дочери в лунном свете, проникавшем через вентиляционную решетку. Лореда почти бесшумно встала с кровати.

Элса приподнялась, вглядываясь в темноту. Дочь быстро оделась, подошла к двери, взялась за ручку.

– И куда ты собралась? – спросила Элса.

Лореда замерла.

– Сегодня собрание по поводу забастовки. В лагере.

– Лореда, нет…

– Мама, придется тебе меня связать и заткнуть рот кляпом. Только так остановишь.

Лица дочери Элса не видела, но сталь в голосе Лореды не оставляла сомнений. И как бы ни был силен страх, Элса ощутила гордость. Дочь настолько сильнее и смелее ее. И дедушка Уолкотт гордился бы Лоредой.

– Тогда я с тобой.

Элса надела платье, обвязала волосы косынкой. Зашнуровывать ботинки до того не хотелось, что она просто сунула ноги в галоши и вслед за дочерью вышла из дома.

Луна освещала поля, серебрила белые коробочки хлопка.

Ни один звук, производимый человеком, не нарушал тишины, но слышно было, как в темноте шныряют животные. Завыл койот. Сова наблюдала за ними с дерева.

Элсе повсюду виделись шпионы и надсмотрщики: они скрывались в каждой тени, следили за смельчаками, дерзнувшими пойти против хозяев. Глупая мысль. Нелепая.

– Мама…

– Тихо, – сказала Элса, – ни слова.

Они прошли участок, на котором развернули новые палатки, повернули к прачечной – вытянутому деревянному строению с металлическими корытами, длинными столами и ручными катками для белья. Мужчины редко сюда заходили, но сейчас человек сорок сбились в плотную кучу.

Элса и Лореда встали позади.

Айк вышел вперед и тихо сказал:

– Мы все знаем, почему мы здесь.

Ему никто не ответил, никто даже не шевельнулся.

– Сегодня оплату снова срезали, и это еще не конец. Потому что они могут сделать это снова. Мы все видели отчаявшихся людей, которые стекаются в долину. Они готовы браться за любую плату. Им надо детей кормить.

– И нам тоже, Айк, – сказал кто-то.

– Я знаю, Ральф. Но нам нужно и постоять за себя, иначе нас уничтожат.

– Я не красный, – сказал другой мужчина.

– Называй как хочешь, Гэри. Мы заслуживаем справедливой оплаты труда, – сказал Айк.

– И без борьбы мы ее не добьемся.

Элса услышала далекий гул моторов.

Люди завертели головами.

Внезапно вспыхнул яркий свет. Прожекторы!

– Бегите! – закричал Айк.

Толпа в панике бросилась врассыпную.

Элса схватила Лореду за руку и потащила ее к вонючим туалетам. Больше туда никто не шел. Они спрятались в тени за зданием.

Из грузовиков выпрыгивали мужчины с бейсбольными битами и палками, в руках у одного сверкнул металл – оружие. Выстроившись цепочкой, пошли прочесывать лагерь, фары освещали их сзади, а шаги заглушал гул моторов. Они равномерно постукивали дубинками по ладоням: *бах, бах, бах*.

Элса прижала палец к губам Лореды и потащила ее вдоль забора. Наконец они добрались до домиков, проскользнули в свой и заперли за собой дверь.

Элса различила шаги, направляющиеся в их сторону.

Сквозь щели в домик просачивался свет, мимо проследовали тяжелые шаги, слышались шлепки бейсбольных бит по раскрытым ладоням.

Звук приближался, потом начал удаляться и затих.

Вдалеке раздался крик.

– Видишь, Лореда? – прошептала Элса. – Тех, кто угрожает их бизнесу, накажут.

Лореда ответила не сразу, и ее слова нисколько не успокоили мать:

– Иногда нужно давать сдачи, мама.

Глава тридцать вторая

– Можно мы на этой неделе за пособием на машине поедем, ма? – спросил Энт в конце еще одного длинного знойного дня, когда они, совершенно вымотанные, закончили работу.

Элса вынуждена была признать, что мысль отправиться в город за пособием пешком после целого дня в поле не привлекает и ее саму. Но именно о таких решениях она будет жалеть зимой.

– Только в этот раз. На самом деле, Энт, если хочешь, можешь остаться в лагере и поиграть с друзьями.

– Правда? Здорово!

– А я могу присмотреть за ним, – вызвалась Лореда.

Элса многозначительно посмотрела на дочь.

– Нет, с тебя я глаз не спущу.

Они оставили Энта дома и сели в грузовик.

– А можно мне за руль? Дедушка говорил, что мне нужно практиковаться. Вдруг что случится?

– И тебе придется вести грузовик?

– Такое не исключено.

– Ладно.

Лореда перебралась за руль, а Элса переместилась на пассажирское сиденье. Ну и жара.

– Помнишь, как нажимать на педали? Медленно, осторожно. Найди…

Грузовик дернулся и заглох.

– Извини, – сказала Лореда.

– Попробуй еще раз. Не торопись.

Лореда нажала на педаль, переключила первую передачу. Машина медленно тронулась. Мотор взревел.

– Вторая передача, Лореда.

Лореда попробовала переключить, неудачно, но со второй попытки получилось.

Рывками они доехали до Центра социальной помощи, где уже собралась изрядная очередь, змеей тянувшаяся от двери по всей парковке и дальше по улице.

Элса и Лореда пристроились в хвост.

Пока они стояли, солнце медленно опускалось, окрашивая долину в золотистые тона.

Их очередь подошла уже в сумерках. Когда они были уже почти у двери, на парковку въехала пара полицейских машин. Вышли четверо полицейских в форме. А еще несколько мгновений спустя подъехал грузовик «Ферм Уэлти», из него выбрался мистер Уэлти собственной персоной.

Люди в очереди начали переглядываться, но все молчали.

Двое полицейских и мистер Уэлти прошли в Центр социальной помощи.

Элса крепко держала Лореду за руку. В нормальные времена люди стали бы спрашивать друг друга, что происходит, но нормальные времена прошли. Повсюду шпионы, всем нужна работа у Уэлти.

В маленьком душном кабинете красивая молодая женщина сидела за столом, на котором стояла коробка с карточками резидентов. Над женщиной навис мистер Уэлти. Полицейские, положив руку на кобуру, стояли рядом.

Элса подошла к столу. У нее так пересохло в горле, что ей пришлось дважды откашляться, только тогда она смогла выговорить:

– Элса Мартинелли. Апрель 1935 года.

Уэлти указал на красную карточку Элсы:

– Адрес «Фермы Уэлти». Она в списке.

Женщина сочувственно посмотрела на Элсу.

– Извините, мэм. Пособия не положены тем, кто в состоянии собирать хлопок.

– Но…

– Если вы можете собирать хлопок, вы должны его собирать. Это новая политика. Но не беспокойтесь, когда сезон сбора хлопка закончится, вас снова включат в список на получение пособия.

– Подождите. Что, теперь штат лишает меня пособия? Но я резидент штата.

– Мы хотим иметь гарантии, что вы продолжите работать на сборе хлопка, – сказал Уэлти.

– Мистер Уэлти, прошу вас. Нам нужно…

– Следующий, – громко распорядился мистер Уэлти.

Элса не могла поверить в эту новую жестокую напасть. Без пособия ей детей никак не прокормить.

– У вас что, стыда нет?

– Следующий, – повторил мистер Уэлти.

К Элсе шагнул полицейский. Едва передвигая ноги, она побрела к двери, Лореда подскочила к матери, поддержала ее.

Выйдя из Центра социальной помощи (какое смешное название), Элса посмотрела на длинную очередь. Очень многим из этих людей только предстоит узнать, что их лишили пособия. Значит, штат помогает землевладельцам избежать забастовки, лишив пособия людей, которые и так находятся на грани выживания.

Она услышала крик и обернулась.

Двое полицейских прижали какого-то человека к стене.

– Где будет сегодняшнее собрание? Где?!

Они с силой ударили его об стену.

– Чем ты будешь кормить семью, сидя в Сан-Квентине?

– Элса!

К ней спешил Джеб Дьюи. Он выглядел встревоженным.

– Джеб, что случилось?

– Джин заболела. Можешь помочь?

– Сейчас же поеду к ней.

Элса бросилась к грузовику. Лореда с Джебом поспешили за ней.

В их старом лагере она быстро нашла грузовик Дьюи, над которым громоздилась высокая надстройка из жести и досок. Сбоку от грузовика теперь возвели навес и устроили под ним кухню, где сейчас и сидели все дети. Джин лежала на матрасе в кузове.

– Что нам делать? – спросил Джеб.

Элса залезла в кузов и опустилась на колени рядом с Джин.

– Привет.

– Элса, – проговорила подруга едва слышно. – Я сказала Джебу, что ты сегодня, наверное, поедешь за пособием.

Глаза у нее будто остекленели, казалось, она ничего не видит.

Элса положила руку ей на лоб:

– Да ты вся горишь.

Она перегнулась через борт, крикнула Джебу:

– Принеси воды!

Через мгновение Лореда протянула Элсе чашку с тепловатой водой:

– Держи, мама.

Элса взяла чашку, приподняла Джин голову, попыталась влить ей в рот немного воды.

– Попей, Джин.

Подруга старалась оттолкнуть чашку.

– Давай, Джин.

Элса заставила Джин проглотить воду.

– На этот раз я всерьез заболела, – прошелестела Джин.

Элса снова перегнулась через борт:

– Аспирин есть?

– Нет.

– Лореда, садись в грузовик и езжай к нам в лагерь, купи в магазине аспирин. И градусник. Ключи в замке зажигания.

Лореда убежала.

Элса придвинулась поближе к Джин, обняла ее, стала гладить по горячему лбу.

– Это, наверное, тиф, – прошептала Джин. – Тебе лучше держаться подальше.

– От меня не так-то просто избавиться. Спроси моего мужа. Ему пришлось бежать под покровом ночи.

Джин слабо улыбнулась:

– Дурак.

– И Джек то же самое сказал. И мать Рафа, если уж на то пошло.

– Сейчас бы я выпила того джина, о котором мы говорили.

Элса провела пальцами по влажным волосам подруги.

– Я бы спела…

– Пожалуйста, не надо.

Женщины улыбнулись друг другу, но Элса видела, что Джин боится.

– Все будет хорошо. Ты сильная.

Джин закрыла глаза и забылась в объятиях Элсы. Элса обнимала подругу, гладила ее волосы, шептала ободряющие слова, пока не услышала ворчание возвращающегося грузовика.

Слава богу.

Громко хлопнула дверца.

– Мама! – раздался голос дочери. – Магазин закрыт!

Элса приподнялась, чтобы увидеть Лореду.

– Почему?

– Наверное, из-за разговоров о забастовке. Хотят напомнить, как они нам нужны. Свиньи.

Тело Джин вдруг изогнулось, напряглось. Глаза закатились. Джин затряслась.

Элса прижимала подругу к себе, пока припадок не стих.

– Аспирина нет, Джин, – потерянно сказала она.

Джин приоткрыла глаза:

– Не беспокойся, Элса. Просто дай мне…

– Нет! – резко ответила Элса. – Я скоро вернусь. А ты мне не смей никуда уходить.

Джин захрипела:

– Я, может, на танцы намылилась.

Элса опустила голову Джин на доски кузова и спрыгнула на землю.

– Ты оставайся здесь, – велела она Лореде. – Попробуй дать Джин немного воды. Положи ей на лоб мокрую тряпицу. И пусть одеяло с себя не скидывает. – Она повернулась к Джебу: – Я сейчас вернусь.

– Ты куда?

– За аспирином.

– Но куда? У тебя что, деньги есть?

– Нет. Кто ж нам деньги даст. Никуда не уходи.

Элса кинулась к своему грузовику, рывком взяла с места и вылетела на дорогу. У больницы она затормозила прямо перед входом, ворвалась внутрь и, оставляя грязные следы на чистом полу, прошла к стойке регистратуры, где сидела женщина, раскладывая пасьянс.

– Мне нужна помощь. Прошу вас. Я знаю, вы не принимаете нас в больнице, но, пожалуйста, дайте мне аспирин, вы хотя бы так поможете. У моей подруги сильный жар. Очень высокая температура. Возможно, тиф. Помогите нам. Пожалуйста. *Пожалуйста.*

Женщина выпрямилась, обвела глазами приемный покой.

– Вы знаете, что эта болезнь заразная, да? В новом правительственном лагере в Арвине есть медсестра. Обратитесь за помощью к ней. Она лечит таких, как вы.

Таких, как вы.

С меня хватит!

Элса вышла из больницы и вытащила из кузова грузовика бейсбольную биту Энта. Стараясь сохранять спокойствие, она

пересекла парковку. В упор глядя на ухмыляющуюся регистраторшу, ударила битой по стойке, в дереве образовалась вмятина.

Женщина заорала.

– Ага, вы обратили на меня внимание. Мне нужен аспирин, – спокойно сказала Элса.

Женщина проворно развернулась и открыла ящик. Трясущимися руками начала перебирать лекарства.

– Проклятые оки, – бормотала она.

Элса смахнула на пол настольную лампу. Потом ударила битой по телефону.

Женщина кинула Элсе пару склянок.

– Вы просто животные!

– Как и вы, мэм. Как и вы.

Элса была уже почти у выхода, когда послышались тяжелые шаги. Из боковой двери вышел крупный мужчина.

– Задержи ее, Фред! Она преступница! – взвизгнула регистраторша.

Мужчина заступил Элсе дорогу. Она двинулась прямо на него, сжимая в руке дубинку. Сердце колотилось, но, как ни странно, Элса ощущала удивительное спокойствие. Лекарство у нее, и никто не помешает ей привезти его Джин.

– Вы правда хотите меня задержать, Фред?

Взгляд у мужчины смягчился.

– Мы с супружницей приехали сюда из Индианы пять лет назад. Тогда было куда проще. Мне очень жаль, что с вами так обращаются.

Он достал пятидолларовую купюру:

– Это поможет?

Элса чуть не расплакалась от такого проявления доброты.

– Спасибо.

– А теперь идите. Элис, наверное, уже в полицию звонит.

Элса выскочила из больницы, зашвырнула биту в кузов, завела мотор и вдавила в пол педаль газа. Старый грузовик вильнул на гравии и устремился в сгустившуюся темноту.

Вскоре Элса свернула к лагерю. Джеб лежал в кузове вместе с Джин, обнимал жену, дети, обступив Лореду, стояли под навесом. Мальчики держали девочек за руки.

– Она все время просит джин, – растерянно сказал Джеб. – Она же не пьет.

Элса забралась в кузов, осторожно села с другой стороны от Джин.

– Привет, нехорошая ты девчонка. Я тебе аспирин привезла.

Джин открыла глаза.

– Говорят, ты буянишь, джина требуешь.

– Один коктейль перед смертью. Вроде не так много прошу.

Элса помогла Джин проглотить две таблетки аспирина и выпить глоток воды.

– Не сдавайся, Джин…

Джин буквально обливалась потом и тяжело, надсадно дышала.

– Спляши, Элса, – сказала она едва слышно. – За нас обеих. – И сжала руку Элсы. – Я любила тебя, подруга.

Только не «любила». Люблю. Пожалуйста.

Джеб заплакал.

– Я тоже тебя люблю, Джин, – прошептала Элса.

Джин медленно повернула голову и посмотрела на мужа.

– А где… где мои дети, Джеб?

Элсе пришлось заставить себя встать, вылезти из грузовика. Четверо детей Дьюи забрались в кузов и собрались вокруг матери.

Элса услышала шепот. Разобрала голос старшего, Элроя. *Я буду, ма.* Услышала, как заплакали девочки.

И потом сломанный голос Джин:

– Мне еще так много нужно вам сказать…

Лореда коснулась плеча матери:

– Ты как?

И Элса закричала.

Начав, она уже не могла остановиться.

Лореда обняла мать и прижимала к себе, пока та не затихла. В крике Элсы слилось все: и страшная жизнь, больше похожая на выживание; и несбывшиеся мечты; и будущее, в которое они когда-то слепо верили; и дети, которым предстоит расти без матери, без ее чувства юмора, ее мягкости, ее твердости, ее неискоренимой надежды.

Элса плакала, пока не почувствовала себя полностью опустошенной. И только тогда она отстранилась от перепуганной дочери.

– Прости меня. – Элса вытерла лицо.

– Иногда человек просто… ломается, – сказала Лореда. – Когда переходит черту.

– Ты права.

С меня хватит.

– Если я захочу найти мистера Валена и его друзей-коммунистов, ты знаешь, где мне их искать?

– Думаю, да.

– Где?

– В амбаре, где они делают листовки и все такое. В конце Уиллоуроуд.

– Ладно. – Элса глубоко вдохнула и медленно выдохнула. – Тогда ладно.

Позже, когда на долину упала ночь и на небе высыпали звезды, Элса вывела детей из домика и они прокрались к своему грузовику. Не произнеся ни слова, все трое забрались в машину. Элса сознавала всю опасность того, на что они решились.

– Сверни здесь, – подала голос Лореда.

Элса съехала на грунтовку, вившуюся меж вспаханных перед зимой полей. В конце дороги старое заброшенное ранчо. Массивный амбар. Перед ним темнели силуэты нескольких автомобилей.

Элса остановилась рядом с грязным «паккардом». Они с Лоредой и Энтом вылезли из грузовика и пошли к амбару. Лореда толкнула тяжелую дверь.

Амбар освещали фонари. На покрытом соломой земляном полу стояло несколько столов, вдоль стен без всякого порядка – стулья. В амбаре находилось около дюжины человек – одни сидели за пишущими машинками, другие за ротаторами. В воздухе висел густой сигаретный дым, который, однако, не мог перебить сладкого духа сена.

На Элсу с детьми, казалось, никто не обратил внимания. Элса посмотрела на листок, ползущий из ротатора. Крупным шрифтом напечатано: «РАБОЧИЕ, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!» Она вдохнула странноватый запах – чернила и металл.

У одного из столов туда-сюда прохаживалась маленькая темноволосая женщина в очках и диктовала машинистке:

– Мы не можем позволить богатым богатеть, пока бедные беднеют. Как можем мы называть нашу страну землей свободы, когда люди живут на улицах и умирают от голода? Радикальные перемены требуют радикальных мер…

Лореда ткнула Элсу локтем в бок. Та оглянулась. К ним направлялся Джек.

– Здравствуйте, дамы, – сказал он, пристально глядя на Элсу. – Лореда, Наталье не помешала бы помощь за ротатором.

– И ты тоже, Энт, – сказала Элса, – ступай с сестрой.

Джек вывел Элсу на улицу через дверь с другой стороны амбара. Там горел костер, который окружала целая коллекция разномастной мебели: стулья, кресла, столики. В пепельницах горы окурков.

– Так, значит, коммунисты сидят у костра и курят, как самые обычные люди, – сказала Элса.

– В этом мы похожи на простых смертных. Что случилось, Элса?

– Джин умерла. Ее было не спасти. Магазин компании закрыли, чтобы проучить нас, а в больнице отказывались помогать. Мне даже пришлось применить… бейсбольную биту, чтобы привлечь внимание. И все, что я получила, – две склянки с аспирином. Ну и еще нас сегодня вычеркнули из списка на выдачу пособий. Если можешь собирать хлопок, то и собирай. Никаких пособий от штата.

– Мы слышали. Землевладельцы заставили правительство штата принять это решение. Они называют это политикой «Кто не работает, тот не ест». Боятся, что пособия позволят вам прокормить детей, пока вы бастуете ради нормального заработка.

Элса скрестила руки на груди.

– Всю жизнь меня учили не высовываться, не требовать слишком многого, быть благодарной за любую малость. Так я и поступала. Думала, если я буду вести себя так, как положено женщинам, если буду следовать правилам, то жизнь… я не знаю… изменится. Но с нами так обращаются…

– Несправедливо, – сказал Джек.

– Так нельзя. Это не по-американски.

– Да.

– Забастовка, – тихо произнесла Элса пугающее слово. – У нас может получиться?

– Не исключено.

Она была благодарна за честность.

– Нас накажут за одну попытку.

– Да, – согласился он. – Но жизнь больше, чем то, что происходит с нами, Элса. Нам нужно сделать выбор.

– Я женщина несмелая.

– И все же вы готовы ринуться в бой.

Его слова задели в ней что-то.

– Мой дедушка был техасским рейнджером. Он говорил мне, что храбрость – это ложь. Что храбрость – это просто страх, на который ты не обращаешь внимания. – Она посмотрела на него и добавила: – А я боюсь.

– Мы все боимся.

– У меня дети, я должна кормить их, одевать, заботиться об их безопасности. Я не могу рисковать их жизнью.

Джек ничего не ответил, и Элса знала почему. Он хотел, чтобы она сама произнесла эти слова.

– Но их жизнь и так уже под угрозой, – сказала она. – Нельзя, чтобы они думали, будто так и должно быть, будто именно такова жизнь в Америке. Я должна научить их постоять за себя.

Элса внезапно ощутила невероятное облегчение, словно вернулась домой, словно нашла себя… но вместе с тем ее накрыл глубокий, всепроникающий страх. *Храбрость – это страх, на который ты не обращаешь внимания.* Но разве такое возможно на самом деле? В реальной жизни?

– Вышка, которую они установили в поле… это чтобы запугать нас, да? Ведь забастовка – это законно.

– Законно. Черт, в этом вся суть Америки. Наша страна построена на праве протестовать, но законы приводит в исполнение правительство. С помощью полиции. Вы видели, как они поддерживают крупный бизнес.

Элса кивнула.

– И что нам делать?

– Сначала нужно распространить информацию. Мы назначили собрание по поводу забастовки на пятницу. Но опасно даже говорить о нем людям, не то что показываться на собрании.

– Все опасно, – сказала она. – И что дальше?

Джек коснулся ладонью ее щеки, задержал руку.

Элса прижалась к его руке и в этом прикосновении нашла силу и утешение.

Глава тридцать третья

Перед самым рассветом Лореда вышла из домика. Вчерашнее собрание Союза рабочих оживило ее, придало сил. Коммунисты делали все, чтобы забастовка состоялась, но им нужны такие люди, как она, Лореда, – чтобы информация разошлась среди обитателей лагеря. Без их помощи коммунисты не справятся.

– Но это опасно, – сказала Наталья Лореде прошлой ночью. – Помни об этом. Я в юности видела революцию своими глазами. Кровь на улицах лилась рекой. Не забывай ни на минуту, что вся власть у штата – деньги, оружие, люди.

– А у нас душа и отчаяние, – был ответ Лореды.

– Да, – Наталья выдохнула дым, – и мозги. Так что используй свои.

Лореда закрыла за собой дверь и зашагала через лагерь. Она слышала, как люди вокруг готовятся к рабочему дню, завтракают, собирают еду. Перед туалетом успела выстроиться очередь.

Но в лагере стояла тишина – что-то новое и пугающее. Никто не смеялся и не разговаривал. В лагерь проник страх. Все знали, что за ними наблюдают ищейки хозяина.

К сожалению, нельзя было понять, кто предатель, пока вы не сказали не то не тому человеку и в вашу дверь не постучали посреди ночи. Они слышали крики семей, которые силком выставляли из лагеря.

Первые лучи солнца позолотили колючую проволоку поверх нового забора. Лореда заняла очередь к туалетам. Выйдя, она увидела Айка, наполнявшего флягу под краном возле прачечной. Направляясь к нему, Лореда старалась выглядеть совершенно непринужденно, но вовсе не была уверена, что ей это удается. В крови кипел адреналин, она была и напугана, и возбуждена. Не останавливаясь рядом с Айком, она скороговоркой произнесла:

– В эту пятницу. Амбар на Уиллоу-роуд. В восемь. Передай другим.

И Лореда двинулась дальше, даже не оглянувшись посмотреть, услышал ли он. Обратно к дому она шла очень медленно, каждую минуту ожидая, что ее остановят.

Закрыла за собой дверь.
Мама и Энт уставились на нее.
– Ну? – тихо спросила мама.
Лореда кивнула:
– Я сказала Айку.
– Хорошо. Пошли собирать хлопок.

Тем вечером после очередного бесконечного дня в поле их ждала радость – письмо от Тони и Роуз. Поужинав, дети забрались в кровать вместе с Элсой, она открыла конверт и достала письмо. Оно была написано на обороте последнего письма Элсы. Ни к чему зря тратить бумагу.

Дорогие вы наши!

У нас хорошие новости: ветер и пыль устроили передышку. Уже десять дней не было пыльных бурь. Конечно, это слишком недолго, чтобы сказать, что им пришел конец, но все равно ответ на наши молитвы. Август выдался совсем неприятным. Казалось, мы только и делаем, что подметаем, но последняя неделя оказалась к нам добрее. А еще правительство наконец-то поняло, что больше всего нам нужна вода, и теперь ее возят цистернами. Мы молимся, чтобы взошла озимая пшеница. Чтобы мы хотя бы могли прокормить наших двух новых коров и лошадь. Но надеяться сейчас непросто.

Мы вас очень любим и скучаем.

Ваши Роуз и Тони

– Думаешь, мы когда-нибудь увидим их снова, мама? – спросила Лореда в наступившей тишине.

Элса откинулась к ржавой спинке кровати. Энт устроился поудобнее, положил голову ей на колени. Она погладила его по волосам.

Лореда сидела напротив, в изголовье кровати.

– Помните дом, возле которого я остановилась в Далхарте в тот день, когда мы уехали в Калифорнию?

– Большой дом с разбитым окном?

Элса кивнула:

– Большой, и правда. Я там выросла… в доме без сердца. Моя семья… отказалась от меня… думаю, так сказать будет правильно. Для моих родственников важна была внешность, и моя непривлекательность оказалась роковой ошибкой.

– Ты…

– Я не выпрашиваю комплименты, Лореда. И я уже слишком долго прожила, чтобы врать. Я отвечаю на твой вопрос. На тот, что ты сейчас задала, и на тот, который ты не задаешь уже какое-то время. Обо мне, и ваших бабушке с дедушкой, и о вашем отце. В общем, я что хотела сказать, девушкой я была очень одинока. Никак не могла понять, что я такого сделала, чтобы заслужить свою изоляцию. Я так старалась, чтобы меня любили. – Элса глубоко вздохнула. – Я думала, все изменилось, когда я встретила вашего отца. И так оно и было. Для меня. Но не для него. Он всегда мечтал о чем-то большем, чем жизнь на ферме. Всегда. Да ты и сама знаешь.

Лореда кивнула.

– Я любила вашего отца. Любила. Но ему этого было недостаточно, и теперь я понимаю, что и мне этого было недостаточно. Он заслуживал лучшего, и я тоже.

Произнеся эти неожиданные слова, Элса почувствовала, что они как будто перевернули в ней что-то.

– Но знаете, что изменило мою жизнь? Вовсе не замужество. Ферма. Роуз и Тони. Я нашла семью, где стала своей, людей, которые меня полюбили, и они стали домом, о котором я мечтала с детских лет. А потом появились вы и научили меня истинной, безграничной любви.

– Я обращалась с тобой как с прокаженной.

Элса улыбнулась:

– Несколько лет. Но до этого ты… ты разлучиться со мной не могла. Плакала, когда тебя укладывали, говорила, что не можешь без меня спать.

– Прости, – сказала Лореда. – За…

– Не извиняйся. Мы ссорились, мы боролись, делали друг другу больно, ну и что? Вот что такое любовь, думаю я теперь. Все это.

Слезы, гнев, радость, конфликты. Главное, что любовь никогда не останавливается. Она длится. Никогда за все это время – за годы пыли, засухи, ссор с тобой, – никогда я не переставала любить тебя, и Энта, и ферму. – Элса рассмеялась. – Так что мой затянувшийся ответ на твой вопрос такой: Роуз, и Тони, и ферма – это наш дом. Мы их увидим. Когда-нибудь, но увидим.

– Вот дураки, – сказала Лореда. – Я имею в виду твою другую семью. И они столько упустили.

– Что?

– Тебя. Они так и не увидели, какая ты замечательная.

Элса опять улыбнулась.

– Таких приятных слов ты мне, наверное, еще никогда не говорила, Лореда.

В пятницу Элса с детьми, как обычно, собирали хлопок, а вечером выбрались из лагеря и поехали в конец Уиллоу-роуд на собрание.

В амбаре стрекотали печатные машинки, громко разговаривали люди, ходили туда-сюда. В основном это были приезжие – коммунисты. Местных рабочих было немного.

Джек, заметив их еще в дверях, быстро подошел к ним.

– Землевладельцы занервничали, – сообщил он. – Говорят, Уэлти вне себя.

– Вчера в лагере было полно мужчин с ружьями. Они нам не угрожали, но мы и так все поняли, – сказала Лореда.

– Как тут винить людей за то, что они держатся от нас подальше, – сказал Джек.

– Бреннаны не придут, – подал голос Энт. – Они говорят, что мы с ума сошли.

– Мы сейчас не на земле Уэлти. Ни один закон не запрещает нам *разговаривать*, – отрезала Лореда.

– Иногда законные права не играют той роли, которую должны, – сказал Джек.

К ним подошла Наталья. Черные брюки, бежевый приталенный жакет и белая шелковая блузка, застегнутая под горло. Неудивительно, что Лореда почти что поклонялась этой женщине. На опасном собрании, в заброшенном деревенском амбаре Наталья умудрялась

выглядеть образцом элегантности и спокойствия. И как стать такой уравновешенной?

– Пойдемте, – сказала она, взяв Джека под руку. – Все.

Наталья подвела их к дверям, приоткрыла.

На дороге между полями Элса увидела вереницу автомобилей, движущихся в их сторону. Машины одна за одной подъезжали и останавливались. Люди выбирались из грузовиков, неуверенно собирались в группки. А машины все подъезжали и подъезжали. А вскоре через поле потянулись и те, кто добирался пешком.

Элса наблюдала за прибывающими, видела, как нервно они оглядываются, как то и дело косятся на поле и дорогу. К восьми часам по подсчетам Элсы собралось более пятисот человек. Перед амбаром скопилась огромная толпа. Люди переговаривались приглушенными голосами. Все боялись, что их ждет расплата уже за одно то, что они слушают разговоры о забастовке.

– Вам нужно поговорить с ними, – сказал Джек Элсе.

Она засмеялась:

– Мне? Да кто меня послушает?

– Вы знаете этих людей. И они вас послушают.

– Нет, давайте вы. – Она подтолкнула его вперед. – Убедите их так, как убедили меня.

Джек выволок из амбара стол, поставил его перед большими двойными дверями, потом запрыгнул на него.

Толпа затихла. Элса смотрела на знакомые лица: люди, которые приехали со Среднего Запада или с Юга, из Техаса или с Великих равнин; люди, которые всю жизнь трудились и хотели продолжать трудиться; люди, на которых жизнь обрушила немыслимые удары, растерянные, не знающие, что делать. Все они думают – или раньше думали, – как и она: что, имея равные возможности, они смогут направить корабль своей жизни в верное русло.

– Восемь лет назад мексиканцы собирали почти весь урожай в этой большой долине, – сказал Джек. – Они переходили через границу, собирали урожай на полях и переезжали дальше. В феврале – горошек в Нипомо. В июне – абрикосы в Санта-Кларе. В августе – виноград во Фресно, а в сентябре-октябре – хлопок здесь. Мексиканцы приходили, собирали урожай и возвращались домой зимовать. И на всех этапах они оставались невидимыми для местных жителей. Пока биржевой

крах двадцать девятого года не сломал эту систему и не заставил жителей Калифорнии держаться за свою работу. Они испугались тех, кого всегда боятся американцы, – приезжих. И штат начал борьбу с нелегальными мигрантами, мексиканцев объявили преступниками и депортировали. К тридцать первому году почти все они уехали. Это стало бы катастрофой для сельского хозяйства, но… – тут Джек вытянул руки вперед, – на помощь пришел Пыльный котел. Засуха. Великая депрессия. Миллионы людей потеряли работу и дом. Вы приехали на Запад, вам нужна была работа, вы только хотели прокормить свои семьи. Вы заняли место мексиканцев в полях. Теперь вы составляете девяносто процентов сборщиков урожая. Но вы не хотите оставаться невидимыми, правда? Вы пришли сюда жить, пустить корни, стать *калифорнийцами*.

– Мы американцы! – выкрикнул кто-то из толпы.

– У нас есть все права жить здесь!

– Права, – повторил Джек, поглядев на них. – В Америке они важны, правда?

– Да!

– В Америке у вас есть право получать справедливое вознаграждение за ваш труд. У вас есть право получать прожиточный минимум, но вы вынуждены бороться за него. Просто так вам его не дадут. Их больше заботят собственные кошельки, чем ваше выживание. Мы должны объединиться. Мужчины, женщины и дети, которые собирают урожай. Мы должны сплотиться, встать и сказать: «ДОВОЛЬНО». Мы не позволим обращаться с собой как со швалью. Шестого октября мы выступим. Передайте другим. Это будет мирное выступление. Это очень важно. Протест, а не беспорядки. Вы поедете на хлопковые поля и сядете. Просто сядете. Если мы сможем замедлить сбор урожая хотя бы на один день, мы привлечем их внимание.

– Их внимание опасно! – крикнули в толпе. – Они с нами что-нибудь плохое сделают.

– Они делают с вами плохое каждый день. Не нужно забывать, за что мы боремся, – сказал Джек. – Шестого числа мои товарищи возглавят забастовку на каждом поле, в каждом хозяйстве. Если забастовка одновременно пройдет повсюду, мы сможем…

Его прервали сирены.

Полиция. По дороге неслись машины с мигалками.

– Копы!!!

– Забастовка шестого! – прокричал Джек. – Передайте другим. Все в один день! На каждом поле!

За полицией ехали грузовики, в каждом кузове стояли мужчины с битами, лопатами и дубинками.

Мужчина с мегафоном на одном из грузовиков проорал: «Расходитесь! Это собрание незаконно!»

Грузовики остановились. Вооруженные люди посыпались на землю.

Толпа вмиг рассеялась. Люди кричали и толкались.

В суматохе Элса потеряла детей.

– Лореда! Энт! – надрывалась она.

Люди бежали во все стороны. Те, кто приехал на автомобиле, запрыгивали в машины и уносились прочь. Остальные что есть мочи неслись по полю.

Тут Элса увидела Лореду и Энта: они были вместе, и их уносил людской поток. Она кинулась следом, но что-то сильно ударило ее по голове, и она упала на землю без сознания.

Элса постепенно пришла в себя. Во рту пересохло. Хотелось пить.

Последнее, что она помнила…

– Лореда! Энт!

Она так быстро села, что закружилась голова.

Рядом с ней стоял Джек.

– Я здесь, Элса.

Она лежала на кровати. Но комната была ей незнакома. Возле кровати стоял стул.

Джек протянул ей стакан воды и сел.

– Где мои дети?

– Наталья отвезла их к вам домой. На вашем грузовике.

– Откуда вы знаете?

– Я ее попросил. Наталья не подведет. Она будет сидеть у вас, заперев дверь. И пристрелит любого, кто попытается их обидеть.

– А они знают, что я в безопасности?

– Наталья знает, что вы со мной, так что да. Она доверяет мне так же, как я доверяю ей.

– Интересные у вас отношения.

– Мы многое вместе пережили.

Элса осушила стакан воды и откинулась назад. У нее звенело в ушах, болел затылок. Она осторожно потрогала голову. На пальцах осталась кровь.

– Что случилось?

– Один из этих головорезов вас ударил.

Элса заметила окровавленные, сбитые костяшки Джека.

– И вы ему врезали?

– Мало ему точно не показалось.

Он смочил тряпку, отжал и положил Элсе на лоб.

Прохлада чуть приглушила боль.

– Много времени прошло?

– С час примерно. Они добились чего хотели: люди боятся бастовать.

– Они и до этого боялись, Джек, но все же пришли на встречу. Кто-нибудь еще, кроме меня, пострадал?

– Несколько человек. Есть арестованные. Амбар сожгли. Забрали все ротаторы и печатные машинки.

Элса оглядела маленькую, по-спартански обставленную комнату: старый комод, тумбочка с латунной лампой на ней, лоскутный коврик. Стопки бумаг, книг, журналов и газет выстроились у всех стен, покрывали почти все поверхности. Зеркала нет. Шкафа нет. Крючки на стене, на них висит мужская одежда. Похоже на временное жилье. Или, может, так и живут мужчины, у которых нет женщины.

– Где мы? – спросила она, хотя знала ответ.

– Я здесь сплю, когда бываю в городе.

Он замолчал.

– Интересно, вы не сказали, что живете здесь.

– Моя жизнь. Это… скорее, идея. Дело. Или так раньше было.

– Что вы имеете в виду?

– Много лет я боролся за то, чтобы богатые платили рабочим прожиточный минимум. Я ненавижу пропасть, что разделяет имущих и неимущих. Меня не раз избивали, сажали в тюрьму. Я видел, как бьют моих товарищей, но сегодня… когда я увидел, что вас ударили…

– Что?

– Я подумал… оно того не стоит. – Он смотрел на нее. – Вы вывели меня из равновесия, Элса.

Элса чувствовала связь с ним, но не знала, что с этим делать, не знала, как потянуться к нему, не унизив себя.

– И я рядом с вами сама не своя, – вот и все, что она смогла придумать.

Он взял ее за руку.

Тишина стала неловкой. Он будто ждал, что она что-то скажет, но что?

– У вас на лице и на волосах кровь. Может, вы хотите сначала помыться? А потом уже я отвезу вас домой. Чтобы дети не видели вас вот так.

Он помог ей встать с кровати и довел до маленькой ванной. Включил воду и оставил ее одну.

Элса разделась и залезла в ванну. Со вздохом погрузилась в горячую воду.

Она расслабилась так, как уже давно не могла расслабиться. Вымыла голову и тело и точно омолодилась.

И все это время она думала о Джеке.

Знаете, какая вы красивая? Такие слова не забудешь, а теперь он сказал, что она вывела его из равновесия. Она-то уж точно сама не своя.

Элса вылезла из ванны, вытерлась, завернулась в полотенце и потянулась к старенькому платью.

И остановилась.

Надев платье, она снова станет Элсой.

А ей этого не хотелось. По крайней мере, ей не хотелось становиться Элсой, которая хранит молчание, согласна на малость и считает, что так ей и положено. Лучше получить отказ в любви, чем даже не просить о ней.

Она медленно повернула ручку.

Даже открывая дверь, она не до конца верила, что делает это. Больше десяти лет она до боли мечтала о ласке мужа, но не решалась потянуться к нему, а теперь выходит из ванной в одном полотенце.

Это, похоже, самый смелый поступок в ее жизни. Она открыла дверь и ступила в комнату.

Джек стоял у стены, скрестив руки. Увидев ее, он опустил руки и шагнул к ней.

Она скинула полотенце, стараясь не стесняться своего костлявого тела.

Он остановился, потом сделал еще шаг навстречу, нежно произнес ее имя.

Элса не могла поверить тому, что видела в его глазах, но сомнений не оставалось. Желание. Он ее хочет.

– Ты уверена? – спросил он, откинув прядь волос с ее обнаженного плеча.

– Уверена.

Он взял ее за руку и подвел к кровати. Она потянулась к лампе, чтобы выключить ее. Он остановил ее.

– Не надо, – сказал он хрипло. – Я хочу видеть тебя, Элса.

Потом швырнул в сторону рубашку и майку, сбросил штаны и обнял ее.

– Скажи мне, чего ты хочешь, – прошептал он, прижимаясь губами к ее губам.

Он просил от нее слов, которых она не знала, ответов, которых у нее не было.

– Может, хочешь, чтобы я поцеловал тебя сюда? Или вот сюда?

– О господи, – сказала она, и он засмеялся и продолжил целовать.

Его прикосновения пробуждали в ней голод, который она не могла ни контролировать, ни игнорировать, и ей отчаянно хотелось еще и еще.

Его руки трогали ее повсюду с такой откровенностью, какой она и вообразить себе не могла. Весь мир исчез, сузился до ее желания, ее голода. Никто никогда не знал ее такой, Джек показал ей силу ее тела, красоту ее желания. С ним она осмелилась совершить все то, о чем всегда мечтала. Удовлетворение окатывало волнами, она чувствовала себя бесплотной, будто стала одним целым с воздухом в комнате. Будто парила. Когда Элса наконец пришла в себя – и вернее тут слова не подобрать, ведь она на время обратилась в бесплотное желание, а затем вернулась в свое тело, – она открыла глаза.

Джек лежал на боку, глядя на нее.

Элса смело подалась к нему, поцеловала в губы, в висок. И вдруг поняла, что плачет.

– Не плачь, любимая, – прошептал он и обнял ее, прижал к себе. – Будет еще много хорошего. Обещаю тебе. Это только начало.

Любимая.

– Ты так тропинку в полу протопчешь, – сказала Наталья, выдыхая дым.

Лореда прекратила расхаживать по комнате.

– Уже два часа прошло. Может, она умерла.

Энт вскинулся:

– Думаешь, она умерла?

Лореда покачала головой. *Дурачок.*

– Нет, Энтси. Я так не думаю.

– Она вернется, – спокойно сказала Наталья. – Джек об этом позаботится.

Лореда услышала шаги снаружи.

– Энт, иди сюда.

Он метнулся к ней, прижался к ее бедру. Лореда положила руку на плечо брата.

Наталья встала перед ними, и тут открылась дверь.

В дом вошли Джек и Элса.

– Мама! – Энт бросился к Элсе.

– Потише, дружочек, – сказала та. – Со мной все в порядке.

Она наклонилась и поцеловала его в макушку.

Джек сказал:

– Ей нужно просто поспать.

Он помог Элсе устроиться в кровати.

Энт немедленно свернулся у нее в ногах, как щенок.

Лореда, Наталья и Джек вышли за дверь.

– С ней и правда все в порядке? – спросила Лореда.

– Да, – ответил Джек. – Ее сильно ударили по затылку, но этим вашу маму не остановишь. Она настоящая воительница.

– Это опасно, – сказала Лореда, впервые осознав истинность этих слов. Мама часто повторяла их, но до сегодняшнего вечера Лореда по-настоящему не понимала опасности. Ради забастовки они рискнули всем. Не только работой. Дело может кончиться по-настоящему плохо.

– Теперь вы видите, – сказал Джек, – что в такой борьбе нет ничего романтичного. Я был в Сан-Франциско, когда Национальная

гвардия пошла на забастовщиков со штыками.

– Тогда были погибшие, – сказала Наталья. – Забастовщики. Этот день назвали Кровавым четвергом.

– Но мы должны бороться, – сказала Лореда. – Доступными нам средствами. Как мама, когда она пошла в больницу с бейсбольной битой добывать аспирин для Джин.

– Да, – мрачно сказал Джек. – Ты права.

Глава тридцать четвертая

Утром шестого октября, перед самым рассветом, Элса с детьми забрались в один из поджидавших сборщиков хлопка грузовиков Уэлти.

Люди сидели подавленные, старались не встречаться взглядами. Элса не понимала, что это значит: то ли они за забастовку, то ли против нее, но было очевидно, что все в грузовике про забастовку знают. Разговоры об этом велись повсюду. Говорили осторожно, вполголоса. И все, кто работал в долине, знали и то, что забастовка назначена на шестое октября. И хозяевам об этом тоже наверняка известно.

– Вы с Энтом будьте все время у меня на виду, – сказала Элса, когда грузовик остановился перед хлопковым полем.

Посреди дороги стоял грузовик Джека. Он, Наталья и несколько их товарищей с плакатами ждали рабочих. Ворота на поле были открыты.

– Справедливая оплата труда! – выкрикивал Джек, пока сборщики вылезали из кузова.

На дороге за спинами митингующих показались машины, несколько легковушек и грузовиков ехали очень медленно. Несколько минут, и Джек с товарищами окажутся зажатыми между рабочими и землевладельцами, а по обе стороны дороги – огороженные хлопковые поля.

Молчаливая толпа замерла, люди сбились в плотную группу, уставились на коммунистов.

Первая машина затормозила за грузовиком Джека. Из нее вышли три человека, у каждого в руках винтовка.

Рядом с ней остановился грузовик. На дорогу выпрыгнули еще два человека.

Подъехал еще грузовик, из кабины вылез мистер Уэлти с дробовиком в руках. Он сделал несколько шагов, остановился позади Джека на расстоянии около трех футов и заговорил, обращаясь к рабочим:

– Сегодня плата снижается до семидесяти пяти центов за сто фунтов хлопка. Не хотите – не собирайте, желающих полно.

За его спиной веером расположились пятеро мужчин, держа оружие наизготовку.

Джек повернулся и решительно направился к Уэлти, встал в паре шагов. Теперь он словно был наконечником стрелы.

– За такие деньги они собирать хлопок не будут.

– Ты даже у меня не работаешь, лживый коммуняка, – сказал Уэлти.

– Я пытаюсь помочь этим людям. Только и всего. Твоя жадность – это не по-американски. За семьдесят пять центов они собирать не будут. Это ниже прожиточного минимума.

Джек повернулся к рабочим:

– Ему *нужно*, чтобы вы собирали хлопок, но платить вам он не хочет. Что мы скажем?

Никто не ответил.

Люди Уэлти не опускали ружей.

– А они умнее тебя, коммуняка, – усмехнулся Уэлти.

Элса знала, что им сейчас положено делать по плану, они все знали. Джек говорил об этом в амбаре. *Мирно идите в поля. Садитесь.*

Если они сейчас не сдвинутся с места, не начнут действовать, то забастовка закончится прежде, чем началась, и они проиграют, а хозяева станут еще сильнее.

Элса положила руки на плечи детям.

– Пойдемте, дети. В поле.

Они протиснулись через толпу и двинулись к воротам – три фигуры, отделившиеся от человеческой массы.

Колючая проволока поверх забора из сетки-рабицы блестела на солнце, охранник на вышке поднял винтовку.

– Видишь? – сказал Уэлти. – Эта леди знает, кто ей платит. Семьдесят пять центов лучше, чем ничего.

Элса прошла мимо Джека и Уэлти, не взглянув ни на того, ни на другого. Они с детьми ступили на хлопковое поле.

Лореда оглянулась:

– Никто за нами не идет, мама.

Идите, думала Элса. *Пожалуйста. Не оставляйте нас одних. Иначе все без толку.*

Джек сказал, что бастовать нужно всем вместе, чтобы был результат.

– Справедливая оплата труда! – кричал Джек за ее спиной. – Справедливая оплата труда!

Шесть минут пути по хлопковому полю оказались самыми длинными в жизни Элсы. Она заняла свое место в ряду и обернулась.

Еще мгновение толпа стояла, не двигаясь, глядя на Элсу и ее детей, одних посреди поля.

Айк первым двинулся вперед, растолкал толпу и зашагал к открытым воротам.

– Смотри, мама, – чуть слышно сказала Лореда, глядя, как рабочие один за другим выходят за Айком в поле и идут вдоль хлопковых рядов.

– За работу, мужики! – закричал Уэлти.

Как будто женщин здесь нет.

Элса смотрела на людей, бредущих между рядов хлопка, на *ее* людей. Какие же они смелые.

– Вы знаете, что делать! – закричала она.

Рабочие сели.

Когда приблизились сумерки, забастовщики встали и вышли с поля под ненавидящими взглядами хозяина и его людей.

Весь день забастовщики просидели между хлопковыми кустами в полном молчании.

Джек ждал их на дороге. Губа у него была разбита в кровь, под глазом синяк, и все же он улыбался.

– Молодцы, ребята. Мы привлекли их внимание. Завтра придется начать еще раньше. На этот раз они будут готовы и не пришлют за вами грузовики. Встретимся в четыре утра. У отеля «Эль Чентро».

Они все вместе пустились в долгий путь домой.

Лореда торжествовала:

– Сегодня не сорвали ни единой коробочки хлопка. Это научит гада, что нельзя нещадно эксплуатировать людей.

Элса шла рядом с Джеком. Она хотела бы чувствовать себя такой же счастливой, как дочь, но тревога пересиливала энтузиазм. Она видела, что большинство забастовщиков чувствуют то же, что и она. Поглядев на избитое лицо Джека, она сказала:

– Вижу, ты точно привлек их внимание.

Он придвинулся ближе. При ходьбе его пальцы касались ее ладони.

– Если человек прибегает к насилию, это значит, что он боится. Это хороший знак.

– Но себе мы сделали только хуже, да?

– К завтрашнему дню они подготовятся.

– Как долго все это продлится? Без пособий мы окажемся в беде, Джек. Нам не дадут товары в кредит в магазине, если мы не будем собирать хлопок, а сбережений ни у кого из нас нет. Долго мы не продержимся…

– Я знаю, – ответил Джек.

Они подошли к лагерю Уэлти. Сборщики, жившие здесь, свернули в ворота, к своим палатками и домикам. Лореда и Энт унеслись вперед. Остальные пошли дальше по дороге.

Джек и Элса остановились, глядя друг на друга.

– Сегодня ты замечательно проявила себя, – тихо сказал он.

– Я только и делала, что сидела.

– Это было смело, и ты это знаешь. Я тебе говорил, что они тебя послушают.

Она легонько тронула распухший лиловый синяк под его глазом.

– Пожалуйста, будь завтра осторожен.

– Я всегда осторожен.

Он улыбнулся, улыбка должна была успокоить ее, но цели своей не достигла.

Чуть позже Элса стояла у плиты, помешивая фасоль.

В дверь так сильно заколотили, что стены задрожали.

– Дети, отойдите назад, – сказала Элса и открыла дверь.

Снаружи стоял мужчина с молотком.

– Так-так, – сказал он. – Женщина на линии фронта собственной персоной. Подстилка коммуниста.

Элса загородила собой детей.

– Что вам надо?

Он сунул ей в лицо листок бумаги.

– Читать умеешь?

Она вырвала уведомление из его рук.

Джону Доу и Мэри Доу[41], чьи настоящие имена не известны.

Уведомляем вас о требовании освободить занимаемые вами помещения; данное помещение числится как блок 10 в землевладении Калифорнии.

Требуем освободить указанное помещение, которое вы незаконно занимаете, в трехдневный срок. Если вы не освободите помещение в указанный срок, в отношении вас будут приняты предусмотренные законом меры.

Томас Уэлти, владелец «Ферм Уэлти»

– Вы нас выселяете? Почему это я нахожусь здесь незаконно? – спросила Элса. – Я за этот дом шесть долларов в месяц плачу.

– Эти дома для сборщиков хлопка, – ответил мужчина. – Вы сегодня собирали хлопок?

– Нет, но…

– Еще двое суток, женщина. А потом мы все ваше говно в грязь вышвырнем. Мы вас предупредили.

Он развернулся и ушел.

Элса стояла в дверном проеме, глядя на то, что творилось в лагере. Не меньше десяти зловещего вида громил приколачивали уведомления о выселении к стенам, пинком открывали двери, раздавали уведомления, вешали их на столбы у каждой палатки.

– Как могут они так поступать! – завопила Лореда. – Свиньи!

Элса втащила дочь в дом, захлопнула дверь.

– Не могут же они выселить нас за то, что мы осуществляем свои права граждан Америки, – сказала Лореда. – Правда же?

Было понятно, что только теперь Лореда по-настоящему осознала всю рискованность происходящего. Как бы плохо они ни жили в лагере у канавы, у них, по крайней мере, была палатка. Теперь же, если их вышвырнут отсюда, у них не будет ничего.

Землевладельцы все это прекрасно знали, они знали, что завтра их рабам будет еще тяжелее бастовать, а через день еще тяжелее.

Как могут люди, у которых нет дома, которые едва волочат ноги от голода, бороться за идею?

Ночью Элса проснулась от того, что кто-то зажимал ей рот рукой.

– Элса, это я.

Джек.

Она села. Он убрал руку.

– Что случилось? – прошептала Элса.

– Ходят нехорошие слухи. Я хочу тебя и детей вывезти из лагеря.

– Сегодня нас всех предупредили о выселении. И это наверняка только начало.

Она сбросила одеяло и встала. Джек нежно провел рукой по ее телу.

Элса закрыла вентиляционное отверстие, зажгла керосиновую лампу и принялась будить детей.

Энт заворчал, пнул ее и перевернулся.

– Что? – зевнула Лореда.

– Джек говорит, завтра готовится что-то плохое. Он хочет, чтобы мы уехали.

– Из дома? – мигом проснулась Лореда.

В слабом свете Элса увидела страх в глазах дочери.

– Да.

– Тогда ладно. – Лореда ткнула брата локтем: – Вставай, Энт. Мы переезжаем.

Они быстро собрали свои скудные пожитки и в несколько заходов отнесли коробки и корзины, что нашли за последние несколько месяцев, в свой грузовик.

Под конец Элса с Лоредой встали у двери, оглядели две ржавые кровати, матрасы и маленькую плитку. Какая же это роскошь.

– Когда забастовка окончится, мы сможем вернуться, – сказала Лореда.

Элса ничего не ответила, но она знала: отсюда они уезжают навсегда.

Все вышли из дома и направились к грузовику.

Дети забрались в кузов, а Элса села на водительское место. Джек рядом с ней.

– Ты готова? – спросил он.

– Да.

Она завела мотор, но фары не включила. Старый грузовик выехал на дорогу.

Элса остановилась перед заколоченным отелем «Эль Чентро», где они провели ночь наводнения.

Джек снял тяжелую цепочку с входной двери.

В холле пахло сигаретным дымом и потом. Здесь были люди, и недавно. В темноте Джек провел их наверх по лестнице и остановился перед первой же дверью на втором этаже.

– Здесь две кровати. Лореда и Энт?

Лореда устало кивнула. Брат дремал, опершись на нее.

– Свет не включайте, – предупредил Джек. – Утром мы заберем вас. Элса, твоя комната… соседняя.

– Спасибо.

Она сжала его руку и отпустила, а потом уложила детей в кровати.

Энт заснул мгновенно. С болезненной ясностью Элса осознала: вот за это ровное дыхание, за этот простой звук она и несет ответственность. От нее зависят их жизни, а она ведет их завтра на забастовку.

– Опять у тебя встревоженное лицо, – сказала Лореда, когда Элса присела к ней на кровать.

– Это просто лицо любящей матери, – ответила Элса, поглаживая дочь по волосам. – Я горжусь тобой, Лореда.

– Ты боишься завтрашнего дня.

Элсе полагалось бы устыдиться того, что Лореда так отчетливо видит ее страх, но стыдно не было. Возможно, она устала прятать свое истинное лицо, устала скрывать настоящие чувства, устала считать себя никчемной. Она долгие годы тащила в гору этот камень, но теперь он исчез. И его тяжесть больше не придавливает ее к земле.

– Да, – сказала Элса. – Я боюсь.

– Но мы все равно будем бастовать.

Элса улыбнулась, вспомнив дедушку. Спустя несколько десятилетий она наконец поняла, что тот хотел ей сказать. Главное в жизни – не страх. Главное – выбор, который ты совершаешь, когда тебе страшно. Ты действуешь не вопреки страху, а из-за него, и в этом твоя смелость.

– Да.

Она наклонилась и поцеловала дочь в лоб.

– Спи спокойно, милая. Завтра важный день.

Элса оставила детей и прошла в соседнюю комнату, где Джек ждал ее, сидя на кровати. В латунном подсвечнике на тумбочке горела свеча. У стены выстроились коробки и корзины с вещами.

Джек поднялся.

Без тени сомнения она приблизилась к нему. В его глазах она видела любовь. К ней. Эта любовь была не спокойная, укоренившаяся и знакомая, как любовь Роуз и Тони, а молодая, новая, любовь, которой она никогда не знала, или, по крайней мере, ее прекрасное начало. Всю свою жизнь она ждала этого мгновения, мечтала о нем, и теперь, когда оно близко, она не упустит его. А в преддверии того, что ждет их утром, ценность оставшихся часов возрастала безмерно.

– Я дала своей подруге безумное обещание.

– Правда?

Она подняла руки, сплела их на его затылке.

– Я никогда не приглашала мужчину на танец. И я знаю, что музыки у нас нет.

Он наклонился, поцеловал ее, задвигался под беззвучную мелодию.

– Элса, мы и есть музыка.

Элса закрыла глаза и позволила ему вести.

За тебя, Джин.

Глава тридцать пятая

Элсу разбудил поцелуй. Она медленно открыла глаза. Никогда она так крепко не спала, как этой ночью, и, учитывая обстоятельства, это казалось почти неприличным.

Джек смотрел на нее.

– Мои товарищи уже должны быть внизу.

Элса села, убрала с глаз спутанные волосы.

– А сколько вас?

– По всему штату нас тысячи. Но мы сражаемся на многих фронтах. Наши организаторы есть на каждом поле отсюда до Фресно.

Он еще раз поцеловал ее:

– Увидимся внизу.

Элса встала и подошла – голая – к коробкам с вещами. Порывшись в одной, достала дневник и карандашный огрызок, раздобытый Энтом.

Вернувшись в постель, она открыла чистую страницу дневника и начала писать.

Любовь – это единственное, что остается, когда нет больше ничего. Вот что я должна была сказать детям, когда мы уезжали из Техаса. Вот что я скажу им сегодня. Вряд ли они сейчас это поймут. Как им понять?

Мне сорок лет, и я только сейчас осознала эту истину.

Любовь. В лучшие времена это мечта. В худшие времена – спасение.

Я влюблена. Вот так. Я написала эти слова. Скоро я произнесу их вслух. Ему.

Я влюблена. Как бы безумно, и неправдоподобно, и смешно это ни звучало, я влюблена. И взаимно.

И это – любовь – дает мне смелость, которая нужна мне сегодня.

Четыре ветра принесли нас сюда, людей со всей страны, из всех уголков нашей великой земли, и теперь наконец мы заявляем о своей позиции, сражаемся за то, что, как мы знаем, правильно. Мы сражаемся за нашу американскую мечту, чтобы она снова стала возможной.

Джек говорит, что я воительница, и хотя я не верю этому, но вот что я знаю: воительница верит в цель, которую она не видит, и сражается за нее. Воительница не сдается. Воительница сражается за тех, кто слабее нее.

По-моему, похоже на материнство.

Элса закрыла дневник, оделась и пошла в соседнюю комнату.

Энт прыгал на кровати:

– Глянь-ка на меня, Лореда. Я летаю.

Лореда, не обращая внимания на брата, расхаживала по комнате, грызя ноготь на большом пальце.

Дети замерли, когда Элса вошла в комнату.

– Пора? – спросила Лореда.

Глаза у нее блестели, она выглядела возбужденной.

Сердце у Элсы тревожно сжалось.

– Сегодня будет…

– Опасно, – сказала Лореда. – Мы знаем. Все внизу?

– Я думаю, нам нужно…

– Еще поговорить? – нетерпеливо спросила Лореда. – Мы уже достаточно говорили.

Энт спрыгнул с кровати, босиком прошлепал к сестре, встал рядом.

– Я – Тень! Меня никто не напугает.

– Ладно, – сказала Элса. – Только держитесь вместе, чтобы я вас каждую секунду видела.

Лореда подтолкнула Элсу к двери. Энт уже натягивал ботинки.

– Подождите Тень!

Когда они спустились вниз, в холле почти никого не было, но уже через несколько минут в гостиницу начали стягиваться люди. Члены Союза рабочих собирались группками, раскладывали на столе

листовки, пристраивали у стены транспаранты. Встревоженные люди из мигрантских лагерей сбились в молчаливую кучку.

Элса увидела Джеба с детьми, тут же был Айк и еще несколько рабочих из лагеря Уэлти.

Лореда взяла плакат «Справедливая оплата труда» и подошла к Наталье. Та держала плакат «Рабочие, объединяйтесь!».

Джек вышел в центр холла.

– Друзья, товарищи, время пришло. Не забывайте наш план. Мирная забастовка. Мы заходим на поля и садимся. Вот и все. Надеемся, что сегодня утром это произойдет по всему штату, надеемся, что и другие рабочие присоединятся к нам. Пойдемте.

Все вышли из отеля. Их было не больше пятидесяти человек. Наталья села на водительское место грузовика Джека и завела мотор. Джек, забравшись в кузов, оглядел немногочисленных собравшихся.

– Небольшая группа смелых людей может изменить весь мир. Сегодня мы боремся от имени тех, кто боится. Мы сражаемся за прожиточный минимум. Справедливая оплата труда!

Лореда подняла свой плакат и подхватила:

– Справедливая оплата труда! Справедливая оплата труда!

Грузовик медленно тронулся с места, забастовщики двинулись за ним. Джек взял мегафон, и его голос разносился далеко:

– Справедливая оплата труда! Справедливая оплата труда!

Элса с детьми и другими забастовщиками шагала за грузовиком.

Они прошли мимо рекламного щита сигарет «Лаки Страйк». Несколько человек, что жили в палатке прямо под щитом, присоединились к процессии. Еще через четверть мили в колонну влились несколько человек, похожих на проповедников, все держали в руках плакаты «Прожиточный минимум рабочим!». У каждого перекрестка, у каждого лагеря к шествию присоединялись все новые и новые люди. Дружное скандирование оглашало окрестности.

Справедливая оплата труда! Справедливая оплата труда!

Их становилось все больше и больше.

Элса оглянулась и поразилась размерам колонны. Человек шестьсот, не меньше, и все настроены решительно.

Она кивком показала Лореде, чтобы та тоже оглянулась. Дочь посмотрела назад, расплылась в улыбке и с удвоенной силой завопила:

– Справедливая оплата труда! Справедливая оплата труда!

Джек прав. Если землевладельцы хотят, чтобы хлопок успели собрать до первых дождей, то придется платить по справедливости. И неважно, что Джек коммунист, возмутитель спокойствия. Это борьба за права всех американцев.

Когда впереди показался съезд к воротам «Ферм Уэлти», уже около тысячи человек скандировали и размахивали плакатами. Перед ними прямой линией тянулась дорога, с обеих сторон огороженные хлопковые поля. Посреди дороги стоял человек.

Уэлти.

Наталья резко затормозила прямо перед ним. Джек обратился к забастовщикам:

– Друзья, настал ваш день! Ваш миг. Хозяева услышат вас. Они не могут делать вид, что ничего не происходит, если так много людей требует: «*Хватит!*»

– Хватит! – пронзительно закричала Лореда. – Хватит!

К ней присоединился дружный хор, все в колонне выкрикивали одно-единственное слово, потрясали транспарантами.

– Наша забастовка мирная, но мы будем стоять на своем! – прокричал Джек в мегафон. – Хватит вами помыкать и морить вас голодом. Вы заслуживаете справедливой оплаты за свой труд.

Элса услышала гул моторов. Она знала, что и остальные его услышали. Скандирование стихло.

– Идите в поле! – крикнул Джек. – Садитесь! Если нужно, сломайте ворота.

Элса повернулась и увидела, что за колонной появился грузовик, набитый людьми. Водитель сигналил, чтобы его пропустили.

– Это штрейкбрехеры. Они хотят занять ваши рабочие места, – сказал Джек. – Не пускайте их!

Толпа развернулась, люди перекрыли грузовику проезд к воротам.

– Никто не работает! Требуем справедливой оплаты труда! – кричал Джек.

Уэлти обогнул грузовик Джека, встал спиной к кузову.

– Сегодня я плачу по семьдесят пять центов. Кто хочет накормить свою семью и переехать в один из моих домиков? Кто хочет зимой получить кредит в магазине компании и матрас?

– Черт возьми, нет! – закричал Джек.

Толпа заревела, выражая свое согласие.

По дороге с другой стороны подъехал еще один грузовик, из кабины выскочил человек, за плечом торчала винтовка. Он быстро прошел к воротам, распахнул их.

– Стрелять они не осмелятся. Мы ничего дурного не сделали! – закричал Айк. – Держитесь!

Человек с винтовкой поднялся на вышку и направил оружие на забастовщиков.

– Он не может просто так выстрелить в нас! – кричал Айк. – Мы все-таки в Америке.

Подъехало еще несколько грузовиков с мигрантами, готовыми собирать хлопок за семьдесят пять центов, машины отчаянно гудели, требуя, чтобы их пропустили.

– Не пускайте их! – надрывался Джек.

Сирены.

Вдалеке показались патрульные автомобили и еще грузовики, в воздухе повисло облако пыли. Одна за другой машины останавливались, заблокировав грузовик Джека.

На землю спрыгнули мужчины в масках, вооруженные дубинками, битами и ружьями.

Человек десять.

Из патрульных автомобилей вылезли полицейские, тоже вооруженные.

Головорезы в масках медленно двинулись на толпу. Забастовщики попятились, никто больше не скандировал.

– Эти люди в масках, потому что им стыдно! – крикнул Джек. – Они стыдятся того, что делают!

Элса смотрела на мужчин в масках, медленно, но неумолимо подступавших к ней и ее детям. Прижав к себе Энта и Лореду, она попятилась.

– Мама, нет! – закричала Лореда.

– Тише, – прошептала Элса, не отпуская дочь.

– Не отступайте. Не бойтесь! – Джек смотрел прямо на Элсу.

Трое головорезов запрыгнули в грузовик Джека. Мощный удар битой по спине – Джек уронил мегафон и пошатнулся. Головорезы схватили Джека за волосы и выволокли из грузовика. После очередного удара, теперь уже по голове прикладом, Джек упал на колени.

– За работу! – заорал Уэлти. – Забастовка окончена.

Вооруженные мужчины окружили Джека и принялись избивать ногами.

Забастовщики шарахнулись в стороны, некоторые устремились к хлопковому полю. Грузовики штрейкбрехеров продолжали беспрерывно сигналить.

– Элса! – крикнул Джек и получил еще один удар по голове.

Элса поняла, чего он от нее хочет.

Тебя они послушают.

Она быстро забралась в кузов грузовика, схватила мегафон и оглядела забастовщиков. Руки у нее тряслись.

– Стойте! – выкрикнула она.

Рабочие замерли, все смотрели на нее.

Элса тяжело дышала. И что теперь?

Думай.

Она знала этих людей, по-настоящему знала их. Это ее люди. *Люди вашего сорта*, как с насмешкой говорили калифорнийцы, но это был комплимент.

Они такие же, как она. И сегодня они стали другими, они возвысили свой голос, они потребовали: «*Хватит*». Встали до рассвета, голодные, чтобы заявить о своих правах, и сейчас она, Элса, должна показать всем, и в первую очередь своим детям, чему когда-то научил ее дедушка. Она обхватила пальцами и крепко сжала бархатный мешочек на груди.

Святой Иуда Фаддей, покровитель отчаявшихся и обездоленных, помоги мне.

– Что скажешь? – закричал кто-то.

– Надежда, – начала Элса.

Мегафон превратил ее шепот в рев, и толпа притихла.

– Надежда у меня всегда с собой – это одноцентовая монетка. Мне ее подарила мать мужчины, которого я полюбила. Иногда мне казалось… что я продолжаю свой путь только благодаря этой монетке, символу надежды. Я приехала на Запад… в поисках лучшей жизни… но нищета и невзгоды разрушили мою американскую мечту. – Элса посмотрела на Уэлти: – И жадность. За последние годы люди столького лишились. Работы. Дома. Еды. Наша любимая земля обратилась против нас, сломала нас всех, даже упрямых стариков,

которые годами радовались урожаям пшеницы. «Без борьбы мужчине здесь на жизнь не заработать», – говорили они друг другу.

Элса оглядела толпу. Сколько же здесь женщин и детей! Она видела в их глазах свою жизнь, в их сгорбленных спинах – свою боль.

– Разве только мужчине! Всегда говорят только о мужчинах. Будто готовить, убирать, рожать детей и работать в огороде ничего не значит. Но и мы, женщины Великих равнин, не знали отдыха от рассвета до заката, мы трудились на пшеничных полях, пока не иссохли так же, как наша земля. Иногда, закрывая глаза, я готова поклясться, что все еще чувствую вкус пыли…

Элса замолчала. Удивительно, как громко и сильно звучал ее голос. Она все смотрела на рабочих и впервые понимала, что потрепанная одежда и осунувшиеся лица говорят прежде всего о стойкости, о способности выживать. О том, что они не сдались.

– Мы приехали сюда за лучшей жизнью, чтобы прокормить наших детей. Мы не лодыри, мы не бродяги. Мы не хотим жить так, как мы живем. Пришло время сказать: «*Хватит*». Хватит магазину компании нас обманывать и держать нас в кабале. Хватит урезать нам зарплату. Хватит использовать нас, хватит плевать на нас, хватит настраивать нас друг против друга. Мы заслуживаем лучшего. *Хватит!*

– Хватит! – закричал Айк.

– Хватит! – заорала Лореда.

На какой-то миг повисла тишина, а потом начавшая было рассеиваться колонна снова выстроилась, перекрывая дорогу штрейкбрехерам, и мощный хор голосов подхватил:

– Хватит! Хватит! Хватит!

Люди больше не обращали внимания ни на вооруженного охранника на вышке, ни на полицейских, наставивших на них пистолеты, ни на головорезов в масках.

Их решительность потрясла Элсу, придала ей сил.

– Справедливая оплата труда! – надрывалась что есть мочи Элса в мегафон.

– Справедливая оплата труда! – кричали сборщики, потрясая плакатами.

Внезапно Элса услышала тонкий свист, а потом что-то металлическое ударилось о кузов у ее ног. Через секунду весь мир накрыло одеялом дыма.

В глазах отчаянно защипало. Забастовщики, ничего не видя вокруг, попятились от грузовика, в панике натыкались друг на друга.

Пронзительный крик:

– Газовые гранаты!

Гранаты со слезоточивыми газом падали в толпу, уже со всех сторон валил дым.

Элса подняла мегафон.

– Бегите в поле, а не с поля! – проорала она и зашлась в надсадном кашле.

Она отчаянно терла глаза, но лучше не становилось.

– Не сдавайтесь! – прохрипела она в мегафон.

Но рабочие уже бросились врассыпную, натыкаясь друг на друга. Из-за едкого дыма почти ничего не было видно.

Выстрел прозвучал громко даже в этой суматохе.

Элса пошатнулась и схватилась за бок.

Что-то мокрое, горячее.

Кровь.

Элса услышала крик дочери: «Мама!» – и хотела ответить: «Все в порядке», но ее пронзила боль.

Боль.

Элса выронила мегафон. Через едкую дымку она видела, как Лореда, вопя, прорывается сквозь толпу, как вцепившийся в сестру Энт старается не отстать.

Элсе так хотелось, чтобы они добрались до нее, только бы не потерять сознание, только бы сказать им, как она их любит, но боль уже завладела ею, стиснула так, что невозможно было дышать. «*Детки мои*», – подумала она, протягивая к ним руки.

Мир будто изменился, замедлился. Выстрел, мама, пошатнувшись, оседает, ее платье окрашивается красным. Джек раскидывает в сторону типов в масках.

Лореда закричала, схватила Энта за руку и начала проталкиваться через толпу, охваченную паникой. Она увидела, как Джек ударил одного из головорезов его же битой, другого свалил ударом кулака.

– Убили! – раздался крик.

Головорезы в масках попятились от грузовика.

Джек запрыгнул в кузов, подхватил Элсу.

– Она жива? – закричала Лореда.

Мама открыла красные, слезящиеся глаза и посмотрела на Джека.

– У нас не получилось, – прошептала она.

Джек вынес маму из грузовика и встал перед забастовщиками, держа Элсу на руках. Ее кровь капала на землю, просачиваясь между его пальцами. Едкий дым стелился вокруг.

– Забастовка… веди их… – И Лореда поняла свою маму.

– Арестовать их! – заорал Уэлти, но полицейские отступили от человека, держащего на руках окровавленную женщину.

Головорезы в масках медленно пятились к своему грузовику. Некоторые побросали оружие. Машины со штрейкбрехерами больше не сигналили.

Внезапно прямо у своих ног Лореда увидела винтовку. Она подняла ее, приблизилась к Уэлти, который пытался помешать забастовщикам пройти к воротам, и прицелилась ему в грудь.

Уэлти вскинул руки.

– Ты не посмеешь…

– Ты так думаешь? Если ты не уберешься, я тебя убью. Не сомневайся.

– Это все без толку. Я вашу чертову забастовку прекращу.

Лореда взвела курок.

– Но не сегодня.

Уэлти медленно отступил.

Вперед, растолкав толпу, выдвинулся Айк. Прошел мимо Джека в поле. Следом и Джеб с детьми… и Бобби Рэнд с отцом.

Рабочие молча, но как-то торжественно прошли в ворота и заняли ряды, чтобы сегодня уж точно никто не мог собирать хлопок.

Элса, по-прежнему на руках у Джека, приподняла голову, посмотрела на забастовщиков. Улыбнулась и прошептала: «Хватит».

И, несмотря на страх, несмотря на потрясение, Лореда никогда еще никем так не восхищалась.

Джек ударом ноги открыл дверь в больницу.

– Моей жене нужна помощь.

Женщина за стойкой регистратуры в ужасе привстала на своем удобном стуле.

– Вы не имеете права…

– Мать вашу, я резидент Калифорнии! – прорычал Джек. – Зовите доктора.

– Но…

– Немедленно! – сказал Джек таким голосом, что даже Лореда испугалась.

Регистраторша быстро убежала по коридору.

Кровь капала на чистый пол. Они ждали. Глядя на красные капли, Энт расплакался. Лореда прижала его к себе.

К ним торопливо направлялся мужчина в белом, рядом семенила медсестра в накрахмаленной форме.

– Пулевое ранение в живот, – сказал Джек.

Голос у него сорвался, и Лореда поняла, что он в ужасе. От этого ей сделалось еще страшнее.

Доктор позвал санитаров, и через минуту маму увезли на каталке.

Джек притянул Энта к себе, обнял. Лореда шагнула к ним. Джек и ее обхватил рукой.

Лореда могла думать только о том, как ужасно она обращалась с мамой. Годами. Столько нужно ей сказать, столько исправить. Сказать, как сильно она ее любит, как восхищается ею, как хочет стать такой же, как она. Почему она не сказала всего этого раньше?

Лореда вытерла слезы, но они не утихали. Даже ради Энта у нее не получается быть сильной. Впервые за несколько лет она стала молиться.

Прошу тебя, Господи, спаси ее.

Я не могу жить без мамы.

Белый свет.

Слишком яркий.

Режет.

Боль.

Она лежала на кровати.

Элса медленно повернула голову. Каждый вдох причинял боль.

Джек сидел на стуле рядом с ней, на коленях у него пристроился Энт. Глаза у сына были красные, веснушчатое лицо мокрое от слез.

– Элса, – тихо позвал Джек.

– Она проснулась! – всхлипнул Энт.

Лореда бросилась к кровати, едва не оттолкнула Джека с братом.

– Мамочка.

Мамочка.

Одно это слово вернуло все: как Элса укачивала ее перед сном, как читала сказки, как учила готовить феттуччине, как шептала на ухо: «Будь смелой».

– Где…

Джек погладил ее по щеке.

– Ты в больнице.

– Что, я?..

Ответ она прочла в глазах любимого. Они все уже горевали.

– Они ничего не смогли сделать, – сказал Джек. – Сильное внутреннее кровотечение, и твое сердце… говорят, с ним что-то не так. Не справляется, что-то в этом роде. Тебе дали обезболивающее… больше ничего сделать не могут.

– Но они ошибаются! – яростно сказала Лореда. – Все всегда ошибались на твой счет, мама. Правда же? Как я. – Лореда заплакала. – Ты поправишься. Ты сильная.

Элса знала, что умирает. Она чувствовала, как отказывает ее тело.

Но только не сердце. Ее сердце не могло вместить всю ту любовь, что она чувствовала, глядя на этих троих, показавших ей весь мир. Она-то думала, что у нее есть целая жизнь, чтобы показать им свою любовь.

Время.

Ее время прошло так быстро. Она ведь только открыла саму себя.

Собиралась научить детей всему тому, что знает сама, но время кончилось. И все же она дала им самое главное: она любит их, и они знают это. Все прочее – чепуха.

Любовь остается.

– Энт, – прошептала она, протягивая руку.

Энт проворной обезьянкой перебрался с коленей Джека под бок к матери. Элсу пронзила острая боль, когда он прижался к ней. Она поцеловала сына в мокрую щеку.

– Не умирай, мам.

Слова больнее выстрела.

– Я буду… хранить тебя… всю твою жизнь. Как Тень. Ночью… пока ты спишь.

– А как я это пойму?

– Ты будешь… вспоминать меня.

Энт снова заплакал.

– Я не хочу, чтобы ты умирала.

– Я знаю, маленький мой.

Она вытерла ему слезы, чувствуя, что не выдержит и сама вот-вот расплачется.

Джек, поняв, что ей больно, осторожно привлек Энта к себе. У Элсы сжалось сердце, когда она увидела, как он обнимает ее сына. Вспышка… отблеск того будущего, которое она теряла. Вот какой семьей они могли стать.

Она посмотрела на Джека:

– Господи, как хорошо мы могли бы жить.

Он наклонился к ней, не отпуская Энта, и поцеловал в губы – долгим-долгим поцелуем, она ощутила солоноватость его слез.

Элса с трудом подняла руку, прижала ладонь к его щеке, чтобы он в последний раз ощутил ее прикосновение.

– Отвези их домой ради меня, – прошептала она ему в губы.

Он отстранился, кивнул.

– Элса… Господи, я люблю тебя…

Лореда протиснулась к кровати, и Джек отошел в сторону, успокаивая Энта, поглаживая его по спине.

– Привет, мама, – сказала Лореда тонким голосом.

Элса посмотрела на свою красавицу-дочь.

– Я хотела увидеть, как ты завоюешь весь мир, милая моя.

– Без тебя у меня не получится.

– Получится… обязательно.

– Это несправедливо. Никто никогда не будет любить меня так, как ты.

Элса с трудом дышала. Ей казалось, будто она тонет. Каждое движение причиняло страдание. Она с усилием развязала шнурок на шее и трясущимися руками вложила бархатный мешочек в ладонь дочери.

– Верь… в нас.

Элса перевела дыхание. С каждой секундой боль усиливалась.

Лореда зажала мешочек в руке, по щекам ее текли слезы.

– Что мне без тебя делать?

Элса попыталась улыбнуться, но не сумела. Слишком она устала. Слишком ослабла.

– Просто живи, Лореда, – прошептала она. – И знай… каждую секунду знай… как сильно я тебя любила.

Найди свой голос и говори… не упускай счастливый случай… не сдавайся.

Элса больше не могла держать глаза открытыми. Столько еще нужно сказать, передать детям любовь, одарить их советами, но время утекало…

Будь смелой.

Может быть, она произнесла это, а может, только подумала.

Глава тридцать шестая

– Она хотела, чтобы мы вернулись домой, – сказала Лореда.

Неожиданное слово – *домой* – точно дало ей опору, хоть за что-то можно ухватиться. Бабушка и дедушка. Они нужны ей сейчас.

– Да, мне она это тоже сказала.

Джек держал на руках Энта, который плакал, плакал и заснул.

– Здесь мы не станем хоронить маму, – продолжала Лореда. – И мы с Энтом не можем здесь оставаться. Даже если в Техасе все еще песчаные бури. Здесь мы не останемся. *Я* здесь не останусь.

– Конечно, я отвезу вас, но…

– Деньги, – отрешенно произнесла Лореда. Все сводится к деньгам.

– Я поговорю с Союзом рабочих. Может быть…

– Нет, – резко ответила Лореда, удивленная силой своего гнева.

Хватит!

Довольно, черт возьми.

Отчаянные времена требуют отчаянных мер. Она знала, что мама сделала для Джин в такой момент.

– Я знаю, где мы достанем то, что нам нужно. Можно взять твой грузовик?

– По-моему, это не очень хорошая идея…

– И ты прав. Дай ключи, пожалуйста.

– Они в грузовике. Не заставляй меня пожалеть об этом.

– Я постараюсь вернуться поскорее.

Лореда выбежала из больницы, запрыгнула в грузовик Джека и поехала на север.

Смотри, мама, мне понадобилось вести машину в чрезвычайной ситуации, подумала она и снова заплакала.

В городе она миновала уже знакомых типов в масках, которые разъезжали по улицам, призывая людей вернуться к работе. Иначе их ждет арест и тюрьма за бродяжничество.

У нее получится.

Получится.

И если она умрет, или отправится в ад, или в тюрьму, то так тому и быть. Но она сделает все, чтобы отвезти маму домой и похоронить ее

в земле, которую она любила, а не здесь, где их сломили и предали.

Она остановилась перед отелем «Эль Чентро» и бегом поднялась в мамину комнату. Засунула одежду в мешок для белья, схватила ружье, вернулась к грузовику и покатила дальше на север.

Неподалеку от лагеря Уэлти она припарковалась за рекламным щитом сигарет «Олд Голд». Взяла винтовку, мешок с барахлом и проскользнула в лагерь мимо пустой будки охранников.

В лагере было тихо, на дверях трепетали уведомления о выселении. Она стащила с веревки за прачечной мальчишеские шерстяные штаны, черный свитер, подобрала грязную черную шляпу с обвисшими полями. Натянула большие штаны, заправив в них платье, сверху мешковатый свитер, волосы собрала в узел и спрятала под шляпу, помедлила, наклонилась, зачерпнула грязи и размазала ее по лицу.

Лореда надеялась, что похожа теперь на мальчишку, решившего поохотиться на кроликов.

На лагере лежал тяжелый покров поражения. Типы в масках исчезли, но свое дело они сделали. Власть хозяина была восстановлена. Лореда не сомневалась, что, несмотря на то что ее мать отдала жизнь за эту забастовку, она потерпела крах. Может, не сегодня, но завтра или послезавтра. Как долго могут сражаться потерявшие все, отчаявшиеся люди?

Не поднимая головы, она прошла мимо группки женщин и детей, стоявшей между душем и прачечной. Почти все были незнакомые – лагерь заполнялся новыми обитателями, согласными собирать хлопок за любые деньги, лишь бы не умереть от голода.

Магазин, уже приготовивший свою долговую ловушку для ничего пока не подозревающих новичков, располагался чуть поодаль от других строений, внутри горел свет.

Лореда осторожно открыла дверь, заглянула внутрь.

Покупателей нет.

Она облегченно выдохнула.

Захлопнула за собой дверь и, изображая пацана, вразвалочку прошла к прилавку. Головы она так и не подняла, зыркала по сторонам из-под полей старой шляпы.

За кассой стоял незнакомый человек, она никогда раньше его не видела.

Повезло.

Лореда быстро сдернула с плеча ружье и направила на продавца.

Глаза у него расширились.

– Ты что творишь, сынок?

– Граблю тебя. Деньги из кассы.

– Мы в кредит работаем.

– Обижаешь. Я знаю, что вы выдаете наличные в кредит.

Она взвела курок:

– Ты готов умереть за деньги Уэлти?

Продавец рывком выдвинул ящик кассы, выгреб все купюры, подтолкнул их к Лореде.

– Монеты тоже.

Он ссыпал монеты в джутовый мешок, сунул туда же купюры.

– Это все, что у нас есть. Но Уэлти тебя найдет и…

Лореда схватила мешок и приказала:

– Сядь в угол. Если я увижу, что ты бежишь за мной, пристрелю. Поверь, мне хватит на это злости.

Она попятилась к двери, не отводя дула со скорчившегося в углу приказчика. Выскочив из магазина, она зашвырнула ружье в кусты, кинулась в рощицу на краю лагеря, на ходу стягивая с себя чужой свитер, кое-как вытерла лицо свитером, сдернула шляпу, штаны, собрала все в кучу и засунула в густой куст. Джутовый мешочек с деньгами она запихала в мешок с одеждой.

Теперь она снова была худенькой девочкой в линялом платье.

Лореда была уже на полпути к воротам, когда услышала свисток. Поднялась суета, вооруженные мужчины бежали к магазину.

Лореда быстро свернула к прачечной, встала в хвост небольшой очереди.

Кто-то заорал:

– Я нашел ружье!

– Прочешите весь лагерь! Уэлти нужен этот пацан!

Разумеется. Чертовы богатеи считают себя вправе обманывать людей, но терпеть не могут, когда их самих грабят. Они с удовольствием упекут кого-нибудь в тюрьму за вооруженный грабеж.

Лореда продвинулась в очереди. Сердце колотилось, во рту пересохло, но никто из вооруженных людей Уэлти даже не глянул в сторону женщин у прачечной.

Иногда хорошо быть женщиной.

Мужчины метались по лагерю, хватали мальчишек, допрашивали их, сыпали вопросами, ругательствами, шарили у них в карманах.

Постепенно все стихло.

Лореда отделилась от очереди и вдоль забора двинулась к выходу из лагеря, небрежно помахивая мешком для белья. Никто не обращал на нее внимания.

Идя к шоссе, она издалека увидела мигалки. Полицейские объезжали все лагеря, допрашивали случайных людей, которых просто хватали на улице.

Грузовик Джека спокойно стоял себе на обочине, где она его оставила. Лореда села в машину и поехала в больницу.

Припарковавшись чуть в стороне от входа, она пересчитала деньги.

Сто двадцать два доллара. И девяносто один цент.

Целое состояние.

Беззвездной черной ночью они преодолели горный перевал и самую трудную часть пустыни Мохаве.

В кузове лежал сосновый гроб.

Машины встречались редко. Лореда видела лишь круг света, который отбрасывали перед их грузовиком фары. Энт спал, привалившись к ней. С минуты смерти мамы он не проронил ни слова.

После Барстоу Джек съехал на обочину.

Палатки у них не было, так что они разложили одеяла на жесткой земле и легли. Энт между Джеком и Лоредой.

– Хочешь рассказать? – тихо спросил Джек.

Энт посапывал.

– Что рассказать?

– Где ты взяла деньги?

– Я совершила плохой поступок из добрых побуждений.

– Насколько плохой?

– Примерно как прийти в больницу за аспирином с бейсбольной битой.

– Ты кого-нибудь ранила?

– Нет.

– И ты больше так не будешь делать и ты понимаешь, что так делать нельзя?

– Да. Но в этом мире все шиворот-навыворот.

– Это правда.

Лореда вздохнула:

– Я до того скучаю по ней, что дышать не могу. Теперь что, всю жизнь так будет?

Джек молчал. Само его молчание было ответом. Лореда уже знала, что никогда не свыкнется с этим горем.

– Я не успела сказать, что горжусь ею. Как я могла…

– Закрой глаза. И скажи ей это сейчас. Я так с мамой уже много лет разговариваю.

– Ты думаешь, она слышит?

– Мамы всегда слышат, детка.

Лореда закрыла глаза и подумала обо всем том, что она так и не сказала маме.

Я люблю тебя. Я горжусь тобой. Я никогда не видела таких смелых людей. Почему я так долго и так плохо себя вела? Ты дала мне крылья, мама. Ты это знаешь? Я чувствую, что ты здесь. Ты всегда будешь со мной.

Когда Лореда открыла глаза, над ее головой сияли звезды.

Эпилог

1940 год

Я стою за домом в поле голубовато-зеленой буйволовой травы. Слева колышется на ветру золотистое море пшеницы. Почву на ферме моих бабушки и дедушки восстановили, как и на всех больших фермах в округе. В газетах пишут, что Великие равнины спас план президента по сохранению почв, но бабушка говорит, что это Бог нас спас, Бог и посланный им дождь.

С виду я самая обычная девушка, но я отличаюсь от большинства. Я выжила. Нам никогда не забыть, через что мы прошли в годы Великой депрессии, уроки невзгод навсегда с нами. Мне восемнадцать лет, и детство для меня – время потерь.

Она.

Вот кого мне не хватает каждый день, вот кого никто не заменит.

Я иду к семейному кладбищу за домом. Его восстановили, и теперь квадрат, поросший густой травой, окружает новый белый забор. Кто-нибудь из нас поливает этот пятачок каждый день. Вдоль забора цветут астры.

Каждый новый росток вызывает у нас улыбки. Мы ничего не воспринимаем как обыденность.

Я собиралась посидеть на скамейке, которую смастерил дедушка, но почему-то осталась стоять, глядя на могильный камень. Сегодня она должна быть здесь, рядом со мной. Для нее это было так важно… а для меня еще важнее. Я крепко сжимаю ее дневник. Скупых строк, которые она успела написать, хватит мне на всю жизнь.

Слышу, как открылась калитка. Это бабушка решила побыть со мной. Она чувствует, когда во мне поднимается печаль, иногда она оставляет меня наедине с моим горем, а иногда берет меня за руку. Не знаю как, но она всегда понимает, что мне нужно.

Калитка со скрипом закрывается.

Бабушка подходит, встает рядом. Я чувствую запах лаванды, которую бабушка добавляет в мыло, и ванили, которую она кладет в выпечку.

Волосы у бабушки совсем седые, она называет седину знаком доблести.

– Тебе сегодня по почте пришло. От Джека.

Она протягивает мне большой желтый конверт с обратным адресом в Голливуде.

Сейчас Джек ведет уже новую борьбу – против фашизма, ведь в Европе война.

Я беру пакет. Внутри тонкая книжка с закладкой. Я открываю книжку на заложенной странице.

Это зернистая черно-белая фотография матери, она стоит в кузове грузовика и говорит в мегафон. Под фотографией подпись: «*Организатор профсоюза Элса Мартинелли ведет забастовщиков, не страшась гранат со слезоточивым газом и пуль».*

Я глажу фотографию, будто я слепая и пальцы помогут мне ощутить всю глубину изображения. Закрываю глаза и вспоминаю, как она стояла на этом грузовике и кричала: «*Хватит, хватит…»*

– В тот день она нашла свой голос, – говорю я.

Бабушка кивает. В последние годы мы часто разговаривали об этом.

– Если бы ты ее видела. Я ею так гордилась.

– И она бы сегодня тобой гордилась, – отвечает бабушка.

Смотрю на могильный камень.

Элса Мартинелли
1896–1936
Мать
Дочь
Воительница

– Я так жалею, что не сказала ей, как горжусь ею, – тихо произношу я.

Сожаление всплывает в самые неожиданные моменты.

– Ах, *cara,* она знает.

– Но разве я это сказала? Все было так ужасно, и я… просмотрела ее. Я все время думала, что моя жизнь где-то *не здесь*, где-то в другом месте, когда моя жизнь была прямо рядом со мной. Она была прямо рядом со мной.

– Она знала, – мягко повторяет бабушка. – А теперь пора идти.

– Как я могу оставить ее?

– Ты ее не оставишь. И она тебя никогда не оставит.

Я слышу смех Энта. Оборачиваюсь и вижу, что он и наш золотистый ретривер бегут к нам, натыкаясь друг на друга. Дедушка ждет меня у ветряной мельницы, он отвезет меня на вокзал – я еду учиться в колледже в Калифорнии, в городе у океана.

В Калифорнию, мама. Я возвращаюсь.

Несломленной.

– Поезд ждать не будет, – говорит бабушка. – Так что ты тут не задерживайся.

Я слышу, как она уходит, и знаю, что она дает мне еще миг побыть здесь в одиночестве. И все слова, которые я не могла найти много лет, теперь я могу произнести.

– Я еду учиться в колледж, мама.

Ветерок колышет буйволову траву, и я готова поклясться, что в ее шелесте я слышу мамин голос: «*Ты моя дочь, Лореда, и эту связь ничто не сломает. Ты научила меня любви. Ты, первая во всем мире, и моя любовь к тебе переживет меня*».

Это прощание умиротворяет меня, придает мне смелости. Ее смелости. Мне повезет, если мне достанется хотя бы малая толика этой смелости.

Будь смелой.

Последние слова, что она сказала мне в этом мире, и как жаль, что я не ответила, не пообещала, что ее смелость всегда будет вести меня. В мыслях я повторяю: «Я люблю тебя», я каждый день говорю ей, что это она сформировала меня, научила отстаивать позицию женщины в этом мужском мире.

Так продолжается моя любовь к маме – в воспоминаниях и в воображении. Так я поддерживаю ее жизнь. Мамин голос звучит в моей голове, это моя совесть. Я смотрю на мир ее глазами – по крайней мере, отчасти. Ее история – история времени, и земли, и неукротимой воли – это моя история; две жизни сплелись воедино, и, как всякая хорошая история, наша начнется, и завершится, и начнется снова.

Остается любовь.

– Прощай, – шепчу я, смотрю на ее могилу и вижу слово, которое всегда будет связано с ней. *Воительница.*

Я улыбаюсь и поворачиваюсь к ферме, которая навсегда останется моим домом, где мама будет ждать моего возвращения.

Но теперь я снова отправляюсь в путешествие. Невзгоды и потери сделали меня сильной и смелой, и я еду на Запад в поисках того, что существует пока только в моем воображении. Меня ждет жизнь, не похожая на ту, что я знала прежде.

Надежда у меня всегда с собой: монетка. Ее подарила мне женщина, которую я всегда буду любить, и сейчас, направляясь на Запад, я сжимаю монетку в руке. Мое поколение начинает свой путь.

Я, первая из Мартинелли, буду учиться в колледже.

Я, девушка.

Послесловие

Шестого сентября 1936 года в радиообращении к нации президент Франклин Д. Рузвельт сказал:

«Я никогда не забуду пшеничные поля, настолько выжженные солнцем, что они уже не дадут урожая. Я никогда не забуду поле за полем чахлой кукурузы без листьев и початков, где саранча уничтожила все, что пощадило солнце. Я видел выгоревшие пастбища, где одна корова не могла бы прокормиться даже на пятидесяти акрах. И все же и на минуту не думайте, будто регионы, охваченные засухой, навсегда останутся в зоне бедствия, будто увиденная мною картина означает, что люди покинут эти места. Ни растрескавшаяся земля, ни палящее солнце, ни обжигающий ветер, ни саранча – ничто не заставит сдаться несгибаемых американских фермеров и скотоводов, их жен и детей, переживших тяжелейшие дни и вдохновляющих нас своим стремлением полагаться только на себя, жизненной стойкостью и смелостью. Дело отцов было построить дома, дело фермеров – сохранить эти дома, а наше дело – помочь фермерам в борьбе».

Стойкость и смелость. Стремление полагаться только на себя. Слова, что описывают великое поколение. Слова, полные глубокого смысла, которые всегда звучат во мне.

Особенно сейчас.

Я пишу это послесловие в мае 2020 года, когда мир борется с пандемией коронавируса. Лучший друг моего мужа, Том, который одним из первых начал убеждать меня, что мне нужно писать, крестный отец нашего сына, на прошлой неделе заболел коронавирусом и только что скончался. Мы не можем навестить его вдову Лори и других родных, не можем разделить с ними скорбь.

Три года назад я начала писать этот роман о тяжелых временах в Америке, о самой страшной экологической катастрофе в истории нашей страны, совпавшей с экономическим крахом и массовой безработицей. Никогда, даже в самых безумных своих фантазиях, я не могла представить, что Великая депрессия станет актуальной в современной жизни, что я увижу столько людей без работы, в нужде, страшащихся будущего.

Как известно, история дает нам уроки. Невзгоды, пережитые другими, дают нам надежду.

В прошлом мы уже переживали тяжелые времена и даже добились процветания. История показала нам силу и стойкость человеческого духа. В конце концов, наш идеализм, наша смелость и наша преданность друг другу – это то, что нас объединяет, то, что спасет нас. Сейчас, в эти темные дни, мы можем оглянуться на нашу историю, на наследие величайшего поколения, на собственное прошлое и черпать из него силу.

Хотя в моем романе действуют вымышленные герои, Элса Мартинелли – типичная представительница сотен тысяч мужчин, женщин и детей, которые в 1930-е годы устремились на Запад в поисках лучшей жизни. У многих из них, как и у пионеров, что покоряли Запад за сотню лет до них, не было ничего, кроме воли к жизни и надежды на лучшее будущее. Эти люди обладали исключительной силой и смелостью.

В своем романе я пыталась передать исторические события как можно более правдиво. Забастовка, описанная в романе, вымышлена, но в ее основе забастовки, что происходили в Калифорнии в тридцатые годы. Городок Уэлти тоже вымышленный. Сильнее всего я отклонилась от исторических источников в хронологии. В некоторых случаях я меняла даты: так события лучше укладывались в художественное повествование. Заранее приношу извинения историкам и исследователям этой эпохи.

На моем сайте www.kristinhannah.com приведен список рекомендуемой литературы о Пыльном котле и жизни мигрантов в Калифорнии.

Слова благодарности

Я бы хотела поблагодарить Шэрон Гаррисон, которая провела для меня длинную, глубоко личную экскурсию в лагере «Уидпэтч» в Арвине, штат Калифорния. Этот лагерь Управление общественных работ построило в 1936 году для размещения рабочих-мигрантов. Спасибо тебе, Шэрон, за то, что ты поделилась со мной воспоминаниями. Я также хочу сказать спасибо многочисленным волонтерам, которые хранят память о той эпохе, ежегодно организуя Дни Пыльного котла. Благодаря им мне представилась возможность встретиться со многими людьми, которые жили в этом лагере, и поговорить с ними.

Я выражаю благодарность Университету Техаса в городе Остин и Центру Гарри Рэнсома. Оригинальные рукописи Саноры Бабб бесценны. Ее роман «Их имена остались неизвестны» непременно нужно прочитать всем, кого интересует этот исторический период.

Большой привет моей творческой «деревне». Без вас я бы не справилась. Перечисляю в произвольном порядке: Джилл-Мари Лэндис, Дженнифер Эндерлин, Андреа Чирилло, Джейн Беркли, Энн Пэтти, Меган Чанс, Джилл Барнетт и Кимберли Фиск. Иногда я теряю разум, когда редактирую или пишу (а бывает, и когда редактирую, и когда пишу), и я благодарна этим умным женщинам, которые держат меня в узде и всячески веселят меня.

Благодарю первоклассных специалистов из Агентства Джейн Ротроусен. В этом году мы отмечаем двадцатипятилетний юбилей совместной работы. Годы пролетели как один миг, и я не могу представить себе лучших партнеров на американских горках издательского бизнеса.

Спасибо Мэтью Снайдеру, с ним очень круто работать. Он мой неизменный, благодушный проводник в необъяснимом мире кино и телевидения. И Кэрол Фитцджералд, она делает все, чтобы я не выпадала из виртуального мира. Спасибо Фелише Формен и Арвен Волер за помощь в изучении исторической эпохи, о которой идет речь в романе.

Спасибо сотрудникам издательства «Сент-Мартин Пресс»: Салли Ричардсон, Лизе Сенц, Дори Вайнтрауб, Трейси Гест, Бренту

Джейнуэю, Эндрю Мартину, Энн-Мари Толлберг, Джеффу Доудсу, Тому Томпсону, Ким Ладлэм, Эрике Мартирано, Элизабет Каталано, Дону Уайсбергу, Майклу Сторрингсу. Со всеми вами очень приятно работать. И конечно же, спасибо капитану корабля, Джону Сарджент. Вы даже не представляете, как я благодарна за возможность быть частью вашей команды.

Спасибо моей крестной матери, Барбаре Кьюрек. Я люблю тебя.

И в этом году особое спасибо тем, кто сражается на передовой пандемии: службам быстрого реагирования, работникам здравоохранения и жизненно важных отраслей экономики и всем, кто обеспечивает нашу безопасность. Вы настоящие рок-звезды.

И конечно же, спасибо моему мужу Бену. За любовь, за смех, за то, что держишь меня в равновесии. За все.

---

notes

Примечания

1

Уэнделл Берри (р. 1934) – американский прозаик, поэт, фермер и борец за экологию. – *Здесь и далее примеч. перев*.

2

«Век невинности» – роман американской писательницы Эдит Уортон, написанный в 1920 году.

3

Эротический роман, написанный англичанином Джоном Клеландом в XVIII веке. В США публикация романа была официально запрещена до 60-х годов XX века.

4

Область правильной прямоугольной формы, состоящая из 26 северных округов штата Техас. На западе граничит со штатом Нью-Мексико, на севере и востоке – с Оклахомой.

5

Народный танец, который появился в США. Танцевальные фигуры в сквэр-дансе заимствованы из традиционных народных танцев, привезенных в Соединенные Штаты эмигрантами из Европы. Среди этих танцев – моррис, английский танец «кантри» и кадриль.

6

Популярный фокстрот, впервые прозвучавший в 1921 году, на музыку Ричарда А. Уайтинга, стихи Раймонда Б. Игана и Гаса Кана.

7

Toot, toot, Tootsie! Goodbye! Популярная песня, написанная в 1922 году Гасом Каном, Эрни Эрдманом и Дэнни Руссо.

8

Second Hand Rose, песня, написанная Грантом Кларком и Джеймсом Ф. Хэнли в 1921 году.

9

Главная героиня романа Натаниэля Готорна «Алая буква» (1850), которая зачала и родила ребенка, когда ее муж был в отъезде.

10

Сицилийское блюдо, рисовые шарики с начинкой.

11

Ротари-клубы – сеть нерелигиозных и неполитических благотворительных организаций.

12

Американская журналистка, известная, в том числе, тем, что совершила кругосветное путешествие за 72 дня, во время которого взяла интервью у Жюля Верна. Настоящее имя – Элизабет Джейн Кокран (1864–1922).

13

Популярный фильм 1934 года с Ширли Темпл в главной роли.

14

Так, по фамилии президента Гувера (1928–1932), в США в 1930-е годы называли палаточные городки, в которых вынуждены были жить американцы, потерявшие работу и жилье в результате Великой депрессии.

15

По Фаренгейту, сорок градусов по Цельсию.

16

Дурак (*ит*.).

17

Да (*ит*.).

18

По Фаренгейту, сорок шесть градусов по Цельсию.

19

Гражданский корпус охраны окружающей среды – программа трудоустройства безработных в США в рамках «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта. Действовала с 1933 по 1945 год и была направлена в основном на сохранение природных ресурсов. По этой программе трудоустраивали молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, после 1937 года – до 28 лет. Рафу в 1934 году тридцать один год.

20

Тихо (*ит*.).

21

Дорогая (*ит*.).

22

Минус семь градусов по Цельсию.

23

Франклин Делано Рузвельт.

24

Тридцать восемь градусов по Цельсию.

25

Свыше сорока градусов по Цельсию.

26

Хватит (*ит*.).

27

Герой комиксов, популярных в 30-е годы.

28

Я люблю тебя (*ит*.).

29

Сесар Чавес (1927–1993) – американский правозащитник, борец за права трудящихся, в частности – сельскохозяйственных рабочих.

30

Город в штате Нью-Мехико.

31

Джон Мьюр (1838–1914) – американский естествоиспытатель, писатель и защитник дикой природы, один из инициаторов создания в США национальных парков и заповедников.

32

Посадка сельскохозяйственных культур поперек или перпендикулярно направлению склона поля, следуя его контурам (вдоль горизонталей). Такое расположение растений способствует равномерному распределению потоков воды до безопасного уровня и предотвращает эрозию почвы.

33

Американская киноактриса, звезда немого кино.

34

Первая книга в серии о приключениях девушки-детектива Нэнси Дрю, написанная коллективом авторов под псевдонимом Кэролайн Кин. Книга впервые опубликована в 1930 году.

35

Христианский гимн, написанный в 1907 году.

36

Вторая книга в серии о приключениях девушки-детектива.

37

Санора Бабб (1907–2005) – американская писательница родом из Оклахомы. Роман «Их имена остались неизвестны» о палаточных лагерях в Калифорнии написан в конце 1930-х, но опубликован только в 2004 году.

38

Голливудский актер, звезда тридцатых годов.

39

Один из основателей жанра музыки кантри.

40

Управление промышленно-строительными работами общественного назначения – независимое федеральное агентство, созданное в США в 1935 году по инициативе Франклина Делано Рузвельта для трудоустройства безработных.

41

Обозначение стороны процесса (мужского и женского пола) в англосаксонском праве; обезличивающее прозвище.

Table of Contents

Кристин Ханна Четыре ветра
Пролог
1921
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая

1934
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая

1935
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая
- Глава двадцать вторая
- Глава двадцать третья

1936
- Глава двадцать четвертая
- Глава двадцать пятая
- Глава двадцать шестая
- Глава двадцать седьмая
- Глава двадцать восьмая

Глава двадцать девятая
Глава тридцатая
Глава тридцать первая
Глава тридцать вторая
Глава тридцать третья
Глава тридцать четвертая
Глава тридцать пятая
Глава тридцать шестая
Эпилог
Послесловие
Слова благодарности
Примечания
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25

26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41